

Олег Якубов

МИХАЙЛОВ
или
МИХАСЬ?

Часть первая. Тайны женевского процесса

Часть вторая. Авторитетный человек

Москва
«Вече»

Якубов, О.А.

Я49 Михайлов или Михась? / Олег Якубов. — М. : Вече, 2013. — 448 с., ил.

ISBN 978-5-4444-1342-5

Знак информационной продукции 16+

Два года спецслужбы восьми стран мира пытались помочь своим швейцарским коллегам расследовать инспирированное в Женеве против российского гражданина Сергея Михайлова уголовное дело. Газеты всего мира, позабыв о его настоящем имени, называли Михайлова не иначе как Михась, «крестный отец русской мафии», главарь «Солнцевской» преступной группировки. Журналисты называли этот процесс процессом XX столетия, подсчитав, что это было самое дорогое уголовное дело в Европе. Но в 72 томах, представленных суду, присяжные не нашли ни единого факта, который бы позволил им назвать Сергея Михайлова виновным. Налогоплательщики не простили своим чиновникам от юстиции такого оглушительного и позорного провала. Своих должностей лишились генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте, следственный судья Зекшен, другие крупные чиновники прокуратуры и полиции. А Михайлову была выплачена невиданная для Швейцарии денежная компенсация.

Об этом знаменитом процессе, о том, как живет сейчас российский бизнесмен, один из крупнейших в стране благотворителей Сергей Анатольевич Михайлов — книга журналиста-международника, писателя Олега Якубова.

Олег Якубов — автор более двадцати книг и многих киносценариев, его журналистские расследования и репортажи известны читателям многих стран мира, книги переведены на разные языки. Автор является заслуженным работником культуры, членом русскоязычного Союза писателей Европы, удостоен престижных журналистских и литературных премий, государственных и общественных наград.

В качестве подарка к книге приложен видеодиск, рассказывающий о жизни и благотворительной деятельности Сергея Михайлова.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

*Светлой памяти
Веры Георгиевны и Анатолия Павловича
МИХАЙЛОВЫХ
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубоко убежден, что каждая вышедшая в свет книга живет по своим, не зависящим от автора законам, а посему предварять или комментировать содержание — труд зряшный. Но я пишу эти строки с единственной целью — оградить все изложенное на этих страницах от любых двояких толкований. В книге использованы подлинные документы, приобретенные к уголовному делу, именно эти материалы, а также комментарии самого Сергея Михайлова, его адвокатов, экспертов стали основой всего здесь изложенного.

Беспристрастность Фемиды и личные амбиции ее служителей — суть понятия разные. Известно, что заключенные в американских тюрьмах могут защищать докторские диссертации и писать книги, а один из арестантов лондонской тюрьмы вот уже третий год подряд участвует в чемпионатах мира среди курильщиков трубок, и на эти чемпионаты его отпускают беспрепятственно. Созданы десятки фильмов, написаны сотни книг и исследований о пеницитарной системе Запада. Да, в тамошних тюрьмах можно иметь собственный расчетный счет и питаться, как в приличном ресторане, можно по ночам смотреть телевизор, а при желании заключенные даже могут вступить в брак друг с другом. Все это действительно осуществимо, и тем не менее это не более чем внешняя сторона дела.

Но вот в самом центре Европы, в стране, которая гордится своими демократическими достижениями, был арестован человек. Арестован

стован без всяких на то оснований и заключен в тюрьму на долгих два года лишь потому, что человек этот родился и жил в России, является ее гражданином. И возбужденное в Швейцарии против Сергея Михайлова уголовное дело можно назвать делом, возбужденным не против одного человека, а против всех русских, против России. Но как ни старалась швейцарская юстиция, как ни попирала она все человеческие права Михайлова, как ни фальсифицировала документы, раздутый миф о «русской мафии» еще раз предстал перед всем миром мыльным пузырем. В своих стремлениях швейцарцы были не одиноки. Два года мощнейшие спецслужбы восьми стран мира пытались «слепить» это инспирированное их швейцарскими коллегами отнюдь не уголовное, а по своей подоплеке политическое дело. Но в семидесяти двух томах присяжные не сумели обнаружить ни одного подтвержденного документами факта, который позволил бы им признать Сергея Михайлова виновным.

И все же этой книгой я не претендую на анализ того, как западный мир пытается противостоять влиянию русского бизнеса на мировую экономику. Скорее всего, это скорее — зеркальное отражение событий, происходящих с человеком, которого пресса всего мира называла главарем Михасем, окрестила отцом русской мафии и крупнейшей преступной группировки, но извиниться перед которым никто не удосужился и по сей день.

Автор

Часть первая

ТАЙНЫ ЖЕНЕВСКОГО ПРОЦЕССА

Глава первая

АРЕСТ

Документы уголовного дела № P\9980\96

Полиция безопасности

Бригада KORUS

Информация от полиции

До настоящего времени поименованный Михайлов Сергей, родившийся 7.2.1958 в России, органам женевской полиции был неизвестен.

Женева, 15.10.96.

Республика и кантон Женева

Полиция безопасности

Отчет инспекторов Ваннера — личный знак S7312, Шюурера — личный знак S7904, Кампиша — личный знак S7905.

Господину шефу полиции безопасности

Мы подтверждаем, что в этот день мы отвезли в полицейский участок по приказу комиссара полиции господина Реборда, именуемого: Михайлов Сергей, урожденный Михайлов, сын Михайлова Анатолевича (на самом деле — Анатолия. Здесь и далее автор сохраняет стиль и орфографию приобщенных к делу документов),

родился в Москве, русский и израильтянин. Он же «Михас», женат на Людмиле Анатольевне, бизнесмен, который был задержан когда он прилетел в аэропорт Куантрэн из Вены (Австрия) рейсом sr 0031\15, прилетающим в Женеву в 23.35.

Женева, 16.10.96.

Республика и кантон Женева

Судебная власть

Прокуратура

Дворец правосудия, площадь Бург де Фур, 1.

Господину следственному кантональному судье

Касается Р 9980\96

Господин судья,

вслед за моими телефонными переговорами, которые я вел с господином Жаном Трекани, касающимися вчерашнего ареста господина Михайлова Сергея, против которого прокуратура ведет первоначальное дознание, я обращаюсь к вам.

Из статьи, появившейся в бельгийской прессе, следует, что обвиняемый связан с российской организованной преступностью. Обвиняемый выразил согласие на посещение своего местожительства, которое он занимает со своей женой в городе Борекс. Женевская полиция безопасности и инспекторы вашего кантона уже связались друг с другом. Настоящий документ адресован вам в силу Соглашения об уголовной межкантональной помощи.

Примите, господин следственный Кантональный Судья, выражение моего глубокого уважения.

Жан Луи Кроше, прокурор.

16 октября 1996 год

Вена — Женева, 15 октября 1996 года. Вечер — ночь.

Все не заладилось с самого начала. В венском аэропорту Сергей обнаружил, что невесть куда делся билет на самолет. Еще накануне вместе с паспортом он положил его в сумку, и вот теперь билета не оказалось. Паспорт, другие документы, бумажник — все было на месте. Один проклятуший билет куда-то запропастился. Кто-то из друзей пошутил: «Значит, не судьба, Серега, оставайся в Вене. По-

летишь в Женеву через пару дней». Но Антон Кандов быстро связался с гостиницей. Расторопный портье отправил кого-то в номер, который занимал Михайлов, и выяснилось, что билет лежит в самом центре стола. Сергей готов был присягнуть, что из сумки его не вынимал, но факт оставался фактом, да и некогда было в аэропортовой суете анализировать происшедшее. К тому же Антон скороговоркой, сопровождая ее смешной гримасой, изображал учтивого портье: «Не беспокойтесь, господин Михайлов. Наш посыльный, господин Михайлов, уже выехал в аэропорт на такси, и билет, господин Михайлов, через несколько минут будет у вас. Приятного вам полета, господин Михайлов, приезжайте к нам еще».

— Ты, как всегда, оптимист, Антонио, — хлопнул Сергей приятеля по плечу. — Тебе никто не в состоянии испортить настроение.

В этот момент в зале появился посыльный с билетом. Сергей наспех попрощался с друзьями, подхватил сумку и поспешил к окошку паспортного контроля. Забрав паспорт и пройдя границу, обернулся, еще раз махнул рукой друзьям и скорым шагом направился вниз, к залу регистрации, где у стойки уже выстроились в очередь пассажиры рейса sr 0031\15 Вена—Женева.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Я уже направился на посадку, когда зазвонил мой сотовый телефон. Ответив, я услышал голос жены одного своего друга. «Сережа. Я видела тебя во сне, сон нехороший», — сказала она. Тут посадка на самолет идет, из-за кутерьмы с билетом нервы на пределе. А мне сон собираются рассказывать. Я сначала хотел сказать, что мне не до снов, но неловко было перебивать. «Приснилась мне башня с решеткой, а за решеткой — ты, — продолжала рассказывать моя знакомая. — Возле башни какая-то женщина. Я у нее спрашиваю, что Сергей делает в этой башне. Она отвечает, что туда его упрятали люди, которые хотят отнять его деньги. И женщина эта меня успокаивает — ты, мол, не волнуйся, денег у него не отнимут. Сережа, ты знаешь, я уже много раз убеждалась, что у меня сны вещи, не нравится мне этот сон, ох не нравится».

Ну, я ее выслушал и отправился в самолет. Недосуг мне было над снами размышлять. Полет из Вены в Женеву короткий, всего-то чуть больше часа. В дороге даже сосредоточиться не успеваешь. К тому же я все время думал об этом злополучном билете. У меня вообще-то хорошая память, я на нее никогда не жаловался. Точно ведь помнил, что положил билет в сумку и не доставал оттуда. Как он на столе оказался — ума не приложу. И то, что не мог вспомнить, меня и злило, и раздражало. Но, скорее всего, причиной этого раздражения было просто дурное предчувствие. Сейчас, конечно, можно сказать все что угодно. Но я на самом деле чувствовал, что не надо мне лететь в Женеву. Но и не лететь я не мог. Я ведь подал прошение предоставить мне вид на жительство в Швейцарии и утром следующего дня, то бишь 16 октября, должен был получить ответ на это прошение. Причем ответ, как мне сказали, положительный. И об этом, как я потом понял, знал не только я. Мои телефоны к тому времени уже прослушивались. Швейцарские полицейские понимали, что я прилечу не позднее вечера 15 октября, и меня уже ждали.

* * *

В аэропорту Куантрэн он протянул паспорт женщине в пограничной форме, и та привычно защелкала клавишами компьютера. Потом подняла глаза. Пристально посмотрела на Михайлова и попросила его немного подождать. Снова уткнулась в экран компьютера, потом позвонила по телефону, скороговоркой произнесла несколько фраз и, опять обращаясь к нему, сказала:

— Еще немного терпения, господин Михайлов.

Через несколько минут у стойки паспортного контроля появились двое сотрудников службы безопасности аэропорта. Забрав паспорт и сверив фотографию с оригиналом, один из них спросил:

— Вы говорите по-английски?

— Немного, — ответил Сергей.

— Может быть, вам проще говорить по-немецки?

— Да, лучше по-немецки.

— Господин Михайлов, у вас возникли кое-какие проблемы.

— Проблемы? Какие именно?

— Как раз это мы и хотим сейчас уточнить. Пожалуйста, пройдите с нами.

Они прошли длинным коридором и зашли в явно служебного назначения комнату. Светло окрашенные стены, обычная канцелярская мебель. За стеклянной перегородкой сидели за компьютерами двое служащих. Снова предложив Михайлову подождать, сотрудники службы безопасности удалились. Сергей опустился на скамью. Потом достал из кармана сотовый телефон и набрал номер своего женовского компаньона Андрея Милованова.

— Андрей, у меня проблемы. Я задержан в аэропорту, и ситуация кажется мне достаточно неприятной.

— Понял тебя, — лаконично ответил Милованов. — Сейчас попытаюсь прояснить ситуацию.

Он еще не успел убрать телефон, как из-за перегородки вышел служащий и протянул руку:

— Господин Михайлов, передайте мне ваш телефон.

Сдерживая возмущение, Сергей внешне совершенно невозмутимо спросил:

— Я обязан вам его отдать?

— Да, господин Михайлов, вы обязаны отдать телефон.

— В таком случае я отдаю его вам. — И Сергей протянул телефон.

Снова разместившись на скамье, он выждал несколько минут и достал второй аппарат. «Господа, будьте точны в определениях, — усмехнулся он про себя. — Ты, братец, сказал, что я обязан отдать тебе телефон, но ты ведь не говорил, что я обязан не разговаривать по телефону». Повернувшись боком к стеклянной перегородке, он прижал телефон плечом к уху так, что со стороны ничего не могло быть видно. Быстро набрал домашний номер. Ответила младшая дочь.

— Где мама?

— Она поехала в аэропорт, встречать тебя.

— Передай маме, что у меня проблемы: меня задержали в аэропорту, — не дожидаясь ответа, он отключился, убрал телефон в карман.

Именно в этот момент в комнате появились несколько высоких мужчин. Явно старший из них по званию или по должности заявил:

— Мы представители женевской полиции, я инспектор Кампиш. Господин Михайлов, у нас к вам несколько вопросов. Согласны ли вы ответить на них?

— Я согласен ответить на несколько ваших вопросов, — ответил Михайлов.

— В таком случае, я прошу вас пройти с нами. — И Кампиш извлек из-за пояса наручники, красноречиво расстегивая их.

— Вы считаете эту меру необходимой? — уточнил Михайлов. — Я ведь добровольно изъявил согласие ответить на ваши вопросы и не возражаю против того, чтобы ехать с вами.

— Это совершенно необходимая мера, господин Михайлов, — категорично заявил инспектор Кампиш. — Если вы не подчинитесь нам, мы вынуждены будем применить силу.

На следующий день во всех швейцарских и многих газетах других стран мира появилось сообщение об аресте в аэропорту Каунтрэн Сергея Михайлова. Каждый, без исключения, из репортеров счел своим долгом описать процедуру ареста с такими подробностями, словно вся журналистская рать при этом присутствовала. И сцена зловещего защелкивания наручников на запястьях «крестного отца» русской мафии» была воспроизведена со всеми возможными мельчайшими деталями. Тут, в этой сцене, были бесстрастные глаза полицейских, исполнявших свой священный долг, и протянутые вперед руки Михайлова. Не берусь ничего утверждать по поводу взглядов инспекторов женевской полиции, поскольку в глаза им не заглядывал. А вот протянутые руки действительно были. Правда, наручники на них не сразу защелкнулись. Когда Сергей протянул соединенные в запястьях руки, Кампиш отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, господин Михайлов, руки — за спину!

Сергей понимал, что сопротивление в этой ситуации ни к чему не приведет, и лишь спросил:

— Но почему именно за спину? А если я не подчинюсь?

— Тогда мы применим силу, — вновь заявил Кампиш, и в подтверждение его слов двое инспекторов встали у Михайлова за спиной и крепко взяли его за руки — чуть повыше локтей.

Документы уголовного дела № Р 9980\96

Государственный и административный округ Женевы, площадь Бург де Фур, 1.

Судебная власть

Кабинет прокурора

Просьба собственноручно подписывать всю корреспонденцию, отправляемую на имя судьи.

Относительно: господина Михайлова Сергея.

На меня возложена обязанность провести уголовную процедуру по пункту отмывания денежных средств (статья 305 уголовного кодекса), участие в криминальной организации (статья 260 УК), нарушение федерального закона о приобретении недвижимости иностранцами, нарушение федерального закона о проживании иностранцев в Швейцарии.

Я возбуждаю уголовное дело.

Жорж Зекшен,

судебный следователь.

Судебная власть

Кабинет прокурора

№ Р 9980\96 против Михайлова Сергея

Настоящим прошу господина шефа полиции поручить инспекторам Кампишу, или Ванеру провести переговоры с Московским бюро Интерпола по поводу полученных данных через ОССО от 18 октября 1996 года. Необходимо получить дополнительные данные об участии Михайлова Сергея в криминальной организации под названием «Солнцевская».

Необходимо указать, что данная информация должна быть использована для передачи дела судебному учреждению в России.

Жан Луи Кроше, прокурор.

Факс

Вниманию: Шефа женевской полиции

Ваша ссылка: Операция «Наказание»

Наша ссылка: ОССО 215010 KL

Объект: Михайлов Сергей Анатольевич, 07.02.58.

В ответ на ваш запрос от 16.10.96 по поводу данного лица информируем вас о нижеследующем. Наш офис получил сведения в генеральном секретариате Интерпола в Лионе, что наш запрос вызвал некоторые проблемы в Москве. Разные службы российской полиции не сошлись во мнении относительно информации, касающейся Михайлова Сергея, переданной швейцарским службам.

Московское отделение Интерпола считает Михайлова Сергея главой криминальной группы «Солнцевская» и очень опасной личностью.

Мы получили ответ из нашей центральной службы по борьбе с организованной преступностью следующего содержания:

«Михайлов Сергей, сын Анатолия, 07.02.58 год. Солнцево Московской области, зарегистрирован по адресу: Москва, ул. Новопеределкинская, 8—20, кличка Михась, фигурирует в оперативных файлах центральной службы по борьбе с организованной преступностью как лидер организованной преступной группы под названием «Солнцевская». Данное лицо долгое время не проживает в России, наша служба не располагает официальными материалами для его ареста. Спасибо за сотрудничество.

Интерпол, Москва.

Республика и кантон Женева

Департамент полиции, юстиции и транспорта

Служба безопасности

Рапорт инспектора Ваннера — личный знак S7312.

Господину Зекшену, судебному следователю

Касательно: № P 9980\96 господина Сергея Михайлова, организованная преступность

Проведение домашнего обыска

Господин судебный следователь поручил нам провести обыск в соответствии с Конкардатом по юридической помощи между кантонами по уголовным вопросам в доме Михайлова Сергея, а именно: Борекс, кантон Во, улица де Турнио, участок 12. В 8.30 утра мы прибыли вместе с господином Водрозом, офицером полиции, и господином Клерком Мишелем (представитель технической службы кантональной полиции. — О.Я.) по указанному адресу, чтобы провести обыск.

Мы прибыли на место вместе с переводчицей, пятью инспекторами, тремя жандармами с собаками, определяющими наличие взрывчатых веществ. Инструкторами с собаками, определяющими наличие наркотиков, тремя специалистами и фотографом и жандармом из кантона Во. Весь дом, подсобные помещения, гараж, технические помещения и бассейн были полностью обысканы. Жандармы сняли показания радиоактивности. Специалисты проверили сад с помощью детектора по металлу. Ничего подозрительного не было обнаружено.

В подсобном помещении мы обнаружили множество документов, которые приобщены к описи имущества.

Две машины были перевезены в наш гараж, где их дополнительно осмотрели специалисты. Ничего подозрительного не было обнаружено.

Касательно: УД № Р 9980\96 против г-на Сергея Михайлова.

Господин судебный следователь.

Я ссылаюсь на наш телефонный разговор от 30 октября 1996 года.

Господин Сергей Михайлов официально опровергает обвинения, которые в основном или даже исключительно основываются на общественных слухах и статьях в прессе. Средства массовой информации выставляют господина Сергея Михайлова в роли «крестного отца» русской мафии». Мой клиент будет невозможно сохранять кодекс молчания в отношении разговоров о криминальной организации мирового масштаба.

Господин Михайлов стал жертвой данных клише, рассчитанных на широкую публику. Он хочет дать показания о своей профессиональной деятельности, банковских операциях, различных коммерческих проектах и доходах. Он предлагает вам приступить к обсуждению данных вопросов с рациональной точки зрения, а именно с заблаговременным уведомлением о том, какая тема будет обсуждаться. Учитывая огромный поток коммерческих сделок, заключенных господином Михайловым, он не всегда может сразу припомнить все детали. А потому мне кажется целесообразным и логичным предоставить ему дополнительное время перед обсуждением предполагаемого вопроса.

Вы упомянули о том, что собираетесь предпринять меру по сверхзадержке. Господин Михайлов обратил мое внимание и внимание господина Изенеггера на необходимость того, чтобы судебный следователь разрешил поверенным обвиняемого присутствовать на его собственных допросах.

*Спасибо за внимание к моему письму. С уважением
Поль Гулли-Харт, адвокат.*

* * *

Женева, октябрь — ноябрь 1996 года.

Нигде и никогда, ни в одной из газет не упоминалось кодовое название, которое дали швейцарские полицейские операции по задержанию Сергея Михайлова. Его зашифровали столь надежно, что даже в материалах уголовного дела оно проскочило лишь единожды. «Наказание» — более кошунственное название и представить себе трудно. Еще только планируя операцию, запрашивая Интерпол и собственную информационную службу, полицейские, с подачи следственного судьи Жоржа Зекшена, предопределили суть всего того беззакония, которое творилось на протяжении более чем двух лет. Никто из них в виновности Сергея Михайлова и не сомневался. Они были уверены, даже убеждены — арестован крупный международный преступник, чья вина заключается уже в том только, что он живет на белом свете, дышит одним с ними воздухом, отдыхает на тех же курортах. А коли так, то о каких доказательствах может идти речь. Надо наказать — и вся недолга.

Но вернусь к ночи 15-го, а вернее сказать, уже 16 октября. Было уже около двух часов нового дня, когда инспекторы вывели Михайлова из здания аэропорта и усадили в полицейский «мерседес». Кампиш уселся рядом с водителем, Михайлова усадили в середину на заднее сиденье. По бокам от него, не очень-то заботясь о его удобствах, разместились еще двое полицейских. Взвыли сирены, разбрасывая ядовито-синие отблески, завращались мигалки. Сергей увидел, что одна машина следует впереди их «мерса», другая — позади. Разрывая темноту всполохами мигалок, этот кортеж из трех автомашин мчался по улицам ночной Жeneвы.

— Мы возьмем вас в полицейское управление, — не поворачивая головы, произнес Кампиш с переднего сиденья, словно отвечая на незадаанный вопрос.

Сергей лишь кивнул головой, хотя инспектор этот кивок видеть не мог.

В полицейском управлении с него сняли наручники, и они ненадолго остались с Кампишем вдвоем в кабинете. Вскоре появился еще один человек, который представился инспектором Ваннером. Начался допрос. Вопросы были, в основном, общего порядка: откуда приехал, куда направлялся? Где собирался жить и чем заниматься в Швейцарии?

— Я арестован? — поинтересовался Сергей.

— Нет, вы пока задержаны, — пояснил Кампиш. — И потому, господин Михайлов, я прошу вас откровенно ответить на мои вопросы. Не следует упрямиться и не следует ничего от нас скрывать.

— Хорошо, я не стану упрямиться, тем более что скрывать от вас мне нечего.

Кажущееся благодушие полицейских не обмануло Михайлова. Он видел, что, несмотря на улыбки, больше напоминавшие оскал, и нарочито расслабленные позы, инспекторы предельно собраны и сосредоточены. Так хороший боксер, нанося сокрушительный удар, без замаха бросает вперед расслабленную руку с почти открытой перчаткой и только за миллиметр до цели сжимает ее в кулак, концентрируя в нем всю мощь. Сам отменный спортсмен, Михайлов понимал, что сидящие напротив него люди готовятся именно к такому «удару» и лишь ждут, пока их противник, говоря языком боксеров, раскроется. И потому на улыбки он отвечал улыбкой. На вопросы — коротко и без каких-либо комментариев.

— Ну хорошо, господин Михайлов, я вижу, наша беседа вас уже утомила. Нужно дать вам возможность немного отдохнуть. Эту ночь вы проведете у нас, — сказал наконец Кампиш.

Они спустились куда-то вниз, Михайлову выдали поролоновый матрас, одеяло и полотенце. Дверь камеры захлопнулась. Мягко щелкнул замок, и он наконец остался один. Разбудили его рано, принесли какой-то завтрак. Как Сергей позже ни силился, но так и не

смог вспомнить, что он ел в то утро, 16 октября в камере внутренней тюрьмы женевского полицейского управления.

Его снова привели в тот же кабинет, и те же инспекторы — Кампиш и Ваннер — продолжили допрос. Снова натянутые улыбки, уважительное «господин Михайлов», те же самые, что и вчера ночью, вопросы. После нескольких часов беседы Кампиш спросил:

— Господин Михайлов, как вы отнесетесь к тому, что мы возьмем у вас отпечатки пальцев?

— Нет, я не позволю вам это сделать, — твердо заявил Михайлов.

— Что значит «не позволю»? — почти искренне изумился Кампиш. И все же изумления в его вопросе было чуть меньше, чем злорадства и превосходства человека, полностью распоряжающегося ситуацией. — Вы что же, предпочитаете, чтобы мы вызвали специальную группу?

— Вызывайте, — столь же категорично ответил Михайлов.

В этот момент дверь кабинета открылась и вошла средних лет женщина. Поздоровавшись со всеми на французском языке, она тут же обратилась к Сергею:

— Господин Михайлов, я переводчица, моя фамилия Агапьева, рада буду, если сумею вам чем-то помочь.

— Спасибо, госпожа Агапьева, — поблагодарил ее Михайлов. — Мне действительно нужна ваша помощь. Объясните этим господам, что я не собираюсь потакать их произволу.

Агапьева повернулась к полицейским, внимательно выслушала их, потом сказала, обращаясь снова к Сергею:

— К сожалению, это не произвол. Отпечатков пальцев они требуют у вас на вполне законном основании.

— Но позвольте, — возразил Михайлов. — Мне сказали, что я не арестован, а лишь задержан для выяснения некоторых обстоятельств. Никакого обвинения мне не предъявлено, на каком же основании на этой стадии у меня собираются получить отпечатки моих пальцев? Ведь существует закон, что отпечатки можно взять только у человека, которому предъявлено обвинение.

— Да, я знаю, что во многих странах такой закон существует. Но в Швейцарии свои законы, и наш закон позволяет взять отпечатки

пальцев даже у задержанного человека до предъявления ему обвинений, — пояснила переводчица.

— Госпожа Агапьева, как я понимаю, вы являетесь официальным переводчиком, и если вы мне официально подтверждаете, что такой закон в Швейцарии существует, то я не собираюсь делать ничего такого, что бы противоречило закону, и соглашусь на эту процедуру.

— Господин Михайлов, я официально подтверждаю, что такой закон у нас существует.

После неприятной процедуры его снова отвели в одиночную камеру внутренней тюрьмы. В тот момент он еще не знал, что уже все газеты мира пестрят сообщениями о его не задержании, а аресте, что многие, особо прыткие репортеры криминальной хроники уже прогнозируют скорую «победу женевской юстиции над русской мафией». Он не знал, что происходит дома, как успокаивает дочерей жена. И конечно же, он не знал, даже предположить не мог тогда, что его путь к свободе только начинается и будет этот путь длиной больше чем два года.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Утром 17 октября меня привезли в женевский Дворец правосудия. Здесь в одной из комнат меня встретил довольно моложавый, франтовато одетый, с длинной и густой гривой волос субъект, который представился мне как судебный следователь Жорж Зекшен. Вернее, представила мне его переводчица госпожа Бийо. Я сразу отметил, что русским языком госпожа Бийо владеет намного хуже, чем мадам Агапьева, которая переводила накануне. Но даже из этих весьма неумелых и, как я имел впоследствии возможность не раз убедиться, довольно неточных переводов я понял, что следователь преисполнен сарказма. Он растягивал слова, подкрепляя их жестикуляцией, то и дело поправлял свою шевелюру. Допрос проводился в присутствии адвоката, которого, как он сам сказал, нанял мой компаньон. Первым делом этот человек предупредил, что его гонорар составляет 500 швей-

царских франков (385 долларов США. — О.Я.) в час. После этого адвокат, вероятно, решил, что его миссия полностью исчерпана, и лишь равнодушно, совершенно ни во что не вмешиваясь, наблюдал за происходящим. Мне пришлось уже вскоре от этого адвоката отказаться. Но в тот момент и равнодушный ко всему адвокат, и постоянно кривляющийся следователь меня раздражали, я чувствовал, что это раздражение мешает мне сосредоточиться. В конце концов я взял себя в руки и стал спокойно парировать все вопросы следователя в его же манере, отвечая сарказмом на сарказм. Видно, это ему не понравилось, и он решил обострить ситуацию. Как раз в тот момент речь шла о моих многочисленных поездках. Разумеется, я не скрывал, что занимаюсь международным бизнесом, и не видел никаких оснований скрывать свои передвижения. Поначалу никакого подвоха я в этих вопросах не замечал. Но потом последовал вопрос о том, когда я ездил в Америку, в каких городах бывал и что делал. Я ответил, какого числа, месяца и года прилетел в США, рассказал, что у меня были деловые встречи в Нью-Йорке, после чего я поехал в Майами, где отдыхал... На этом месте Зекшен меня перебил и воскликнул: «Посмотрите на него. Ему мало Черного моря, он ездит отдыхать на океан!»

Я сдержался от язвительной реплики и спокойно ответил:

— Господин следователь, если вы будете меня перебивать, то никогда не узнаете истины. Вы меня не дослушали. Я действительно отдыхал в Майами два дня, а потом продолжил работу, и у меня были встречи по бизнесу.

Эта фраза мне понадобилась, чтобы хоть немного сбить спесь со следователя. На самом же деле мне все стало ясно и понятно. Не хвалясь, скажу, что у меня достаточно обостренная интуиция. Никакой своей заслуги я в этом не вижу, поэтому говорю об этом так спокойно и уверенно. Есть люди с обостренной интуицией, есть такие, у кого интуиция, ну скажем, развита не так сильно. Я своей интуиции привык доверять, хотя никогда не спешу делать о людях скорые выводы. Однако и в силу первого восприятия верю. Относительно следователя Зекшена мне стало все ясно после его фразы о том, что мало мне Черного моря и я отправился отдыхать на океан. Он ведь, этот господин из Женевы, был оскорблен в

своих самых лучших чувствах и оскорбление скрывать не считал нужным. Какой-то русский, более обезьяна, нежели человек, посмел отправиться туда, куда путь открыт только представителям высших рас. Я не увидел, я седьмым чувством ощутил его ненависть ко мне, и вот в тот самый миг я понял, что просто так он меня отсюда не выпустит, что именно этот человек постарается любыми путями доказать, что я злодей и мое место за решеткой.

После этого эпизода я моментально установил своеобразные рамки этого допроса. Заявил следователю, что отвечу на все его вопросы относительно Швейцарии и не собираюсь отвечать ни на один вопрос, касающийся моей деятельности вне этой страны.

— Я в вашей стране иностранец, и будьте любезны относиться ко мне, как к иностранцу, — заявил я Зекшену.

Ему такой оборот дела, конечно, не понравился, и вскоре он завершил допрос. В этот день меня также отправили во внутреннюю тюрьму полицейского управления. Но уже на следующий день я оказался в женевской тюрьме Шан-Долон. Перед этим Зекшен объявил, что против меня возбуждено уголовное дело и я обвиняюсь в отмывании денег, причастности к организованной преступности, нарушении правил проживания иностранцев в Швейцарии и нарушении правил приобретения иностранцами недвижимости.

* * *

В следственную тюрьму Шан-Долон Сергея Михайлова отправили утром 17 октября. В машине было несколько заключенных. Однако никто из них не делал ни малейшей попытки заговорить ни друг с другом, ни с охраной. После короткой процедуры оформления Сергей оказался в просторной комнате с большим окном. Решетки на окне не было, но стекло тонировано таким образом, что через него проглядывал лишь небольшой клочок пасмурного неба. В камере — кровать, привинченный к полу стол, довольно вместительный, изготовленный из фанеры платяной шкаф, отгороженный туалет. Уже на следующий день жена передала Сергею белье, кое-что из одежды. Он с удовольствием переделался в спортивный костюм, так было удобнее.

Следственная тюрьма Шан-Долон построена сравнительно недавно и вмещает максимум 250 заключенных. В камерах сидят по несколько человек, но количество их не превышает восьми. Большинство из них иностранцы. Швейцарцев буквально единицы, в основном сидят они за различные экономические преступления и потому в следственной тюрьме подолгу не задерживаются. Заключенные очень общительны меж собой. Исключение составляют разве что итальянцы и албанцы, которые предпочитают общаться только друг с другом.

При поступлении каждому заключенному вручается брошюрка, рассказывающая о правилах пребывания. Эта инструкция здесь имеется на всех языках, на которых говорят обитатели Шан-Долона. На русском языке она была издана в феврале 1994 года и, хотя с тех пор правила претерпели некоторые изменения, представляет, на мой взгляд, достаточный интерес, чтобы процитировать из нее отдельные места.

«(Русский)»

Тюрьма Шан-Долон

Правила пребывания

К ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

Дирекция

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Общая информация о тюрьме

Юридическая информация

Служба медицинской помощи

Служба социальной помощи

Священнослужение

Служба по приведению приговора в действие и меры наказания

Дамы и Господа

Вы находитесь в тюрьме Шан-Долон, которая в принципе является тюрьмой предварительного заключения.

Ваш почтовый адрес:

22, chemi CHAMP-DOLLOMP

СН-1226 ТНОЕХ

По прибытии вы можете получить бумагу и почтовые конверты для извещения ваших родственников или друзей. Если у вас нет денег, то администрация тюрьмы готова оплатить почтовые расходы, разумеется, в разумных пределах.

Также вы получаете: ручку, зубную щетку, зубную пасту, мыло, бритву, расческу. В случае отсутствия у вас денег возможно обновление вышеперечисленных вещей.

Начальник блока или его заместитель обязательно в ближайшее время встретятся с вами. Тюремный персонал постарается ответить на все ваши вопросы, но не забывайте, что в тюрьме вы не одни.

Деньги

Ваши деньги помещаются на счет, открытый на ваше имя в нашем кассовом отделе. В случае, если ваши деньги не заблокированы по постановлению суда, вы можете распоряжаться ими по вашему усмотрению

Ценные вещи

Мы вам советуем, если вы этого еще не сделали, сдать ценные вещи в нашу канцелярию, так как в случае воровства, пропажи или утери из камеры тюрьма ответственности за пропавшее не несет.

В камере

Вы обязаны содержать в порядке и чистоте камеру, а также следующие предметы:

2 одеяла

2 простыни

1 наволочка

1 большое полотенце

1 маленькое полотенце

1 полотенце для посуды

1 подушка

1 суповая ложка
1 кофейная ложка
1 вилка
1 нож
1 пластиковый стакан

Вы можете получить каталог бакалеи и моющих средств.

Начальник блока

Он обходит каждое утро все камеры около 7.00. Именно его в первую очередь вы обязаны уведомить о ваших проблемах.

Телефон

Телефонные разговоры запрещены, но в случае другой возможности контакта с вашей семьей или в профессиональных целях вы можете получить специальное разрешение, заполнив спецформуляр, который выдается начальником блока. Телефонные разговоры возможны только при наличии денег на вашем счету.

Передачи

Передачи проверяются. Для вашего удобства сообщите вашим посетителям, что они могут положить деньги на счет для того, чтобы вы могли выписывать продукты из нашего магазина. Ваши посетители также могут покупать для вас все необходимое напрямую у нас.

Алкоголь

Напитки, содержащие алкоголь, запрещены.

Бакалейный магазин

При наличии денег и заполнив формуляр, вы можете приобрести любые продукты, фигурирующие в каталоге тюремной бакалеи.

Работа

Вы можете направить в письменном виде запрос заведующему му трудовой деятельностью в тюрьме о поиске для вас рабочего места.

Спорт

Начальник блока сообщит вам о возможности спортивной деятельности на вашем этаже. Также вы можете использовать один час в неделю для занятий спортом в большом спортивном зале.

Строго запрещается

Бросать предметы из окон категорически запрещено.

Аудио-, видеотехника

Разрешены аппараты:

Радиоприемники

Телевизоры

Кассетные магнитофоны

Эту технику можно купить или взять напрокат в тюрьме, получить извне.

Все приборы, позволяющие запись или передачу информации, запрещены.

Диагональ телевизора не должна превышать 47 см. Вы можете выписывать музыкальные кассеты.

Стирка

Нижнее белье и носки вы стираете сами в камере. Начальник этажа вам выдаст стиральный порошок.

Вы имеете возможность передать вашу одежду тем, кто носит вам визит. При этом одежду вы помещаете в пакет и передаете надзирателю. На пакете вы должны отметить ваше имя, фамилию и номер камеры.

Вы можете отдавать одежду для стирки в нашу бесплатную прачечную. Но мы не несем ответственности за кражу, потерю, исчезновение вашего имущества из прачечной.

При желании возможна платная химчистка. Вы должны заполнить специальный разовый листок и сдать его в понедельник в 8.00 начальнику вашего блока.

Медицинская помощь

Мы вас ставим в известность, что каждый заключенный может получить общую медицинскую консультацию у дипломирован-

ных специалистов. Дежурный врач может организовать встречу с любым медицинским специалистом, которые регулярно навещают нашу тюрьму. Заключение, которые желают получить квалифицированную медицинскую консультацию, должны обратиться к администрации тюрьмы в письменном виде, желательно с изложением мотивов. Это обращение вы должны опустить в специальный ящик со знаком креста, которые есть в каждом блоке. Ответ вы получите в течение ближайших 48 часов. Конфиденциальность гарантируется.

В случае необходимости срочного медицинского вмешательства члены персонала придут вам на помощь. Независимо от тюремного режима, в котором вы находитесь.

Священнослужение

Для сердца в тюрьме все двери открыты.

Необязательно быть верующим, чтобы позвать нас на помощь!

Священники не зависимы от тюремной администрации. Вы можете с ними встречаться наедине, в их кабинете. Вы можете попросить встречу в любую минуту, также вы можете переписываться со священниками.

Служба по приведению приговора в действие

Мы вам сообщаем, что по статье 38 уголовного кодекса Швейцарии вы можете добиться условного освобождения после двух третей срока вашего наказания. Наша служба подготавливает необходимые документы за несколько недель до истечения двух третей вашего срока. Обратившись к нам, вы можете рассчитывать на полную поддержку.

Директор тюрьмы Шан-Долон Жак Реймон.

Заместитель директора Джордж Ла Праз».

* * *

В 5.30 утра в камеру заглядывает надзиратель — гардиан (буквальный перевод с французского — вратарь. — О.Я.). Ему достаточно убедиться, что заключенный на месте, и в таком случае он даже

двери камеры не открывает. В 7.30 развозят завтрак. Каждый из обитателей Шан-Долон выбирает себе по вкусу молочные продукты — йогурты, кефир и так далее. Ближе к полудню в коридорах накрываются столы на обед. Усаживаются в каждом коридоре человек по 30—40. Обед состоит из нескольких блюд, качество продуктов и уровень приготовления ничуть не уступают приличному ресторану. Так кормят далеко не во всех швейцарских тюрьмах — Шан-Долон недаром считается тюрьмой образцовой. Чистота здесь, скорее, напоминает больничную, все сияет и блестит. Уборка камер производится самими заключенными. Белье большинство из них предпочитают стирать сами, а одежду отдают в прачечную. Гардианы с подследственными исключительно любезны — так предписывает инструкция, следовательно, если кто-то из надзирателей инструкцию нарушит, то заметивший это нарушение коллега не преминет сообщить начальству, не видя в этом для себя ничего зазорного. У любезности есть и материальная основа. Рядовой тюремный служащий поначалу получает от шести до семи тысяч швейцарских франков (до 3400 долларов США. — *О.Я.*), а после некоторой выслуги лет эта сумма может увеличиться до 10 000 франков. Кроме того, служащие тюрем получают в свое распоряжение автомобиль. Пользуются значительными социальными льготами и накопительными программами, обеспечивающими их старость.

Одним словом, гардианам есть, ради чего стараться, они и стараются. Если кто-то из заключенных по какой-либо причине жалуется на сокамерника, то его непременно переводят в другую камеру.

Никакого особого режима для заключенных не существует. Нет ни подъема, ни отбоя. Можешь хоть весь день валяться в койке или ночь напролет смотреть телевизор.

Каждому вновь поступившему в тюрьму Шан-Долон здесь немедленно открывается расчетный счет, на который родственники или друзья могут перевести деньги. Счет обычный. Нигде не указано, что он относится к тюрьме. Некоторые заключенные не сообщают своим родственникам, что находятся в тюрьме, и те переводят деньги в полной уверенности, что у близкого человека просто возникли временные материальные затруднения. В тюремном магазине можно купить продукты, в том числе разнообразные фрукты, предметы личной ги-

гиены, любые сигареты, напитки (кроме спиртных), кое-что из одежды и обуви. В тюрьме Шан-Долон также можно купить телевизор и магнитофон, а радиоприемники установлены в камере. Впрочем, и у тех, кому денег на тюремный счет не присылают, есть способ поправить свое материальное положение. Можно выбрать себе работу по вкусу — заниматься уборкой тюремных помещений, работать в прачечной, на кухне, в различных мастерских. В месяц каждый заключенный, решивший работать, может получить до тысячи швейцарских франков. Работать здесь зазорным не считается. В Шан-Долоне вообще никаких преступных иерархий не существует, общая атмосфера доброжелательности распространяется здесь на всех.

После обеда и ужина, который длится полтора часа, с 17.00 до 18.30, заключенные могут поиграть в пинг-понг или просто о чем-то поговорить. Неизвестно, есть ли в коридорах подслушивающие устройства, но инструкция, во всяком случае, запрещает надзирателям слушать, о чем говорят заключенные.

В тюрьме Шан-Долон есть и женское отделение. Оно находится в одном корпусе с мужским, но в обособленном коридоре. По инструкции, встречи женщин и мужчин запрещены. Но иногда они встречаются в коридорах во время сопровождения к адвокату или к следователю и успевают перекинуться парой слов, в основном узнать имя друг друга. Надзиратели к этой вольности относятся весьма терпимо.

Раз в неделю подследственным предоставляется возможность час-полтора заниматься в спортзале, и еще раз в неделю на открытой площадке во дворе они могут поиграть в футбол.

Конечно, от того, что клетка золотая, она не перестает быть клеткой, но, как говорится, если из двух зол выпадает меньшее, то оно и благо.

Сергей свой тюремный быт наладил довольно быстро. Все гардианы признавали, что камера русского отличается особой чистотой. Не терпящий беспорядка, он и в камере не позволял себе расслабляться. Сергей не курит. Но в камере у него всегда было несколько пачек сигарет. За столь скромные подарки он получил дополнительное ведро и оборудовал себе в туалете некое подобие душа, который в жару просто спасал его. У него появились тряпки и швабры, он

надраивал линолеум на полу своей камеры до зеркального блеска, по несколько раз в день вытирал пыль, не ленился дважды, а то и трижды за день выносить пластиковый пакет с мусором.

Когда Сергей впервые получил список продуктов из тюремного магазина, то был поражен ассортиментом продуктов — несколько сортов колбасы, разнообразные консервы, многое другое. В графе «фрукты» значилось — любые. Стояла глубокая осень, он засомневался, что написанное соответствует действительности, и стал вносить в заказ все, что приходило в голову: арбуз, ананасы, виноград, абрикосы и многое другое, что только мог вспомнить. Каково же было его удивление, когда на следующий день гардиан подкатил к его камере сразу несколько тележек и, пыхтя от натуги, стал разгружать ящики. Когда он закончил, в камере негде было повернуться. Сергей попросил служителя оставить до вечера тележки в коридоре и перед ужином сгрузил все фрукты и поставил их на общий стол.

Белье и одежду стирал он себе сам, много читал. Не меньше часа занимался в камере гимнастикой. Не упускал возможности поиграть в пинг-понг, пойти в спортзал. Собственно, обедами, ужинами и раз в неделю посещениями спортзала и ограничивалось все его общение с заключенными. Даже общих прогулок и игр в футбол заключенный Михайлов был лишен. Убийцы, грабители, мошенники, торговцы наркотиками и весь прочий тюремный люд выходили на прогулку. Вместе гоняли мяч, и лишь один-единственный обитатель следственной тюрьмы Шан-Долон отправлялся на прогулку на крышу, затянутую металлической сеткой. Со двора доносились чей-то смех, гомон, глухие удары мяча, и от этих звуков на душе становилось еще муторнее. За два с лишним года он ни разу не ступил на землю. Об этом позаботились следственный судья Жорж Зекшен и прокурор Жан-Луи Кроше.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сергей МИХАЙЛОВ:

Я вспомнил увиденный первый раз еще в детстве фильм «Мертвый сезон». Там советский разведчик Ладейников, которого прекрасно сыграл Банионис, говорит: «Ганди сказал

однажды: "Никто не может считать себя полноценным человеком, не отбыв какой-то срок в тюрьме. Кажется, у меня впервые в жизни будет возможность спокойно поразмышлять"». Трудно спорить с великими, тем более что тюрьма действительно добавляет человеку какого-то опыта. Правда, весьма специфического. Что касается возможности поразмышлять, то действительно — если на что у меня времени в женевской тюрьме хватало, так это на размышления. Я довольно часто вспоминал свою семью, маму, которой с нами уже нет, думал об отце, беспокоился о его здоровье. Отец у меня долгие годы служил в армии, потом, до самой пенсии, работал водителем. Человек он твердых устоев, принципиальный, и я считаю, что многое в моем характере от него. Не могу сказать, что я упрям, но если решение принял и твердо убежден, что оно правильное, то переубедить меня трудно. Конечно, какие-то качества воспитала во мне и мама. Она была сердобольным человеком, никогда не оставалась равнодушной к чужой беде. Работала мама в торговле, а последние годы возглавляла коммерческий отдел райисполкома. Ее в нашем районе очень ценили. Вероятно, коммерческая жилка во мне от нее. После окончания школы служил в армии, учился на курсах администраторов, потом в Институте пищевой промышленности. Работал администратором гостиницы «Советская», ответственным за распределение питания среди иностранцев. В 1984 году меня арестовали. Тогда время было особое — андроповские ставленники повсюду навели свои порядки. Тюремное наказание мне отбывать не пришлось, на работу в Калининскую область меня отправили. Сменилась власть, мое дело было пересмотрено, и приговор суда был изменен. В те годы я наивно полагал, что власть исправила ошибку. Возможно, со стороны исполнителей так оно и было. Но система никому никаких ошибок не прощает и крепко хранит их в своей памяти. Это сфабрикованное против меня дело, хотя впоследствии судимость и была снята, позволяет моим недругам постоянно твердить о моем якобы уголовном прошлом. Газеты мне в тюрьму Шан-Долон доставляли довольно регулярно, и я поражаюсь тому, что почти в каждой статье упоминали эту историю двенадцатилетней давности, используя ее чуть ли не как самый главный аргумент того, что у меня преступное прошлое.

Глава вторая

ШИТО БЕЛЫМИ НИТКАМИ

Документы уголовного дела № Р 9980\96

*Солнцевская межрайонная прокуратура
№ Н-16*

...сообщаю, что в соответствии со ст. 57 УК РФ гр. Михайлов Сергей Анатольевич, 1958 г. р., прописанный по адресу: г. Москва, ул. Новопеределкинская, д. 8, кв. 20, является лицом не имеющим судимости.

Прокуратурой Михайлов С.А. к уголовной ответственности не привлекался.

*Солнцевский межрайонный прокурор г. Москвы
советник юстиции Кисель В.В.*

*Генеральная прокуратура Российской Федерации
За номером 1-222*

...сообщаю, что сведений о господине Михайлове Сергее Анатольевиче, год рождения 1958, прописан в г. Москва, ул. Новопеределкинская, дом 8, квартира 20, в Следственном отделе Министерства по делам общественности Российской Федерации не имеется.

Сотрудники следственного управления, а также другие следственные подразделения Прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Министерства внутренних дел, Федеральные службы безопасности (ФСБ) и Налоговая полиция Российской Федерации не располагают сведениями о том, что против господина Михайлова возбуждалось уголовное дело.

*Начальник следственного отдела
Государственный советник юстиции 3-го класса В.И. Казаков.*

*Республика и кантон Женева
Департамент полиции, юстиции и транспорта
Рапорт инспектора Ваннера — личный знак S7312
Господину начальнику службы безопасности полиции*

Господину судебному следователю Зекшену

Касательно: № Р 9980\96. Дело господина Михайлова, организованная преступность.

Господин судебный следователь передал мне копию документа с переводом и попросил узнать у Интерпола о достоверности этого документа и о компетентности господина Казакова В.И. из следственных органов Российской Федерации. По просьбе представительства Интерпола в Москве этот документ и его перевод были отправлены в ОССОО. Копия данного документа была также отправлена в комиссариат СКУБАК (инспектор Ваннер имеет в виду канцелярию начальника отдела РУОП г. Москвы по фамилии Скубак. — О.Я.), сотрудники которого имеют надежные отношения с полицией кантона Цюрих.

По поводу подписи упомянутого документа сообщаю следующее. На самом деле существует человек по фамилии Казаков Василий Иванович, год рождения 18.01.1927. Он является народным депутатом с 1991 года.

Приложение к рапорту.

Казаков Василий Иванович, российский политик.

Родился 18 мая 1927 года.

1953 г. — заочно закончил Всесоюзный институт инженеров.

1944—1954 годы — мастер, начальник цеха на Ленинградском машиностроительном заводе.

Член КПСС.

1947—1991 годы — инструктор, начальник отдела городского комитета КПСС Ленинграда.

1970 год — член Центрального комитета КПСС, председатель Исполнительного комитета Ленинграда по делам трудящихся.

1970—1973 годы Заместитель председателя Совета министров РСФСР, вышел на пенсию.

Депутат высшего Совета РСФСР 8-го, 9-го, 10-го и 11-го созывов, награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина.

Простим огрехи нелепого документа, представленного следствию полицейским инспектором Ваннером. Где он раздобыл это

чудо служебного бумаготворчества, знает, должно быть, он один. Если верить данному «документу», то получается, что Василий Иванович Казаков одновременно работал в Ленинградском горкоме КПСС и был заместителем председателя Совмина РСФСР. В этот же самый период, вероятнее всего, в свободное от работы на партийном и советском поприще время, он успевал сбежать на машиностроительный завод, где, по-видимому, подрабатывал мастером и начальником цеха. Пусть простит мне Василий Иванович эту язвительность, тем более что к делу Михайлова он не имеет никакого отношения и в это повествование попал лишь по нелепой случайности. А впрочем, по нелепой ли?

Швейцарские следственные власти послали запрос в Москву с просьбой установить степень компетентности начальника следственной части Генпрокуратуры России В.И. Казакова. Владимир (но отнюдь не Василий) Иванович Казаков в правоохранительной системе России фигура настолько заметная, что перепутать его с каким-либо однофамильцем было попросту невозможно. Ответить швейцарцам, что начальник следственной части прокуратуры РФ — лицо, не компетентное подписывать официальные письма, чиновники не могли, это означало бы явную ложь. И тогда швейцарцам подсунили биографию российского политика Василия Ивановича Казакова. Разбирайтесь, мол, в нашей бюрократической мешанине сами — компетентен бывший зампред Совмина РСФСР подписывать исходящие из прокуратуры бумаги или нет. Самое парадоксальное, что следователь Зекшен и прокурор Кроше и этот документ сумели использовать в качестве компромата против Михайлова, сделав глубокомысленный вывод, что политик Казаков не имел права подписывать документ, адресованный следствию. А раз так, то Казакова подкупили «солнцевские» и он состряпал бумагу в защиту Михайлова.

Тогда, в самом начале долгого следственного пути, и Михайлову, и его адвокатам такое отношение Зекшена к документам казалось по меньшей мере странным. Спустя несколько недель стало ясно: следователя устраивают любые подтасовки, сколь бы нелепо они ни выглядели. Сказать, что состряпанное Зекшеном и Кроше дело было шито белыми нитками, значило бы не сказать

ничего. Полагаю, во всех женеvских магазинах не хватило бы белых ниток, дабы использовать их в инспирированных против Михайлова обвинениях. Стоило в деле появиться документу, так или иначе, прямо или косвенно свидетельствующему в защиту Сергея Михайлова, как Зекшен заявлял, что это не что иное, как происки русской мафии. В любой стране органы юстиции признают аффидевиты — нотариально заверенные или данные под присягой документы. Сергей Михайлов стал единственным в мире исключением.

Документы уголовного дела № P9980\96

Управление полиции

Рапорт инспектора Ваннера

Документ № 96.624.715.22

Господину начальнику службы безопасности полиции

Господину судебному следователю Зекшену

Касательно: уголовного дела Михайлова Сергея, организованная преступность

По распоряжению судебного следователя, 7-го, в четверг, и 8-го, в пятницу, ноября 1996 года мы забирали подозреваемого из тюрьмы Шан-Долон для проведения допросов и для выяснения следующих деталей, а именно:

происхождение финансовых средств;

время, на которое он приезжал в Швейцарию;

способы получения израильского паспорта;

все вопросы, способствующие продвижению следствия.

Михайлов отказался отвечать на все вопросы без своих адвокатов. Он даже не ответил на вопросы о своем пребывании и пребывании своей семьи в Швейцарии. Однако мы его предупредили о том, что проводили слушание его жены. Мы ограничились тем, что поспорили с ним. Мы посчитали ненужным составлять письменный отчет о допросе.

Мы подчеркиваем тот факт, что в ходе беседы 8 ноября, в пятницу, обвиняемый высказал инспектору Кампишу следующее: «Я ничего больше не знаю о вашем деле, а вы мне не верите».

Обвиняемый должен был вернуться в наш отдел в понедельник, 11 ноября, однако он отказался покидать тюрьму Шан-Долон.

*Подписи: инспектор Ваннер
инспектор Кампиш.*

Касательно: расследования УД № P9980\96 против г-на Сергея Михайлова

Господин судебный следователь,

в пятницу 8 ноября 1996 года инспектора полиции провели допрос нашего клиента... На нашего клиента оказывалось давление с целью получить информацию... Допрос был снят на видеокамеру, но протокол не был составлен.

В понедельник 11 ноября 1996 года, в 8 часов утра представители полиции безопасности пришли в тюрьму Шан-Долон с целью провести новый допрос. Господин Изенеггер, который в это время проводил совещание с господином Михайловым, решительно выступил против нового допроса, и он не состоялся.

Принимая во внимание, что вы строго соблюдаете нормы проведения уголовного расследования, я напоминаю вам о статье 164 уголовно-процессуального кодекса Женевы, в которой говорится о том, что:

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИБЕГАЕТ КО ВСЕМ СПОСОБАМ СБОРА УЛИК, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ НАСТОЯЩИМ КОДЕКСОМ, В ТОЙ МЕРЕ, ПРИ КОТОРОЙ ОНИ СЛУЖАТ ДЛЯ ОТКРЫТИЯ ПРАВДЫ,

и о статье 165 уголовно-процессуального кодекса Женевы, где говорится, что:

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, УГРОЗЫ, ОБЕЩАНИЯ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЙ ИЛИ ЗАЯВЛЕНИЙ.

По всей видимости, описанные выше сцены допроса не соответствуют законным требованиям. Мы не можем представить, что вы дали разрешение на такие методы, и, принимая во внимание то, что вы сами руководите расследованием, мы убедительно просим вас прекратить подобные допросы и не повторять их в будущем.

Мы пересылаем копию настоящего письма господину прокурору Жану Луи Кроше в силу действия статьи 206 уголовно-процессуального кодекса Женева, ибо службы полиции находятся в его ведении.

Господин Михайлов намерен подать жалобу.

С уважением

Адвокаты: Поль Гулли-Харт

Ральф Освальд Изенеггер

Республика и кантон Женева

Судебные органы

Офис судебного следователя

Почтовый ящик 3344

Женева, 12 ноября 1996 года

Площадь Бург де Фур, 1.

Господину Поль Гулли-Харту, адвокату

Господин,

я получил ваше письмо, содержание которого меня очень заинтересовало.

Руководствуясь сведениями, полученными мною от инспекторов полиции, которым было поручено вести следствие, я делаю вывод, что действия были корректными и профессиональными. Кроме этого, они точно соблюдали переданные мной инструкции от 5 ноября 1996 года.

Я считаю этот вопрос закрытым.

С уважением

Судебный следователь

Ж. Зекшен

Те, чьи действия судебный следователь Зекшен определил как «корректные и профессиональные», были уже известные Сергею полицейские Кампиш и Ваннер. О, они действительно были профессионалами своего дела. Сами внешне невозмутимые, они строили тактику допроса таким образом, чтобы вывести Михайлова из себя. Немудреную эту тактику Сергей разгадал практически сразу и твердо решил не давать своим мучителям ни малейшего повода насладиться плодами своих издевок.

...8 ноября 1996 года его разбудили затемно. «На допрос, господин Михайлов», — пояснил тюремщик, словно извиняясь. Сергей наспех умылся и отправился вслед за служителем длинным коридором. Когда он вошел в кабинет полицейского управления, часы показывали только 6 утра. В кабинете никого не было. Стрелки часов продолжали свой мерный ход, час тянулся за часом. Лишь в полдень в кабинет заявили Кампиш и Ваннер.

— Пришлось ждать переводчицу, — сказал Кампиш. — Надеюсь, господин Михайлов, вы к нам не в претензии, в Женеве не так-то легко найти человека, хорошо знающего русский язык.

Через несколько минут в кабинет вошла уже знакомая Сергею переводчица Корин Бийо. Начался допрос. Ваннер и Кампиш поочередно спрашивали у Михайлова, как он может объяснить тот факт, что у него дома обнаружено 47 тысяч швейцарских франков, о том, сколько времени он находился в Женеве, как получил израильский паспорт. После каждого вопроса Сергей заявлял, что отказывается отвечать в отсутствие адвокатов.

Исчерпав вопросы, Кампиш решил прибегнуть к тактике угроз:

— Послушайте, господин Михайлов, нам ведь и без ваших признаний все известно. По сути дела, все уже решено, и вы получите пять лет тюрьмы. Вам ничего не поможет, и никто за вас не заступится. В Москве, как только узнали, что вы арестованы, во главе вашей организации тут же встал другой человек. Понимаете, вы для них больше никто, и ни на чью помощь вам рассчитывать не приходится. Однако подумайте о своей жене, о детях. Ведь ваши дочери учатся в швейцарской школе, они получают хорошее образование, а вы им вредите. Если вы откажетесь помогать следствию, мы вынуждены будем выслать вашу семью из Швейцарии.

Подождав несколько минут и убедившись, что Михайлов никак не отреагировал на его слова, Кампиш распорядился отправить подследственного в изолятор. Продержав Михайлова там три часа, он снова вызвал его. Но на сей раз лишь для того, чтобы сообщить, что допрос окончен.

Это было в пятницу. В субботние и воскресные дни допросы в Швейцарии проводить запрещается, и на два дня следователи оставили его в покое. Но в понедельник Кампиш и Ваннер заявили

в Шан-Долон в восемь часов утра. Они не сомневались в том, что сумеют продолжить допрос, но буквально на несколько минут раньше сюда приехал адвокат Михайлова Ральф Изенеггер. Познакомившись во время одного из своих путешествий с молодой москвичкой и женившись на ней, Ральф Изенеггер довольно сносно овладел русским языком. Общаться с ним было Сергею гораздо проще, чем с другими адвокатами. Узнав, что его подзащитного вновь хотят увести на допрос, Изенеггер запротестовал:

— Вы применяете к моему подзащитному тактику угроз и шантажа, и мы обжаловали ваши действия у судебного следователя и прокурора, — заявил адвокат полицейским. — Кроме того, вы уведите моего подзащитного для допроса в слишком раннее время, не поставив в известность его адвокатов. Это недопустимо! Я категорически возражаю против такой формы допросов.

Выслушав гневную тираду адвоката, полицейские предпочли ретироваться.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

С самого начала адвокат Поль Гулли-Харт был категорически против того, чтобы я отвечал на вопросы следователя и полицейских. Он считал, что, используя свое право на молчание, я предоставлю адвокатам широкое поле деятельности и дело вскоре будет закрыто. Именно в этой позиции мы с господином Гулли-Хартом общего языка не находили. Я считал, что мне нечего скрывать и своими ответами на вопросы следователей я, наоборот, как можно быстрее внесу ясность.

Не скрою, поначалу поведение полицейских казалось мне вполне лояльным. Они всячески подчеркивали, что лишь исполняют свой долг. После одного эпизода я даже проникся некоторой симпатией к Кампишу. Когда в доме, который мы с семьей арендовали, произвели обыск, то было обнаружено 47 тысяч швейцарских франков. Как каждый россиянин, я предпочитал всегда иметь наличные, нежели пользоваться кредитными карточками и чековыми книжками. С наличными было как-то привычнее. Так вот, Кампиш, внося в протокол

обнаруженные при обыске деньги, спросил меня: «Господин Михайлов, ваша семья остается в Женеве, им понадобятся деньги. Сколько денег оставить вашей жене?» — «А сколько бы вы оставили своей жене в подобной ситуации?» — ответил я вопросом на вопрос.

Кампиш призадумался, потом отсчитал восемь тысяч франков (чуть более шести тысяч долларов США. — О.Я.) и оставил эти деньги на столе. Этот жест, скажу честно, меня растрогал, я решил, что полицейские действительно лично против меня ничего не имеют, а лишь выполняют свой служебный долг. Лишь несколько месяцев спустя, пообщавшись в Шан-Долоне со швейцарцами из тюремной администрации, я понял, что этот жест Кампиша был не более чем проявлением вечной склонности швейцарцев к подсчетам. И уж не кто иной, как Кампиш уже вскоре дал мне понять, что его озлобленность против меня лично заставляет его даже нарушать закон. Эти злосчастные 47 тысяч, которые мы с женой и не думали прятать, мои поездки по всему миру, то, что я и не думал скрывать, что являюсь состоятельным человеком, — все это вызывало его злобу. Так же, как для Зекшена и Кроше, для Кампиша и Ваннера русские люди — это люди второго сорта. И уж какие могут быть церемонии с такими «недочеловеками».

Но вернусь все же к моей тактике на допросах. Я уже говорил, что, считая, что мне скрывать нечего, довольно охотно отвечал поначалу на вопросы следователей. Но уже вскоре понял, что это не вопросы, направленные на установление истины, а коварные ловушки. На допросах следователи постоянно интересовались моими контрактами. Не имея под рукой никаких документов, как я мог вспомнить конкретные даты, цифры, имена? Ведь речь шла в том числе и о контрактах, заключенных и осуществленных мною несколько лет назад. Разумеется, я сказал, что к таким вопросам мне нужно подготовиться. Об этом писали в своих ходатайствах и адвокаты. Но следователи не желали их слушать, они настаивали, чтобы на все их вопросы я отвечал немедленно. Более того, судебный следователь Жорж Зекшен вынес постановление о «сверхзадержке» моего дела. Этот швейцарский юридический термин в переводе на обычный русский язык означает, что Зекшен вынес постановление, которым засекретил все

мое досье на неопределенное время. Таким образом, он лишил и меня, и моих адвокатов возможности ознакомиться с материалами дела. О какой защите отныне могла идти речь, если мы даже не знали, какие материалы находятся в моем досье.

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

Судебные органы

Офис судебного следователя

Письмо судебного следователя Жоржа Зекшена к Фиби Банку Швейцарии.

...располагает или располагал ли он (С. Михайлов. — О.Я.) в Швейцарии или за рубежом сбережениями, управление и сохранение которых было вам поручено, напрямую или косвенно, или через третьих физических и юридических лиц, а именно через банковское управление вашей группы.

Если вы располагаете данной информацией, прошу немедленно выслать мне копию открытия счета, все необходимые для этого бумаги и все документы с последующими изменениями.

В соответствии со статьей 178 уголовно-процессуального кодекса Женевы настоящий документ является распоряжением на обыск и арест.

При рассмотрении уголовного дела секрет банковских операций не сохраняется.

Я остаюсь в вашем распоряжении для дополнительной информации.

Заранее благодарен за помощь.

С уважением

Судебный следователь

Жорж Зекшен.

Общество швейцарских банков

Аешерворстад, 1.

Получено: офис судебного следователя

Республика и Кантон Женевы.

Господин судебный следователь.

Мы передали ваше распоряжение по нашим филиалам для проведения поисков. К сожалению, мы не можем вам сообщить информацию относительно господина Михайлова или упомянутых в вашем распоряжении компаний. Наше общество не может провести такого рода поиски по центральным регионам ввиду следующих причин:

с одной стороны, банковское общество Швейцарии не располагает информационной системой, позволяющей провести поиски. С другой стороны, в силу Конкордата о международной взаимопомощи у вас есть возможность непосредственно обратиться к упомянутым кантонам, в которых, по вашим предположениям, находятся финансовые средства юридического или физического лица. В настоящих условиях мы отметим, что Банковское общество Швейцарии поддерживает деловые отношения с частными клиентами и организациями из стран бывшего Восточного блока только в Бали, Женеве и Цюрихе.

В дополнение мы можем сообщить вам, что не располагаем сведениями о клиентах наших банков за рубежом.

Мы рассчитываем на ваше понимание. Вы, конечно, знаете, что между банками и правовыми отделами кантонов идут переговоры по преодолению выхода из подобных нашей ситуаций.

Г-н Вирс,

советник по юридическим вопросам,

г-н Зиммерманн,

уполномоченный представитель.

** * **

По поводу ареста Сергея Михайлова в Швейцарии слухи и вымыслы циркулировали самые невообразимые. Если говорить о том, что все это уголовное дело стало неким юридическим феноменом XX века, то с полным основанием могу утверждать, что количество различных версий, перемешанных с элементарными сплетнями, также феноменально. Как на Западе, так и в России целая группа журналистов быстро смекнула, что на этой «долгоиграющей» сенсации можно сделать себе достаточно звучное имя. А засекре-

тив досье Михася, следователь Зекшен этим развязал руки тем, кто не располагал практически никакими фактами, зато обладал буйной фантазией. За два года было опубликовано несколько сот статей, десятки книг-скороспелок, где излагались самые фантастические подробности о жизни и преступной деятельности главы «Солнцевской» группировки. Забегая немного вперед, расскажу о реакции швейцарских журналистов после пресс-конференции в Женеве. Эту пресс-конференцию собрали адвокаты Михайлова вскоре после того, как досье было частично рассекречено, сам обвиняемый и его защита получили доступ к некоторым материалам дела. Так вот, после окончания пресс-конференции репортеры вынуждены были признать, что о деле Михайлова у них было совершенно искаженное мнение и оглашенные на встрече документы произвели на них эффект шока. Впрочем, большинство из них от шока оправались достаточно быстро, и снова со страниц западных газет на Михайлова был обрушен ушат клеветнической грязи. Российские коллеги, дабы не отставать, эту новую кампанию охотно поддержали. Не обошли вниманием и мою скромную персону.

В конце декабря 1997 года обозреватель журнала «Огонек» Георгий Рожнов опубликовал статью, полную намеков и недоговоренностей. Если говорить коротко, то речь в статье шла о тех продажных журналистах, которые, искажая факты, защищают Михайлова. В качестве самого мощного удара Рожнов использовал мою публикацию, в которой говорилось о том, что следователь Зекшен вынес постановление изъять из дела Михайлова все аффидевиты защитного характера и оставить в деле лишь документы обвинительного содержания. Сам по себе этот факт, если верить статье в «Огоньке», господина Рожнова потряс до глубины души. Потряс настолько, что он предпринял настоящее журналистское расследование. Не владея французским языком, обозреватель «Огонька» попросил одного своего московского коллегу, хорошо говорящего по-французски, помочь ему. Московские журналисты связались с Женевой и переговорили с одним из маститых криминальных репортеров газеты «Трибюн де Женев». Ему-то они и процитировали тот абзац из моего материала, где речь шла о столь странном, если не сказать больше, решении следователя Жоржа Зекшена. Вы-

слушав российских коллег, швейцарец якобы воскликнул: «Какая ложь. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Благородный гневный пафос моего швейцарского коллеги мне вполне понятен. Такого действительно никогда не было, ибо и быть не могло. В уголовно-процессуальном законодательстве любой страны, и Швейцария не является исключением, говорится о том, что в обязанности следователя входит сбор фактов, наиболее полно способствующих открытию истины. Не обвинения или оправдания, но истины. И следователь, ограничивающий поступление в досье документов того или иного характера, тем самым совершает должностной проступок. Однако негодовать по этому поводу оказалось куда как проще, нежели заставить Зекшена изменить свое необъяснимое, прежде всего с точки зрения закона, решение. Более того, это решение следователя нашло живой отклик в душе прокурора Жана Луи Кроше, и он вынес решение на рассмотрение Обвинительной палаты кантона Женева. Адвокаты благодумствовали. Блестящий знаток международного права, президент коллегии адвокатов Бельгии Ксавье Манье, один из авторов европейской Декларации прав личности, не без тонкого юмора утверждал в те дни: «Ну что ж, нам, наверное, придется поделиться с господином прокурором частью своего адвокатского гонорара. Во всяком случае, у нас теперь отпала необходимость писать протест в Обвинительную палату. Вынося решение следователя на суд, мсье Кроше выполнил нашу работу. Вполне очевидно, что Обвинительная палата решение следователя отменит как абсолютно противоправное и беспрецедентное в истории мировой юриспруденции». Мэтр Ксавье Манье в зал заседания Обвинительной палаты женева Дворца правосудия входил с легкой улыбкой, небрежно перекинув через плечо отороченные мехом горносталя кончики своей адвокатской мантии. Через полтора часа, после окончания заседания Обвинительной палаты, мэтр Ксавье Манье с нескрываемой злостью не укладывал, а закидывал в свой элегантный портфель бумаги. Он отказался отвечать на вопросы журналистов и лишь заявил, усаживаясь в вызванное для него на площадь Бург де Фур такси, что немедленно отправляется в Страсбург, где подаст в Европейский суд по правам человека жалобу на столь вопиющее решение: Обвинительная палата удовлетвори-

ла ходатайство прокурора Жана Луи Кроше и утвердила решение следователя Жоржа Зекшена об изъятии из досье уголовного дела № Р 9980\96 всех документов, свидетельствующих в защиту обвиняемого.

Эти события разворачивались за месяц до того, как в журнале «Огонек» появилось гневное разоблачение Георгия Рожнова. Собственно говоря, московскому обозревателю Рожнову можно было и не разорять либо свой личный, либо и без того скудный бюджет своего издания телефонными звонками в Женеву. Достаточно было позвонить московскому адвокату Михайлова Сергею Пограмкову, и история с изъятием документов из досье предстала бы перед огоньковцем во всем своем очевидном беззаконии. Но такой сенсацией Рожнов вряд ли сумел бы кого-то удивить. Совсем иное дело — вывести на чистую воду «продажных» журналистов...

Свою версию выдвинули в книге «Цветная масть» полковник милиции в запасе Вячеслав Разинкин и редактор отдела журнала «Милиция» МВД России Алексей Тарабрин. Вот что они пишут:

«Главной сенсацией средств массовой информации не только Швейцарии, но и многих газет всего мира осенью 1996 года была тема ареста в аэропорту Куантрэн крупного мафиозо из Москвы Сергея Михайлова, или Михася. (По поводу термина «мафиози» редактор отдела криминальной хроники американской газеты «Новое русское слово» Александр Грант замечает: «...Напомню московским авторам, что “мафиози” — множественное число, а одного члена мафии нужно называть именно “мафиозо”, тогда итальянцы не так обижаются».) Он прилетел в Женеву... из Вены. Пройдя без инцидентов таможенный контроль, Михайлов спокойно вышел из стеклянных дверей аэровокзала. Жест рукой — и к нему подкатил шикарный “роллс-ройс”, водитель которого уже давно поджидал своего хозяина. Вот только на сей раз ему не суждено было отвезти своего патрона домой. Буквально в двух шагах от “роллс-ройса” он был задержан агентами четырех спецслужб разных стран».

Ссылаясь на московскую газету «Экспресс», Разинкин и Тарабрин продолжают: «Интерпол считает 38-летнего Михайлова человеком № 1 в списке наиболее опасных преступников, подлежащих немедленному аресту. Михайлову предъявляются обвинения

в убийстве, отмывании грязных денег, контрабанде наркотиков, а также создании крупнейшей международной сети проституции и управлении ею. Следствие считает, что именно он ответствен за наводнение стран Западной Европы проститутками из бывшего СССР, количество которых оценивается в 12 тысяч человек. В Европе Михайлов имеет 17 ночных клубов, один из которых находится в Швейцарии, а четыре в Бельгии. В России он опирается на созданную и по-прежнему контролируруемую им банду гангстеров».

Я умышленно привел здесь именно эту, не самую злую, хотя и чрезвычайно насыщенную «фактами» цитату. Уж если авторы не удосужились узнать из достоверных источников истинные подробности задержания Сергея Михайлова в Женеве (о каких четырех спецслужбах разных стран и шикарном «роллс-ройсе» ведут они речь?), то уж остальные детали точно так же высосаны из пальца. Замечу, опять же забегая вперед, что даже в официальном обвинении, составленном следователем и подписанном прокурором, не было ни слова, ни даже намек на создание международной сети проституции в Западной Европе, ни на убийства или контрабанду наркотиков.

Старые журналисты рассказывают такую зловещую байку. Однажды утром в приемную редакции газеты «Правда» позвонил взволнованный мужчина.

— Сегодня в вашей газете написано, что я освобожден от занимаемой должности и исключен из рядов КПСС, — срывающимся голосом произнес он. — Но ничего подобного нет. Меня никто не освобождал от должности и не исключал из партии.

— А газета «Правда» у вас сейчас под рукой? — вежливо осведомились на другом конце провода.

— Конечно, — ответил мужчина.

— Тогда прочтите, что написано под заголовком.

— Орган Центрального Комитета КПСС, — прочитал тот.

— Так скажите, товарищ, — спросили его из редакции, — может ли орган Центрального Комитета КПСС ошибаться? Раз написано — значит, так оно и есть. В крайнем случае — будет.

В нынешние времена, видимо, мало что изменилось. Ну разве что в худшую сторону. Свободу слова многие теперь воспринимают как свободу клеветы, не забывая при этом, что бывшая «великая

общность — советский народ» по-прежнему свято верит в печатное слово. Тем более слово, подтвержденное такими «убедительными» цифрами: 12 тысяч проституток, 17 игорных клубов. Вот в округленные цифры, скажем, в 10 тысяч проституток и 20 клубов, поверить было бы трудновато, а 12 и 17 звучат так правдоподобно. Примерно так же «правдоподобно», как изложенный в одной из московских газет «факт», что буквально накануне своего ареста Михайлов бродил вокруг Женевского озера и приценивался ко всем большим особнякам на предмет их немедленной покупки.

Свою версию происшедшего высказал и аккредитованный в Женеве собственный корреспондент РИА «Новости» Игорь Седых:

— В свое время имя Михайлова возникло при расследовании дела Вячеслава Иванькова — Япончика. Якобы даже существовала некая магнитофонная запись, из которой можно было понять, что Япончик и Михась находились в дружеских отношениях. Правда, впоследствии экспертиза идентичность голосов установить не смогла. Так или иначе, но американцы вознамерились допросить Михайлова в качестве свидетеля по делу Иванькова, и через Интерпол был разослан во все страны соответствующий запрос. Потом Япончика осудили, надобность в Михайлове как в свидетеле отпала, однако Интерпол по запарке ордера на задержание Михайлова не отменил. Тут, на мой взгляд, произошла чисто техническая неувязка. Но к этому моменту появилась публикация в бельгийской «Ле суар», в которой Михайлов был изображен как глава русской мафии. Имея формальный ордер Интерпола и воодушевившись статьей бельгийской газеты, швейцарцы не сомневались, что в их сети попалась «акула» преступного мира. Остальное известно.

Да, остальное действительно известно. Швейцарская полиция арестовала иностранного гражданина, а уж потом к этому иностранцу стали «примерять» самые разнообразные преступления. Для молодого следователя Зекшена наступил, как он, вероятно, считал, звездный час. На таких процессах делается имя, на долгие годы создается репутация следователя проницательного, бескомпромиссного борца с международной мафией. Вот-де правоохранительные органы всех стран мира не смогли поймать и арестовать неуловимого Михайлова, один только он, Зекшен, сумел не только аресто-

вать главаря российского преступного мира, но и расследовать совершенные им страшные преступления, преступления века. Так или примерно так рисовалась Зекшену ситуация. Собственно говоря, Зекшен, как он сам считал, и это видно из материалов дела, ничем особенно не рисковал. Он полагал, что ему долго с Михайловым и возиться-то не придется. Как минимум три страны должны были, по мнению следователя, потребовать выдачи Михайлова — Россия, Израиль и США. Зекшен не учел одного — ни Россия, ни Израиль, ни США не признали Михайлова преступником и не пожелали ввязываться в международный юридический беспредел. Помочь (но об этой своеобразной помощи речь пойдет впереди) — это пожалуйста, но принимать кардинальные меры — увольте. Вы, швейцарцы, арестовали, вы и расхлебывайте.

Когда в канцелярию следователя на площадь Бург де Фур пришли официальные ответы из Москвы и Иерусалима, следователю бы опомниться, извиниться перед задержанным и отделаться легким к тому времени нареканием начальства. Но он уже закусил удила. Вероятно, не последним фактором были и арестованные в Женеве счета Михайлова, на которых числилось более двух миллионов американских долларов. Ведь в случае успеха (читай — обвинительного приговора) эти средства поступали бы не только в доход государства, но и часть их — в бюджет следственных органов Женевы. А такая существенная «инвестиция» не могла остаться без внимания и должной оценки начальства и представлялась Зекшену мощным трамплином к служебным высотам.

* * *

Документы уголовного дела № Р 9980\96

МВД России

Региональное управление по организованной преступности по г. Москве

г. Москва, ул. Шаболовка, 6

№ 316

Факс инспектору Кампишу

На ваш запрос от 06.12.96 г. в отношении Михайлова С.А.

Региональное управление по организованной преступности МВД РФ по г. Москве по интересующему вас вопросу располагает следующей информацией:

Михайлов Сергей Анатольевич, 07.02.58 — лидер солнцевского организованного сообщества, кличка Михась, образование среднее, кандидат в мастера спорта по борьбе.

Проживал: г. Москва, ул. Новопеределкинская, д. 8, кв. 20. С декабря 1993 года постоянно проживает в Австрии, Чехии, Венгрии.

Задерживался в декабре 1989 года за вымогательство вместе с братьями Авериными, Люстарновым Е.А., Тимофеевым С.И. денег и автомашин у председателя кооператива «Фонд» В. Розенбаума, в конце 1993 года по подозрению в организации убийства В. Власова, директора казино «Валери». Привлечь к уголовной ответственности не удалось в связи с отказом потерпевших и свидетелей под влиянием угроз со стороны подозреваемых от своих первоначальных показаний.

В конце 80-х годов с началом перестройки и возрождением капиталистических отношений в России собрал группу, в которую вошли:

*Аверин Виктор Сергеевич, 31.05.57, кличка «Авера-старший»,
Аверин Александр Сергеевич, 12.04.59, кличка «Авера-младший»,*

*Люстарнов Евгений Алексеевич, 20.10.56, кличка «Люстарик»,
Тимофеев Сергей Иванович, 18.07.55, кличка «Сильвестр» (погиб в 1994 году),*

*Кудин Михаил Юрьевич, 23.09.58, кличка «Мишка Квакин»,
Анисимов Анатолий Алексеевич, 13.03.58, кличка «Булея»,
Скрылев Андрей Васильевич, 20.12.62, кличка «Скрыль»,
Шаповалов Геннадий Викторович, 24.01.63, кличка «Шаповал»,
Хачидзе Джемал Константинович, 16.06.37, кличка «Джамал»,
вор в законе.*

В декабре 1989 года группа «контролировала» (отбирала часть выручки) более 20 коммерческих фирм Москвы и области, в том числе рестораны «Советский», «Покровка», «Турист», «Комета», «Аист», «Нил», «Якорь», гостиницу «Дагомыс», Партнер-банк.

Свое название группа, а в настоящее время преступное сообщество, получила по названию района г. Москвы, где проживает большинство членов данного сообщества.

В настоящее время «Солнцевское» преступное сообщество насчитывает около 800 активных членов, объединенных в 10—12 «бригад» во главе с «авторитетами» преступного сообщества. Каждая бригада контролирует определенные фирмы, предприятия и банки в Москве и Подмосковье. В то же время у сообщества имеется общая касса («общак»), в которую отчисляют часть средств все «бригады». При возникновении трений с другими преступными группировками «на разборки» приезжают члены нескольких бригад.

Координаторами действий «бригад», арбитрами в возникающих спорах, а также распорядителями «общака» являются Михайлов С.А. и Аверин В.С.

Кроме того, Михайлов С.А., Аверин В.С., Тамм А.А., Скрылев А.В. через покупку недвижимости в странах Западной Европы, создание фиктивных фирм, офшорных компаний «отмывают» деньги, полученные в России путем вымогательства, торговли оружием и наркотиками.

В связи с большим объемом и конфиденциальностью материала передать его по факсу не представляется возможным. Нами будут изысканы иные возможности его передачи вам.

С уважением

*Начальник 9-го отдела РУОП по г. Москве
майор милиции Седов В.В.*

Республика и кантон Женева

Судебные органы

Офис судебного следователя

В данных условиях необходимо приостановить состязательное следствие, право на ознакомление с делом и право снимать с него копии. Это необходимо для того, чтобы обвиняемый не мог строить свои ответы на основе содержания дела.

Необходимо распространить данные меры на адвокатов обвиняемого. Данная мера не должна рассматриваться как выражение

недоверия к адвокатам, но как мера, способствующая завершению следствия.

Целью настоящей меры является предотвращение провала следствия, которое судебный следователь надеется довести до конца.

Таким образом, принимая во внимание статьи 1 и последующие, а именно 139 параграф 1 и 3, 142 параграф 3 Уголовно-процессуального кодекса,

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

задерживает состязательное следствие и частично задерживает право на ознакомление с делом и право снимать с него копии. Данные меры относятся также и к адвокатам.

Оповещает о принятом решении господина Сергея Михайлова через его адвокатов Поля Гулли-Харта и Ральфа Освальда Изенеггера и сообщает о том, что у них есть 10 дней для подачи обжалования на данное решение в Обвинительную палату. Обжалование должно быть аргументировано и отправлено в канцелярию Обвинительной палаты.

Судебный следователь

Жорж Зекшен.

Республика и кантон Женева

Следственная власть

Кабинет судебного следователя

ФАКТЫ

Господин Сергей Михайлов, гражданин России и Израиля, родился 7 февраля 1958 года, проживает в Борексе (кантон Во), был арестован 17 октября 1996 года и обвинен господином судебным следователем Жоржем Зекшеном в участии в криминальной организации (статья 206 Уголовного кодекса) и в отмывании денег (статья 305 Уголовного кодекса). Обвинения были аргументированы следующими фактами:

Господин Михайлов имеет паспорта государств Коста-Рика, Россия и Израиль без получения гражданства Коста-Рики и без подтверждения гражданства Израиля.

Господин Михайлов часто посещал Россию, Израиль и Швейцарию для выполнения деятельности, суть которой невозможно определить.

Господин Михайлов располагает значительными денежными средствами и не может дать объяснение относительно внушительной суммы денег — 47 000 швейцарских франков (36 000 долларов США. — О.Я.), которая была обнаружена на его вилле в Бокрексе.

По некоторой информации полиции и прессы, господин Михайлов является одним из авторитетов криминальной организации под названием «Солнцевская».

Господин Михайлов отказался сообщить об источнике своих доходов, их объеме и банковских учреждениях Швейцарии, в которых они хранятся.

Направляет настоящее уведомление господину генеральному прокурору в его прокуратуру судебный следователь

Жорж Зекшен.

Приписка от руки: получено 17.06.97 года.

Господину прокурору Жану Луи Кроше

Господину судебному следователю Жоржу Зекшену

Господин Михайлов оспаривает наличие серьезных обвинений. Создается впечатление, что он был арестован на основании публикации в прессе и сообщений полиции. Бесполезно искать в деле точных и ясных доказательств вины господина Михайлова. У следствия нет доказательств того, что господин Михайлов занимается отмыванием денег в Швейцарии. В рапортах полиции нет даже намека на существование таких гипотез. Сведения, собранные полицией и магистратом, более всего указывают на то, что господин Михайлов

не ограничивает свои расходы, находясь «в подполье» (по словам прессы), и открыто проводит свою деятельность, добываясь вида на жительство в кантоне Во,

не находится под уголовным преследованием органов правосудия Российской Федерации или Израиля, нет доказательств того, что он привлекался к уголовной ответственности в других странах,

ведет законную коммерческую деятельность в кантоне Во, в обстоятельствах по покупке виллы в Борексе необходимо обратиться, но при изучении документов и объяснительных записок дела не установлено то, что господин Михайлов нарушил закон, сумма в 47 тысяч швейцарских франков, обнаруженная в Борексе, не является доказательством того, что кассатор принадлежит к преступной группировке или занимается отмыванием денег,

высказывание судебного следователя о том, что «в настоящее время господин Михайлов не может дать объяснений по своей коммерческой деятельности в Швейцарии», является преждевременной оценкой доказательств его вины.

Необходимо принять во внимание по поводу российского и израильского паспортов, что в Израиле много тысяч человек имеют по два паспорта, а также то, что наличие паспорта Коста-Рики оправдано консулом государства Коста-Рика.

Необходимо добавить, что господин Михайлов был арестован и лишен свободы на неопределенный срок. Его деловые отношения, совершенно законные и важные, были внезапно прерваны, и его экономические интересы значительно пострадали. В настоящее время решается вопрос о том, чтобы лишить господина Михайлова юридической поддержки его адвокатов и права на ознакомление с собственным делом. Совершенно очевидно нарушение основных прав кассатора. Очевидно и то, что общественные слухи не могут служить для этого оправданием.

*Ральф Освальд Изенеггер,
адвокат.*

* * *

Долгие годы я наивно и доверчиво полагал, что правоохранительные органы, в какой бы стране они ни находились, занимаются исключительно борьбой с преступностью, но никак не способствуют организации преступников и управлению их противоправной деятельностью. Но, судя по названию, в Москве именно такая организация была. Как иначе можно понять расшифрованную аббревиатуру московского РУОП — региональное управление по организованной преступности. Заметьте, не организация по борьбе, а просто

управление по преступности. Так, во всяком случае, явствует из документа. Но оставляю мелочные придирки к словам, тем более что суть документа для всех заинтересованных лиц была, понятно, куда важнее названия. Итак, в московском РУОПе был подготовлен документ, под которым должен был подписаться начальник 9-го отдела РУОПа по Москве майор милиции Седов. Но сбоку от его напечатанной на пишущей машинке фамилии стоят две жирные диагональные черты, и документ подписан заместителем Седова Скубаком. В таком виде факс и поступил в канцелярию судебного следователя Жоржа Зекшена. Фраза об объемности собранного московской милицией материала и его строжайшей секретности не только не остановила Зекшена, но, напротив, раззадорила еще сильнее. После непродолжительных переговоров с Москвой судебный следователь заручился обещанием господина Скубака, что в ближайшее время в Женеву прибудет нарочный, который доставит полный пакет документов о преступной деятельности Михаса в России. И этим нарочным оказался майор все того же московского РУОПа Николай Упоров. Непривычная для швейцарского произношения фамилия в документах поначалу то и дело искажалась. То писали «Опуров», то писали «Упоров», а в одном из документов фамилию майора даже умудрились «скрестить» с местом его службы и написали «Руопов». В конце концов российский милиционер, видимо, обратил внимание своих женевских коллег, что негоже исказить фамилию столь ценного источника информации, и укрепился в документах дела под своей истинной фамилией — Упоров. Два года спустя, во время судебного процесса Сергея Михайлова, выяснилось немало любопытных и чрезвычайно важных для понимания дела подробностей того, как Упоров вообще оказался в Женеве и стал, по признанию Жоржа Зекшена, главным свидетелем обвинения. Но на сей раз я не хочу забежать вперед и не стану нарушать хронологию событий.

Жоржу Зекшену ждать пришлось недолго. Прибывший из Москвы майор уже вскоре предстал перед следователем. Правда, обещанных документов так и не привез. В доверительной беседе майор поведал швейцарскому следователю о коррупции в рядах правоохранительных органов. Он сослался на то, что материалы по Михайлову находятся в МВД за семью печатями и нет никакой возможности

изъять не только сами оригиналы, но даже и снять с них копии. Походя Упоров полил грязью не только родную милицию, но и прокуратуру, заявив, что и в Генпрокуратуре России искать материалы о преступной деятельности Михаса — дело зряшное. Там-де царят полный хаос и беспорядок, левая рука не ведает, что делает правая, информационный центр, по сути дела, отсутствует, и прокуратура не знает и знать не может о том, какими оперативными разработками занимается милиция и какой у нее накоплен материал, допустим, на того же Михайлова и на всю «Солнцевскую» преступную группировку. Зекшен слушал и всему верил. Верил, поскольку очень верить хотел. Он лишь спросил, кто же может его проинформировать о тех самых подробностях, которые невозможно получить от руководителей МВД, РУОПа и Генпрокуратуры России. И тогда Упоров скромно указал на себя. Этого Зекшену было вполне достаточно. Трудно предположить, что судебный следователь не знал, что оперативные данные судами в качестве доказательств не признаются. Следовательно нужен был свидетель, и он его получил. Вернее сказать, в Женеву приехал майор милиции, который обязан был предоставить соответствующие документы и оказать при необходимости практическую помощь коллегам. Уж кем-кем, а свидетелем Николай Упоров быть никак не мог. Но все же стал им. Истинные мотивы этого сговора стали совершенно очевидны только на суде, а пока же следователь свои действия аргументировал тем, что Упоров-де лицо абсолютно нейтральное и ему нет никакой выгоды свидетельствовать против Михайлова. Этот же аргумент использовал всякий раз на заседаниях Обвинительной палаты и прокурор Жан Луи Кроше, который пытался создать Упорову ореол борца за правое дело и человека, страдающего от коррупции в высших сферах российских правоохранительных органов.

Николай Упоров рассказал следователю о том, что еще несколько лет назад, работая в районном отделении милиции, он столкнулся с солнцевскими бандитами. Позже, когда были созданы региональные органы, надо все же полагать, что по борьбе с организованной преступностью, а не по управлению ею, Упоров взял солнцевских в оперативную разработку. На своем пути он встретил невероятное сопротивление начальства, но вел дело скрытно и потому смог избежать

служебной расправы. А вот бандиты Упорова не пощадили. Майора и его семью спас только случай. История, рассказанная Зекшену Упоровым, ничем не отличалась от тех ужасов, которые показывают в самых крутых западных боевиках, и выглядела поначалу так.

В какой-то период майор заметил за собой слежку. Было сделано несколько попыток физической расправы над ним, но благодаря своему умению оторваться от преследователей и предугадать опасность ему всякий раз удавалось избегать критической ситуации. И тогда бандиты решились на самую великую подлость, какую можно себе вообразить. Несколько боевиков из «Ореховской» группировки однажды днем сумели проникнуть в квартиру Упорова. Их целью было выкрасть дочь майора, чтобы подействовать на него таким образом. К счастью, девочка была дома не одна, в квартире находилась бабушка жены Упорова, то бишь прабабушка ребенка. Эта древняя старушка, увидев угрожающего вида головорезов, подняла такой крик, что преступники, убоившись бабульки, трусливо ретировались из квартиры.

Позже, когда Упоров вернулся в Москву и охотно давал интервью репортерам разных газет, история в его изложении выглядела несколько иначе. Газетчикам майор поведал, что его жена (по другой версии — бабушка) прогуливалась вместе с ребенком возле дома, когда заметила следящих за ними парней, внешность которых не оставляла сомнений в том, что они принадлежат к преступному миру. И тогда жена (а может, и бабушка), крепко взяв девочку за руку, подошла к сидящим на лавочке возле подъезда соседям и не уходила до тех пор, пока бандиты не убрались восвояси. Понятно, что работа майора РУОПа сопряжена с повседневным риском, слежка, стрельба, похищения для него, должно быть, столь привычны и необходимы, как перец к хорошо прожаренному мясу. Чем иначе можно объяснить, что даже детали такого трагического события, как похищение собственной дочери, могли у майора стереться из памяти до такой степени, что он начал их путать. В тех же самых интервью майор Упоров поведал читателям о том, что теперь и его жизнь ежесекундно подвергается опасности и солнцевские никогда в жизни не простят ему показаний против Михася. Естественный вопрос о том, какое к похищению дочери и к Михайлову имела

«Ореховская» группировка, возник не только у следователя Зекшена в Женеве, но и у московских журналистов. На этот вопрос Николай Упоров отвечал, не задумываясь и твердо, таким образом: «Я уверен, что мой домашний адрес и заказ на похищение дочери дал ореховским Михайлов».

Прошло несколько месяцев, и Николай Упоров вновь появился в Женеве. На сей раз в новом качестве и с новой семьей. За прошедшее время он успел уволиться из РУОПа, а приехав в Швейцарию, первым делом попросил там политическое убежище. Прошение было принято к рассмотрению, а пока бывшему московскому майору выделили социальное жилье и пособие на проживание. В тот самый период большинство российских газет, которые уделяли внимание делу Михайлова, предпочитали относительно главного свидетеля обвинения использовать весьма туманные формулировки типа: «Опасаясь за свою жизнь и за жизнь членов своей семьи, майор Упоров вынужден был уехать из России, и настоящее его место нахождения неизвестно». Разумеется, следователь Жорж Зекшен о местонахождении экс-майора мог бы дать исчерпывающую информацию, но Зекшен предпочитал с журналистами не общаться. Впрочем, и без комментариев Зекшена и Кроше стали очевидными взаимосвязь следствия со свидетелем и истинные причины, побудившие российского гражданина к столь «откровенному» признанию. Швейцарские репортеры сумели раздобыть сведения, проливающие свет на побудительные причины этого альянса. По их данным, во время первой встречи Зекшена с Упоровым последний жаловался на тяготы жизни в России, на что следователь заметил, что жизнь в Европе могла бы быть более приятной во всех отношениях, и если только Упоров всерьез над этой проблемой задумается, то такая возможность может быть ему реально представлена. Вероятно, соблазн оказался слишком велик. Впрочем, представители спецслужб наверняка предпочли бы всему этому иное, более лаконичное и в то же время наиболее исчерпывающее и всеобъемлющее определение: вербовка.

До самого последнего момента Николай Упоров был и оставался главным козырем в колоде крапленых карт следователя Зекшена и прокурора Кроше, которыми они пытались разыграть эту бесстыдную партию.

Документы уголовного дела № Р 9980\96

*Республика и кантон Женева
Судебная власть
Кабинет судебного следователя*

Протокол допроса

Судебный следователь: господин Зекишен

Секретарь: мадемуазель Фукс

Присутствуют: господин Жан Луи Кроше — финансовый аналитик при судебных следователях,

госпожа Корин Бийо — переводчица русского языка, приведена к присяге,

господин Сергей Михайлов, обвиняемый, доставленный из тюрьмы, уже заслушан.

Следователь господину С. Михайлову:

В силу статьи 350 уголовного кодекса вы дополнительно обвиняетесь в том, что вы находились в Швейцарии, а именно в кантоне Во, в непредписанное время.

Вы проживали в Швейцарии незаконным образом сроком более 3 месяцев, не имея разрешения на проживание, выданное компетентными органами.

Вы нарушили порядок приобретения недвижимости, занимая виллу, дом 12, улица де Турние, 12777, Борекс с помощью сложной юридической системы при посредничестве господина Оливье Деморэ в качестве приобретающего по акту от 16 июня 1996 года и арендодателя по контракту об аренде в силу протокола, подписанного 17 мая 1996 года г-ми Сергеем Михайловым, Оливье Деморэ и Анрэ Миловановым.

Г-н Михайлов:

Что касается новых обвинений, выдвинутых против меня, я выскажусь по этому поводу после того, как посоветуюсь с моими адвокатами.

Я оспариваю выдвинутые против меня обвинения от 17 октября 1996 года. В частности, я оспариваю, что являюсь членом криминальной организации.

В начале 1989 года, насколько я помню, я выезжал в Китай, а потом в ФРГ. Каждая из моих поездок в 1989 году продолжалась одну или две недели. В Китай я отправился в командировку от Фонда культуры СССР в качестве представителя этого Фонда. Я поехал по программе обмена. Цирковые артисты из СССР отправлялись в Китай, а борцы из Китая приезжали в СССР. Целью поездки было изучение программы в рамках проекта этого обмена. В этой связи я побывал в Пекине и в Шанхае. В Китае я занимался только той деятельностью, ради которой я был туда отправлен.

В ФРГ я провел 15 дней отдыха. Я не занимался там никакой другой деятельностью.

В 1990 году я не выезжал из СССР.

В конце 1991 года я отправился в США, побывал в Нью-Йорке и Майами. Я хотел отдохнуть в США, а также я хотел изучить возможность коммерческих контактов.

В 1992 году я отправился в Австрию и Венгрию, возможно, что в этом году число моих поездок увеличилось. Речь идет о деловых поездках. Я изучал рынок в плане приобретения наиболее дешевых товаров. За эту деятельность я получал комиссионные. Я не могу назвать вам точные цифры, так как они находятся в зависимости от продукции и условий контрактов. Меня попросили составить список предприятий, с которыми я работал в качестве посредника. Я не могу этого сделать, так как их было очень много. Я хочу объяснить, что было бы легче найти этих участников в выписках из моих банковских счетов.

Вопрос судебного следователя г-ну Михайлову:

Подтверждаете ли вы, что в 1992 году вы не имели банковских счетов ни в Швейцарии, ни за границей?

Ответ г-на Михайлова:

После размышлений я пришел к выводу, что я не должен отвечать на вопросы, географически не касающиеся Швейцарии. Я отказываюсь таким образом отвечать на вопрос следователя, имел

ли я в 1992 году банковские счета за границей. Но я отвечаю, что в 1992 году я не имел банковских счетов в Швейцарии.

Вопрос следователя г-ну Михайлову:

Подтверждаете ли вы, что в 1992 году вы не заключили ни одной сделки в Швейцарии и за границей?

Ответ г-на Михайлова:

Я подтверждаю, что не заключил ни одной сделки в 1992 году ни в Швейцарии, ни за границей. В то же время я хочу сформулировать следующее заявление.

Я готов отвечать на все вопросы судебного следователя, связанные с моей коммерческой деятельностью в Швейцарии. Но я не намерен отвечать на вопросы следователя, касающиеся моих коммерческих дел за границей.

Я не хочу сказать, что я вообще не собираюсь отвечать на вопросы, но я хочу сказать, что я не хочу отвечать на вопросы о моих частных делах. Я считаю, что я не совершил никаких преступных действий за границей.

Вопрос судебного следователя г-ну Михайлову:

Вы считаете, что сообщение следователю данных, касающихся банковских счетов или коммерческих дел, касаются только вас лично?

Ответ г-на Михайлова:

Я считаю, что вопросы, касающиеся моих банковских счетов, относятся к моей коммерческой деятельности, и я не намерен сообщать следователю сведения, касающиеся моих банковских счетов, и информацию о банковских учреждениях, расположенных за пределами Швейцарии.

Республика и кантон Женева

Судебная власть

Кабинет судебного следователя

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Сегодня, 13 февраля 1997 года, между 17.00 и 17.05 позвонила какая-то женщина, говорившая взволнованным голосом и не представившаяся. Эта женщина говорила о том, что она прочитала в

газетах, что господин Зекшен ведет поиск денежных средств по делу Михайлова. Она сказала, что знает, где находятся денежные средства в Женеве, и что некоторые люди боятся об этом говорить. Эта женщина звонила из телефонного автомата, и в последнюю минуту секретарь суда попросила ее быстро назвать место, в котором находятся упомянутые средства. Но женщина была так взволнована, что только сумела произнести отрывки каких-то непонятных слов.

Секретарь суда попросила ее написать письмо судебному следователю, на что женщина ответила: «Я сейчас это сделаю», — и на этом разговор прервался.

О чем и свидетельствую
Секретарь суда Бедоне.

Через курьера

Господину Жоржу Зекшену, судебному следователю

Дворец правосудия, площадь Бург де Фур, 1

Женева, 28 июля 1997 года

Касательно: № P9980\96, господин Сергей Михайлов

Господин следователь.

Настоящим письмом я извещаю вас, что господин Михайлов намерен воспользоваться отныне своим правом на молчание, вследствие чего он отказывается участвовать в назначенном на завтра заседании.

При этом мой клиент согласен участвовать во всех актах состязательного следствия, которого он собирается добиваться.

Его позиция мотивирована следующими обстоятельствами:

Медленное ведение следствия (на что повторно указывается).

Его сугубо обвинительный характер с незначительными вопросами.

Отказ слушания любого свидетеля со стороны защиты.

Условия, выдвигаемые судебным следователем на слушании, соблюдение которых означало бы допущение давления со стороны судебного следователя.

Статья, появившаяся в русской прессе 22 июля (оригинал прилагается к настоящему письму), свидетельствующая в очередной

раз о нарушении секретности следствия (публикация фотографий и показания Левинсона).

Вам уже было предложено дать объяснение по поводу того очевидного на сей раз факта, что кампания по дискредитации, жертвой которой стал господин Михайлов, получает поддержку из женевских источников.

Примите, господин следователь, уверения в моем совершенном почтении.

Ральф Освальд Изенеггер, адвокат.

* * *

Каждый допрос Зекшена превращался для Михайлова в психологический поединок. Несмотря на возражения самого Сергея и его адвокатов, его по-прежнему вывозили на допросы, предварительно облачив в два бронежилета. Они натирали тело, образовывая незаживающие язвы. Особенно тяжело было переносить эти бронежилеты летом. Но следователь оставался неумолим. Каждый раз, выслушав очередные претензии своего подследственного, Зекшен заявлял с неизменной улыбкой:

— Господин Михайлов, это делается в ваших же интересах. У нас есть сведения, что на вас готовится покушение, и мы обязаны вас оберегать. Я ведь тоже принимаю меры необходимой безопасности — езжу, например, теперь только в бронированной машине. Но я же не жалуюсь.

Однажды, когда Михайлова привезли на очередной допрос во Дворец правосудия, он увидел, что следователь сидит у открытого окна и любителю природой.

— Господин Зекшен, вы так осторожны, ездите, как вы мне сказали, на бронированном автомобиле, а окно оставляете открытым. Я вот сделаю сейчас два шага и выпрыгну в окошко, тем более что высота здесь небольшая, — сказал Сергей.

— Благодарю вас за подсказку, господин Михайлов, — сухо заметил Зекшен.

А когда Сергея привезли на очередной допрос, он увидел, что стекло в кабинете отливает синевой.

— Бронированное, — самодовольно улыбнувшись, пояснил следователь, заметив взгляд Михайлова. — Так что выпрыгнуть в это окно вам теперь будет затруднительно.

Для Зекшена то были дни его взлета, дни триумфа. Сразу же после того, как стало известно, что судебный следователь Жорж Зекшен возбудил уголовное дело против русского Сергея Михайлова, газеты запестрели пространными сообщениями. Стараниями журналистов Зекшен в один день превратился в одного из самых талантливых, перспективных и подающих надежды юристов Швейцарии. А один из репортеров даже разразился таким цветистым сравнением: «Наш молодой магистр юриспруденции не только выловил у берегов Женевского озера крупнейшую рыбу международной преступности. Он сумеет эту рыбу очистить и зажарить».

Готовясь к каждому очередному допросу, Зекшен был прежде всего озабочен тем, чтобы расставить ловушки для Михайлова. То он зачитывал ему записку о телефонном звонке неизвестной женщины, которая якобы знает, в каких местах Михайлов прячет свои деньги, и ждал, какова будет реакция. То заявлял, что в преступной организации, которую возглавлял Михайлов, теперь идет борьба за передел власти, а один из ближайших друзей Михайлова убит. Произнеся эту тираду, Зекшен замер: ему чрезвычайно важно было, что ответит на это подследственный. Ведь все ответы Михайлова после допросов становились предметом тщательного изучения психологами. И если бы, допустим, Сергей поинтересовался, кто именно из его друзей убит, то наверняка психологи сделали бы соответствующий вывод о том, что-де Михайлов допускает возможность убийства какого-то из друзей, так как в криминальном мире, к которому он принадлежит, такие события не редкость.

Но на все эти «ловушки» Сергей не реагировал, чем порой доводил Зекшена до иступления. «Господин Михайлов, ну почему вы молчите?!» — срываясь на бабий визг, кричал следователь, вмиг теряя свой внешний лоск и респектабельность. Но именно в такие моменты Сергей успокаивался, понимая, что выиграл у следователя очередной психологический раунд.

Собственно говоря, спокойствие пришло к Сергею после того, как во время одного из первых допросов полицейские сделали попытку его завербовать.

— Господин Михайлов, мы знаем, что вы в России человек очень влиятельный, входите в высокие сферы. Мы хотели бы, чтобы вы поделились с нами своими сведениями о преступном мире России, о высших чиновниках государства. Если вы не хотите возвращаться к себе на родину, мы могли бы изменить вам внешность с помощью пластической операции, выдать новые документы и отправить вас жить в какое-нибудь отдаленное, но весьма привлекательное местечко.

— Вы, вероятно, имеете в виду мое экономическое влияние, — уточнял Сергей, словно не замечая того, что его пытаются так топорно вербовать.

В те дни он и предположить не мог, что его заключение в тюрьме Шан-Долон растянется на долгих два с лишним года. Зато Зекшен после нескольких допросов прекрасно понял, что в общении с этим человеком ему нужны серьезные аргументы, а запугиваниями и шантажом он попросту ничего не добьется. Он пытался вывести Михайлова из себя тем, что бесконечно повторял одни и те же вопросы, на которые уже получил исчерпывающие ответы. Так, допросы по поводу нарушения Михайловым визового режима и попытки незаконного приобретения недвижимости продолжались целых полгода, хотя к этому моменту в распоряжении следствия были и прошение Михайлова о предоставлении ему вида на жительство в Швейцарии, и документы, подтверждающие, что покупку виллы он предполагал осуществить при помощи адвоката.

Потом Зекшен резко сменил тактику. Он не вызывал Михайлова на допросы по нескольку недель, а когда Сергея привозили во Дворец правосудия, следователь капризным тоном вопрошал, поправляя прическу плавным, чисто женским движением: «Господин Михайлов, ну почему вы никогда не скажете, как я выгляжу?»

Среди заключенных тюрьмы Шан-Долон ходили упорные слухи о своеобразных сексуальных пристрастиях Зекшена, и Сергей старался не реагировать на подобные вопросы, попросту оставляя их без внимания. Был однажды период, когда следователь не вызывал Сергея на допрос в течение двадцати дней, а когда наконец вызвал, то, лучезарно улыбаясь, словно сообщая приятную новость, заявил:

— Сегодня, господин Михайлов, наш допрос будет чрезвычайно коротким.

— Господин следователь, вы не вызывали меня на допрос двадцать дней, а теперь заявляете, что допрос будет коротким. Вы, должно быть, забываете, что я нахожусь в тюрьме.

— Вот видите, господин Михайлов, вы думаете только о себе. Вы даже не поинтересуетесь, где я был все это время.

— Да я знаю, что вы были в отпуске, — ответил Сергей, — но я вправе рассчитывать, что после отпуска вы проведете допрос и я смогу вам дать исчерпывающие ответы, доказывающие мою невиновность.

— Нет, господин Михайлов, — возразил Зекшен. — Сегодня у меня нет времени для долгого допроса. Мне нужен дантист, и я вынужден вас покинуть.

— Гинеколог тебе нужен, — не выдержал Сергей, и переводчица бесстрастно перевела его реплику.

— Он так и сказал? — изумился следователь и, покрывшись красными пятнами, выкрикнул: — Допрос окончен. Сейчас вы вернетесь в тюрьму.

Наконец настал тот день, когда следователь задал Михайлову первый вопрос о его конкретных коммерческих делах. Но напрасно Сергей решил, что эти допросы ускорят дело. По поводу только одной из его фирм Зекшен допрашивал его ровно три месяца. «У меня пять фирм, и если на вопросы по поводу каждой у него будет уходить столько времени, то только на допросы, связанные с моими фирмами, у него уйдет полтора года», — сделал вывод Михайлов. Именно после этого он отказался отвечать на вопросы Зекшена, заявив, что предпочитает использовать свое право на молчание.

* * *

И был судья из их судей.

Из «Сказок 1001 ночи»

Документы уголовного дела № Р9980\96

Решение Федерального суда Швейцарии № 1Р.279\1997

СУД ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

17 июня 1997 года

Вынесенное на основании протеста, предъявленного Сергеем Михайловым, в настоящее время заключенного в тюрьме Шан-Долон, против постановления Обвинительной палаты апелляционного суда кантона Женева от 11 апреля 1997 года в рамках процесса генерального прокурора кантона Женева против кассатора.

Решением от 11 апреля 1997 года Обвинительная палата апелляционного суда отказала в удовлетворении ходатайства о предварительном освобождении и продлила предварительное заключение Михайлова до 11 июля 1997 года. Рассматривая известные обвиняемому материалы дела в закрытом судебном заседании, Обвинительная палата апелляционного суда решила, что обвинения, предъявляемые кассатору по ст. 260 УК, являются убедительными, учитывая, в частности, свидетельские показания Упорова, сотрудника МВД, регионального управления города Москвы по борьбе с организованной преступностью, который подтвердил, что Михайлов является руководителем преступной организации «Солнцевская».

В данном случае Обвинительная палата апелляционного суда указала на материалы, на основании которых она сделала вывод о наличии достаточных подтверждений нарушения ст. 260 УК. Она не проигнорировала документы, представленные по этому поводу кассатором, но отклонила их, так как они не могли доказать, что Михайлов не является лидером преступной группировки «Солнцевская», и оправдать его немедленное освобождение.

Кассатор представил документы от различных российских органов власти, из которых следует, что против него не возбуждено уголовное дело в России. Но этих документов недостаточно для того, чтобы отвести подозрение в виновности. Документ, в котором говорится, что на кассатора не заведено досье криминалистического учета, свидетельствует лишь о том, что на основании российского законодательства он не был осужден в течение последних трех лет с момента выдачи данного документа, который в свою очередь не указывает на возможные предыдущие осуждения по уголовному делу.

Тот неопровержимый факт, что в настоящее время против Михайлова не возбуждено ни одного уголовного дела в России, ОБЪЯСНЯЕТСЯ БЕЗДЕЙСТВИЕМ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОРГАНОВ

ВЛАСТИ В РОССИИ. ДАЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ, ИХ БЕССИЛИЕМ (выделено мной. — О.Я.), и никак не уменьшает силу предъявленных ему обвинений.

На основании вышесказанного Обвинительная палата апелляционного суда на данной стадии процесса никак не могла не отметить существования серьезных подтверждений причастности кассатора к преступной организации (ст. 260 УК).

Напротив здания швейцарского Дворца правосудия сгрудились журналисты. Спасаясь от хлынувшего дождя, они укрылись под аркой старинного особняка, «ощетинившись» мощными телевиками своих фотоаппаратов и кинокамер. Перед дверью в зал судебных заседаний трое полицейских производили тщательный досмотр всех входящих, включая адвокатов. И диктофон, и фотоаппарат были изъяты у меня самым решительным образом. Один из полицейских кивнул на табличку, извещающую, что в зал нельзя проносить никакую аппаратуру, работающую от батареек. На мои попытки объяснить, что для прессы должны быть сделаны исключения, полицейский вполне резонно возразил:

— Мсье, мы не издаем законов и приказов, мы лишь их исполняем. Поторопитесь, мсье, заседание сейчас начнется.

Я глянул вверх, туда, где на лестнице стояли с десяток автоматчиков-полицейских, и вошел в зал, где в этот момент усаживались на свои места судьи Обвинительной палаты. Открылась боковая дверь, вооруженные охранники ввели высокого, крепко сложенного человека, одетого в строгий темный костюм.

— Здравствуйте, господин Михайлов, — поприветствовал его председательствующий судебного заседания. — Мы начинаем.

Вот так я впервые увидел Сергея Михайлова. И хотя он сидел лицом к суду, а следовательно, спиной к залу, успел заметить, насколько он бледен. За несколько часов до судебного заседания я узнал, что в тюрьме Шан-Долон, где содержится Сергей, он длительное время лишен прогулок на свежем воздухе. Чего уж тут удивляться бледности его лица.

Между тем судебное заседание шло своим чередом. В довольно просторном зале, отделанном светлым деревом и с огромным зер-

кальным стеклом-окном за спинами судей, первыми начали выступать адвокаты. Таков порядок. Сначала выступают представители стороны, подавшей ходатайство. В данной ситуации защита Сергея Михайлова обратилась в суд с просьбой рассмотреть их ходатайство об освобождении своего подзащитного, и потому все три адвоката, присутствовавшие на заседании Обвинительной палаты, выступали прежде, чем слово предоставили прокурору. Очень мне хотелось увидеть следователя Жоржа Зекшена, но по существующему закону следователь в зале суда не присутствует.

Буквально накануне, когда стало известно о дате слушания дела в Обвинительной палате, Жорж Зекшен вызвал на допрос Сергея. Прилетев в Женеву, я, даже не заезжая в гостиницу, отправился на бульвар Филосов, где размещался офис адвоката Ральфа Изенеггера. Отворив тяжелую дубовую дверь и привычно улыбаясь, секретарша проводила меня в просторную комнату ожидания, сообщив по дороге, что мэтр Изенеггер уехал рано утром, с тех пор не звонил, и потому неизвестно, когда вернется. Но поскольку она предупреждена о приезде господина журналиста, то я могу обождать возвращения мэтра в его офисе. Терпеливо выждав, пока я выбирал себе местечко поуютнее, секретарша осведомилась, какой я предпочитаю кофе, на мое желание выпить чаю отреагировала весьма своеобразной фразой: «О, понимаю, должно быть, мсье в дороге простудился», — и удалилась. Кляня себя, что не заехал в гостиницу, я прождал Ральфа больше двух часов. Он явился, явно чем-то озадаченный, и, едва со мной поздоровавшись, прошел к себе в кабинет, куда меня пригласили только полчаса спустя. На ломаном русском языке Изенеггер объяснил мне, что сегодня произошли «непонятные вещи» и ему нужно было самым срочным порядком проконсультироваться со своими коллегами — Алеком Реймоном и Ксавье Манье. Ральф сообщил, что он только что вернулся из тюрьмы, где присутствовал на допросе Сергея Михайлова следователем Зекшеном.

— Непонятно, для чего следователю понадобился этот допрос, — поделился со мной защитник. — Вопросы были ничего не значащими, более относящимися к биографии господина Михайлова и уж никак не имеющими отношения к делу. Ты понимаешь, он расспрашивал его, когда родился, когда женился, с такой заинтере-

сованностью, как будто в первый раз увидел. Понятно, что этот допрос, хотя допроса как такового вовсе не было, понадобился ему для какого-то тактического хода. Что-то он придумал.

— Почему ты так думаешь, Ральф?

— Не только я так думаю, так думают и Алек и Манье. Понимаешь, последнее время Зекшен Сергея почти не допрашивает. Да ему и некогда. Он все время в разъездах. То в Израиле, то в США, то в Австрии, то вообще неизвестно где. Но каждый раз перед заседанием Обвинительной палаты он проводит допрос, и потом в суде прокурор ссылается на то, что у следствия появились новые факты, которые они оглашать не хотят, но на основании которых требуют продления содержания под стражей.

— Так что же тебя удивляет? Ты же сам говоришь, что допросы Зекшен проводит накануне заседания Обвинительной палаты, вот и теперь он сделал то же самое.

— Не совсем. Раньше это были достаточно формальные, но все же допросы, на которых он хоть о чем-то спрашивал по делу. А сегодня, как я тебе уже сказал, он, видимо, просто вызвал Сергея, чтобы зафиксировать факт процедуры допроса.

— Значит, ты полагаешь, что Обвинительная палата отклонит ваше ходатайство об освобождении?

— Как ты любишь задавать неудобные вопросы, — недовольно поморщился Ральф. — Пойми наконец, даже в более простой ситуации я не мог бы тебе ответить однозначно или дать стопроцентную гарантию. Ведь решают судьи. Наша позиция ослаблена тем, что мы не знаем, что находится в досье у Зекшена. Да, мы скрупулезно собираем все документы, а они свидетельствуют о полной невиновности Сергея. Я надеюсь, что, рассмотрев эти документы, судьи поймут, что нет никакой мотивации держать Михайлова в тюрьме. Конечно, я не рассчитываю, что они освободят его полностью прямо сейчас, но вполне могут выпустить на свободу под подписку о невыезде или под денежный залог.

В тот послеобеденный час, когда мы беседовали в офисе Ральфа Изенеггера, ни он, ни его коллеги-адвокаты не знали, какой казуистический ход придумал Зекшен при поддержке Кроше. Только поздним вечером в адвокатскую контору, где работал Ральф, по-

ступило сообщение из следственных органов, что Зекшен своей единоличной властью изъясил из досье Михайлова все документы, опровергающие обвинение. Аргументация этого была столь же незаконна, как, собственно, и само решение. Все представленные защитой документы, по мнению Зекшена, — фальшивка. Да, имеются печати и подписи ответственных работников, несущих за эти подписи и печати юридическую ответственность, но следовательно неумолим: он допускает (только допускает!) мысль о том, что бланки, печати, подписи могут не быть подлинными. В таком случае Михайлов подкупил людей, предоставивших в распоряжение следствия аффидевиты. Каким образом мог это сделать человек, находящийся в тюрьме и даже на прогулки выводимый в одиночестве, следовательно не комментирует. Он этого процесса не исследовал. Он в нем просто убежден. И призывает разделить свои убеждения и прокуратуру, и суд.

Но об этом решении вечером знали только адвокаты. Манье появился во Дворце правосудия минут за десять до начала заседания Обвинительной палаты. Был он хмур, против обыкновения, неразговорчив, облачившись в мантию, которую достал из портфеля, прошел к своему месту в зале суда и тут же зашуршал извлеченными из того же портфеля бумагами. Слово ему предоставили первому, и он сразу обрушился на судей и прокурора:

— Я допускаю мысль, что швейцарская юстиция осторожна, что она напугана некой угрозой со стороны Восточной Европы и пытается от этой угрозы защититься. Я даже могу понять, что, защищаясь от этой угрозы, швейцарская юстиция как метод защиты выбрала излишнюю строгость, — говорил Манье. — Но нет такой цели и нет такой ситуации, которые позволили бы нарушать закон. Откуда сложилось мнение, что Сергей Михайлов представляет собой какую-то опасность для Швейцарии? Это мнение сложилось только на основании выводов следователя Зекшена. Следователя, который вышел за рамки своей роли и вместо того, чтобы представить суду доказательства, обвиняет Михайлова, то есть берет на себя полномочия не следователя, но суда. Исчерпав свои аргументы, Михайлов отказался отвечать на вопросы Зекшена. И тогда следователь мотивирует свою просьбу перед судом о продлении заключения тем,

что обвиняемый должен говорить. Но ни в одной демократической стране не отменено право на молчание.

Сергей Михайлов обратился в европейский суд в Страсбург, — продолжал свою речь бельгийский адвокат. — Это обращение не является протестом против ваших мер. Это нормальная реакция человека, в отношении которого нарушается закон. Вы хотели привлечь к делу Михайлова внимание всего мира. Полагаю, что теперь, после обращения в Страсбург, на это дело сможет взглянуть весь мир.

Адвокат Алек Реймон был более лаконичен, но в его словах чувствовалась едва сдерживаемая ярость:

— Вы рассчитывали, что дело Сергея Михайлова спровоцирует чуть ли не революцию во всем мире и со всего света к вам посыплется просьбы о взаимопомощи и требования о выдаче господина Михайлова. Вы этого ждали. Но этого не произошло. И тогда вы решили взять на себя функцию всемирных обвинителей и наказать человека, чьей вины не признают ни в одной стране. Но вместо этого вы показали всему миру, что Швейцария является полицейским государством. Вы объявили себя полицейскими мира! — вот буквально такими словами завершил свою краткую гневную речь женеvский адвокат Алек Реймон.

Теперь в суде настала очередь выступать прокурору Жану Луи Кроше. Всегда разный — то яростно атакующий, то иронично-насмешливый, он на сей раз предпочел краткую сдержанность. У господина Кроше были на то свои, и весьма серьезные, причины. Кто, как не он, прекрасно понимал, что принятое накануне решение об изъятии из следственного досье аффидевитов, доказывающих невиновность подсудимого, акт столь же беспрецедентный, сколь и незаконный. Вряд ли Кроше беспокоился, что судьи Обвинительной палаты упрекнут его в нарушении законов. Его, скорее, беспокоило, что палата, которая в этом деле явное предпочтение отдавала обвинению, может испугаться именно того, что подобного не было ни в одной демократической стране мира. И потому Кроше был сдержан. Лишние аргументы, ненужная горячность или неуместная ироничность сейчас могли только навредить. И он предпочел ни словом не упоминать о незаконном решении.

— Да, правы те, кто упрекает нас в том, что следствие ведется медленно. Но, господа, такое следствие и не может вестись быстро. К тому же сам господин Михайлов изрядно тормозит дело. Он тормозит его тем, что отказывается сотрудничать со следствием. Господин Михайлов избрал неверную тактику, он обжалует все наши решения, а рассмотрение каждого такого обжалования требует немало времени. Мне кажется, господин Михайлов просто смеется над следствием. Но мы соблюдаем закон. И если господин Михайлов придерживается этой своей тактики, мы не станем ему мешать. Мы лишь должны дать время времени. И время все докажет и все расставит на свои места.

— Благодарю вас, господин прокурор, — произнес председательствующий Обвинительной палаты Мишель Крибле. — А теперь я предоставляю слово господину Михайлову.

— Вот уже год я в тюрьме. Считаю, что не виновен ни по одному пункту, предъявленному мне следователем, — заговорил Сергей. Он произносил фразы размеренно, давая возможность переводчице застенографировать каждое слово. — В речи прокурора прозвучала фраза, что я смеюсь над следствием. Но поверьте, мне не до смеха. Мой отец болен, он при смерти, а я не могу его увидеть. Мой бизнес остановлен, и я терплю огромные убытки. Мое дело полностью сфабриковано. Девять месяцев мое досье было закрыто, и ни я, ни мои адвокаты не могли узнать, в чем меня все-таки обвиняют. Недавно я узнал, что еще несколько месяцев назад из московского РУОПа поступил официальный документ о том, что в России против меня нет уголовных дел. Однако лишь неделю назад этот документ попал в мое досье. Вы можете лить на меня грязь, но я считаю, что в цивилизованной стране с должным вниманием должны относиться к официальным документам и актам экспертиз, в том числе и международных.

В тот момент Сергей еще не знал, что и этот документ, и какие-либо другие, свидетельствующие о его невиновности, из досье буквально несколько часов назад изъяты. И именно в этом месте его перебил Мишель Крибле, резко выкрикнув:

— Вы не имеете права обвинять власть и можете говорить только о том, что касается лишь вашей собственной защиты.

— А я и не обращаюсь к власти, — невозмутимо возразил Сергей. — Я же прекрасно понимаю, что все мною сказанное — это глас вопиющего в пустыне. Говоря о справедливости, я уповаю только на Бога. Мои же высказывания здесь в большей степени обращены к присутствующим в зале журналистам. Если среди них есть люди, имеющие совесть, они расскажут всему миру о том, что здесь происходит.

Переводчица добросовестно записала в блокнот последнюю фразу, но долго не могла приступить к переводу. Ее смутила фраза «глас вопиющего в пустыне». В конце концов она выкарабкалась из сложной ситуации, переведя это так: «Голос человека, кричащего на песке». Не обращая ни малейшего внимания на явное замешательство судей, не понимающих, о каком песке идет речь, мадам опустила на свое место с довольным видом человека, добросовестно исполнившего свой долг.

Суд начался в 17 часов. За два часа и пятнадцать минут, что длилось заседание Обвинительной палаты, в зале несколько раз менялись четверки вооруженных охранников и по два полицейских офицера. В 19 часов 20 минут суд удалился на совещание. Лестничные пролеты коридоров Дворца правосудия были по-прежнему заполнены автоматчиками. Один из адвокатов сказал:

— После прошлого заседания суд пробыл в совещательной комнате минут десять, не больше. Даже для того, чтобы зачитать решение, судье понадобилось больше времени, чем ушло на совещание. Понятно, что решение было готово, в него просто вписали какие-то технические данные. Интересно, сколько времени они будут заседать сегодня?

Прошел час, на исходе был второй, когда адвокатам, журналистам и всем присутствующим на суде разрешили зайти в зал. Процедура досмотра повторилась. Председатель суда зачитал решение: учитывая ходатайства следствия и прокуратуры, арест Сергея Михайлова продлен еще на три месяца, до 7 января 1998 года. И все же доводы адвокатов, а главным образом, как мне, во всяком случае, тогда показалось, самого Сергея Михайлова возымели действие. В решении суда было сказано, что следствие должно проводиться более интенсивно. Суд постановил также, что следователь должен допросить тех свидетелей, которых требует выслушать С. Михайлов.

Дождь все не прекращался. Журналисты не сумели разместиться под козырьком у входа во Дворец правосудия. Часть из них, подняв воротники курток и плащей, все же предпочли мокнуть, ожидая выезда полицейской машины. По узкой улочке, идущей вдоль Дворца правосудия, промчался крытый синий микроавтобус с зарешеченными окнами. Несмотря на вой сирены, было слышно, как по крыше машины звонко бьет дождь. В России говорят: «Дорога в дождь — счастливая дорога». Но то говорят в России. Синяя машина с решетками на окнах, прорываясь сквозь дождь, мчалась в швейцарскую тюрьму Шан-Долон. Российские приметы в Швейцарии не действовали. Свои законы, свои порядки. И постановление Обвинительной палаты, в котором следователь обязывался выслушать свидетелей защиты, Зекшен имел в виду. До того самого момента, пока в судебном заседании не начались допросы, Зекшен не вызвал ни одного свидетеля защиты. Был, правда, эпизод, когда трое свидетелей Сергея Михайлова — два его бывших компаньона и один из сотрудников — явились в суд без приглашения. Но выслушать их никто не пожелал.

...Принято считать, что повязка на глазах Фемиды символизирует ее беспристрастность перед какой бы то ни было личностью, полную объективность и преклонение перед одним только законом. Но в Женеве служители Фемиды пользовались, по-моему, ее же повязкой, чтобы завязать глаза самим себе и не видеть того, чего им видеть не хотелось. Во всяком случае, во время заседаний Обвинительной палаты судьи выглядели не только ничего не видящими, но и ничего не слышащими. Одним из оснований послужила якобы существующая где-то магнитофонная запись от 26 апреля 1996 года, из которой становится понятным (кому?), что господин Михайлов является лидером одной из преступных группировок. Вероятно, понимая, что сие основание столь же недостаточно, сколь и неубедительно, в решение суда тогда записали фразу о том, что шесть месяцев заключения — срок, недостаточный для того, чтобы следствие сумело раздобыть обоснованные подтверждения и доказательства тем обвинениям, которые против Михайлова выдвигались. К тому времени Зекшен уже понял, что инкриминируемое им Михайлову отмывание денег оказа-

лось несостоятельным, лидерство в преступной группе, как и организация неких заказных убийств, тоже не доказано, вот и цеплялся следователь за улики косвенные, да и те рассыпались на глазах. И это несмотря на содействие спецслужб разных стран.

Чувствуя, что почва окончательно уходит из-под ног, женеvский следователь высказал сомнение в объективности писем, поступивших в Швейцарию за подписью начальника следственного управления прокуратуры России В. Казакова и прокурора Солнцевского района Москвы В. Киселя. В прокуратуре России отреагировали мгновенно. В. Казаков был подвергнут постыдному допросу, в ходе которого заместитель генерального прокурора Б. Катгышев предупреждал своего подчиненного, что тот несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний. В ходе полуторачасового допроса зампрокурора получил возможность убедиться, что Казаков составил свой ответ на основании объективных данных и вполне обоснованно сообщил властям Швейцарии, что Сергей Анатольевич Михайлов российским законом не преследуется. Одновременно был допрошен и прокурор Солнцевского района. На протяжении более чем двух часов он доказывал старшему следователю по особо важным делам прокуратуры России П. Трибою, что в районном суде никогда не рассматривалось дело о преступной «Солнцевской» группировке. Во время допроса прозвучало даже сомнение по поводу того, что В. Кисель слишком быстро подготовил для швейцарских властей подобный ответ. Так что и знание прокурором обстановки в своем районе вызвало подозрение. Несмотря на совершенную очевидность и законность документов, и В. Казакову, и В. Киселю задавался один и тот же вопрос: собственноручно ли они подписали отправленные в Швейцарию ответы? А когда российская прокуратура вынуждена была подтвердить законность подписей и содержания отправленных в Швейцарию писем, Крибле принял мудрое решение, в соответствии с которым полгода, проведенные в тюрьме, — слишком маленький срок для установления истины.

Практически все заседания Обвинительной палаты проходили по одному и тому же сценарию. Адвокаты обрушивали на председательствующего Мишеля Крибле поток новых документов и фактов. Затем прокурор Жан Луи Кроше, не приведя в качестве аргумента ни одного факта, заявлял о том, что у следствия появились новые обстоятель-

ства, которые позволяют просить палату о продлении содержания господина Михайлова под стражей. После этого суд удалялся на совещание, и, независимо от того, сколько времени длилось это заседание за закрытыми дверями, решение выносилось (с незначительными вариациями) одно и то же: учитывая, что у защиты не появилось никаких новых доказательств невиновности обвиняемого, а следствие располагает новыми значительными фактами, тюремное заключение господина Михайлова продлевается на три месяца. Судья Крибле решительно игнорировал все попытки защиты выслушать хоть какие-то доводы в пользу Михайлова, строго придерживаясь, как я уже сказал, видимо, заранее утвержденного сценария. Лишь одно заседание — оно проходило все в том же Женевском Дворце правосудия на площади Бург де Фур, 1, — несколько отличалось. Отличалось не просто не прикрытым, а бы сказал, показным цинизмом. Когда я сидел в зале, где шло слушание, у меня возникло странное ощущение, что здесь проходит не суд, а тщательно отрепетированный спектакль. Причем на сцене разыгрывается не драма, а скорее, оперетта. Настолько неправдоподобны были почти все действующие лица. В итоге, воспроизводя сейчас в памяти это заседание Обвинительной палаты — оно состоялось в марте 1998 года, — я попытаюсь его представить в не совсем обычном виде.

Итак,

«МЫШИНАЯ НОРА»

Либретто для оперетты

Публикуется с комментариями автора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Председатель Обвинительной палаты Женевы: исполняет Мишель Крибле.

Члены суда: исполняют Кристиан Марфюр и Пьер Пашу.

Бельгийский адвокат: исполняет президент ассоциации адвокатов Бельгии Ксавье Манье.

Швейцарские адвокаты: исполняют мэтр Алек Реймон и мэтр Ральф Освальд Изенеггер.

Обвиняемый: вынужденно исполняет Сергей Михайлов.

Охрана: исполняют швейцарские полицейские и вооруженная охрана тюрьмы Шан-Долон и женевского Дворца правосудия.

Пресса: исполняют швейцарские и зарубежные журналисты.

Шумовые эффекты за сценой: исполняют лжесвидетели Николай Упоров, Майкл Шранц, Роберт Левинсон и др.

Автор сценария и постановщик спектакля — судебный следователь Жорж Зекшен.

Главный дирижер спектакля — прокурор Жан Луи Кроше.

Место действия — зал «П» женевского Дворца правосудия.

Время действия — конец XX века.

Предваряя само действие, сразу хочу предостеречь читателей от возможно неверных выводов. Кому-то может показаться, что авторы спектакля остановили свой выбор на оперетте, предпочитая столь легкомысленный жанр иным, или потому, что более серьезные жанры им оказались не по плечу. Смею заверить, что господа, занимающиеся постановкой и увлеченные дирижерскими импровизациями, весьма искушены и опытны в своем деле. А оперетту они выбрали потому, что именно этот единственный жанр позволяет серьезно говорить об абсурдном, скрупулезно использовать то, чего в природе вовсе не существует.

Возьмем, к примеру, классическую для сцены ситуацию, когда муж на балу не узнает свою жену только потому, что она надела другую шляпку. Согласитесь, что такое возможно только в оперетте, и нигде больше. А где еще, как не в оперетте, при развитии трагических событий играет веселая музыка, а герои лихо пляшут. Надеюсь, этот небольшой экскурс в историю оперетты помог мне доказать, что этот, с позволения сказать, легкий жанр был выбран авторами постановки вполне осмысленно, ибо открывал перед ними совершенно чудодейственные возможности и перспективы. Ну а теперь — непосредственно к действию.

Открываются двери, зрители занимают свои места. Зал Обвинительной палаты декорирован деревом, на сцене возвышаются черные кресла членов суда, слева — дирижерский пульт, то бишь трибуна, место за которой через несколько минут займет дирижер-прокурор.

Внизу, у ног его, расположатся обвиняемый, защита, переводчики, охрана. Мебель в зале казенная. Крепкие деревянные скамьи ничем не отличаются друг от друга — ни те, на которых сидят зрители, ни те, на которых отведено место обвиняемому. Может, это проявление высшей демократии, а может, и намек со стороны швейцарской юстиции: дескать, сегодня он в этом зале зритель, а завтра может переместиться на несколько рядов вперед и занять скамью подсудимых с теми же основаниями, с которыми сегодня занимает это место Сергей Михайлов.

ПЕРВЫЙ АКТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Председатель палаты открывает заседание и предоставляет слово прокурору Жану Луи Кроше.

— К настоящему моменту судебный следователь завершил расследование, — заявил прокурор. — Дело передано в прокуратуру для составления обвинительного заключения. Полагаю, что судебный процесс должен состояться в мае нынешнего года. Прокуратура в моем лице требует продлить предварительное заключение господина Михайлова на три месяца, поскольку если процесс начнется в мае, то он, возможно, будет закончен до 6 июня, что является окончанием трехмесячного срока, начинающегося сегодня. Я категорически возражаю против освобождения обвиняемого, так как существует реальный риск сговора с целью обмана суда. Учитывая, что у господина Михайлова нет родственных связей в Швейцарии, существует также реальный риск его побега из страны. Несомненно, что даже перечисление крупного денежного залога не предотвратит его побега из страны.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ЛИБРЕТТО

У кого-то может сложиться впечатление, что господин Кроше дурно исполняет свою роль. Я вынужден заступиться за дирижера. Как уже было сказано, он весьма искушен в своем деле. И постоянные посетители Дворца правосудия знают, как может блеснуть Жан

Луи Кроше. О, как бывал он красноречив на этой сцене, к каким блистательным метафорам и разящим сравнениям прибегал! Как замороженные, бывало, следили судьи за его манипуляциями дирижерской палочкой и, являя собой слаженный ансамбль, исполняли мелодии в дирижерской трактовке прокурора.

Что же произошло на сей раз? Да в том-то и дело, что — ничего. Зачем распылять свой талант, если финал заранее предопределен? Прокурор, как всегда, утверждал, что за прошедшее время у защиты не появилось никаких новых аргументов. На самом же деле он исполняет хорошо отработанный классический опереточный прием, когда подгулявший муж вместо того, чтобы оправдываться, начинает во всех грехах обвинять свою жену. А что, собственно, говорить прокурору? На протяжении полутора лет «постановщик» Жорж Зекшен вместе с «дирижером» Жаном Луи Кроше пытались доказать причастность Сергея Михайлова к русской мафии, к преступлениям, которые он якобы совершил в Израиле и в других странах.

В результате из России, Израиля и других стран, куда отправлялись запросы и неоднократно выезжал сам Зекшен, пришли официальные ответы, что у правоохранительных органов этих стран никаких претензий к господину Михайлову нет.

Людам, причастным к театру, хорошо известно, какой важный фон могут создать шумовые эффекты за сценой. Не найдя никаких фактов, подтверждающих вину заключенного, постановщики спектакля занялись подготовкой шумовых эффектов. И находящиеся за сценой лжесвидетели полностью оправдали свое назначение. Есть старый как мир театральный прием. Когда нужно создать на сцене или за сценой сильный, все заглушающий шум, группа статистов начинает вразнобой, но очень громко произносить одну и ту же фразу, многократно ее повторяя: «Что говорить, если нечего говорить, что говорить, если нечего говорить...» Практика театральных постановок показала, что именно эта глупость и бессмыслица создают впечатление наибольшего шумового эффекта.

Если вновь внимательно прочитать показания свидетелей, вернее, как теперь уже доказано, лжесвидетелей Николая Упорова, Роберта Левинсона, Майкла Шранца, Александра Абрамовича и па-

рочки им же подобных, то коротко их показания можно было бы резюмировать все той же пресловутой фразой: «Что говорить, если нечего говорить». Упоров работал в московском РУОПе, уволившись, бежал в Швейцарию. Ни одно из его показаний не имеет документального подтверждения. В «доказательство» он произносит туманно одно и то же: «Я основываюсь на оперативных данных». И хотя ни один суд в мире никогда не выносил обвинительный приговор, основываясь на оперативных данных, следствие продолжает упорно величать Упорова (простите за тавтологию, честное слово, не нарочно) главным свидетелем обвинения, и его бред скрупулезно протоколируется. Агент ФБР Роберт Левинсон от Упорова отличается разве что местом жительства. А так — близнецы-братья. Та же необузданная фантазия, не подтвержденная никакими документами. Если поверить Левинсону в том, что он действительно занимался этим на территории России, то эту деятельность следует охарактеризовать не иначе как шпионской.

Сегодня в своих показаниях он ссылается на некие «источники информации». Что за «источники» — никому не ведомо, а сам Левинсон тайны не раскрывает, призывая, как и Упоров, верить ему на слово. Впрочем, какова цена информации его «источников», уже имели возможность убедиться и судьи Обвинительной палаты, и участники проходившей в Москве международной пресс-конференции. В свое время перед судьями, а чуть позднее перед журналистами предстал Леонид Орлов, тот самый Орлов, которому — напомним, если кто забыл, — по указанию Михайлова выкололи глаз. Тогда в Москве журналисты минут десять сверкали блицами своих камер, запечатлевая на пленке совершенно здорового, без всяких физических изъянов человека. Но это как раз нормально, это именно в духе оперетты — человек без глаза вдруг оказался с глазами. Я потому и напомнил об этом эпизоде еще раз, что он как раз укладывается в сценарий оперетты и более никакому жанру не подошел бы.

Не меньших успехов в опереточном жанре достигли постановщики со свидетелем Майклом Шранцем. Он, опять-таки напомним, слышал разговор Сергея Михайлова в 1995 году и из этого разговора сделал вывод, что господин Михайлов принадлежит

к криминальным структурам. Потом, правда, Шранц вспомнил, что Михайлов поручил ему еще и серию убийств. Тут уже пахнет не опереттой, а нескончаемыми бразильскими и мексиканскими сериалами, где герои не только плачут, но и постоянно теряют память. Так вот, когда гражданина Австрии Шранца спросили, насколько хорошо он знает русский язык, чтобы судить о сути разговора Сергея Михайлова, он ответил, что русский язык до 1995 года понимал прекрасно, а вот в 1996 году забыл начисто. Ну просто до такой степени, что теперь ни одного слова вспомнить не может.

Кто-то из зрителей, вернее, читателей может усомниться: да неужто возможно, что в таком серьезном деле свидетели подобрались один к одному — сбежавший из России в Швейцарию бывший милиционер, сбежавший из Австрии в США бывший охранник фирмы, которого разыскивает полиция его страны, сбежавший из России в Америку бизнесмен, против которого на его родине возбуждено уголовное дело, уволенный из ФБР агент, который непонятно где провел три года. Но напомним, что постановщиками нашего спектакля был избран именно жанр оперетты, где подобные абсурды не просто возможны, но возведены в степень нормы. Такой нормой следователь и прокурор посчитали изъятие из досье всех документов оправдательного характера, а также полное игнорирование всех свидетелей со стороны защиты.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

После выступления прокурора слово предоставляется адвокатам.

— Арестовав Михайлова без всякой причины, следствие засекретило досье, чтобы оправдать свои действия, — заявил мэтр Ральф Освальд Изенеггер. — У следствия нет ровным счетом никаких доказательств вины. Михайлов не преследуется законом других стран, он не совершил ни одного преступления в Швейцарии. Михайлова лишают его священного права на защиту, и мы, адвокаты, вынуждены были в связи с этим обратиться в Европейский суд по правам личности, откуда ожидаем ответа.

Мэтр Алек Реймон:

— Более года следствие велось неспешно, оно никуда не топилося, а в основном блуждало в закоулках административных правил. И вдруг теперь прокурор заявляет, что следствие закончено, составляется обвинительное заключение, и, по его мнению, дело уже в мае будет рассмотрено одной из судебных инстанций. Откуда такая поспешность?

Мэтр Ксавье Манье:

— Однажды Мартин Лютер Кинг рассказал, что ему приснился сон: он находится в тюремной камере. Мартин признался, что это был самый кошмарный сон в его жизни. Но сны хороши хотя бы тем, что они, даже самые кошмарные, быстро заканчиваются. Заключение же Сергея Михайлова уже длится более семнадцати месяцев, так что его кошмар просто невероятен. Он кошмарен еще и тем, что человека содержат в тюрьме без всякого на то основания, не имея никаких доказательств его вины. Все так называемые улики, собранные следователем, рассыпались одна за другой, дело оказалось пустым, да, по сути, и нет никакого дела. Я бы мог сказать, ознакомившись со следственным досье, что гора родила мышь. Но даже так говорить нельзя, потому что нет никакой горы, есть просто мышиная нора.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ЛИБРЕТТО

Остроумный бельгийский адвокат с присущим ему блеском экспромтом дал название этой отвратительной по смыслу постановке — «Мышиная нора». Все точно и очень в духе оперетты. События больше года развивались весьма неспешно. Так неспешно, что несколько раз своими решениями Обвинительная палата обязывала следователя Зекшена активизировать свою деятельность. Сразу после таких решений Зекшен отправлялся в длительный зарубежный вояж, где снова и снова опрашивал людей, уже не единожды им опрошенных. Ни одного нового документа после этих допросов в досье не появлялось. И вот теперь — бах-трах — прокурор заявляет: следствие закончено, приступаем к составлению обвинительного заключения, в мае начинаем процесс. Получается, что человек ничто, меньше даже песчинки в понимании этих людей, которые

кичатся тем, что олицетворяют западную демократию. Поэтому не только прокурор, но и председатель Обвинительной палаты Мишель Крибле позволил себе быть немногословным, ибо решение уже принял заранее. А означает сие, что адвокаты в сроки, определенные прокурором, должны ознакомиться с обвинительным заключением, а судьи — в сроки, опять-таки прокурором назначенные, — рассмотреть дело и провести судебное следствие. Да где же такое видано?! Только в оперетте, но никак не в зале суда, где не под музыку, а на самом деле решается или по крайней мере должна решаться судьба человека.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Слово предоставляется Сергею Михайлову.

— Я остаюсь на своих позициях и утверждаю, что я невиновен. Прокурор высказывает предположение, что, если меня выпустят до суда, я могу скрыться. Но это абсурд. У меня в Швейцарии закрытые банковские счета, здесь мои партнеры по бизнесу. Разве это не гарантия того, что я никуда не скроюсь? Я хотел бы обратить внимание членов Обвинительной палаты на то, что нарушаются процедурные нормы. Во время допроса господина Упорова мои и его ответы переводит на русский язык переводчица, недостаточно хорошо знающая русский язык. Мои же требования заменить переводчицу на более квалифицированную воспринимаются как каприз. Несмотря на мои настоятельные требования, так до сих пор не допрошен ни один из моих свидетелей. Как же я могу в таких условиях защищаться, доказывать свою невиновность? И сегодня у членов Обвинительной палаты я прошу только одного — объективности.

АНТРАКТ

Действующие лица покидают сцену, зрители выходят из зала. Антракт обычный, он занимает столько времени, сколько обычный антракт в обычном театре. Через полчаса все возвращаются в зал. Поднимается занавес.

ВТОРОЙ АКТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Председатель женевской Обвинительной палаты Мишель Крибле оглашает решение продлить Сергею Михайлову содержание под стражей на три месяца.

Занавес опускается.

Заседания Обвинительной палаты проводились каждые три месяца и являлись логическим следствием того правового беспредела, которым отличалось следствие по делу Сергея Михайлова. Хотя текст решения палаты каждый раз составлялся заново, содержание документа не изменялось. Собственно говоря, составление новых текстов с периодичностью в три месяца нужно было председательствующему Мишелю Крибле лишь для того, чтобы создать видимость взвешенного подхода к каждому последующему решению. Даже многоопытные адвокаты были поражены и обескуражены этими решениями. Суть их оставалась неизменной: в связи с тем, что существует опасность сговора (как вариант — побега из страны), меру пресечения Сергею Михайлову оставить прежней — содержание под стражей. Никакие доводы защиты на Мишеля Крибле не действовали. Даже когда Жорж Зекшен находился в отпуске и вовсе не допрашивал Михайлова, Крибле все равно в своих решениях отмечал, что у следствия появились новые факты. Лишь однажды под напором адвокатов он вынужден был включить в текст решения фразу о том, что следствие ведется слишком медленно и господину Зекшену следует ускорить расследование, вести его более интенсивно. Адвокаты было воспрянули духом, это изменение стандартного текста они расценили как предзнаменование того, что вскоре будет готово обвинительное заключение и дело передадут в суд. Но Зекшен сие предписание воспринял, а вернее, использовал по-своему: он отправился в очередной вояж, еще раз побывал в Израиле, Бельгии, Америке, где опять допрашивал тех, кого уже не раз допрашивал прежде. Список свидетелей обвинения оставался неизменным, но это почти кругосветное путешествие снова дало

формальную возможность Зекшену отказаться от допроса свидетелей защиты. Следователь был надежно прикрыт прокурором Кроше и председателем Обвинительной палаты Крибле и потому действовал, а вернее, бездействовал совершенно безбоязненно. В результате многочисленных жалоб Сергея Михайлова и его адвокатов юридические власти кантона Женева отстранили Мишеля Крибле от ведения уголовного дела Михайлова, но это произошло уже незадолго до суда.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Конечно, условия в Шан-Долоне не сравнить с условиями содержания заключенных в российских тюрьмах. В женеvской тюрьме у меня были возможности для занятий спортом, в камере я находился один, и мне никто не мешал читать, изучать материалы дела. Там есть специальные комнаты, где можно отправлять религиозные обряды. Сначала я посещал службы, которые вел протестантский священник, но после одного эпизода перестал к нему ходить. Этот священник читал какую-то проповедь и, обращаясь к другим заключенным, сказал примерно такую фразу: «Вот видите, даже мафия слушает с вниманием», — и при этом взглянул на меня. Больше я у него не появлялся. Прошло примерно полгода, и на Пасху этот священник сам меня навестил, принес пирог. «Господин Михайлов, — обратился он ко мне, — я прошу меня извинить, если я что-то не так сказал». Но я к тому времени еженедельно посещал католического священника Алана Рене Арбе. С ним мы вели многочасовые беседы, порой даже спорили, но беседовать мне с ним всегда было очень интересно. Хотя Алан Рене мог говорить и на русском языке, мы беседовали только на немецком по моей просьбе. Так что встречи со священником давали и неплохую языковую практику.

После того как мне запретили выходить на прогулки с другими заключенными, мое общение было крайне ограниченным. Тюремные новости я теперь узнавал только от своих соседей по коридору, когда мы вместе завтракали или ужинали. Тюремная администрация мне не раз предлагала питаться

в камере. Эти предложения объяснялись заботой о моей безопасности, но я всякий раз отказывался и продолжал питаться вместе со всеми. Я не искал чьей-то дружбы или более тесных контактов, но и находиться постоянно в полной изоляции было тоже тяжело. К тому же иногда от других заключенных можно было услышать какую-то полезную информацию.

Вскоре после ареста мне довелось встретиться с консулом Израиля в Швейцарии Стеллой Раап. Эта дама приехала в тюрьму специально для встречи со мной, а к тому времени у меня кроме российского уже было израильское гражданство. Я ожидал, что она примет какое-то участие в моей судьбе, а вместо этого она привезла какую-то анкету, в которой было, если мне память не изменяет, семнадцать вопросов. Я ответил на все эти вопросы, и мадам консул, практически так меня и не выслушав, уехала. В Шан-Долоне некоторое время находился еще один заключенный израильтянин. Он говорил на русском языке, но наши встречи с ним ни у кого не вызывали подозрений. Тюремная администрация получила указание, чтобы было исключено мое общение с гражданами России. А поскольку этот человек являлся гражданином Израиля, хотя и русскоговорящим, то нам общаться никто не запрещал. Он тоже встречался с консулом. Однажды он подошел ко мне после обеда и сказал: «Знаешь, Сергей, консул опять приезжала, я ей сказал, что меня беспокоит судьба еще одного израильтянина. Она спросила, о ком я говорю, и я назвал твое имя. А консул мне говорит: "Кроме вас, в этой тюрьме других израильтян нет. Во всяком случае, я так считаю"». После этого разговора я понял, что на помощь мадам консул мне рассчитывать не приходится.

Были в тюрьме и просто интересные встречи. Однажды, а это было в то короткое время, когда мне еще разрешались совместные прогулки, ко мне подошел очень высокий худой человек. По-русски он спросил, на каком языке мне удобно с ним разговаривать. Я ответил, что русский язык меня вполне устроит. Этот человек пояснил: «Я слышал, что у вас есть израильское гражданство, поэтому, если хотите, можем говорить на иврите. Можно также говорить на английском, на немецком, на французском и даже на китайском. Все эти языки я знаю, как родной». Я удивился такому обращению и повторил, что русский язык меня вполне устраивает. После

этого человек довольно церемонно представился: «На разных языках мое имя звучит по-разному, вы по-русски можете называть меня Владимир, а фамилия моя Дзержинский». Я на него взглянул, ему бы бородку — и вылитый Феликс Дзержинский. Необычна и интересна судьба этого поистине необыкновенного человека. Он сын старшего брата Железного Феликса. В начале тридцатых годов Владимир Дзержинский вместе со своей матерью был отправлен Менжинским в лагерь. Но матери удалось каким-то образом переправить Сталину письмо. Это был один из тех редких случаев, когда Сталин кого-то освобождал. Но мать долго не прожила, и Володю усыновила жена Дзержинского. На семейном совете решили, что парень должен пойти по стопам своего дяди, и он закончил высшую школу КГБ. Но чекистом так и не стал. Начались его мытарства по свету. Он учился в университетах Америки и Англии, потом отправился в Китай, где изучал восточную медицину. Человек блестящих способностей, он растратил свою жизнь впустую и сам это прекрасно понимает. Запутался в своих семейных отношениях: жена и дети в Швейцарии, жена и дети в Китае... После учебы в Китае занялся врачеванием, сошелся с одной из своих пациенток, а та обвинила его в изнасиловании. Вот так он и оказался в Шан-Долоне. Здесь с ним сыграли злую, я бы даже сказал, бесчеловечную шутку. Следователь, который вел дело Владимира, сказал ему на последнем допросе: «Господин Дзержинский, я убежден, что вы не насиловали свою пациентку, а связь ваша произошла по обоюдному согласию. Следствие по вашему делу закончено, подпишите вот этот протокол, и через несколько дней вас освободят. Только обещайте мне, что впредь будете более разборчивы в ваших связях с женщинами». Владимир от радости прослезился, горячо и долго благодарил следователя за то, что тот сумел разобраться в истине. Он вернулся в камеру, а на следующий день ему объявили, что его ждет суд и судить его будет большое жюри присяжных — 12 человек. По швейцарским законам большое жюри присяжных заседает только тогда, когда предполагаемый срок подсудимого не может быть меньше пяти лет. Потрясение обманутого было столь велико, что Дзержинский оказался в реанимации. Врачи его выводили, и ему все же пришлось предстать перед судом присяжных, которые при-

знали его виновным. Сейчас, насколько я знаю, он отбывает срок наказания в одной из швейцарских тюрем и пишет книгу воспоминаний. Если эта книга увидит свет, не сомневаюсь, что она будет интересной и поучительной. Но мне с Дзержинским удалось встречаться только на прогулках в течение двух недель, а потом следователь Зекшен настоял на том, чтобы я гулял в полной изоляции, и меня для прогулок стали выводить на крышу. Крыша тюрьмы Шан-Долон представляет собой бетонный плац шириной метров пятнадцать и длиной более двадцати метров. На высоте двух с половиной — трех метров натянута металлическая сетка. Вот там я все два года и гулял в полном одиночестве. Если, конечно, не считать надзирателя. Понятно, что ни о какой моей безопасности никто и не думал, да и какие были основания предполагать, что в тюрьме на меня может быть совершено покушение? Глупость все это. Скорее всего, это просто была дополнительная мера психологического воздействия. Внизу играют в футбол грабители, убийцы, наркоманы, а ты в одиночестве под этой сеткой ходишь взад-вперед, ну точно как по клетке.

Вообще я думаю, что вся эта ситуация с якобы готовившимся на меня покушением была чистой выдумкой Зекшена. Он всем этим просто искусственно повышал значимость дела. Во время моих прогулок с внешней стороны тюрьмы постоянно дежурили три машины со спецназовцами. В тюремном дворе находился вертолет наготове. А в субботние и воскресные дни этот вертолет поднимали в небо над тюрьмой. На допросы меня вывозили в двух бронжилетах. Первый, легкий, предназначался для защиты от пистолетных выстрелов, а второй, тяжелый, — от автоматных. Возили меня на допросы всегда в бронированном автомобиле, это был либо «мерседес», либо БМВ, либо «ауди», а спереди и сзади шли еще две машины. Так что во Дворец правосудия каждый раз отправлялся целый кортеж. Во Дворце меня принимали четыре автоматчика и, не снимая с меня наручников, вели к следователю. Это путешествие было дополнительной издевкой. Меня не вели к следователю напрямую, а проводили по всем коридорам. С грохотом открывались двери, короче говоря, устраивался целый спектакль.

А какие на меня надевались наручники! Не простые, а прикованные к специальному поясу. То есть на меня надевали

пояс, а потом руки заковывали в наручники, так что я рук даже поднять не мог. А перед допросом помещали в специальную клетку, где даже пошевелиться нельзя было от тесноты. Да что там пошевелиться, когда у меня руки прикованы, по сути, к поясу. Сижу, обливаюсь от жары и не могу даже пот с лица стереть. Иногда в клетке приходилось сидеть по нескольку часов, а перед допросом с Упоровым меня Зекшен продержал взаперти, скованного, целых семь часов. А на все мои протесты отвечали одно: «Мы не обязаны вам докладывать, когда начнется допрос».

Но что были эти допросы и унижения по сравнению с заседаниями Обвинительной палаты? На каждое из этих заседаний я отправлялся с надеждой. С надеждой на справедливость. Но, как выяснилось потом, все заранее было подготовлено. Никто не собирался слушать ни мои доводы, ни аргументы моих адвокатов. Меня не просто поражал, меня бесил неприкрытый цинизм Крибле, с которым он вел заседания палаты, с которым зачитывал решения по поводу того, что сейчас у следствия нет, но обязательно появятся новые доказательства моей вины.

Не в меньшей степени изощрялся и Зекшен. Он же не мог мне сказать открыто, что засадит меня за решетку. Но намекал достаточно прозрачно. «Учите французский язык, господин Михайлов», — советовал он мне всякий раз на прощание, давая понять, что еще долгие годы мне надо будет говорить в заключении по-французски. Частенько Зекшен попросту спрашивал: «Ну скажите сами, господин Михайлов, что вы виноваты, зачем вам меня мучить, я ведь все равно найду?» Да, этот цинизм следователя, прокурора, председателя палаты меня часто злил и даже выводил, хотя и не надолго, из равновесия. Но я не позволял себе расслабляться и никогда не впал в депрессию. Моя камера была самой чистой в тюрьме, я каждый день драил ее до блеска. Занимался спортом, много читал, анализировал ситуацию, те документы, которые мне были доступны. Зекшен ждал, и говорил об этом открыто, моего срыва. Но напрасны были его ожидания. Я однажды ему даже сказал: «Господин Зекшен, вам проще убить меня, потому что сломать все равно не удастся».

Что мне помогло все это выдержать? Я обычный человек, меня иногда посещали и сомнения и отчаяние. Поддерживала

ли меня вера в собственную невиновность? Безусловно. Но я предполагал, что следствие может пойти на любой подлог и тогда невиновность доказать будет трудно, если не сказать — невозможно. А выстоять, выдержать все, по большому счету, помогла мне вера в Бога.

Глава третья

«ВЫ НЕ УБИВАЛИ ЛИСТЬЕВА?»

Документы уголовного дела № Р9880/96

*Генеральная прокуратура Российской Федерации
г. Москва, ул. Б. Дмитровка, 15а
11.08.97. №18/171837-97*

Федеральный департамент правосудия и полиции Швейцарской конфедерации

Отдел по международным делам

Секция международной судебной взаимопомощи

Господину П. Госэну

Уважаемый господин Госэн!

Генеральная прокуратура Российской Федерации свидетельствует свое уважение Федеральному департаменту правосудия и полиции Швейцарской Конфедерации и имеет честь сообщить следующее. В соответствии с обращением об оказании юридической помощи и в связи с имевшейся предварительной информацией о незаконном уничтожении уголовного дела, по которому Михайлов С.А. был осужден в 1984 году, а также об уничтожении базы компьютерных данных о его судимости и аресте в 1989 году, мною 9 июня 1997 года было возбуждено уголовное дело. Предварительное следствие по нему проводилось следователем по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

...2 августа 1984 года Президиумом Московского городского суда он (Михайлов. — О.Я.) был осужден по ст. 93 ч. 2 к трем годам условно. 7 декабря 1989 года Михайлов арестован следствен-

ным управлением Главного управления внутренних дел г. Москвы по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 95 часть 3, предусматривающей ответственность за вымогательство государственного, кооперативного или общественного имущества... Освобожден из-под стражи 30 июля 1991 года по постановлению прокуратуры г. Москвы. Данное уголовное дело в отношении Михайлова прекращено по пункту 2 статьи 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления.

Как следует из справки оперативно-справочного отдела ГУВД Московской области, гражданин Михайлов не значится в розыске, объявленном правоохранительными органами Российской Федерации.

Следствием установлено, что в зональном информационном центре ГУВД г. Москвы и информационном центре ГУВД Московской области сведения о судимости Михайлова С.А. в 1984 году... о его аресте в 1989 году и освобождении из-под стражи в 1991 году НЕ УНИЧТОЖЕНЫ (выделено мной. — О.Я.).

Принятое решение о прекращении дела по указанным основаниям признано законным и обоснованным. Тем самым считаю, что российская сторона в полном объеме выполнила обращение следственного судьи господина Жоржа Зекшена об оказании юридической помощи по делу, касающемуся Михайлова С.А.

К сожалению, с января 1997 года и до настоящего времени мы не можем получить от швейцарских компетентных властей ответ на обращение следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации Петра Трибоя об оказании аналогичной помощи по поводу проверки банковского счета Владислава Листьева, убитого 1 марта 1995 года в Москве. По этому же вопросу через Министерство иностранных дел России в мае 1997 года за моей подписью направлялось обращение в адрес федерального прокурора Швейцарской Конфедерации Карлы дель Понте. Но и это обращение осталось пока без ответа.

Примите, господин Госэн, уверения в моем весьма высоком к Вам почтении.

Заместитель генерального прокурора Российской Федерации
М.Б. КАТЫШЕВ

*Республика и кантон Женевы
Судебные органы
Офис судебного следователя
Женева, 22 октября 1997 года
площадь Бург де Фур, 1.
Судебный следователь: г-н Ж. Зекшен
Секретарь суда: мадам В. Портье*

Протокол судебного заседания

В присутствии господина Питера Ж. Трибоя — следователя по особо важным делам прокуратуры Российской Федерации. Присутствует по решению от 27 мая 1997 года.

В сопровождении переводчицы — мадам Натальи Козиенко.

В присутствии переводчицы — мадам Коринн Биллод, приведена к присяге.

В присутствии адвокатов Ральфа Освальда Изенеггера, Алека Реймона.

Господин Сергей Михайлов обвинен, привезен из тюрьмы, дает показания.

Судебный следователь сторонам:

Сегодняшнее заседание проводится по просьбе Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Вопрос:

Где находился господин Михайлов в период с февраля по апрель 1995 года?

Господин Михайлов:

С середины 1993 года и по настоящее время я не возвращался в Россию. С февраля по июнь 1995 года я официально находился в Австрии. С июля 1995 года моя семья и я поехали на каникулы в Испанию. С сентября 1995 года моя семья переехала в Швейцарию.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Владислава Листьева? Если да, то при каких обстоятельствах вы познакомились, какие между вами отношения?

Господин Михайлов:

Я знаю господина Листьева с момента его появления на телеэкране. Я не знаю господина Листьева лично, мы никогда не встречались.

Вопрос:

Что знает господин Михайлов об убийстве господина Листьева?

Господин Михайлов:

Я узнал об обстоятельствах убийства Листьева по публикациям в прессе.

Вопрос:

Как объяснит господин Михайлов информацию в российской и иностранной прессе о его причастности или причастности группировки «Солнцевская» к убийству Владислава Листьева?

Господин Михайлов:

Я ничего не могу сказать о группировке «Солнцевская» ввиду того, что я ничего не знаю о существовании такой группировки. Что касается слухов о моей причастности к убийству господина Листьева, то я считаю, что мои конкуренты хотят смешать меня с грязью.

Вопрос:

Может ли господин Михайлов посоветовать что-нибудь российским правоохранительным органам в отношении раскрытия убийства Листьева?

Господин Михайлов:

Мой ответ следующий. Надо действовать, как в криминальных романах: искать человека, которому выгодно это преступление. Я ничего не могу сказать точно.

Вопрос:

Есть ли у господина Михайлова знакомые или друзья в России или Израиле, которые связаны с телевидением? Если есть, какие вопросы они обсуждают вместе?

Господин Михайлов:

У меня нет таких знакомых и друзей.

Вопрос:

Есть ли у господина Михайлова знакомые или друзья с коммерческими интересами к телевидению?

Господин Михайлов:

У меня таких друзей нет.

Вопрос:

Следствие располагает информацией, что господин Михайлов обсуждал возможность трансляции российского телеканала 2x2 в Израиле. Он хотел пустить рекламу на израильские товары на русском языке. Что вы можете сказать по этому поводу?

Господин Михайлов:

Я помню, что ко мне обращались с предложением по поводу израильского телевидения, но оно было такое неубедительное, что я отказался. С такими обращениями ко мне обращались десятки лиц в Израиле, мне иногда приходилось отказываться от 10—15 предложений в день.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Сергея Федоровича Лисовского?

Господин Михайлов:

Знаю только по сообщениям прессы, лично с ним не знаком.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Вячеслава Иванькова по кличке «Япончик» и Тохтахунова Алимжона по кличке «Тайванчик»? Какие у него отношения с данными лицами?

Господин Михайлов:

О господине Иванькове знаю только через прессу, лично с ним не общался. Господина Тохтахунова не знаю.

Вопрос:

Господин Михайлов может задать вопросы или сообщить следствию важные сведения?

Господин Михайлов:

Я хотел бы попросить господина Трибоя обсудить с генеральным прокурором России вопрос о происхождении ложных документов, которые были переданы в следственные органы Женева по моему делу. В начале следствия были проблемы с переводом, и пресса воспользовалась этим.

В следственной процедуре используются документы, полученные из России не вследствие судебных поручений.

Я также заявляю о нелегальном приезде в Швейцарию майора милиции Николая Упорова, который дал против меня ложные показания.

Я прошу генерального прокурора России подтвердить, что в отношении меня нет никаких компрометирующих документов в РУОПе.

Я надеюсь, что настоящий протокол будет передан заинтересованной стороне. Я даю согласие на то, чтобы копия настоящего протокола была передана господину Трибою.

После перевода ознакомился, в чем и подписываюсь С. Михайлов.

* * *

Появлению в Женеве следователя российской Генпрокуратуры Петра Трибоя предшествовало множество событий. Еще в начале 1997 года на одном из допросов следователь Зекшен заявил Михайлову, что с ним хочет встретиться представитель прокуратуры России.

— Ну, что вы на это скажете, господин Михайлов? — по обыкновению растягивая слова, спросил Зекшен, вероятно, в полной уверенности, что Сергей откажется.

— Не вижу никаких оснований возражать против этой встречи. Если хочет поговорить со мной, пусть приезжает, — спокойно ответил Михайлов.

Зекшен должен был оформить соответствующие документы, но, получив согласие Михайлова на беседу с Трибоем, моментально потерял к этому всякий интерес. Вот если бы подследственный отказался встречаться с работником российской прокуратуры, тогда дело другое — можно было бы этот отказ объяснить тем, что в России Михайлов совершил злодеяние и теперь опасается правоохранительных органов этой страны.

В тот же самый период по своим адвокатским делам побывал в прокуратуре Сергей Пограмков. Запрашивая какой-то необходимый ему документ, Пограмков выслушал упрек: что вот, мол, документы требуете, а ваш подзащитный не хочет встречаться с нашим следователем. Зная от швейцарских адвокатов об ответе Михайлова по

этому поводу, Пограмков уверил работников прокуратуры, что никакого сопротивления этой встрече Михайлов не оказывает. И вновь полетели в обе стороны официальные письма. Конечно, у женевских властей не было ни малейших оснований отказывать Трибою в допросе. Но женевцы хотели получить из России хоть какой-нибудь документ, подтверждающий вину Михайлова. И тогда Зекшен попросил Департамент полиции направить в Россию официальный запрос по поводу сведений о преступлениях Михайлова, якобы уничтоженных в компьютерной базе МВД. Эта очередная инсинуация против Михайлова была состряпана «гением» Упорова и Зекшена.

На одном из допросов Зекшен задал Упорову вопрос, почему, на его взгляд, правоохранные органы России присылают в Швейцарию документы, из которых следует, что Михайлов не имеет судимости и правоохранными органами не преследуется. Упоров ответил, что Михайлову удалось стереть из компьютерной базы МВД России все данные о себе и потому в информационных центрах он не числится. Выслушав такое утверждение, Сергей Михайлов задает резонный вопрос:

— Но ведь ответы приходят не только по линии милиции, но и из прокуратуры. Или вы полагаете, что и в прокуратуре Российской Федерации я уничтожил все данные о себе?

На этот вопрос последовал ответ, столь же глупый по форме, как «смелый» по содержанию: прокуратура-де в России не обладает полнотой юридической власти и не располагает должной информационной базой.

Российская прокуратура не стала заверять швейцарскую юстицию в том очевидном факте, что является органом надзорным. Здесь просто, как сказано в ответе заместителя прокурора России Катышева, возбудили уголовное дело, провели тщательное расследование и сообщили, что все данные о Сергее Михайлове, которые должны быть в информационных центрах, находятся на месте, никем не уничтожались. Ответом на упрек заместителя прокурора, содержащийся в заключении письма, стало приглашение следователя Трибоя в Женеву.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Все допросы Упорова проводились посредством видеомонитора, но слышимость была хорошей, и я мог разобрать не только все вопросы и ответы, но и реплики, которыми обменивался Зекшен с Упоровым. Меня возмутило, что следователь конструирует вопросы таким образом, что в самих этих вопросах содержится ответ-подсказка. Однажды я не выдержал и прямо заявил об этом следователю: «Господин Зекшен, вы же подсказываете свидетелю ответы, разве так можно?» На что Зекшен мне ответил, что такова процедура ведения допроса и я не имею права в ход этой процедуры вмешиваться.

В октябре 1997-го Зекшен вызвал меня на допрос и представил мне следователя Генеральной прокуратуры России Петра Трибою. После прохождения всех необходимых формальностей вопросы мне начал задавать швейцарский следователь. Я был удивлен и не счел нужным скрывать удивления: «Петр Георгиевич, что происходит, почему вы сами не задаете мне своих вопросов? Дело в том, что я, пользуясь своим правом молчания, не отвечаю на вопросы следователя Зекшена, о чем мной сделано официальное заявление». Трибой ответил, что такова процедура ведения допросов в Женеве. Он добавил, что все вопросы, которые задает следователь Зекшен, подготовлены им, Трибоем, и убедительно попросил меня не отказываться от ответов. Я заметил, что буду считать, что вопросы задает мне российский следователь, и согласился отвечать. В ходе допроса я еще несколько раз обращался к господину Трибою и видел, как злило это Зекшена. Но на все вопросы я все же ответил: мне скрывать было нечего. Газетные статьи, связывавшие мое имя с убийством Листьева, я расценивал просто как очередную клевету, которая меня, собственно, не очень-то уже и удивляла. К тому времени я привык, что любое преступление в России непременно пытаются так или иначе связать с моим именем.

В газетах мне очень часто приходилось видеть рубрику «журналистское расследование». Иногда я поражался тому, как журналисты способны раскопать факты, не известные

никому. Но в отношении меня никаких журналистских расследований никогда не проводилось. Газеты и телевидение с удовольствием использовали любую сплетню или вымысел и не собирались ничего проверять.

Их не интересовало, что к моменту убийства Листьева я уже несколько лет как покинул Россию, что я никогда не был знаком с этим человеком и не имел никаких дел с телевидением. К убийству Листьева я имел точно такое же отношение, как и ко всем другим преступлениям, которые пытался «навесить» на меня Зекшен.

* * *

В декабре 1989 года в Москве арестовали шестерых работников кооператива «Фонд». Среди арестованных значился и Сергей Михайлов. Всем шестерым мерой пресечения было избрано содержание под стражей, и Сергей Михайлов провел в Бутырской тюрьме без малого два года. Именно к этому периоду следует отнести появление в оперативных сводках московской милиции и в советской печати многочисленных, изобилующих подробностями сведений о так называемой Солнцевской преступной группировке.

Документы уголовного дела № 32646

«...В феврале—марте 1989 года я был в командировке в ФРГ. 5 марта мне позвонила главный бухгалтер кооператива Майорова и сообщила, что за последние 10 дней имели место несколько случаев посещения кооператива неизвестными лицами с целью шантажа, вымогательства и угроз в мой адрес. Также было сообщено, что за членами моей семьи установлена слежка на машинах неизвестными мужчинами крепкого телосложения.

Я вылетел в СССР 10 марта 1989 года. Мой знакомый Аркадий Марголин порекомендовал мне людей, способных защитить меня и мою семью от подобных посягательств. На следующий день ко мне явились ранее мне неизвестные Виктор Аверин и Сергей Михайлов... указанные люди оговорили суммы платы охранникам. После этого шантаж и угрозы мне и моей семье прекратились.

Летом 1989 года Михайлов С.А. и Аверин В.С. выехали в ФРГ по приглашению моего партнера А. Хекка, где последний, по моей просьбе, оформил на них две автомашины “вольво-744”, то есть приобрел для них.

Уточняю, что Аверин и Михайлов оговорили каждому охраннику оплату в 2000 рублей в месяц. В дальнейшем кооператив “Фонд” перечислил Хекку из своего валютного фонда деньги за автомашины Аверина и Михайлова».

(Из допроса председателя кооператива «Фонд» Вадима Розенбаума. 1 декабря 1989 год, г. Москва.)

«...С 5 декабря 1989 года я нахожусь на излечении в психоневрологическом диспансере Фрунзенского района г. Москвы в связи с попыткой самоубийства. Мне выдали листок нетрудоспособности, и, по словам лечащего врача, лечение продлится до 20 января 1990 года. До попытки самоубийства я доведен действиями работников ГУВД. Если я покончу с собой или причиню себе телесные повреждения, то прошу во всем винить следователя Балашова и зам. начальника уголовного розыска Волкова.

Все было против меня сфабриковано и подтасовано данными двумя лицами, так как я отказался давать заведомо ложные показания против Михайлова и Аверина... Какие я давал показания, я не помню... с их стороны (следователя 3-го отделения следственного управления ГУВД Мосгорисполкома Балашова и зам. начальника уголовного розыска ГУВД Москвы Волкова. — О.Я.) постоянно в мой адрес слышались угрозы, что они закроют кооператив “Фонд”, а меня посадят».

(Из показаний председателя кооператива «Фонд» Вадима Розенбаума, 27 декабря 1989 год, г. Москва.)

«...Проверка подтвердила, что следователем Балашовым В.В. допущены процессуальные нарушения, в связи с чем перед руководством следственного управления ГУВД Мосгорисполкома поставлен вопрос о его ответственности и замене».

(Из письма прокуратуры г. Москвы № 16-627-90 от 24 апреля 1990 года.)

«Ходатайство

В соответствии со ст. ст. 201, 204 УПК РСФСР, ознакомившись с материалами уголовного дела № 32646... считаю необходимым заявить настоящее ходатайство о прекращении производства по делу в связи с отсутствием события преступления.

Постановление органов предварительного расследования о привлечении в качестве обвиняемого Михайлова С.А. — результат совместной деятельности по фабрикации уголовного дела органами предварительного расследования и Розенбаумом В.Г.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РСФСР под “организованной группой, предусмотренной в качестве квалифицирующего признака вымогательства, следует понимать устойчивую группу из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений”.

Следствие, игнорируя руководящие указания Пленума Верховного суда, по-своему решило трактовать не только понятие — организованная группа, но и доказательства, подтверждающие этот признак. Оно обратилось к сообщениям прессы, и в контексте обвинения появилось понятие “Солнцевская” организованная группа. Выйдя за рамки решения Пленума, следствие вводит признак административно-территориального деления, привязывая участников обвинения к постоянному месту жительства. Ничего более достоверного, чем общее место жительства обвиняемых, в уголовном деле нет!

Подменяя требования ст. 20 УК РСФСР, уничтожая права обвиняемых на защиту, гонимые жаждой борьбы с “организованной преступностью”, периодически черпая силы из все тех же публикаций в прессе, органы следствия создают миф о так называемой конкретной преступной деятельности Михайлова С.А. и др.

Адвокат С. Пограмков».

Собственно говоря, в этом ходатайстве, написанном в 1990 году, адвокат Сергей Пограмков впервые забил тревогу по поводу появившегося в печати и в материалах следствия термина «Солнцевская преступная группировка», подчеркнув, что эта фальсификация основывается лишь на том факте, что все обвиняемые — жители

одной местности, то бишь Солнцевского района Москвы, а вернее, в те, теперь уже десятилетней давности времена, города Солнцево Московской области. И дело кооператива «Фонд» применительно к швейцарскому процессу Сергея Михайлова интересно здесь именно потому, что о солнцевских тогда, в 1989 году, заговорили впервые.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Во время судебного процесса в Женеве, да и раньше, на предварительном следствии, прокурор Жан Луи Кроше каждый раз пользовался одним и тем же аргументом. Когда в связи со мной в деле появлялась какая-либо фамилия, будь то мой компаньон или просто товарищ по учебе, по спорту, прокурором тут же давалось определение этому человеку: «криминальный». Все мои друзья по логике прокурора были криминальными личностями, защищавшие меня адвокаты непременно принадлежали к криминальным структурам, и даже репортеры, «осмелившиеся» написать обо мне хоть что-то объективное, тотчас причислялись к разряду криминальных. Железная логика, что и говорить.

Я родился и рос в Солнцевском районе, здесь учился в школе, здесь начал заниматься спортом. Здесь мои школьные друзья прозвали меня Михасем. У нас так было принято, да, насколько я знаю, не только у нас, а повсюду большинство школьных прозвищ становились производными от фамилии. Я никогда не принадлежал к криминальному миру, никто и никогда не присваивал мне никаких уголовных кличек. Но даже детское прозвище Михась журналистами впоследствии было использовано как еще одно доказательство моей причастности к преступной группировке.

Закончив школу, я работал, учился. Ни одно из мест моей работы или учебы не было связано с Солнцевским районом. Да и все мои друзья работали и учились в других районах Москвы. Конечно, мы продолжали встречаться, но нас объединял спорт, и только спорт. В свое время некоторые из нас порознь делали свои первые шаги в бизнесе, некоторые проекты мы осуществляли сообща, но это было уже в зрелые годы, когда пришел опыт коммерческой деятельности. Таких

компаний в нашей стране да и в любой другой миллионы. Так неужто каждую такую компанию, где дружба зарождалась в детские и юношеские годы, следуя логике прокурора Кроше и ему подобных, нужно причислять к организованной преступности?

В кооперативе «Фонд» я, друг моего детства Виктор Авенин и еще несколько наших друзей стали работать тогда, когда нам всем уже было почти по тридцать лет. У каждого за плечами был некоторый опыт коммерческой деятельности, мы успели осуществить несколько международных проектов. Собственно говоря, сотрудничество с «Фондом» нас привлекло в первую очередь потому, что этот кооператив получил право на международную деятельность. Начав работать в «Фонде», мы первым делом занялись осуществлением именно международных проектов и добились весьма неплохих результатов. Арест, возбужденное уголовное дело, Бутырская тюрьма — все это обрушилось на нас, как снег на голову. Мы не знали и не чувствовали за собой никакой вины. Кооперативная деятельность была разрешена официально, в кооперативе «Фонд» мы работали, не нарушая никаких законов — ни советских, ни международных. Когда мы с Виктором поехали в ФРГ и купили там себе автомашины «вольво», магнитофоны, видеокамеры, еще кое-что для дома, то за все эти покупки при пересечении государственной границы СССР заплатили соответствующие пошлины. У нас и в мыслях не было что-то спрятать от таможенников. Покупая вещи за границей, мы прежде всего исходили из того, что приобретаем то, что невозможно было достать в те годы в Советском Союзе. Только от следователя, а впоследствии из газетных публикаций узнали мы, что нас теперь называют «Солнцевской преступной группой». Но даже тогда мы еще не представляли всех масштабов, вернее сказать, той озлобленной силы, с какой началась на нас настоящая травля.

В стране происходили события, перевернувшие жизнь всех людей. Рухнул Советский Союз, Россия стала самостоятельным государством, было образовано СНГ, приватизированы заводы и целые промышленные отрасли, слово «бизнес» перестало быть ругательным. Неизменным оставалось одно — травля меня и моих товарищей. Любое громкое преступление, будь то убийство или ограбление, связывали с нашими имена-

ми. А когда находили истинных преступников, никто и не думал извиниться перед нами. Все это и стало причиной того, что в результате я вынужден был покинуть Россию.

«Фонд» действительно был одним из первых советских кооперативов. К тому же он создавался под эгидой советского Фонда культуры и курировался непосредственно Раисой Горбачевой. Быстро набирая коммерческие обороты внутри страны и осуществив с помощью Сергея Михайлова несколько крупных международных проектов, давших существенную прибыль, кооператив достаточно мощно обеспечивал материальную поддержку советского Фонда культуры, придавая финансовую независимость этой общественной организации и становясь чуть ли не эталоном или, вернее, эталонным показателем воплощенных в жизнь реформ Горбачева. И именно поэтому «Фонд» становился бельмом на глазу, фактором постоянного раздражителя для политических противников последнего генсека КПСС, первого и последнего Президента СССР. К тому же, нанося удар по кооперативу, оппозиционеры убивали сразу двух зайцев: дискредитировали в глазах исполнительной власти и народа не только горбачевские реформы, но и направляли свои стрелы в жену главы государства. Пользуясь, как и ее муж, симпатиями на Западе, Раиса Горбачева не без помощи все той же оппозиции скоро стала объектом желчных и мелочных укусов прессы, умело распространяемые о ней анекдоты и слухи сделали ее чуть ли не ненавистной в глазах обывателя. То, чем восхищался Запад, жене советского лидера не хотели прощать в ее стране. Раиса Максимовна раздражала толпу, именуемую официозной прессой «великий и могучий советский народ», своим умением модно одеваться, образованностью, знанием иностранных языков, собственным мнением, которое она не всегда считала нужным скрывать. Вот если бы вместо нее, всегда со вкусом одетой, рядом с генсеком находилось, как это было до Горбачевой, откормленное до бесчеловечных размеров, бесформенное существо, обряженное в диких расцветок платье, вот тогда все бы было, как всегда, и не вызывало в народе никаких отрицательных эмоций. А «эта» лезла, куда ее не просят, создавала какие-то фонды, твердила непонятные слова о возрождении куль-

туры, сверкала на телевизионных экранах коленками, доводя до бешенства «простую советскую женщину-труженицу», замордованную мужем-алкоголиком и многочасовыми очередями за колбасой. Причиной всех своих бед и всеобщего зла считали тогда советские люди Горбачева и его жену, не ведая, что именно консервативные силы в КПСС и правительстве с помощью саботажа в снабжении населения продуктами питания и первой необходимости создавали в стране ситуацию, при умелом использовании которой они смогли бы опрокинуть и саму перестройку и ее «архитектора».

Траекторию и силу удара, направленного на кооператив «Фонд», рассчитывали и планировали не в прокуренных кабинетах московских редакций и даже не за казенными канцелярскими столами, заваленными уголовными делами и оперативными сводками. Этот удар планировался в тиши огромных кабинетов на Старой площади, под шуршание золотой опавшей листвы на подмосковных дачах, въезд и покой которых охранялся специально обученными людьми КГБ. А милиции и журналистам просто бросили по «сахарной косточке». Первым позволили проявить свое незаконное геройство и оперативную «смекалку», вторым «собственными» силами раскопать сенсацию и завопить на всю страну: выявлена организованная преступная группировка. Именно — организованная, исключительно преступная, несомненно — группировка, вот как нагнеталась эта сенсация щелкоперами, презревшими презумпцию невиновности, забывшими, поскольку им позволили об этом забыть, что только суд в правовом государстве может назвать преступника. Но ведь то в правовом! Если бы хоть один из «фактов» этой тщательно спланированной инсинуации был доказан, тогда можно было бы сказать народу открыто: это Михаил Горбачев своими реформами создал предпосылки для появления в стране под крышей кооперативов организованных преступных группировок, а его жена покровительствовала им. И когда снаряд правового беспредела пронесся мимо, вот тогда злость и ярость этих «артиллеристов» в милицейских мундирах была направлена на тех, кто не захотел после двух лет незаконного тюремного заключения безропотно пойти «на этап».

Юристы помогли мне разыскать в архивах то самое злополучное уголовное дело № 32 646 по обвинению Сергея Михайлова, Викто-

ра Аверина и еще четверых работников кооператива «Фонд», виновных, по меткому выражению адвоката Пограмкова, только в том, что они являлись жителями одного населенного пункта — Солнцева. Все в этом старом уголовном деле поражает даже не вопиющим беззаконием, а той беспечной вседозволенностью, с которой фабриковалось уголовное дело. Подтасовывались номера банковских счетов и даты денежных переводов, привлеченные для проведения финансовой экспертизы бухгалтеры и экономисты не столько выполняли порученную им работу, сколько занимались выводами о служебном несоответствии тех лиц, в отношении которых они проводили экспертизу. Прямые угрозы и запугивания со стороны следователей и оперативных работников уголовного розыска, незаконное содержание в тюрьме, фальсификация документов — вот характерные детали уголовного дела № 32 646. Но хотя и было оно явно заказным, но подтасовки оказались столь очевидными, что прокуратуре не оставалось ничего иного, как закрыть это дело даже не за отсутствием состава преступления в действиях обвиняемых, а в связи с отсутствием события преступления. Иными словами, не было никакого преступления.

Издавна известно: где ничего не положено, там нечего взять. Но взяли, да еще как взяли. Звон пошел не то что «по всей Руси великой», а по всему миру. Теперь уже «артиллеристы» в милицейских погонах почли делом чести доказать всем и каждому, что «Солнцевская» преступная группировка — не плод их распаленной амбициями фантазии, а реальность. Немногочисленные газетные публикации, в которых журналисты пытались объективно разобраться в происшедшем, потонули в оглушительном грохоте, созданном мощной пропагандистской машиной. Той самой машиной, «винтики» которой за 70 с лишним лет привыкли не анализировать, почему они крутятся и откуда берется смазка, а крутиться и смазку получать. Если день начинается восходом и заканчивается заходом солнца, то оперативные сводки и заметки криминальной хроники почти всех российских газет начинались и заканчивались солнцевскими. Министр юстиции с голыми девками в бане развлекался — значит, баня принадлежит солнцевским. Убили тележурналиста — след ведет к солнцевским. Ограбили банк — ищи преступников все там же, в Солнцеве. Вспо-

минаю один из не очень давних телерепортажей. Речь шла о том, что возле одной из московских гостиниц был убит некий средней руки бизнесмен. В выводах автора телевизионного репортажа сомнения места не было: поскольку всем (!) известно, что эту гостиницу контролирует «Солнцевская» преступная группировка, вещал журналист, то милиция следы убийства должна искать среди солнцевских. И никак иначе. Следы солнцевских вели во все сферы криминальной деятельности — распространение на Западе русской проституции, торговля оружием и наркотиками, заказные убийства и рэкет. Известно, что гениальный актер, рухнувший на сцене под «смертельным» ударом бутафорского кинжала, может заставить рыдать весь зал. В существование «Солнцевской» преступной группировки поверил в итоге весь мир. Руководители отделений Интерпола в европейских странах не раз поясняли, что многочисленные факты о «преступной деятельности» Сергея Михайлова они почерпнули из СМИ. Миф о солнцевских уже стал похож не столько на снежный ком, сколько на обрушившуюся с гор лавину. Женевский судебный процесс развенчал этот миф. До конца ли?

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Кооперативной деятельностью я занялся в 1986 году. Чего я только поначалу не перепробовал. Открыл кооператив по торговле цветами, производил продукты питания, прохладительные напитки и мороженое. Я чувствовал, что мне многое удастся, и потому расширял свой, как впоследствии стали говорить, бизнес. Я вообще-то сплю немного, а в те годы на сон оставлял самый минимум, работал очень много. Как я уже говорил, меня привлекала международная деятельность, и в кооперативе «Фонд» я прежде всего видел возможность выйти на международную арену. Я и представить не мог тогда, что окажусь в центре хитросплетений политической борьбы. Видимо, и именно по тем причинам, о которых я уже упоминал, я оказался очень удобной мишенью. Арест 1989 года это лишь подтвердил. Почти два года в Бутырке стали тяжелым испытанием. Но и тюрьма не смогла меня сломать. Выйдя

оттуда, я снова занялся коммерцией. Но я чувствовал, как сгущаются вокруг меня тучи. Меня преследовали на каждом шагу, не давая мне работать. Стоило какому-нибудь задержанному в Москве человеку всуе упомянуть мое имя, как ко мне являлись с обыском. Работать в такой обстановке было чрезвычайно тяжело, к тому же я почти физически ощущал, что-то должно произойти. Возможно, против меня готовили какую-нибудь провокацию, может быть, даже покушение. Не знаю точно, а фантазировать не хочу. Одним словом, как мне ни тяжело было принимать такое решение, я решил уехать из страны.

Это было очень непростое решение. Одно дело заниматься международным бизнесом, много ездить по свету, совсем иное — жить за границей. На Западе сейчас живут сотни тысяч бывших советских граждан, но я уверен, что каждому из них решение об эмиграции далось с большим трудом. Конечно, времена изменились, теперь можно было сохранить российское гражданство, но уезжать было нелегко. Уехав в Европу, я по-прежнему очень много работал, у меня уже были кое-какие связи с западными партнерами, и я укреплял их, осуществляя различные контракты в Австрии, Бельгии, Венгрии, Израиле, США, Швейцарии, некоторых других странах. Бизнес, как, впрочем, и любое другое дело, без потерь не бывает. Не могу сказать, что все у меня складывалось гладко, но, в общем, я шел по возрастающей. Налаживался и быт семьи. Дочери учились в хорошем частном колледже в Швейцарии, я и сам подумывал о том, чтобы выбрать эту страну постоянным местом жительства. Открыв в Швейцарии фирму и счета в банках, я разработал проект, который сулил существенные прибыли. Суть проекта заключалась в том, чтобы при помощи швейцарских и еще ряда других европейских технологических фирм заняться заменой подземных коммуникаций и трубопроводов в разных странах, включая Россию. Этот проект вызывал на самом деле огромный интерес всех, с кем я сотрудничал. Мой адвокат подготовил документы-характеристики, и мы подали прошение о предоставлении мне в Швейцарии вида на жительство и права на работу. Это прошение, как мне сообщили, было весьма благосклонно воспринято швейцарскими властями. Арест нарушил все мои планы, перевернул и мою жизнь, и жизнь моей семьи.

Когда 12 декабря 1998 года Сергей Михайлов после освобождения из женевской тюрьмы Шан-Долон прилетел в Москву, вместе с группой журналистов его в аэропорту Шереметьево-2 встречала небольшого роста, худенькая темноволосая женщина. Они обнялись, расцеловались, и эту сцену телевизионщики показали крупным планом. Имя Юлии Лебедевой, прозвучавшее в том телевизионном репортаже, мало кто запомнил, а вот эпизод теплой встречи запечатлелся в памяти многих. Сплетни, особенно пикантные, тем и отличаются от правды, что распространяются мгновенно. И хотя в репортаже было сказано, что Лебедева в одно время с Михайловым сидела в женевской тюрьме Шан-Долон, людская молва тут же разнесла самые подробные детали их «отношений».

Что делает репортер, когда нет сенсации? Он ее создает. Что делает хороший репортер, когда сенсация уже создана? Он обставляет ее правдоподобными деталями, чтобы ни у кого не возникло ощущения стоящего в кустах рояля. О прибытии Михайлова в Москву Лебедевой сообщили журналисты телеканала НТВ, они же пригласили ее приехать в Шереметьево, дабы она могла присутствовать на пресс-конференции. А ровно за год до описываемых событий швейцарская полиция, упрятав Лебедеву в тюрьму, не сомневалась, что теперь у них появился полный «семейный» комплект русской мафии. «Крестный отец» — Сергей Михайлов уже находился в Шан-Долоне, теперь здесь с подачи следователей появилась и «крестная мать» русской мафии — Юлия Лебедева.

Выпускница школы студии Игоря Моисеева, профессиональная танцовщица, в последние годы — балетмейстер-постановщик, Юлия Лебедева, женщина непосредственная и импульсивная, несколько экстравагантная, сделала все от нее зависящее, чтобы оказаться в поле зрения швейцарской полиции. Ее история романтична, но в то же время проста до неправдоподобия, но именно поэтому она истинна. Но истинна в чисто русском духе. Швейцарцам же ни саму Лебедеву, ни ее историю не понять, потому что не понять никогда. Они и не поняли.

В соответствии с контрактом Юлия Лебедева, как балетмейстер-постановщик и как продюсер, готовила в Москве группу танцовщиц

для участия в большом театрализованном шоу. Буквально за день до отправления группы Лебедевой позвонили знакомые из Женевы и сообщили, что то ли погиб, то ли даже покончил жизнь самоубийством ее близкий друг. Она поверить не могла в это, заметалась, не зная, что делать. Вместе с подготовленной группой она в Женеву ехать не собиралась, получить за день-два загранпаспорт и швейцарскую визу было делом абсолютно нереальным. В тот самый момент, когда она раздумывала, как же ей узнать, что на самом деле произошло с близким человеком, к ней зашел администратор и сообщил, что одна из танцовщиц ехать не может. Он даже не успел пояснить, по каким причинам девушка отказывается от поездки, как Юля его перебила, сорвавшись в крик:

— Да она что, с ума сошла?! Контракт горит, мы же теперь швейцарцам неустойку платить будем!

Лебедева выхватила из стопки документов паспорт «отказницы» и, взглянув на фотографию, внезапно умолкла.

— Ладно, иди, я сама разберусь, — отпустила она администратора.

Шальная мысль пришла ей в голову. С паспортной фотографии на нее смотрело лицо, в котором Лебедева без труда отыскивала внешнее сходство — такие же темные, чуть выющиеся волосы, такой же разрез зеленых глаз. Решение было принято — отчаянное, сумасбродное, но бесповоротное.

Сходство Лебедевой с девушкой на фотографии и впрямь было очевидным — она без всяких осложнений преодолела пограничный контроль сначала в московском аэропорту Шереметьево, а потом в женевском аэропорту Куантрэн. На второй день пребывания в Швейцарии в ее гостиничный номер властно постучали. Открыв дверь, Лебедева увидела на пороге полицейских. «И был донос и был навет», как пел незабвенный Владимир Семенович. Донос по факту проникновения в Швейцарскую Конфедерацию по чужому паспорту российской гражданки, а навет в том смысле, что в доносе живописались «преступные подвиги» Лебедевой, и вывод наличествовал: принадлежит к русской мафии, несомненно, входит в число ее руководителей. Сдал ее кто-то из своих, впрочем, теперь уже доподлинно известно, кто именно. Мотивы доноса проглядываются

совершенно низменные, впрочем, сие из области рассуждений, а заявительница может возразить, что руководствовалась, напротив, самыми возвышенными побуждениями. А потому свои и Лебедевой выводы оставляю при себе. Кто желает, может на эту тему вволю пофантазировать.

* * *

ЮЛИЯ ЛЕБЕДЕВА:

В тюрьму Шан-Долон меня привезли ночью, в том самом платье, в котором я была, когда пришли полицейские. Ни зубной щетки, ни смены белья, ни косметики — ничего у меня при себе не было. Конечно, я понимала, что натворила черт-те что. Но я и вправду была в тот момент не в себе, способна на самые отчаянные поступки. Прилетев в Женеву, я ринулась узнавать о судьбе своего друга и выяснила, что он действительно застрелился. Где он взял оружие, почему ушел из жизни — вот о чем я думала все это время. И когда за мной пришли полицейские, я находилась в какой-то прострации. Спокойно, даже, скорее, равнодушно пошла с ними. Мне, по большому счету, в тот момент было абсолютно наплевать, что со мной сделают.

Перед тем как отвезти в Шан-Долон, меня допросили в полиции. И первый вопрос, который мне задали, был о Сергее Михайлове. Меня спросили, знаю ли я его. «Что вы подразумеваете под этим вопросом? — переспросила я. — Знаю лично, знаю хорошо или знаю в лицо? У нас вся страна его сейчас знает. Дня не проходит, чтобы его не показывали по телевизору или не публиковали его фотографий в газетах и журналах. Так что я тоже знаю Сергея Михайлова в лицо...»

Следователь меня оборвал: «Вы должны говорить правду. Вы наверняка хорошо знакомы, судя по почерку, вы занимаетесь одним делом и работаете вместе».

Этот допрос продолжался двенадцать часов. Под конец они стали убеждать меня в том, что если я расскажу им всю правду о Михайлове и о русской преступности, то они постараются добиться для меня снисхождения. О том же говорил мне и следователь Венгер, когда допрашивал меня в тюрьме. Я ждала, что мне устроят

очную ставку с Михайловым, но этого не происходило. Впрочем, наша первая да и несколько последующих встреч в тюрьме Шан-Долон наводят меня на размышление о том, что эти встречи были не случайны. Мне иногда кажется, что их подстроили для того, чтобы не на официальной очной ставке, а как бы при случайной встрече проверить нашу реакцию.

Дело в том, что в Шан-Долоне содержатся и женщины и мужчины, но женские и мужские камеры находятся в разных, далеких друг от друга и никак не сообщающихся коридорах. Надзиратели тюрьмы, таковы правила, строго следят, чтобы мужчины и женщины никогда между собой не встречались. Мужчины всегда выводились на прогулку на футбольное поле, а для прогулок женщин была предназначена зеленая, поросшая травой лужайка совсем в другом конце тюремного двора. Да и гуляли мы в разное время.

Моя первая встреча с Сергеем произошла через несколько дней тюремного заключения. Моими адвокатами стали Ральф Изенеггер и Яна Смутни, чешка по происхождению. Собственно, Изенеггер почти не занимался моим делом, в основном все свои проблемы я обсуждала с Яной. И вот однажды после встречи с ней мы вышли в коридор, и я увидела рядом с Ральфом высокого широкоплечего мужчину. Я уже знала, что женщин и мужчин-заключенных ограждают от встреч. К тому же стоявший рядом с адвокатом мужчина был в прекрасном, элегантном костюме, я даже решила, что это начальник тюрьмы. Тут меня позвал Изенеггер и сказал: «Юля, познакомься, это господин Сергей Михайлов». Мне показалось, что Сергей даже несколько растерялся, во всяком случае, наступила долгая пауза. А может, он просто был поражен, услышав русскую речь. Не знаю, мы как-то никогда с ним не выясняли, что он чувствовал в тот момент. Но потом мы разговорились, и, что самое удивительное, стоявшие поодаль гардианы спокойно наблюдали за нашей встречей и не мешали разговору. Только через несколько минут один из них выразительно постучал ногтем по циферблату часов, и нас развели по своим коридорам. Потом было еще несколько таких же «случайных» встреч. Я, допустим, шла на встречу с адвокатом, священником или психологом, а старший надзиратель, который указывал, какому заключенному в какую комнату пройти, меня предупреждал: «Зайдите сначала в комнату № 10». Это

вообще был очень странный человек, никак не вязавшийся в моем воображении с ролью тюремщика. Его звали Марсель, и при моем появлении он неизменно вставал, приветствовал меня обязательным «Бон жур, мадам Джулия» и целовал мне — заключенной (!) — руку. Потом я заходила в комнату, где уже сидел Сергей. Дверь комнаты всегда оставалась открытой, но несколько минут мы могли беспрепятственно поговорить. Эти встречи для меня были даже важнее бесед с адвокатом. Сергей умел не просто успокоить, он вселял какую-то необыкновенную уверенность.

А однажды Сергей устроил такое, от чего ахнула вся тюрьма. Обитатели Шан-Долон вообще очень любят интересоваться биографией каждого вновь появившегося заключенного, узнают, кто он по знаку зодиака, когда у него день рождения, какая семья, ну и все такое прочее. Потом по внутренней «почте» это расходится по всей тюрьме. Так что Сергей тоже знал, когда у меня день рождения. 23 июля я проснулась в скверном настроении. А чего хорошего меня здесь могло ждать в день рождения? Дома были бы гости, много шуток, веселое застолье. А тут... И вдруг в камеру входит надзирательница и говорит: «Джулия, тебе передача». И вкатывает тележку, на которую были водружены две огромные корзины и букет роскошных роз. А в корзинах! И фрукты, и шоколад, и деликатесы. Там столько всего было, что я могла всю тюрьму накормить до отвала. В этой передаче был даже добрый шмат сала. Видно, Сергей Анатольевич решил, что я по нему страшно соскучилась. Потом подарки поступали весь день. Их приносили из разных камер — мужских и женских: цветы, конфеты, шоколад. Потом надзирательницы мне сказали, что такого дня рождения тюрьма Шан-Долон никогда не видела. Было даже шампанское, что запрещено категорически. Шампанское принес священник Алан Рене Арбе, который навещал нас в тюрьме регулярно. На бутылках значилось, что это безалкогольное фруктовое шампанское, но по мозгам нам, отвыкшим от вина, дало будь здоров. Кстати, еще одну бутылку шампанского принес заместитель начальника тюрьмы. Дело в том, что я неплохо рисую и нарисовала ему акриловыми красками на холсте родовой герб его семьи. Вообще это был день сплошных исключений. Для того чтобы нарезать продукты, мне выдали остро наточенные ножи,

потом разрешили вынести в коридор музыку, что вообще-то разрешалось только по субботам и воскресеньям. А начальница женского отделения даже танцевала со мной. В общем, мы веселились от души. В этот день в Женеве был какой-то праздник, и вечером был салют. Конечно, к моему дню рождения это не имело никакого отношения, но заключенные, охочие до всяких выдумок и легенд, тут же распространили по тюрьме слухок, что и этот фейерверк тоже устроили в мою честь. Правда, тюрьма остается тюрьмой, и на следующей день в моей камере устроили шмон по всем правилам, перевернули все вверх дном, боялись, что кто-то из моих сокамерниц стащил нож.

Вообще отношения между обитателями Шан-Долон были очень интересными и своеобразными. Многие из нас работали в мастерской, занимались какими-то поделками. Я, например, рисовала. Таких кистей и красок, как в этой тюрьме, я никогда в жизни не видела. Считалось, что я делаю свои рисунки на продажу, но за стены Шан-Долона они даже не выходили — их раскупали надзиратели, а деньги перечисляли на мой тюремный счет, так что в магазине я могла купить какие-то предметы личной гигиены, дозволенную парфюмерию, сигареты, продукты. Заключенные очень любили дарить друг другу свои поделки, так что из мужского отделения в женское и наоборот все время пересылались очень трогательные подарки. Романы здесь вспыхивали мгновенно, история Шан-Долона даже знает несколько свадеб между заключенными. Свадьбы, вернее, обряд бракосочетания, законом не запрещены, но поскольку Шан-Долон — тюрьма следственная, то никаких свиданий и интимной жизни заключенных, вступивших в брак, не позволялось. Вот после вынесения приговора и перевода в обычную тюрьму такие встречи были предусмотрены. Кстати, недавно я получила на свой домашний адрес письмо, в котором лежала открытка-приглашение на церемонию бракосочетания в Шан-Долон. Как я уже рассказывала, мужчины и женщины в тюрьме гуляли отдельно и в разное время. Когда мы выходили на прогулку, то все мужское население устраивалось у окон своих камер. Женщин прогуливали с часу до двух часов дня. Летом жарница невероятная, солнце так и палит. Официально разрешалось загорать только в купальниках. Но откуда у

зэчек могли быть купальники? Наиболее смелые сбрасывали с себя одежду и загорали в нижнем белье. Что творилось в эти моменты с мужиками, передать не могу. Вот так и начинались тюремные романы. Приглянувшейся даме кавалер считал своим долгом тотчас отправить письмо. Система тюремной почты была отработана до мельчайших деталей, и называлась эта почта на тюремном жаргоне «е-е». Для начала нужно было сплести тонкую, но прочную веревку длиной метров двенадцать—пятнадцать. Для этого использовалось все, что можно было вынести из мастерской, женские колготки, припрятанные от надзирателей, старые простыни. Один конец веревки оставался в руках, к другому привязывался целлофановый пакет. В пакет укладывалось письмо, а в качестве груза апельсин или яблоко. Вот этот привязанный к веревке пакет метался на другой этаж, где уже в назначенное время дежурил человек с высунутой из окна швабры. Нужно было умудриться метнуть это «лассо» так, чтобы пакет обмотался вокруг швабры или по крайней мере зацепился за нее. Конечно, отправка почты от мужчин к женщинам происходила более ловко. Женщины то и дело роняли из рук конец веревки, и тогда письмо забирали надзиратели. Они знали о нашей переписке, но не письма их беспокоили, а передача наркотиков. Вот за этим следили действительно строго, а на передачу писем смотрели сквозь пальцы. Об этом я знаю потому, что в моей камере то и дело появлялись заключенные-наркоманки.

Часто приходил в тюрьму пастор Алан Рене Арбе. Я так до конца и не разобралась, к какой же конфессии он себя причисляет. Это какое-то новое реформистское движение, объединяющее христиан, иудеев и даже мусульман. Они исходят из того, что Бог един. Алан Рене Арбе в тюрьму навещался регулярно, причем делал он это совершенно бескорыстно. С собой он приносил хорошие духи или туалетную воду. В тюрьме пользоваться этим видом парфюмерии не разрешалось — боялись, что заключенные будут использовать парфюм вместо алкоголя. А пастор приносил свободно и в конце наших бесед всякий раз обрызгивал меня чуть не с ног до головы. Я один раз даже сказала, что боюсь, как бы меня не спросили, почему после каждой встречи со священником я так замечательно пахну. Пастор изучал русский язык, сносно на нем болтал, увлекался русской ли-

тературой, историей, культурой, но особенно его интересовал русский сленг. Это были странные беседы. С одной стороны, он нас морально поддерживал, утешал, с другой стороны — интересовался деталями дела в самых мельчайших подробностях, вызывал на откровенность, граничащую с исповедью. Сказать честно, я так и не разобралась, что же за человек Алан Рене Арбе. Но встречи с ним на самом деле приносили успокоение, давали ощущение духовного равновесия.

Долгое время я посещала и еще одного господина — психолога. Чрезвычайно обходительный мужчина, он постоянно призывал меня к откровенности, уверяя, что если я сообщу ему правду о своих сообщниках и делах, то на душе у меня станет легче. Мои уверения в том, что мне нечего добавить к уже сказанному, он совершенно не воспринимал и клялся в том, что все, мною сказанное, в нем и умрет. Однажды я язвительно заметила, что он, может быть, никому ничего и не скажет, а вот установленные по углам комнаты глазки телекамер меня что-то смущают. Психолог покраснел, как нашкодивший мальчишка, и стал что-то такое лепетать, что здесь, мол, когда-то была лаборатория и кто-то в ней учился операторскому делу. «Интересное вы выбрали место для учебного заведения», — не удержалась я от замечания. Самое интересное, что, дура, долгое время была убеждена, что эти посещения для меня обязательны. Но всякий раз, являясь на встречу с психологом, я должна была по двадцать минут, а то и больше ожидать его запертой в тесной клетке — таков был порядок. Однажды я психанула и сказала, что если уж я обязана встречаться с этим типом, то пусть он тогда хотя бы является вовремя. На что мне и сказали, что никто меня не обязывает. На этом мои встречи с психологом прекратились. Все те восемь месяцев, что я провела в Шан-Долоне, я общалась с Сергеем. «Случайные» встречи происходили все реже и реже, но зато мы перекрикивались. Я называла эти, с позволения сказать, беседы «Малыш и Карлсон». Моя камера была на третьем, самом верхнем этаже, а Сергей гулял по крыше, над которой была натянута металлическая сетка. В определенное время я свешивалась из окна и во всю глотку кричала: «Сергей!» Он подходил к ближнему к моей камере краю и отзывался. Ну ни дать ни взять — Малыш в окне и Карлсон на крыше. Охранники, которые

сопровождали его во время прогулок, давали нам некоторое время на этот, очень громкий, разговор потом, конечно, вмешивались, и «беседа» обрывалась до следующей прогулки. Сергей Михайлов был поистине самым заметным и самым легендарным обитателем Шан-Долона. Здесь ожидали суда и приговора убийцы, грабители, мошенники, но ни о ком так много не судачили в Шан-Долоне, как о Михайлове. Заключение всей тюрьмы считали своим долгом собирать все газеты, в которых о нем были статьи, и отправлять их мне. В отличие от Михайлова я не была лишена прогулок вместе со всем своим отделением, а эти прогулки становились единственным местом общения с другими заключенными. Не было дня, чтобы меня кто-то не пытался расспросить о Сергее. И они страшно обижались, когда я не могла сказать им ничего нового, кроме того, что было написано в газетах. А уж вопрос о том, люблю ли я Сергея, был просто постоянным. И когда я отвечала: «Я думаю, он теперь мой настоящий друг», — я видела разочарование на лицах. Они-то жаждали необыкновенного романа двух русских, а романа не было. Я восхищалась мужеством Сергея, его умом, ясностью мышления, умением убеждать и внушать уверенность, но как этого было мало моим слушательницам. И как необходима эта поддержка была мне.

В тюрьме Шан-Долон я провела восемь месяцев. А потом был суд. Кстати сказать, впоследствии я узнала, что судебное заседание по делу Сергея Михайлова проходило в том же зале «3А» женевского Дворца правосудия, где и меня судили. После того как президент суда огласила результаты жеребьевки присяжных, места рядом с ней заняли пять мужчин и одна женщина. В зале раздались аплодисменты. И вообще процесс напоминал некую неизбежную формальность, нежели суд. Чаще всего во всех формулировках звучала приставка «не». «Не совершала, не причастна, не состояла в сговоре», ну и так далее. Истица на суд вообще явиться не пожелала, а прислала вместо себя нанятого ею адвоката. Не было ни одного факта, подтверждающего мою причастность хоть к какому-то криминалу. Следствию даже не удалось инкриминировать мне использование фальшивого паспорта, ибо хотя я и воспользовалась чужим паспортом, но он все же был подлинным. А за это в Женеве никакого нака-

зания не предусмотрено. В принципе, если бы все обнаружилось в аэропорту Куантрэн, меня бы попросту депортировали, а поскольку было следствие и мне пытались «навесить» совсем иные грехи, то как такового разговора об использовании чужого паспорта на суде почти и не возникало. Во всяком случае, ни у судьи, ни у присяжных, судя по всему, и мысли даже не возникло наказывать меня за это. Одним словом, освободили меня подчистую и дали на сборы аж целых сорок минут.

По инструкции заключенные тюрьмы Шан-Долон сами вещи собирать не имеют права. Это делают специальные служащие. Там есть склад, где хранятся вещи заключенных. Когда я в Москве разбирала вещи, то удивилась, как они туда мужских костюмов не напихали. В пакетах, которые мне в тюрьме даже открыть не разрешили, были неизвестно чьи шмотки. То-то я удивлялась в аэропорту Куантрэн, что с меня за перевес багажа содрали 300 швейцарских франков. Да, дорого мне обошлась поездка в Женеву. Очень дорого.

Глава четвертая

АДВОКАТЫ

Об аресте Сергея Михайлова в Женеве московский адвокат Сергей Пограмков узнал уже на следующий день. Была, конечно, надежда, что это недоразумение, которое разрешится в течение дня, ну максимум — двух. Но по прошествии трех суток задержания Михайлова Пограмков твердо решил, что ему пора отправляться в Женеву. Самым спешным порядком, насколько это было возможно, он оформил визу и вылетел в Швейцарию. Встретившись в Женеве со своими коллегами, Пограмков понял, что никакой стройной системы защиты у них попросту не существует. Самое страшное, что местные адвокаты, приглашенные партнерами Михайлова по швейцарскому бизнесу, вполне допускали мысль о том, что их подзащитный может быть и впрямь «крестным отцом» русской мафии. Московскому адвокату было совершенно очевидно, что эти люди ему не помощники. И тогда он стал искать в Женеве тех адвокатов, которые поверили бы в невиновность своего нового клиента. Так в адвокатской команде появился знающий русский язык Ральф

Освальд Изенеггер, один из лучших адвокатов этой страны Поль Гулли-Харт, впоследствии Алек Реймон, Паскаль Маурер, Сильвен Дрейфус. К этой команде присоединился и президент коллегии адвокатов Бельгии Ксавье Манье.

Почти все из этой когорты, за исключением разве что молодого Изенеггера, имели большой опыт работы, громкие дела, проведенные ими в разных странах Европы. Но русского им еще ни разу защищать не доводилось. Адвокаты признавались, что многое для них в этом деле непонятно, и порой многочасовые беседы Пограмкова со своими европейскими коллегами заканчивались их общим мнением: мы ничего не поняли. Для них, например, было совершенно непонятно, как приехавший из России полицейский может говорить неправду. И когда Пограмков предоставлял им документы, опровергающие показания Упорова, они только руками разводили. Прошло несколько месяцев, пока сами адвокаты на основании собранных в России и других странах документов не пришли к заключению, что их подзащитный ни в чем не виновен и его дело смело можно назвать не уголовным, а политическим. Как это ни парадоксально, но, сделав такой вывод, адвокаты не только не сконцентрировали своих усилий, но даже на какое-то время несколько расслабились. Они полагали, что в столь ясной ситуации Обвинительной палате не останется ничего иного, как прекратить дело и отпустить Михайлова на свободу. Пограмков только поражался такой наивной беспечности и той существенной разнице в организации защиты, которая существует между Россией и Швейцарией. Уж если в России маститый адвокат брался за какое-то дело, да к тому же был твердо убежден в невиновности своего подзащитного, он, что называется, ночами не спал, перерабатывал горы документов, собирал свидетельские доказательства, организовывал необходимые экспертизы, одним словом, не знал ни сна ни отдыха до той поры, пока его подопечный не выходил на свободу. Здесь все было иначе.

Пограмкова потряс как-то один эпизод. Для обсуждения насущных вопросов защитники Михайлова собрались в Брюсселе, в офисе мэтра Ксавье Манье. Обсуждение затянулось на несколько часов и было в самом разгаре, когда женеvские адвокаты поднялись и заявили, что им пора ехать в аэропорт.

— Как же так, — удивился Сергей Пограмков, — ведь мы только-только подошли к самому главному? Вряд ли нам еще раз удастся так скоро встретиться в полном составе. Быть может, мы продолжим работу? Улететь вы сможете сегодня попозже, другим рейсом или завтра утром.

Они посмотрели на него, как на инопланетянина, словно и не понимая, о чем вообще ведет речь их коллега.

Мне и самому удалось убедиться в том, что, несмотря на царившее вокруг дела Михайлова явное беззаконие, его европейские защитники ни сна, ни аппетита не лишались. Познакомившись на одном из очередных заседаний Обвинительной палаты с бельгийским адвокатом Ксавье Манье, я договорился с ним об интервью. Я знал, что Манье долгие годы возглавлял бельгийскую коллегия адвокатов, что он награжден высшим орденом Бельгийского королевства и является одним из авторов текста европейской Декларации прав личности. Манье назначил мне встречу в Брюсселе, и в назначенный день и час я появился в его офисе. Мэтр встретил меня весьма любезно, провел в комнату для переговоров, где стоял огромный старинный прямоугольный стол. На столе, отсвечивая голубыми бликами, находилось плоское хрустальное блюдо, а в нем — английская трубка.

— Скажите, батонье (во франкоязычных странах Европы «батень» — обращение к человеку, занимавшему или занимающему пост председателя коллегии адвокатов. — *О.Я.*), эта трубка — украшение или знак того, что у вас в офисе можно курить трубку?

Манье улыбнулся.

— Я действительно не очень люблю, когда в моем офисе курят, но для любителей трубок делаю исключение. Так что, если вы курите трубку, прошу.

Я извлек из портфеля трубку, табак и с удовольствием закурил. Адвокат внимательно наблюдал за моими манипуляциями, словно пытаюсь удостовериться, что эта ситуация мной не выдумана и курение трубки для меня процесс повседневный. Убедившись в этом, он поднялся, распахнул дверь, ведущую из комнаты переговоров в кабинет, и жестом пригласил меня войти. В кабинете я увидел искусно изготовленные подставки, в ячейках которых покоились многочис-

ленные трубки. О! Это была изумительная коллекция, такие трубки мне еще видеть не приходилось. Заметив, с каким вниманием я рассматриваю коллекцию, Манье сказал:

— Это лишь часть того, что мне удалось собрать за многие годы. Но лучшие экземпляры я храню в своем поместье. После одной не очень приятной истории. Кстати, с этой истории началось мое общение с журналистами. А дело было так. Задолго до того, как я начал собирать курительные трубки, я увлекся коллекционированием карманных часов. Как одержимый я собирал их по всему белу свету, и мне удалось разыскать весьма недурственные экземпляры. Кое-кто из знатоков полагал, что моя коллекция часов одна из лучших, если не самая лучшая в мире. Начав адвокатскую практику, я арендовал офис в центре Брюсселя — именно в нем мы сейчас находимся — и перевез часть коллекции часов сюда. После одного громкого дела мне позвонил журналист популярной бельгийской газеты и попросил дать ему интервью. До этого у меня еще ни разу не брали интервью, и я охотно согласился. Приехал журналист, мы побеседовали с ним, а на следующий день, когда я утром пришел в офис, то обнаружил, что мою коллекцию украли. Кроме часов, воры не тронули ничего.

— Надеюсь, после моего посещения в вашем офисе ничего не пропадет, — смущенно пробормотал я, явно обескураженный таким вступлением знаменитого адвоката.

— О, что вы! Я вовсе не грешу на журналистов. Просто посещение того первого в моей жизни репортера стало для меня памятным именно из-за той кражи, — рассмеялся Манье и без всякого перехода предложил: — А знаете что, раз вы курите трубку, вам будет любопытно посмотреть на редкие экземпляры, заодно покажу и то, что осталось от моей коллекции часов. Я приглашаю вас к себе в поместье, — проговорил он торжественно.

Честно говоря, я торжественности момента в тот момент не понял, это позже адвокаты объяснили мне, что быть приглашенным в дом Манье — высокая честь. Итак, мы отправились в путь, и примерно минут через сорок я увидел указатель с надписью «Ватерлоо».

— Простите, мэтр, это то самое Ватерлоо? — задал я достаточно глупый вопрос.

— То самое, мой друг, то самое, — ответил адвокат. — А вы, судя по всему, здесь впервые. Ну что ж, я покажу вам сейчас Ватерлоо, и вы увидите то самое место, откуда Наполеон руководил своим знаменитым сражением.

Мне не терпелось начать с ним разговор, ради которого я примчался в Брюссель, и я уже проклинал себя за то, что затеял эту историю с трубкой, за свой вопрос по поводу Ватерлоо. Теперь интервью как бы отодвигалось на второй план, и Манье явно вошел во вкус гостеприимного хозяина. Оставалось лишь терпеть и надеяться, что в домашней обстановке он будет поразговорчивей и мне удастся узнать какие-нибудь подробности о деле Михайлова, которых еще никто не знает. Мы въехали в поселок, остановились у края ратного поля, потом мне была продемонстрирована таверна, в которой Наполеон ежедневно вкушал столь любимый им луковый суп. Попутно я услышал занятную историю о том, что здесь ежегодно собираются многочисленные знатоки и исследователи битвы под Ватерлоо. Они облачаются в мундиры солдат и офицеров того времени и устраивают спектакль, имитирующий историческую битву. Несколько лет назад человек, который во время сражения исполнял роль Наполеона, так вошел в образ, что от волнения с ним случился инфаркт и он, несчастный, скончался прямо на поле этой театрализованной битвы.

Но наконец мы въехали в поместье. На его территории, как рассказал Манье, находятся замок начала XIX столетия, два дома, лесные угодья, озера, протекает река, есть поля для игры в гольф и для выездки лошадей. Я понял, что семейству Манье, сколь бы многочисленным оно ни было, здесь не тесно. Мы вошли в дом. Стройная супруга адвоката внесла в комнату серебряный поднос, на котором стояли фужер с каким-то янтарного цвета напитком и огромный стакан, до краев наполненный водкой.

— Прошу вас — аперитив, — нараспев произнесла мадам Манье.

— Мне крайне неловко, мадам, но я не пью водки, — извинился я.

Она удивленно вскинула брови.

— Но муж сказал мне, что у нас в гостях будет русский. Я читала русских классиков, там, в их книгах, все пьют водку... — Ее тон был

даже не удивленным, а, скорее, обиженным, она явно не понимала, как посмели русские классики ввести ее в заблуждение.

Потом я был приглашен осмотреть картины, после чего мне были продемонстрированы коллекции часов и трубок — действительно изумительные. «Культурная часть» завершилась музицированием — хозяин дома исполнил небольшую сонату Грига и, закрыв крышку старинного рояля, пригласил меня в столовую. Официант, специально приглашенный из ресторана, укладывал на мою тарелку кусок отварной форели, священнодействуя блестящими приборами, более напоминающими хирургические, нежели столовые. Наконец мы снова вернулись в гостиную, нам подали кофе, Манье закурил толстенную «гавану», я — трубку и тотчас извлек диктофон, намекая тем самым, что пора уже перейти к основной части нашей встречи. И тут Манье меня огоршил.

— Вы были у меня в офисе, познакомились с моим поместьем, — сказал Манье. — Я полагаю, что у вас достаточно впечатлений, чтобы написать прекрасную статью.

— Я действительно получил сегодня массу интересных впечатлений, господин Манье, — ответил я как можно более вежливым тоном. — Но меня-то интересует прежде всего дело Михайлова.

— Ах, вот оно что, — произнес адвокат. — Ну что ж, извольте.

* * *

Адвокат **КСАВЬЕ МАНЬЕ:**

Я не считаю это дело уголовным, ибо следствие не располагает никакими доказательствами вины господина Михайлова. Да, досье в значительной части засекречено, но поверьте, это лишь ловкий ход следователя Зекшена и прокурора Кроше. Именно засекреченность досье позволяет им беспрестанно твердить о появившихся новых обстоятельствах в деле и на этом основании просить Обвинительную палату о продлении заключения для господина Михайлова. Не в моих правилах осуждать или обсуждать решения судебных инстанций, моя задача бороться с несправедливыми, противозаконными решениями. И все же я сейчас изменю своему принципу и скажу то, что, на мой взгляд, является самым главным: прошу вас запомнить — НИ СЛЕДОВАТЕЛЬ, НИ ПРОКУРОР, НИ ДАЖЕ ОБ-

ВИНИТЕЛЬНАЯ ПАЛАТА НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ ДЕМОКРАТИИ. ДЕМОКРАТИЮ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ ОЛИЦЕТВОРЯЕТ ОДИН СУД, И ТОЛЬКО СУД. Да, я считаю, что это дело нужно прекращать немедленно и у следствия нет никаких оснований для составления обвинительного заключения и передачи дела в суд. Но если оно все же будет передано в суд, то тогда вы увидите торжество демократии, закона и справедливости.

Хотя досье господина Михайлова, как я уже сказал, засекречено, для меня совершенно очевидно: дело инспирировано не по криминальным, а исключительно по политическим мотивам. Мир хорошо помнит те времена, когда Советский Союз опустил «железный занавес» перед странами Запада. Сегодня мы наблюдаем обратное явление, когда Запад сам опустил «железный занавес» перед Россией. Да, наступление Востока на Запад оказалось шокирующим. Европа и Америка попросту испугались стремительного вторжения российских бизнесменов, их денег, их не привычного для нас подхода к делу. Арестовав господина Михайлова, Запад хочет дать примерный урок или, иными словами, отпугнуть российских предпринимателей. Но ничего общего с криминалом это не имеет, и я считаю, что права господина Михайлова как личности нарушаются самым грубым образом. Засекретив досье, следствие лишает его священного права на защиту или, вернее, существенно ограничивает это право. Главным достижением демократии я считаю право любого человека на молчание и его право на свободу высказываний. Но следователь Зекшен всякий раз подчеркивает, что молчание Михайлова он истолковывает как стремление скрыть от следствия правду. Следователь не имеет права делать такие антидемократические выводы. Если к этому добавить, что условия содержания господина Михайлова под стражей также отличаются особой и к тому же неоправданной суровостью, я полагаю, у меня достаточно оснований обратиться в Европейский суд по защите прав личности в Страсбурге.

* * *

Надо сказать, что батонье Манье был все же достаточно откровенен со мной. И Паскаль Маурер, и Алек Реймон, и Сильвен Дрейфус предпочитали с журналистами не общаться, а уж если это обще-

ние становилось неизбежным, то отделялись общими фразами, ссылаясь все на то же самое пресловутое засекреченное досье. Чуть более словоохотливым был Ральф Изенеггер, но выражение вечной озабоченности не сходило с его лица. Ральф беспрестанно куда-то торопился, опаздывал, к тому же он действительно чаще других приезжал к Михайлову в тюрьму, и эти поездки были для него прекрасным поводом, чтобы отказаться от пространных интервью. Справедливости ради надо сказать, что, когда у меня во время поездок в Женеву хватало терпения дожидаться Ральфа, он все же отвечал на мои вопросы. Накануне каждого очередного заседания Обвинительной палаты Ральф Изенеггер, уступая моим настойчивым просьбам, делал осторожные прогнозы, оценивая шансы на удовлетворительное решение палаты. Помню, пару раз он даже позволял себе заявления типа: ну сегодня мы близки к успеху и я почти не сомневаюсь, что из зала суда мы уйдем вместе с Сергеем. И дело было вовсе не в неопытности или в излишней оптимистичности молодого адвоката. Во все нет. С точки зрения закона, юриспруденции Ральф совершенно верно оценивал ситуацию. Но в расчет следовало взять прежде всего то обстоятельство, что судью Крибле меньше всего интересовали доводы защиты. Твердо решив, что Михайлова он не выпустит на свободу ни под каким видом, Крибле позволял себе порой просто не слушать адвокатов. Однажды на заседании Обвинительной палаты произошел даже такой инцидент, возмутивший не только адвокатов, но и всех, кто присутствовал в зале. С очередной гневной речью выступал Ксавье Манье. Он убедительно, приводя неопровержимые доводы, говорил о нарушении прав личности своего подзащитного. И вот в самый кульминационный момент речи адвоката судья Мишель Крибле вдруг рассмеялся во весь голос.

— Что вас так развеселило в моих словах? — озадаченно поинтересовался адвокат, прервав свою обличительную речь.

— О, господин адвокат, не принимайте мой смех на свой счет, — елейным тоном произнес судья. — Просто я сейчас читаю очень веселую книгу.

— Скажите мне название этой книги. Я приобрету ее, и мы посмеемся вместе, — сказал не обиженный, а скорее

возмущенный Ксавье Манье, покраснев от едва сдерживаемого гнева.

Стоит ли говорить о том, что все попытки адвокатов освободить Сергея Михайлова под залог либо вообще доказать полное отсутствие оснований для продолжения следствия были обречены на провал. Разумеется, адвокаты понимали, что тенденция на обвинительное заключение совершенно очевидна и суда вряд ли удастся избежать. А потому они продолжали заниматься сбором необходимых документов — это единственное, что в создавшейся ситуации могли делать защитники. И координировал всю эту деятельность московский адвокат Сергей Пограмков.

Пограмкову в эти два года было труднее всех защитников Михайлова. Почти сразу после первой поездки в Женеву он получил уведомление о том, что въезд в Швейцарию ему закрыт. Причина, сообщенная российскому адвокату, была явно надуманной. А вот истинный мотив совершенно ясен. После того как Пограмков развил в Женеве кипучую деятельность, по своему усмотрению комплектовал команду адвокатов, юридические власти Швейцарии решили, что столь приткий адвокат им не нужен. Швейцарцы не знали, не понимали, но и не хотели понимать российские реалии. Юрист, досконально знающий законы своей страны, давно знакомый с самим Михайловым, в такой ситуации становился не только не нужным, но и опасным. В какие только инстанции не обращался адвокат Пограмков — все было тщетно. Даже на суд в качестве простого слушателя он и то не смог приехать. Следователь Зекшен постарался, чтобы в прессу проникли «достоверные сведения» о том, что московский адвокат Сергей Пограмков и сам принадлежит к криминальной организации, возглавляемой Михайловым.

От первого лица

Адвокат Сергей ПОГРАМКОВ:

Мне довольно часто приходилось представлять моих клиентов — российских граждан за рубежом. Как правило, это было связано с их бизнесом — с правовым аспектом их деятельности, юридическим обеспечением готовящихся к подписанию контрактов. Случай с Сергеем Михайловым — особый. Впрочем, и само дело такого плана возникло в мировой

юридической практике впервые. Подоплека «дела Михайлова», во всяком случае для его адвокатов, ясна. Но только говорить об этом вслух почти никто все эти два года не хотел, да и сейчас я знаю немногих из тех, кто бы дал правильную оценку всему, что произошло в Женеве.

Я уверен, что Михайлов попал, как говорят в таких случаях, «в прогамму». Он стал всего лишь разменной картой в серьезной политико-экономической игре, связанной с продвижением российского бизнеса и российских денег на мировой рынок. Ни для кого не секрет, что большинство бизнесменов, в том числе и самих российских предпринимателей, мало привлекает перспектива капиталовложений в российскую же экономику. Поэтому взоры многих российских предпринимателей обратились на Запад. Но практика мирового рынка уже сложилась — между странами давно поделены сферы влияния и оговорены экономические условия сосуществования. Поэтому вторжение «посторонних» денег, способное внести диссонанс в эту стабильную систему, вызывает активное сопротивление деловых и политических кругов Запада.

Первыми с этим столкнулись японские бизнесмены, которым благодаря эффективному росту производства в Японии в один прекрасный день стало «тесно» в своей стране. Специалисты помнят, какое количество санкций было принято в свое время, чтобы не допустить «японского вторжения» на мировой рынок. Потом в аналогичную ситуацию попали страны Юго-Восточной Азии, несколько лет назад — Россия. Однако методы борьбы с экономическими конкурентами могут быть разными. В случае с нашей страной одной из главных стала борьба с «русской мафией». Собственно, виновата в создании мифа о русской мафии сама Россия. Убедив себя, она убедила в этом и Запад. А ведь мифологически эта ситуация почти ничем не отличается от ситуации сталинских времен. Тогда тоже убеждали и убедили, что все беды страны — от вездесущих «врагов народа». Теперь найден другой общий враг — «мафия». И в том, и в другом случаях властям очень удобно оправдывать собственные просчеты, неправомерное расходование бюджетных средств, неумную политику, возникновение экономических кризисов. Но миф о «мафии» оказался на руку и многим за границей, был взят на вооружение как метод и средство борьбы с российскими бизнесменами.

Западная пресса и по сей день изобилует статьями о разгуле русской организованной преступности, о тех ужасах, которые ждут цивилизованный мир с появлением там «русских бандитов». Известны якобы сотни имен людей, причастных к «русской мафии». На разных заседаниях и совещаниях с участием представителей правоохранительных органов и спецслужб назывались головокружительные суммы, осевшие на зарубежных банковских счетах «русской мафии». Короче говоря, начала работать определенная программа.

А в том, что такая программа существует, сомневаться не приходится. Взять хотя бы, к примеру, знаменитый совместный доклад ЦРУ и ФБР Конгрессу США, который назывался «Российская организованная преступность и национальные интересы США». Несмотря на то что ряд высокопоставленных сотрудников Интерпола и других правоохранительных организаций утверждают сегодня, что «миф о русской мафии — специально созданная информационная “утка”, призванная остановить продвижение русского бизнеса на мировой рынок», в один момент уже запущенную программу не остановишь. Ведь мир уже убедили, что каждый русский — это бандит, а «русская мафия» наряду с атомным оружием является самой сильной угрозой мировой цивилизации. А с опасностью надо бороться, причем наглядно иллюстрируя эту борьбу примерами, то бишь устраивая показательные процессы над конкретными людьми. Одним из них и стал Сергей Михайлов.

С самого начала возникновения этого «дела» у меня не было сомнений в том, что оно инспирировано. И решение женева суда лишь подтвердило эту мысль. Все было сострепано из набора бездоказательных утверждений, ложных свидетельских показаний.

Я знаком с Сергеем Михайловым уже десять лет, обеспечивал юридическую сторону некоторым его экономическим программам. Сергей Михайлов — бизнесмен, владелец сервисных и торгово-посреднических фирм. Когда Михайлова арестовали в Женеве, я позвонил его жене и предложил свою юридическую помощь. Приехав в Швейцарию, я пытался добиться встречи со своим клиентом, однако к Михайлову меня не пустили, объяснив, что для этого недостаточно адвокатской лицензии, а нужно специальное разрешение властей кантона. Но мое пребывание в Женеве было ограниче-

но рамками визы, а на получение кантонального разрешения ушло бы слишком много времени. Так, во всяком случае, мне объяснили, недвусмысленно дав понять, что присутствие российского адвоката в Швейцарии нежелательно. Швейцарская юстиция грубо нарушала права человека, прежде всего ограничивая Михайлова в его неотъемлемом праве на полноценную защиту. Ведь совершенно понятно, что российский адвокат, защищающий своего соотечественника, попавшего за рубежом в переплет, не только юридическая, но и мощнейшая моральная поддержка. Человека, рядом с которым находится «родной» защитник, сложнее сломать, запугать, запутать, заставить подписать какие-то бумаги. А это, безусловно, не в интересах обвинения. Я убежден, что именно поэтому швейцарская сторона постоянно отказывала мне в визе. Фактически я насильственным образом был исключен из процесса. Однако швейцарские адвокаты прекрасно понимали, что без специалиста по российскому законодательству они не смогут осуществлять полноценную защиту. Оставаясь в адвокатской команде по защите Михайлова и даже в определенной степени координируя действия этой команды, я был лишен возможности встречаться со своим подзащитным.

Разумеется, я не собирался сдаваться без боя. Ходил по инстанциям, вынужден был собирать документы о том, какой я хороший, положительный, в порочащих меня связях не замеченный, а потом с полным набором этих документов да еще с письмом из Московской областной коллегии адвокатов, членом которой я являюсь, обращаться в официальные инстанции с жалобой на неправомочные действия швейцарской стороны. В моей жалобе было сказано:

«Ваши целенаправленные действия ограничивают мои права адвоката, гарантированные Международным Пактом о гражданских и политических правах, а также грубейшим образом нарушают права гражданина Михайлова С.А., предусмотренные Всеобщей декларацией прав человека. Оба эти документа обязывают правительства всех стран давать адвокатам возможность исполнять все их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства, а также возможность свободно путешествовать и консультировать клиента в своей стране и за границей».

Другое правонарушение по отношению ко мне как к адвокату и к господину Михайлову как моему подзащитному лишено было даже такой мотивации. В связи с потоками лжи в средствах массовой информации возникла необходимость обратиться в суд с иском о защите чести и достоинства Сергея Михайлова и с требованием привлечь ряд клеветников к уголовной ответственности. Для выполнения этого поручения мой клиент должен был дать мне доверенность. Но по закону такая доверенность могла иметь юридическую силу только тогда, когда господин Михайлов подписал бы ее в присутствии нотариуса или российского консула. Однако и в этом следователь Зекшен ему отказал. Впрочем, такой отказ меня уже не удивлял. Несмотря на засекреченность следственного досье, в прессу постоянно поступала ложная информация негативного характера. Такую «утечку» информации не чем иным, кроме как стремлением создать Михайлову отрицательный имидж в глазах общественности, объяснить нельзя.

Не имея возможности привлечь клеветников к уголовной ответственности, адвокаты Сергея Михайлова решили провести две международные пресс-конференции, на которых мы рассчитывали открыть журналистам глаза на тот юридический произвол, который творился вокруг нашего подзащитного. Первая такая пресс-конференция была проведена в Женеве, в офисе мэтра Алека Реймона, но на этой пресс-конференции я по понятным причинам присутствовать не смог. А вторую пресс-конференцию мы провели в Москве — в Международном пресс-центре. На эту пресс-конференцию приехали женеvские адвокаты Ральф Освальд Изенеггер и Алек Реймон, бельгийский адвокат Ксавье Манье, а также адвокат-эксперт из США Рэмси Кларк. В зале пресс-центра собрались журналисты практически всех московских газет, телевизионных каналов, было много зарубежной прессы. Запланированная по регламенту на час-полтора, пресс-конференция продолжалась более трех часов. После ее окончания я слышал, как в кулуарах журналисты говорили о том, что они совсем иначе представляли себе дело Михайлова. Но даже после этого лишь немногие газеты позволили себе напечатать правду.

Следствие постаралось сформировать общественное мнение против Сергея Михайлова, особенно это давление ощущалось накануне судебного процесса. И все же при-

сяжные сумели разглядеть истину и признали Михайлова невиновным. Во время одного из выступлений на заседании Обвинительной палаты мой женевский коллега Алек Реймон сказал, обращаясь к судьям и прокурору: «Вы присвоили себе звание полицейских мира». К счастью, швейцарские следственные власти и полиция реализовать это звание на деле не сумели. Не было настоящего уголовного дела, потому и не было в суде обвинительного приговора.

* * *

Вряд ли можно считать, что подкрепление следователю Зекшену со стороны спецагента Федерального бюро расследований США Роберта Левинсона пришло случайно. Такой версии придерживались репортеры криминальной хроники многих газет Запада, но, скорее всего, они просто заглотили «крючок» дезинформации, который в процессе расследования им то и дело искусно подсовывали Зекшен и Кроше.

Русскоязычному читателю имя Роберта Левинсона может быть знакомо по процессу Вячеслава Иванькова — Япончика. Правда, в материалах этого уголовного дела фамилия этого офицера ФБР упоминается лишь вскользь, раза два-три, не чаще. Но и этих незначительных упоминаний достаточно, чтобы сделать вывод о том, в каком направлении действовал Левинсон. Прочитирую один из таких эпизодов — он описан в книге американского журналиста Александра Гранта «Процесс Япончика»:

«...свидетель несколько озадачил суд, заявив, что беседа с Левинсоном велась вовсе не об Иванькове. “Агент Левинсон сказал мне, что его босс интересуется проблемами русской организованной преступности, — сказал Волошин. — Особенно в связи с контрабандой ядерных материалов”». Под боссом Левинсона имелся в виду начальник «русского» отдела ФБР Рэймонд Керр. В те годы, а речь идет о событиях почти пятилетней давности, «русский» отдел ФБР действительно вел разработки по контрабанде ядерных материалов из бывшего СССР в страны Западной Европы и США. По сути, эта операция фэбээровцев завершилась крахом, и, дабы удержать под собой и без того расшатанные служебные кресла, «русский» отдел спешно переключился на так называемую организован-

ную преступность. Российская пресса стала главным источником информации для американской спецслужбы, где каждую газетную «утку» из Москвы рассматривали, что называется, чуть ли не под микроскопом. И чуть ли не главными экспертами по «русской мафии» стали в те годы спецгент Роберт Левинсон и его босс — начальник «русского» отдела Рэймонд Керр.

С биографией Левинсона в Америке мог ознакомиться каждый желающий. О нем было известно, что он не раз внедрялся в преступную среду разных стран, по большей части Юго-Восточной Азии, где процветал наркобизнес. Трудно сказать, скольких наркобаронов удалось отправить за решетку Роберту Левинсону, но в начале 1990-х годов он вдруг резко переключился на Россию и, как уже было сказано, вскоре прослыл чуть ли не главным экспертом по «русскому вопросу». И это при том, что Левинсон, отвечая на вопрос, знает ли он русский язык, с напряжением отвечает: «Тшуть-тшуть». Судя по всему, этим словом весь словарный запас русского языка Роберта Левинсона и исчерпывается. Однако именно к нему, спецгенту ФБР, и устремился следователь Зекшен вскоре после того, как возбудил в Женеве уголовное дело против Сергея Михайлова. В нарушение юридических правил беседа Левинсона и Зекшена велась один на один, хотя впоследствии была запротоколирована и внесена в досье швейцарского следователя. Допросов со свидетелем Левинсоном Зекшен провел несколько, и в результате вот какая вырисовалась картина.

Роберт Левинсон поведал следователю, что в качестве спецгента ФБР он был внедрен в среду русской организованной преступности и провел в Москве около трех лет. Это якобы позволило ему детально разобраться в структуре российских организованных преступных группировок, составить список главарей и наиболее активных боевиков ОПГ, а также зафиксировать благодаря своим секретным источникам информации целый ряд уже совершенных в России и за ее пределами преступлений. Так, во время допроса Левинсон поведал Зекшену, что одной из самых крупных и опасных группировок не только Москвы, но и всей России является «Солнцевская», возглавляемая Сергеем Михайловым. Левинсон охотно поделился со швейцарским следователем всеми полученными данными, хотя

эти данные ничуть не отличались от тех, которые были опубликованы в периодической печати и в многочисленных книгах, включая и художественные произведения, авторы которых, как правило, в предисловиях непременно пишут примерно (цитирую по книге Валерия Карышева «Солнцевская братва». — *О.Я.*) так: «Особое напоминание сотрудникам оперативных и следственных органов, а также специалистам по данной теме: материалы этой книги не могут быть использованы в качестве каких-либо источников на следствии и суде». Разумеется, и Левинсон, и Зекшен прекрасно понимали, что художественные детали из жизни «солнцевской братвы» вряд ли можно будет представить в качестве доказательств суду. Нужны были детали, как говорится, документального характера. И за ними дело не стало.

Роберт Левинсон рассказал об одном совершенно «жутком» эпизоде, связанном с именем Михася. В «Солнцевской» ОПГ, по словам агента ФБР, подвизался в качестве казначея общественной преступной кассы некий Леонид Орлов. Этот самый Орлов был уличен в том, что снимал «сливки» из воровского денежного котла, и Михась-де принял решение его убить. Однако наиболее осторожные из его друзей отсоветовали Михайлову связываться с убийством, и тогда, сменив гнев на «милость», Михась распорядился Орлова физически изувечить и материально разорить. Что и было немедленно исполнено боевиками «солнцевских». Леониду Орлову выкололи глаз, поломали руки-ноги, а в довершение отняли автомашину «вольво» и выгнали куда глаза глядят из трехкомнатной кооперативной квартиры, владельцем которой он являлся.

Хотя разговор следователя с агентом ФБР проходил в США, как я уже сказал, с глазу на глаз, история эта вскоре стала достоянием широкой общественности, новость как попал на страницы почти всех газет мира. Вот ведь какие странности происходили с засекреченным досье по делу Сергея Михайлова. С одной стороны, следователь и прокурор, ссылаясь на вероятность сговора, досье засекретили таким образом, чтобы оно стало недоступным для подследственного и его адвокатов, с другой стороны, сведения из секретного досье то и дело беспрепятственно просачивались в прессу. Вот и Леонид Орлов узнал о том, что он живет с выколотым глазом,

поломанными руками и ногами, лишенный автомобиля и изгнанный из собственной квартиры на улицу, из газеты, которую однажды утром, по привычке, купил, отправляясь на работу.

Леонид Орлов и Сергей Михайлов познакомились в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Некоторое время, до той поры, пока Михайлов не уехал из России, вели совместный бизнес, даже, как говорится, домами дружили. Никаких конфликтов между ними на протяжении всех лет знакомства не возникало. Прочитав о себе столь ошеломляющую новость, Орлов разыскал в Москве адвоката Сергея Пограмкова и спросил, что ему следует делать в этой ситуации. Пограмков ответил, что если Орлов действительно хочет восстановить истину, то он может написать заявление и, заверив его у нотариуса, в качестве аффидевита отправить следственным властям Швейцарии. Орлов так и сделал. Собственно, он сделал несколько больше. Первым делом Леонид отправился во Всероссийский клинический и научно-исследовательский институт микрохирургии глаза имени Гельмгольца. В институте долго не могли понять, чего от них хочет этот странный пациент. Средних лет человек, довольно высокого роста, хорошо и со вкусом одетый, в очках, никак не подходил на сумасшедшего, но просил о каких-то непонятных вещах.

— У вас, батенька, легкая близорукость, но близорукость, как известно, бывает только тогда, когда у человека свои, данные ему при рождении глаза. На искусственных глазах никакой близорукости быть не может, это вы, надеюсь, понимаете! — вспылил, не сдержавшись, врач, обследовавший Орлова.

Но Леонид невозмутимо ответил:

— Именно это я и прошу написать в справке, доктор.

В конце концов врач сдался и выдал Орлову справку, в которой было написано, что данный пациент имеет бинокулярное зрение, сопровождающееся незначительной близорукостью. «Бинокулярное зрение» означает не что иное, как наличие у человека обоих естественных, или, как сам врач выразился, данных при рождении глаз. Именно эту справку, а также справки о том, что в его личном владении находятся автомобиль «вольво» и кооперативная квартира, Орлов и отправил в Женеву. Отправил, не зная, что к тому моменту следователь уже принял, а прокурор и Обвинительная палата

утвердили решение об изъятии из следственного досье Сергея Михайлова всех документов оправдательного характера.

А тем временем спецагент ФБР Левинсон продолжал насыщать свой рассказ все новыми эпизодами. Правда, в отличие от эпизода с Орловым они были скорее художественными, чем документальными. Левинсон, давая характеристики членам «Солнцевской» ОПГ, ссылаясь все на тех же самых пресловутых секретных агентов, которые снабжали его информацией. Кто они, эти агенты, что побудило российских граждан сотрудничать с агентом ФБР, он, естественно, не говорил, ссылаясь на сугубую тайну деятельности ФБР за рубежом. Лживость происходящего была очевидна всем, кроме, конечно же, господ Зекшена и Кроше. Ну, представьте себе, читатель, сотрудника спецслужбы, который охотно сознается, что в конкретной стране он вел на протяжении нескольких лет разведывательную работу, создавал агентурную сеть, не очень-то при этом и маскируясь. Да где такое возможно-то? Или уж действительно Роберт Левинсон считает, что в заваленной снегом России, погрязшей в экономических и политических проблемах, агенты американских спецслужб могут ходить по улицам и вместо «здрасте» предьявлять каждому встречному милиционеру удостоверение своей принадлежности к иностранной разведке?

Поздней осенью 1997 года Леонид Орлов по делам приехал в Женеву. Его приезд совпал с очередным заседанием Обвинительной палаты. Нет-нет, никакого «рояля в кустах». Леонид Орлов заинтересовался у адвоката Пограмкова, дан ли в Швейцарии ход его заявлению, и, когда узнал, что affidavit даже не приобщен к делу, решил приурочить, благо у него была возможность выбирать время приезда, свою поездку в Женеву к заседанию Обвинительной палаты.

Я познакомился с Орловым в Женеве, приехав на то же самое заседание. Мы жили в одной гостинице «Долев», и этот факт прокурор впоследствии назвал «криминальным». Название этой маленькой, трехзвездочной, но очень уютной гостинички, которую и я и Орлов выбрали из соображений прежде всего экономических, впоследствии обошло страницы многих газет. Так что хозяин «Долева», надеюсь, в накладе не остался: такая реклама дорого стоит. Ну кто бы и когда узнал, что существует в Женеве, недалеко от железно-

дорожного вокзала, ничем не приметная гостиница, о которой год спустя заговорит с газетных страниц практически весь мир.

Итак, мы познакомились с Орловым в гостинице, и я, признаюсь, напряженно вглядывался в его лицо, пытаюсь понять, действительно ли у него оба глаза — свои, не является ли один из них искусственным. Видно, любопытство мне скрыть не удалось, Леонид как-то невесело усмехнулся и заверил:

— Да свои у меня глаза, свои, хочешь, я и тебе справку покажу.

— Покажи, — оживился я. — Для газетного репортажа это то, что надо.

Леонид порылся в кожаной папке, достал лист стандартной бумаги, на котором сверху был гриф Института микрохирургии глаза имени Гельмгольца. Я внимательно прочел содержание, извещавшее о бинокулярном зрении «обратившегося Л. Орлова».

— Слушай, Леня, а, кстати сказать, какой тебе выбили глаз? — спросил я его.

— Во-первых, не выбили, а выкололи, а во-вторых, в каком смысле какой? — переспросил он.

— Ну, в том смысле, что левый или правый?

— А черт его знает, — рассмеялся Леонид. — В газетах об этой подробности не упоминается. Выкололи и выкололи, без всяких деталей. Кстати, хорошо, что об этом упомянул, надо будет завтра сказать в суде, что я даже не знаю, какой именно глаз мне выкололи.

— Если тебя кто-то захочет слушать...

К тому времени благодаря настойчивости адвокатов заседания Обвинительной палаты проводились при открытых дверях, журналисты и просто любопытствующая публика получили доступ в зал заседаний. Без всяких препятствий прошел туда и Леонид Орлов. Он сел на первой скамье для посетителей, так, что не увидеть его было невозможно. Именно на этом самом заседании прокурор Жан Луи Кроше значительную часть своей речи посвятил показаниям специального агента ФБР Роберта Левинсона и, как пример невиданной жестокости, сообщил судьям про эпизод, связанный с москвичом Леонидом Орловым. В голосе прокурора, когда он рассказывал о выколоте глаза, звучали праведный гнев, вполне соответствующее моменту гражданское возмущение. Всяк, кто

слышал в этот момент прокурора, должен был понять, что Сергей Михайлов — исчадие ада.

Зная, что процедура заседания Обвинительной палаты не предусматривает допросов свидетелей, адвокаты во время своих выступлений ни словом не обмолвились о присутствии в зале Леонида Орлова, хотя за несколько минут до начала Орлов сам подошел к адвокатам и представился им. Но Сергей молчать не стал. Когда ему предоставили слово, он, обращаясь к судьям, заявил:

— Почти на всех заседаниях Обвинительной палаты я пытаюсь обратить ваше внимание на то, что следствие игнорирует все мои просьбы и не заслушивает показания тех свидетелей, которых я прошу допросить. Сегодня в этом зале сидит господин Орлов, о котором только что так много говорил господин прокурор. Господин Орлов, я прошу вас, встаньте, я хочу, чтобы все присутствующие в этом зале посмотрели на вас и увидели, что у вас нет никаких физических изъянов.

Со своего места поднялся Леонид Орлов, но тотчас раздался гневный, срывающийся на крик голос председателя палаты Мишеля Крибле:

— Господин Михайлов, нас это не интересует.

И тут же господин Крибле буквально вскочил со своего председательского кресла и исчез в боковой двери. Следом за ним направились в совещательную комнату и другие двое судей Обвинительной палаты. Стоит ли говорить, что через несколько минут состав суда вернулся в зал, чтобы огласить стандартное для дела Михайлова решение: содержание под стражей продлевается на три месяца, так как у защиты не появилось никаких новых аргументов, в то время как следствие располагает вновь выявленными фактами.

После заседания присутствовавшие во Дворце правосудия репортеры окружили Леонида Орлова, они просили его снять очки, чтобы лучше рассмотреть глаза, щелкали затворами фотоаппаратов. На следующий день большинство женеvских газет опубликовали пространные материалы о том, что следствие находится на верном пути к успеху и скоро сумеет доказать вину русского мафиозо Сергея Михайлова. Лишь одна из второстепенных газет позволила себе кратко коснуться инцидента, происшедшего в зале «П» женеvского

Дворца правосудия. Сообщение это было столь кратким, что из него просто невозможно было понять, что же на самом деле произошло в зале суда. Вскользь было упомянуто только то, что приехавший из России Леонид Орлов серьезно поколебал уверенность Обвинительной палаты в показаниях спецагента ФБР Роберта Левинсона. Увы, женеvский репортер глубоко заблуждался. Ни судебный следователь Жорж Зекшен, ни прокурор Жан Луи Кроше, ни председательствующий Обвинительной палаты по делу Михайлова Мишель Крибле ни в малейшей степени не подвергали сомнениям показания Левинсона. Но в том, что Левинсон злоупотребляет своим служебным положением и, пользуясь принадлежностью к мощной спецслужбе, навязывает обвинению свое мнение, не сомневался лишь один человек — бывший генеральный прокурор США, адвокат и эксперт по вопросам американского права Рэмси Кларк. Но меньше всего Обвинительную палату и следствие интересовало мнение эксперта.

От первого лица

Рэмси КЛАРК:

Я являюсь юристом, имеющим право практики в судах США, вплоть до Верховного суда, и потому несу полную юридическую ответственность за каждое сказанное мной слово.

В течение восьми лет я по назначению Президента США занимал пост прокурора Департамента юстиции, затем был помощником генерального прокурора, а с 1966-го по 1969 год занимал пост генерального прокурора США, в обязанности которого входит надзор за всей деятельностью Департамента юстиции, то есть за всеми его отделениями, различными службами, секциями и бюро, в том числе Федеральным бюро расследований (ФБР). По роду этой работы я имел доступ ко всей основной разведывательной и уголовно-розыскной документации, донесениям, показаниям и другим материалам всех уровней секретности. Большинство попадавших ко мне материалов исходило из ФБР. Обычно разведывательные или уголовно-розыскные материалы попадали ко мне без всяких комментариев, то есть они просто содержали информацию,

полученную агентами спецслужб от различных секретных источников, включая слухи, сплетни, дезинформацию и неподтвержденные заявления. Происхождение таких материалов вполне объяснимо, так как цель сбора информации заключалась в объединении как можно большего количества данных независимо от их подтвержденности и соответствия реальности. Вполне объяснимо, что при работе с такими материалами надо быть предельно осторожным, и поэтому мы квалифицировали поступающую информацию по трем степеням: как достоверную, сомнительную и неизвестной степени достоверности. Мне приходилось просматривать большое количество документов и тех данных разведки, которые представляли собой предположения, гипотезы, фиксировали недостоверную или ошибочную информацию, часто, в принципе, не поддающуюся проверке.

Через мои руки за годы службы прошли записки, документы и оформленные дела, включающие тысячи фамилий людей, имеющих отношение к международной организованной преступности, замешанных в международном шпионаже, студенческих беспорядках по всему миру, событиях, имеющих отношение к убийству президента Джона Кеннеди, сенатора Роберта Кеннеди, пастора Мартина Лютера Kinga... Плюс к этому национальные, этнические и другие меньшинства становились время от времени объектом специальных разведывательных операций, контроля и, соответственно, донесений.

После ухода из Департамента юстиции я активно занимаюсь частной юридической практикой, прежде всего в таких областях, как уголовное право, права человека и международное право. В течение всех этих лет и вплоть до сегодняшнего дня я по-прежнему имею доступ к разведывательным и уголовно-разыскным делам ФБР, так как я получил специальное разрешение на прочтение правительственных документов, включая секретные документы ФБР.

Я читал протокол показаний сотрудника ФБР Роберта Левинсона, которые он дал 24 января 1997 года и 20 ноября 1997 года в Форт Лодердейле, Флорида, магистрату Зекшену в отсутствие уполномоченных господина Михайлова. В протоколах я не обнаружил ни одного элемента, на котором могли бы основываться арест, уголовное преследование и уголовное

заключение господина Михайлова в США или любой другой стране, соблюдающей международные стандарты справедливого судебного процесса. Высказанные в его адрес подозрения имеют характер общих либо обобщающих утверждений, ни одно из которых не базируется на личном наблюдении или информации, исходящей из первых рук.

Например, неоднократно повторяющееся утверждение, что «Солнцевская» организация является самой большой и могущественной из московских группировок РОП (принятое в ФБР обозначение для русских преступных группировок. — О.Я.), описание ее структуры, утверждение, что Сергей Михайлов является одним из ее основателей и руководителей, должно расцениваться как ни на чем не основанное и ничем не подтвержденное суждение общего характера. Взятое само по себе, оно представляет собой утверждение журналистского типа, не имеющее никакого реального веса. Его источник неизвестен и никогда не будет выяснен.

Как бы высока ни была компетентность сотрудника ФБР Левинсона, как бы хорошо он ни знал страну, язык, город и культуру русского народа, его профессиональные возможности в расследовании деятельности организованных преступных групп в России полностью зависят от иностранных источников, осведомленность, честность и законность которых у него нет возможности проверить. Например, сотрудник Левинсон утверждает, что черпал свою информацию не из докладов русской полиции, а из личных разговоров с людьми. Однако Левинсон не только отказывается назвать свои источники, он не сообщает, имеет ли он с ними личные встречи, а если имеет, то где и каков их характер. Левинсон отказывается также сообщить, владеет ли он русским языком, ездит ли он лично в Россию. Таким образом, совершенно неясно, получают ли его источники информацию лично или черпают ее из сомнительных источников или средств массовой информации. Неизвестно также, является ли эта информация плодом их воображения, поставляют ли они сфабрикованные и ложные сведения в целях получения денег, в целях коммерческой конкуренции, а быть может, по каким другим неизвестным мотивам.

Законодательства большинства стран мира запрещают иностранным правительствам ведение разведывательной де-

тельности на территории своих стран, равно как запрещают иностранным полициям выполнение их полицейских функций, преследование правонарушителей и розыскную деятельность. Разведывательные действия на территории других государств являются нарушением суверенитета этих стран и могут быть квалифицированы как шпионаж. Многие страны расценивают подобную деятельность как преступление.

Что касается конкретно дела господина Михайлова и многочисленных фактических улик, упоминающихся в показаниях агента Левинсона, то часть из них является откровенно ложной, а другую часть ФБР не способно доказать. Да ФБР и не собиралось ничего доказывать, ибо этой спецслужбе доподлинно должно быть известно, что господин Михайлов никогда не являлся в США объектом уголовного преследования. Ему не предъявлялось никаких обвинений, а, напротив, были предоставлены беспрепятственный въезд в США, право на перемещение в пределах страны, а также на пребывание в США и отъезд оттуда по собственному усмотрению.

По моему убеждению, ФБР сознательно стремилось дать швейцарскому следователю непроверенные заявления общего характера и ложную, предвзятую информацию. Я предпринял попытку встретиться с господином Михайловым в Женеве в качестве его адвоката и проконсультировать его по вопросам американского и международного права, однако следственный судья Зекшен отказал мне в этом. Такой отказ, по сути, является грубейшим нарушением международных прав, касающихся выбора адвоката, и лишает господина Михайлова возможности доказать всю беспочвенность показаний сотрудников ФБР. В то же время следователь Зекшен за этими же показаниями повторно приезжал в США, и это вопиюще контрастирует с теми усилиями, которые потребовалось приложить господину Зекшену для получения не компетентных, дошедших до ФБР через вторые руки сведений. Швейцарские власти юридически необоснованно решили воспользоваться этой непроверенной и непроверяемой информацией. Не думаю, чтобы они столь же легкомысленно отреагировали на информацию ФБР, если бы эта спецслужба стала, например, утверждать, что во время Второй мировой войны в Швейцарии были концентрационные лагеря, где использовался труд евреев, и что евреи выдавались швейцар-

ским правительством Германии для ликвидации. Кто может, в конце концов, доказать истину швейцарскому правосудию? Во всяком случае, не агент ФБР Роберт Левинсон и не ему подобные сотрудники спецслужб, которые отсутствие выверенной и документально подтвержденной информации пытаются заменить ссылками на секретность своих источников.

Глава пятая

ГДЕ ДЕНЬГИ, САНЬ?

*Детям до 16 лет и начинающим мошенникам
читать не рекомендуется.*

Документы уголовного дела № 9980\96

Форт Лодердейл, 19 ноября 1997 года

Судебный следователь: Жорж Зекшен

Секретарь: Рене Ваннер, инспектор полиции безопасности Женевы, приведен к присяге

Протокол допроса

Сверхзадержка состязательного следствия

На допросе также присутствуют: мадам Диана Л.В. Фернандес, помощник прокурора США, Южный округ Флориды, господин Патрик Шюллер, инспектор полиции безопасности Женевы,

мадам Элиз Жишон, переводчица французского-английского языков,

господин Петр Смолянский, переводчик русского-английского языков.

Замечание судебного следователя:

В соответствии с соглашением о правовой взаимопомощи между США и Швейцарией, власти США дали разрешение на проведение сегодняшнего допроса в рамках международного судебного поручения от 14 октября 1997 года.

Вопрос судебного следователя 2-ну Александру Абрамовичу:

— Как вы объясните тот факт, что в ходе инвентаризации господин Виталий Кузнецов обнаружил, что вы похитили у компании «Витали» сумму в 46 992 доллара США (акт от 4 декабря 1995 года)?

Ответ А. Абрамовича:

— Я никогда не видел акта об инвентаризации. Я опровергаю информацию о том, что похитил в компании «Витали» сумму в 46 992 доллара США.

Вопрос судебного следователя господину Александру Абрамовичу:

— Вы можете назвать банк, в который вы перевели сумму в 600 000 долларов США, как плату рэкетиром?

Ответ А. Абрамовича:

— Мы не переводили сумму в 600 000 долларов США за один раз. Речь идет об общей сумме. Это были либо прямые перечисления для группировки, либо оплата их сотовых телефонов. Я переводил деньги, но мне не показывали счетов. Я переводил деньги во многие банки.

Духовный отец и идейный наставник мошенников всех мастей Остап Бендер, как известно, сам читил уголовный кодекс и призывал к этому любителей легкой наживы. Бывший гражданин России Александр Абрамович, ныне проживающий в США, заветами великого комбинатора пренебрег. Из всех деяний Бендера он, видимо, запомнил и близко принял к сердцу лишь тот знаменательный эпизод, когда Остап отнятые у Корейко деньги отказался делить между Паниковским и Балагановым, а перечислил на счет фирмы «Рога и копыта». Но если Бендер о заокеанской жизни только мечтал, то Абрамович предусмотрительно сделал все необходимое, чтобы обеспечить себе в США жизнь безбедную.

В конце 1992 года в Москве был открыт первый частный ювелирный магазин. Открыли его российская фирма «Витали», вице-президентом которой являлся Александр Абрамович, и австрийская фирма «Алмаз Индепендент Групп». Год спустя Абрамович предложил своим российским компаньонам открыть собственный ювелирный магазин, при этом особо делая акцент на том, что все изделия

в магазин будут поступать из Майами. У Александра Абрамовича были все основания для этого, ибо именно в Майами он открыл фирму «US Trade Information Center, Inc» («ТИС, Inc»). Натиску Абрамовича его компаньоны противостоять не сумели, и он отправился в Майами, откуда вскоре и поступила крупная партия ювелирных изделий. Все бы хорошо, да вот только изделия эти были настолько дрянными, что в новом магазине не удалось продать ни одной побрякушки. Впрочем, и это обстоятельство мало смутило Абрамовича. В магазине он устраивает комиссионную распродажу ювелирных изделий, причем сдатчиками являются в основном его друзья и знакомые. Но так же, как Остап Бендер всеми фибрами души ненавидел рога и копыта, а прибывшего на практику студента готов был придушить собственными руками, так и Абрамовича меньше всего интересовали ювелирные изделия и получаемая от их реализации прибыль. Компаньоны же для него были лишь средством наживы. Абрамович давно уже решил для себя, что продажа золотых колец и браслетов не принесет таких прибылей, которые можно получить, допустим, от одного оформленного банковского кредита. «Но ведь кредиты, особенно банковские, нужно возвращать!» — воскликнет наивный читатель. И будет абсолютно прав. Разумеется, прав с точки зрения честного, порядочного человека. Но Абрамовичу мысль о возвращении кредитов, судя по всему, просто в голову не приходила. Принцип его действий столь же стар, сколь и прямолинеен: что ваше, то мое, а что мое, то уж тем более мое. И этим принципом он руководствовался как в отношениях с банковскими и государственными структурами, так и в отношениях со своими компаньонами по бизнесу. В свое время, когда при помощи и финансовом участии австрийской фирмы в Москве открывался ювелирный магазин, расходы на его строительство и оборудование, по документам, составили 10 миллионов долларов. Слухами земля полнится, и Абрамович прослыл человеком, который свободно и уверенно оперирует столь крупными суммами. А потому и впоследствии ему не составило особого труда получить кредиты от различных банков под проекты, никак не связанные с ювелирной торговлей. Так, фирма «Витали» заключила договор с Центральным научно-исследовательским институтом стоматологии (ЦНИИС) на поставку медоборудования из-за

рубежа. ЦНИИС напрягался, валютные жилы тянул из государства и со скрипом, но перечислил фирме «Витали» 678 тысяч долларов. А в итоге деньги эти перекочевали в личный карман Александра Абрамовича. Фирма же «Витали» не получила никакой прибыли, а стоматологи остались без оборудования. Несколько ранее «Тверь-универсалбанк» предоставил «Витали» кредит на сумму в 250 тысяч долларов. Каково же было удивление руководителей фирмы, когда выяснилось, что кредит этот не погашен. В тот день, когда Абрамовича пригласили на заседание правления банка, он позвонил к себе в офис и сказался больным. Ни в банке, ни в офисе фирмы «Витали» Абрамович больше не появился, зато выяснилось, что господин вице-президент забрал из фирменного магазина изделий на 48 тысяч долларов, сказав директору магазина, что берет изделия на проверку. Среди взятого им товара были и золотые украшения, сданные на реализацию близкими знакомыми Абрамовича. А впрочем, при чем тут близкое знакомство, если человек решил круто поменять свою жизнь и никаких таких своих московских знакомых он больше знать не хочет? Ибо теперь знакомства ему предстояло заводить по новому месту жительства. И не в какой-нибудь там Рязани-глухомани, а в Майами.

К отъезду, а говоря попросту — к бегству в США Абрамович подготовился весьма тщательно. Вот выписка из письма президента российской фирмы «Витали» В. Кузнецова в Министерство юстиции США:

«Нами проведена инвентаризация файлов офисного компьютера фирмы “Витали”, к которому имел доступ Абрамович А.Л. Среди документов, имеющих к нему отношение, обнаружены фальшивые финансовые отчеты и справки, которые могут быть использованы для оформления вида на жительство в США».

Выводы господина Кузнецова, как говорится, не на песке строились. Выяснилось, что приглашение для выезда в США себе и членам своей семьи Абрамович оформил от собственной же фирмы «ПИС, Ис». А чего мудрить-то? Зря, что ли, фирму создавал? Ну а подложные финансовые документы понадобились ему для того, чтобы доказать американским властям легальность вывезенного капитала. Хоть и считается Америка оплотом мировой демократии, но не желает, чтобы

в страну проникали «грязные» деньги. Но что такое сфабрикованные на компьютере фальшивые финансовые документы по сравнению с тем, как беззастенчиво были присвоены Абрамовичем банковские ссуды и капиталы, заработанные его компаньонами. А суммы эти, по оценкам экспертов, составляют более трех миллионов двухсот тысяч долларов. Когда банкиры и московские бизнесмены поняли, как надул их сбежавший в Америку Абрамович, они забили во все колокола: обращаются в суды уголовные и арбитражные, приглашают адвокатов и экспертов, пишут письма в официальные инстанции США. Но что толку от этого влотекущего процесса. Да, суды признают вину Абрамовича, но ни выдачи его российским властям никто не требует, ни на возврате денег судебным путем не настаивает. А чему удивляться-то? Россия — страна богатая. Вот если мелкого воришку за руку схватят, то «Агу его!» кричат и со страниц газет требуют самого сурового наказания, вплоть... А уж коли три миллиона долларов кто-то хапнул, то о нем с восторгом рассказывают и завистливо вздыхают за рюмочкой: «Ну надо же, сумел!»

Вспоминаю увиденный по телевидению репортаж: российские атомщики пытались пикетировать вход в собственное министерство. Причины для нашей страны характерные — зарплату им не платят, реакторы атомные без должной профилактики изнашиваются, и как бы опять беды не случилось. Но атомщики, понятно, не шахтеры. Они народ ученый и серьезный. А потому и проблема их была решена кардинально и быстро. Бравый красавец в форме милицейского подполковника хорошо поставленным командирским голосом проинформировал товарищей ученых, что их пикет является нарушением конкретной статьи уголовного кодекса, и дал подполковник атомщикам пять минут сроку, чтобы разошлись они и воды не мутили. Эх, знали бы атомщики, что одним только Александром Абрамовичем похищено у России-матушки столько денег, что верни их страна себе, то можно было бы ученым наконец зарплату выплатить. Но это я так, к слову, в порядке фантазии. Никто, как уже было сказано, и не собирается в России требовать наказания Абрамовича и возврата денег.

Он же тем временем поживает себе в Майами. А дабы спецслужбы не проявили все же законного интереса к новоявленному мил-

лионеру, Абрамович предпочитает делать упреждающие ходы. От контакта с представителями спецслужб не только не уклонялся, но напротив — сам эти контакты инициировал. Несмотря на многочисленные газетные публикации, о русской мафии представление в Америке примерно такое же, как об инопланетянах. То есть, скорее всего, они, то бишь инопланетяне, существуют. Но как выглядят, каким способом дышат и размножаются — неизвестно. А потому всякие басни и побасенки о русской мафии, которыми делился господин Абрамович со своими новыми согражданами, воспринимались, надо полагать, охотно и с благодарностью. И благодарность эта выражается в предоставленном мошеннику праве жить в великой стране. В немалой степени этому способствовал самый внимательный слушатель Абрамовича — бывший сотрудник «русского» отдела ФБР Роберт Левинсон. Дабы свидетельские показания самого Левинсона в предстоящем суде по делу Михайлова выглядели убедительно, «специалисту» по русской преступности нужны были конкретные лица, способные проиллюстрировать его выводы. Абрамовича Левинсону сама судьба послала. Он вцепился в него мертвой хваткой и не отпускал, покуда в США не приехал женеvский следователь Жорж Зекшен. Зекшен внимательнейшим образом выслушал рассказ Абрамовича о том, как солнцевские рэкетирьы лишили бедного Абрамовича денег и покоя, как угрожали его жизни и жизни его близких. «Моя жизнь превратилась в сущий кошмар!» — со слезами в голосе воскликнет несколько месяцев спустя Александр Абрамович, давая показания в суде. А прокурор Кроше на том же заседании вздохнет и скажет: «Я Абрамовичу верю». А что еще мог сказать прокурор, если никаких документов Абрамович в доказательство своих слов представить так и не смог.

Меня могут спросить, а чего это ради я предпослал этой главе предупреждение, что не рекомендуется ее читать детям до шестнадцати лет и начинающим мошенникам. Ну тут, на мой взгляд, как раз все ясно. Незачем в неокрепшие юношеские души сеять сомнение в том, что безнаказанно живут на белом свете столь нечистые на руку представители рода человеческого. Ну а от начинающих мошенников историю Александра Абрамовича следует тщательно скрывать, ибо она для них может стать просто-таки методическим пособием.

Документы уголовного дела № Р9980\96

Форт Лодердейл

19 ноября 1997 года

10 часов 20 минут

Судебный следователь: Жорж Зекшен

Секретарь: Патрик Штурер, инспектор полиции безопасности Женева, приведен к присяге

Протокол допроса

Сверхзадержка состязательного следствия

На допросе также присутствуют мадам Диана Л.В. Фернандес, помощник прокурора США, Южный округ Флориды, США, мадам Элиз Жишон, переводчица французского-английского языков, и мадам Полин Виммер, переводчица немецкого-английского языков.

В рамках судебного поручения проводится допрос:

Господин Майкл Шранц, 1963 года рождения, австриец, служащий, проживает: США, Флорида, Форт Лодердейл, резиденция ФБР, дает показания в качестве свидетеля, к присяге приведен.

Вопрос судебного следователя господину М. Шранцу:

— Вы говорите по-русски?

Ответ М. Шранца:

— Я немного разговаривал на русском в 1996 году. После моего отъезда из Австрии я его почти забыл. Я с трудом читаю по-русски.

Вопрос судебного следователя М. Шранцу:

— Вы понимаете по-русски?

Ответ М. Шранца:

— Я понимаю по-русски лучше, но я не разговаривал на нем.

Вопрос судебного следователя г-ну М. Шранцу:

— При каких обстоятельствах господин Михайлов сказал вам, что является лидером криминальной организации?

Ответ М. Шранца:

— Много раз, например, в офисе компании «Атком».

Вопрос судебного следователя г-ну М. Шранцу:

— Как вы объясните тот факт, что в противовес вашим показаниям господин Владимир Кошель не является послом Российской Федерации в Вене?

Ответ М. Шранца:

— Я не говорил, что господин Кошель являлся послом Российской Федерации в Вене. Я перечислил следующие знакомства господина Михайлова, а именно:

посол России в Вене,

Владимир Кошель, бывший генерал КГБ,

профессор Валерий Володин, бывший врач президента Ельцина.

Вопрос судебного следователя к г-ну М. Шранцу:

— Как вы объясните, что господин Валерий Володин не является бывшим врачом президента Ельцина?

Ответ М. Шранца:

— Я удивлен, он говорил мне об этом много раз. Я видел фотографию, на которой господин Володин обедал с президентом Ельциным.

Вопрос судебного следователя г-ну М. Шранцу:

— Почему вы не заявили о преступной деятельности австрийской компании «Актом» (отмывание денег)?

Ответ М. Шранца:

— Я не сделал этого потому, что не доверял австрийской полиции.

Вопрос судебного следователя господину М. Шранцу:

— Каков ваш сегодняшний статус в США?

Ответ М. Шранца:

— Я подтверждаю, что проживаю в США легально. Я опасюсь говорить о моем статусе более подробно.

* * *

Австрийский подданный Майкл Шранц неожиданно объявился в Америке. Собственно, приятной неожиданностью его появление было лишь для следователя Жоржа Зекшена. Сам же Шранц свой бросок за океан готовил планомерно. Провернув махинацию со своей страховой компанией в Вене, он стал обладателем кругленькой

суммы — не ехать же в новую страну с пустыми карманами. На естественный же вопрос о том, почему свои показания по делу Михайлова он решил давать в США, а не в Австрии, Шранц довольно туманно ответил:

— Я не верю австрийской полиции, к тому же в Австрии, если бы я дал показания по делу Михайлова, моя жизнь подверглась бы опасности. В США более совершенная юридическая система, к тому же я решил, что в этой стране я буду в безопасности.

Несмотря на весьма слабую логику такого утверждения свидетеля, следователь тем не менее пояснениями Шранца вполне удовлетворился, и в деле № Р 9980\96 появились очередные, не подтвержденные никакими документами, свидетельские показания. Вот что поведал Майкл Шранц. В Вене он работал в службе охраны одной из крупных фирм, возглавлял которую бизнесмен, говоривший на русском языке. В фирму частенько наведывались приезжие из России, один из них сразу привлек внимание Шранца. Это был человек высокого роста, крепкого сложения, и глава фирмы всегда встречал его с подчеркнутым радушием. Как выяснилось, это и был Сергей Михайлов. На первом допросе Шранц утверждал, что разговоры Михайлова со своим шефом он слышал только тогда, когда находился в приемной. Именно из подслушанных разговоров Шранцу стало ясно, что гость, то есть Михайлов, несомненно, принадлежит к российским криминальным структурам.

— Откуда такой вывод? — поинтересовался следователь.

Шранц охотно пояснил: существуют в русском языке слова, которые употребляются лишь людьми, принадлежащими к криминальным структурам, и эти слова, дескать, ни с какими другими не спутаешь. Свое знание русского языка новоявленный свидетель объяснил тем, что его мать по происхождению югославка, а так как русский и югославский языки по звучанию очень похожи, то для него, Шранца, не представляло никаких проблем понять суть разговоров, которые велись между главой фирмы и господином Михайловым.

Поначалу следователя вполне удовлетворили такие показания, но во время заседания Обвинительной палаты, когда женевцы ухватились за нового свидетеля, как за спасательный круг, стало ясно, что полученные следователем сведения имеют, мягко говоря, массу логи-

ческих неувязок и фактических изъянов. И потому во время последующих допросов Шранц «поднапряг память» и «вспомнил» массу иных деталей, делающих его показания более «убедительными».

Дописав эту фразу, я обратил внимание на большое количество кавычек в тексте. Но избежать этих кавычек можно только в том случае, если все показания Шранца закавычить целиком. Даже не адвокатам, а просто человеку стороннему, вовсе не знакомому с делом Михайлова, и то становится ясно, что все сказанное бывшим австрийским подданным не просто ложь, а какой-то бред, сочиненный в угоду следователю. Итак, в своих последующих показаниях Шранц уже не ссыался на то, что он слышал разговоры Михайлова со своим шефом, находясь в приемной. Майкл теперь утверждал, что он был непосредственным участником переговоров. Наверное, им обоим, и следователю и свидетелю, представлялось более естественным присутствие охранника на переговорах главы фирмы с крупным зарубежным партнером. Шранц утверждал, что именно во время этих переговоров ему удалось познакомиться с Михайловым ближе, настолько близко, что Михайлов, проникшись доверием к Шранцу, даже позволил себе обратиться к нему с некоторыми мелкими поручениями. Такими, как, допустим, убийство каких-то ставших негодными компаньонов. Шранц, разумеется, это поручение не выполнил, и это стало, по его словам, одной из причин, заставивших искать приют и защиту от Михайлова в США.

Майкл Шранц продолжал утверждать, что все разговоры с Михайловым велись исключительно на русском языке, когда же следователь попросил его воспроизвести несколько наиболее характерных для Михайлова фраз, Шранц, нимало не смутившись, заявил, что русский язык забыл. Сказались, вероятно, волнения, связанные с событиями последнего времени. Еще год назад, утверждал свидетель, он русский язык знал достаточно хорошо, чтобы полностью понимать все, о чем говорил Михайлов, а вот теперь начисто забыл. Ну настолько забыл, что ни одного слова вспомнить не может. Поверить в эту ахинею не захотел бы даже ребенок. Зато охотно поверили взрослые и искушенные юристы — следователь Жорж Зекшен и прокурор Жан Луи Кроше, признавшие и утвердившие Майкла Шранца официальным свидетелем обвинения.

Гражданин России Александр Абрамович и гражданин Австрии Майкл Шранц совершили преступление на своей родине. И тот и другой бежали в США в надежде найти там пристанище. И тот и другой были свидетелями обвинения, давая показания против Сергея Михайлова. Параллель в их действиях проводится сама собой — уж больно эти действия одинаковы, и невольно складывается впечатление, что оба этих типа действовали по какому-то сценарию, написанному одним лицом. Вполне возможно, что автором этого сценария был Роберт Левинсон в бытность свою спецагентом ФБР. Но даже если это и не так, то и у Абрамовича, и у Шранца были все основания стремиться к тем самым «вратам великих возможностей», которые охотно открывает перед людьми такого толка Америка.

Я, конечно, далек от мысли обвинять правительство Соединенных Штатов в том, что оно осознанно создает благоприятные условия для жизни в своей стране всякого рода лжецам и мошенникам. Но существующая в США программа борьбы с «русской мафией» весьма существенно начинает заботить американского налогоплательщика. А он, налогоплательщик, не прощает никому, когда в его карманах шарят столь беспардонно. Нельзя несколько лет кряду твердить простому обывателю об эфемерной угрозе русских бандитов, которые угрожают его благополучию. Он, обыватель, должен получить подтверждение тому, что эта угроза реальна. Американцам не меньше, чем европейцам, нужен был громкий процесс, связанный с русским именем. Арест Сергея Михайлова в Женеве, возбужденное против него уголовное дело могли в итоге оказаться именно таким процессом. И каждый, кто свидетельствовал против Михайлова, мог твердо рассчитывать на благосклонность американских властей. Абрамович и Шранц прекрасно это понимали, когда принимали решение скрыться от правосудия своих стран именно в Америке. Лжесвидетельство против Михайлова становилось для них не просто щитом, но той волшебной палочкой, которая сулила безбедное существование в будущем. Ведь недаром все русскоязычные газеты Америки вот уже несколько лет пестрят платными объявлениями-призывами к тем русским, которые готовы поделиться имеющимися у них сведениями о российской организованной

преступности. Обращаясь к властям, эти источники информации могут твердо рассчитывать, что право на жительство в США будет предоставлено не только им самим, но и их близким, а иногда даже и не очень близким родственникам. Разумеется, спецслужбы обязаны проверить любые сообщения, но, как правило, эти проверки заключаются не в сборе документальных подтверждений, а лишь в сопоставлении, так сказать, внешнего ряда показаний.

Александр Абрамович, обратившись в ФБР, дал показания о том, что «бандиты» из «Солнцевской» преступной группировки обложили его непомерным налогом и он бежал в Америку, «спасаясь от вымогательства и опасаясь за собственную жизнь». Проверка, предпринятая агентами ФБР, могла подтвердить, что Александр Абрамович действительно жил в России, действительно занимал видный пост в одной из московских фирм. Наличие серьезного капитала подтверждало, что Абрамович на самом деле являлся крупным российским предпринимателем. Таким образом, Абрамович автоматически переходил в разряд свидетелей, заслуживающих доверия. Внимание, которым дарил Абрамовича приезжающий для допросов в США швейцарский следователь Зекшен, лишь усиливало предположение о важности Абрамовича как свидетеля.

Практически точно так же осуществлялась и проверка сведений, предоставленных ФБР Майклом Шранцем. Факт его работы охранником в фирме, которую посещал Михайлов, не вызывал сомнений, все остальное, выдуманное Шранцем и преподнесенное весьма топорно, тем не менее не вызвало никаких сомнений.

И все же американцы, понимая, что Михайлов на территории их страны не совершил никакого преступления, не собирались требовать его выдачи. Их вполне устраивали деятельность швейцарского следователя и та ответственность, которую Зекшен в итоге должен был нести перед юстицией своей страны за показания свидетелей. Зекшена же, как уже не раз было сказано, совершенно не смущали ни логические неувязки в показаниях Шранца, Абрамовича и Левинсона, ни полное отсутствие доказательств в виде каких-либо документов. Ни один из экспертов, знакомясь с делом Михайлова, даже и предположить не мог, что с такой базой доказательств, вер-

нее, с полным их отсутствием Зекшен и Кроше решатся составить обвинительное заключение и передать дело в суд.

* * *

Эта фотография обошла страницы газет чуть ли не всех стран мира: улыбающийся Сергей Михайлов рядом с Президентом Коста-Рики Хосе Мариа Фигуэросом. Однажды в Америке мне пришлось наблюдать такую сценку. Мэр Нью-Йорка приехал на Брайтон-бич и прогуливался по знаменитой дощатой набережной. Русские эмигранты тут же оставили свои шахматы, отложили костяшки домино и даже на всякий случай припрятали карты, в которые дуются здесь с утра до поздней ночи. Один из смельчаков подошел к мэру и на своем ужасном языке попросил разрешения сфотографироваться с ним. Неожиданно для всех мэр легко и с видимым удовольствием согласился, положил руку на плечо эмигранта и с улыбкой глянул в объектив. После этого началось настоящее паломничество — чуть ли не каждый, кто в этот час оказался на Брайтоне, пожелал запечатлеть себя рядом с мэром. Он никому не отказывал, терпеливо позировал перед фотоаппаратами, а тем, у кого при себе оказался «полароид», даже оставлял автограф на моментальном снимке. Интересно, думали ли русские эмигранты, фотографируясь с мэром Нью-Йорка, что этот снимок может быть когда-нибудь использован в качестве компромата? Во всяком случае, Сергею Михайлову, когда он стоял перед объективом рядом с Президентом Коста-Рики, такая идиотская мысль даже в голову не приходила. А даже если бы и пришла, вряд ли он отказался бы от предложения Хосе Мариа Фигуэроса запечатлеться рядом с русским бизнесменом.

Предложение стать почетным консулом поступило Михайлову от правительства Коста-Рики в 1993 году. До этого момента об институте почетных консулов ему мало что было известно. Пришлось полистать справочники, специальную литературу. После этого Сергей Михайлов отправился в Министерство иностранных дел, где во время встречи с заместителем министра подробно рассказал о сложившейся ситуации. Поведал и о том, что костариканцы, сделав ему такое предложение, прежде всего рассчитывают на укрепление и расширение экономических связей с Россией. Ничего необычно-

го высокопоставленный мидовский чиновник в этой ситуации не усмотрел и, как говорится, дал «добро» на оформление Михайловым соответствующих документов. Нужно было собрать кучу самых разнообразных справок, в том числе и о состоянии здоровья, заполнить множество анкет. Через несколько месяцев после того, как Михайлов отослал все документы, он получил паспорт Коста-Рики, в котором было указано, что податель сего документа является почетным консулом данного государства в России. А буквально через несколько дней из Сан-Хосе на имя Михайлова пришло приглашение прибыть в столицу в качестве почетного гостя и принять участие в инаугурации президента.

На инаугурацию Хосе Мариа Фигуэроса в Сан-Хосе собралось множество народу, прибыли главы государств, дипломаты, известные политики, звезды мирового кино. Вряд ли за те несколько дней, что проходили торжества, президент Коста-Рики мог выкроить хоть несколько часов для сна. Но каждому из почетных гостей он уделил внимание. Дважды встречался с президентом и Сергей Михайлов. Первая встреча была короткой, сугубо протокольной — новому президенту представили нового почетного консула в России. Наслышанный о Михайлове, Хосе Мариа Фигуэрос изъявил желание побеседовать с ним подробнее, и через несколько дней состоялась еще одна встреча. На сей раз разговор шел исключительно о перспективах экономических отношений двух стран, возможных в ближайшем будущем взаимовыгодных контрактах. Судя по реакции, президента вполне удовлетворили те коммерческие планы, которые представил ему российский бизнесмен, и он попросил Михайлова незамедлительно заняться осуществлением этих проектов. Фигуэрос, правда, посетовал, что из российского МИДа до сих пор не поступило сообщения о том, что господин Михайлов может приступить к исполнению своих обязанностей почетного консула, но президент отнес это на счет неповоротливости бюрократической машины и обещал направить в МИД соответствующий запрос. На прощание он сказал Михайлову, что хотел бы посетить Россию и намерен осуществить этот визит в ближайшие месяцы.

Вернувшись в Москву, Михайлов первым делом стал подыскивать помещение для нового представительства. Установив дипло-

матические отношения с Россией, Коста-Рика открыла в Москве консульство, однако уютилось оно в какой-то запущенной квартирке. К приезду президента Сергей Михайлов решил подготовиться должным образом. Однако МИД России по-прежнему безмолвствовал. Так по крайней мере считали в Коста-Рике. Однако сам Сергей Михайлов получил иную информацию. Высокопоставленный чиновник МИДа, пригласив его к себе, с раздражением заявил, что внешнеполитическое ведомство Коста-Рики буквально атакует россиян запросами по поводу Михайлова, но утверждение господина Михайлова почетным консулом в ближайшее время вряд ли возможно. Ему дали понять, чтобы он сам, добровольно отказался от этой должности, дабы не способствовать международному конфликту между странами. Сергей Анатольевич счел за благо не усугублять конфликт и направил в костариканский МИД соответствующее письмо, в котором с извинениями сообщал о невозможности исполнять обязанности почетного консула в России.

После ареста Михайлова в Женеве история с коста-риканским паспортом была интерпретирована в прессе самым вольным образом. Большинство репортеров сошлись во мнении, что Михайлов попросту купил себе паспорт почетного консула, дабы на всякий случай обзавестись дипломатической неприкосновенностью. Если бы авторы этих измышлений сочли за труд заглянуть в соответствующие справочники, они бы легко убедились, что дипломатический иммунитет на институт почетного консулата не распространяется. Большинство газет оповестило своих читателей, что, получив паспорт Коста-Рики, Михайлов принял гражданство этой страны, что также являлось чистой водой вымыслом. О коста-риканском гражданстве Сергей Михайлов даже и не помышлял, более того, в его дипломатическом паспорте черным по белому было записано, что он является гражданином России. Но суть всех публикаций сводилась к выводам, ради которых, собственно, эти публикации и появились на страницах многочисленных газет.

А выводы сводились к тому, что дипломатический статус именно Коста-Рики понадобился Михайлову для того, чтобы через эту страну наладить еще более прочные связи с... колумбийской наркомафией. Вот уж действительно: в российском огороде бузина, а в

Коста-Рике — дядька. Только воспаленный мозг мог родить мысль о том, что президент Хосе Мариа Фигуэрос способствует укреплению чьих бы то ни было связей с наркомафией. Но в подавляющем большинстве публикаций история с коста-риканским паспортом и должностью почетного консула была запутана таким образом, что выявить истинную суть было просто невозможно. Но я далек от мысли обвинять своих коллег в том, что они запутались в фактах или не сумели в них должным образом разобраться. Скорее всего, репортеры действовали по принципу, что все непонятное внушает подозрение.

Нет никаких сомнений, что и в данном случае спецслужбами была хорошо организована утечка информации. Следственное досье Сергея Михайлова было, как известно, засекречено. Засекречено так строго и надежно, что ни сам Михайлов, ни его адвокаты долгое время не имели доступа к материалам дела. Каким же, спрашивается, волшебным образом попадает в прессу изъятая в швейцарском доме Михайлова его фотография с Президентом Коста-Рики? Кто этот изощенный в интригах «мыслитель», который подкинул в прессу версию о причастности Михайлова к колумбийской наркомафии? Уж не Роберт ли Левинсон совместно с Жоржем Зекшеном занимались стряпней этой газетной «утки»?

Но, кто бы они ни были, конструкция, хотя и топорной работы, получилась лихая. Любопытно, как замкнулись в итоге звенья цепи. В свое время, еще на процессе Япончика в Америке, Левинсон пытался доказать связь Иванькова с колумбийскими наркобаронами. Работая некоторое время в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ФБР, Левинсон утверждал, что одну из сходок колумбийские наркобароны провели в Майами. Тогда конструкция Левинсона рухнула, не успев подняться: выяснилось, что Иваньков впервые приехал в США намного позже того времени, когда, по утверждению агента ФБР, в Майами собирались колумбийские наркобароны.

Во время одного из самых первых допросов после ареста в Женеве Михайлов подробно рассказывал следователю о своих зарубежных коммерческих поездках. У него не было никаких оснований скрывать, что во время пребывания в США он несколько дней

провел и в Майами. Понятно, что напрямую обвинить Михайлова в том, что в Майами он отправился для встречи с наркодельцами, даже такой изощренный подтасовщик фактов, как Зекшен, не мог. С таким же основанием следовало бы обвинять в причастности к наркомафии каждого туриста, который провел несколько дней на этом всемирно известном курорте. И вот тогда-то в прессу и попадает неведомыми путями фотография, на которой Сергей Анатольевич Михайлов снят рядом с Президентом Коста-Рики Хосе Мариа Фигуэросом, и на свет извлекается в совершенно извращенном виде история с несостоявшейся должностью почетного консула. Логическая цепь: почетный консул — Президент Коста-Рики — колумбийская наркомафия — становится достоянием журналистов, полученная, вероятно, из тех же самых источников, из каких попала к ним пресловутая фотография. Ну а дальше дело пошло по накатанной колее. Газетные публикации по этому поводу анализируются в Интерполе и заносятся в «досье» Михайлова как данные о его причастности к распространению наркотиков, а затем уже сам Зекшен, ссылаясь на Интерпол, допрашивает Михайлова по этому эпизоду. Ну прямо-таки «у попа была собака...».

Не хотелось бы опережать события в этом повествовании, но трудно удержаться. В первый же день судебного процесса над Сергеем Михайловым его адвокаты сделали официальное заявление, что против их подзащитного было создано мощное общественное мнение отрицательного характера. И произошло это из-за утечки информации, которую допустило следствие. Смею утверждать, что формирование отрицательного имиджа в прессе было лишь побочной целью следствия. Не лишней, конечно, но и далеко не главной. Используя вслепую прессу, следствие преследовало куда более практические цели. Специальный отдел Интерпола занят только тем, что отслеживает публикации криминального характера. И если какие-либо данные повторяются в печати несколько раз, то они вносятся в соответствующие файлы Интерпола и рассылаются полициям разных стран мира в виде служебных сообщений. Придумывая все новые и новые обвинения в адрес Михайлова, Зекшен, вероятнее всего, и действовал этим проверенным методом. Журналисты набрасывались на просочившуюся «из достоверных источников, близ-

ких к следствию», информацию, а следовательно потом оставалось лишь набраться терпения, пока запущенная им же «утка» прилетит к нему из Интерпола и ее, то бишь «утку», уже со ссылкой на Интерпол можно будет предъявить Михайлову в качестве обвинения.

Разумеется, магистр юриспруденции Жорж Зекшен не был столь наивен, чтобы полагать, что суд примет в качестве доказательств подобные обвинения. Но ведь он, формируя образ мирового злодея, все эти годы любовно и трепетно создавал и еще один, на самом деле куда более важный для него имидж — борца со всемирным злом. И имя этого борца должно было стать известно всем на свете — Жорж Зекшен.

* * *

Мы обманываемся видимостью
правильного.

Гораций

Александр Грант — ведущий криминальной рубрики в американской газете «Новое русское слово». В качестве эксперта по проблемам русской преступности Александр Грант часто выступает на страницах американской англоязычной печати, по телевидению, с лекциями на различных международных семинарах по правовым вопросам. Он автор нескольких книг, в том числе и книги «Процесс Япончика», которая получила широкое распространение в США, России, Германии, Израиле и других странах.

На протяжении двух лет Александр Грант регулярно освещал на страницах американской печати и по телевидению США ход дела Сергея Михайлова, его перу принадлежит также серия репортажей о судебном процессе, которые были объединены рубрикой «Кантон Женева против Сергея Михайлова». Надеюсь, мнение Александра Гранта о событиях, описанных в данном издании, будет небезынтересным для читателя.

«Америка вообще привыкла жить под угрозой так называемой красной опасности. Лозунг “Красные идут!”” впитывался многими американцами чуть ли не с молоком матери. Это началось с отработки учений атомной тревоги в конце 1940-х — начале 1950-х годов,

и, в общем, пока они жили, они боялись. Причем эта боязнь носила намного более искусственный характер, чем в Европе, потому что Европа боялась коммунистов по-настоящему: советские танки были за границей, но в пределах одних суток пробега, что было доказано. А в Америке красная опасность стала эдаким голливудско-книжно-философским мифом. И когда Советский Союз распался, русская преступность гармонично и достаточно плотно заняла место “красной опасности”. Нужен был новый страх, ибо все мощности — и экономические, и психологические, и интеллектуальные — для этого были готовы. Русскую преступность на три четверти придумали, и на одну четверть она существовала на самом деле, хотя тоже далека была от опять-таки выдуманных и приписываемых ей характеристик. Сегодня я, занимаясь этой проблемой уже более десяти лет, могу сказать, что русская организованная преступность в Америке действительно была, но она занимала настолько микроскопическое место по сравнению с той преступностью, что творится в США, что на это смотрели не очень серьезно. Когда же в распавшемся СССР было продемонстрировано полное отсутствие надежных структур власти, американцы начали нервничать. Они увидели, что на огромной территории, которая некогда называлась Советский Союз, происходят процессы, не управляемые привычными категориями. То есть нет политиков, с которыми можно разговаривать, нет банкиров, с которыми можно договариваться, нет бизнесменов, за которыми стоит государство, а есть какие-то непонятные люди. И вот тогда Америка, другого слова не подберу, начала психовать. Она испугалась не преступников в привычном понимании слова “криминал”, а людей с деньгами, которые не хотят или не могут объяснить происхождение этих денег.

Ну вот типичная картина. Приезжает в США честнейший человек, хочет открыть бизнес, вложить несколько миллионов долларов. У него спрашивают, откуда вы взяли эти деньги, а он вместо вразумительного, на взгляд американцев, ответа начинает либо смотреть себе под ноги, либо говорить вещи, которые невозможно проверить. В результате отказываются иметь с ним дело. Замечу, что в Америке, как и в других западных странах, вообще не принято интересоваться происхождением частного капитала. Никому бы и в голову не при-

шло приехавшего в США английского или, допустим, швейцарского бизнесмена спрашивать, где он взял деньги. Страх перед русскими позволил нарушить это правило. Разумеется, никто из русских предпринимателей не обязан был отвечать на столь бестактный вопрос, но в итоге это привело к тому, что с русскими бизнесменами по большей части предпочитали априорно, как я уже сказал, дела не иметь. Вот что страшно. И произошло это потому, что страх перед русской организованной преступностью, нагнетаемый прежде всего журналистами, стал распространяться на честных бизнесменов тоже.

Спроси сегодня любого американца, и он с удовольствием перескажет своими словами миф о том, что три четверти российской экономики управляется организованной преступностью, сорок девять процентов российских банков контролируется мафией и так далее. Американский бизнесмен, наслушавшись этих ежедневно муссирующихся ужасов, боится брать себе в партнеры русского, ибо он боится примерно следующей ситуации. Они будут честно работать, честно зарабатывать, а потом выяснится, что русский партнер часть своей прибыли передал кому-то из “мафии”, и таким образом американец как бы содействует развитию русской организованной преступности. Поэтому русским банкам отказывают в представительстве, и сегодня в США не аккредитован ни один русский банк. Разрешают проводить какие-то отдельные незначительные операции, но на официальном уровне — табу.

Разумеется, Запад пугают не только русской организованной преступностью в целом, но и отдельными личностями, которые стали как бы олицетворением этой самой преступности. На самом деле этих одиозных личностей немного, но информация о них муссируется самая разноречивая, способная сбить с толку кого угодно. Среди этих людей — певец Иосиф Кобзон, Сергей Михайлов, покойный ныне Отари Квантришвили, отбывающий наказание в американской тюрьме Вячеслав Иванов, он же Япончик, ну и еще, пожалуй, несколько человек. Все эти люди так или иначе были созданы журналистами, их биографии представляют собой одну линию, а созданный имидж — совершенно другую, и эти две линии нигде даже, как правило, и не пересекаются. Если говорить, к при-

меру, конкретно о Сергее Михайлове, то не раз уже было сказано, что его дело почти целиком “создали” не сыщики, а журналисты. И так происходит не только с Михайловым. Но откуда взялись эти люди, откуда они выплыли — вот что забыли объяснить российские журналисты. А может быть, не забыли. А не хватило им честности, знаний объяснить это. Допускаю мысли, что могло не хватить смелости, ибо для того, чтобы объяснять правду, тоже нужна смелость, нужно тоже идти на какой-то риск. Почему российский певец Кобзон, любимец миллионов зрителей, вдруг стал миллионером и бизнесменом? То, что не говорит об этом сам Кобзон, это понять можно. Он оберегает свою коммерческую тайну — и правильно делает. Но журналисты-то, этой тайны не зная, выдумывают черт-те что. Тысячи певцов, актеров Запада занимаются бизнесом, но для их поклонников главным является их талант. Российским журналистам таланта Кобзона оказалось маловато, надо найти что-то “жареное”, а когда не находится, то в ход идут откровенные вымыслы.

Приведу в пример работающего ныне в Венгрии бизнесмена Семена Могилевича, который тоже попал под обстрел журналистов. Кто-то когда-то написал, что Могилевич продал пятнадцать ракет типа “земля—воздух” и сорок бронетранспортеров. Во всех досье ФБР, во всех файлах ФБР можно прочесть, что Могилевич продал пятнадцать ракет и сорок бронетранспортеров. Но ведь ракеты и бронетранспортеры — это же не иголка. Ведь такая сделка легко отслеживается спецслужбами. Должен быть какой-то конкретный российский генерал, у которого Могилевич это вооружение купил, и должен быть какой-то конкретный, допустим, саудовский шейх, которому Могилевич все это продал. Но нет, в природе не существует ни продавца, ни покупателя. Есть только Могилевич, оказавшийся в центре этой истории благодаря, мягко скажем, безудержной фантазии журналистов. И уж если журналист решил раскопать историю, к примеру, с продажей вооружения, то почему он не копает вглубь, почему он не ищет того, кто продал, почему не ищет адреса, по которому оружие отправлено? Ответ на этот риторический вопрос, мне кажется, очевиден — нет этих адресов, а есть выдуманная от начала до конца сенсация.

Аналитики, я имею в виду тех, кто стремится серьезно разобраться в ситуации, часто задаются вопросом, откуда в России внезапно

появилось такое количество богатых людей. Мне ситуация видится такой. Когда распался Советский Союз и оказалось бесхозным огромное количество материальных ценностей и просто живых денег, нашлись люди, которые сумели эти ценности не прибрать к рукам, но разумно их использовать, не поддавшись общему разгильдяйству и всеобщей растерянности. Вполне вероятно, что именно эти люди обладают каким-то особым складом ума, и это их отличает от общей массы, именно это качество делает их настоящими бизнесменами. Ведь общеизвестно, что деньги — это самостоятельная сила, которая сама живет, притягивая к себе людей и одаривая тех, кто разумно этой силой распоряжается, какими-то благами. И вот эти российские деньги, оказавшись бесхозными, начали двигаться. Собственно говоря, они не возникли ниоткуда и никуда не исчезали. Просто раньше, при Советском Союзе, эти материальные ценности существовали как нечто эфемерное, работая в так называемом безналичном коридоре. А потом в силу сложившейся политической и социальной ситуации уже наполненный мешок лопнул и материализовавшаяся масса сама стала искать себе выход. И тогда нашлись люди, которые, пользуясь своими знакомствами, связями, умением убеждать, могли открыть какую-то дверь, зайти к высокопоставленному чиновнику и получить от него подпись, позволявшую переместить определенные ценности, скажем, из пункта А в пункт Б. И никакого криминала в этом нет и не было. Эти деньги, как ни фантастически звучит такое утверждение, никому не принадлежали, потому что не было государства — в привычном понимании. И, разумеется, когда новоявленные миллионеры, не считавшие нужным скрывать свое богатство, выплыли на поверхность, они вызвали ненависть окружающих, и толпа завопила: они же мироеды! Но так было в 1917-м, так было во время восстания Болотникова, так было всегда... Гнев плебса всегда выражается примитивной формулой: мироеды наживаются на бедных. А никто ни на ком не наживался. Никто ни у кого денег не воровал. Но сейчас у этих самых миллионеров возникает оторопь. Не объясненная в свое время ситуация, когда использовались связи, личные отношения, склад ума и так далее, теперь работает против них. Россия выходит на второй этап развития капитализма, когда основой становятся инвестиции.

Эти люди начинают страдать от необъясненности. И вот тут уже можно проводить селекцию между тем, кого считать уголовным преступником и кого считать реальной движущей силой общества, а не сваливать их в общую кучу.

Я далек от мысли и желания утверждать, что все, без исключения, российские журналисты не сумели осмыслить всю глубину происходящих процессов. Вовсе нет. Были и серьезные исследования и искреннее желание скрупулезно во всем разобраться. Но российская пресса перестраивалась вместе со всем обществом, появилась целая категория журналистов, которые свои публикации стряпали лишь в угоду обывателю. В обиход вошли такие термины, как “рэкет”, “мафия”. Хотя сами эти понятия, вернее явления, были с правовой и даже смысловой точки зрения предельно искажены. Ведь что такое рэкет даже не в западном, а просто в юридическом понимании? Рэкет — это и есть понятие организованной преступности. В России же рэкетом стали именовать вульгарное вымогательство, движение так называемой крыши. Несколько лет назад здесь создался совершенно не защищенный класс новых предпринимателей. С одной стороны, этот класс всячески выталкивался наверх новой властью. Это была опора и надежда общества, новые российские капиталисты, на которых делала ставку власть. Но, с другой стороны, это были совершенно бесправные люди, интересы которых не были представлены ни юридически, ни экономически, ни нормативными актами. И эти люди вынуждены были создавать соответствующие защитные структуры. Обладающие более или менее серьезным капиталом создавали собственные структуры, кто помельче, предпочитали создавать не собственную структуру, а обращаться в уже существующие. И то, что сейчас в российской печати говорится о рэкете, надо строго дифференцировать. Наверняка какая-то доля правды в общем сложившемся мнении есть. Никто не говорит, что в России рэкета не существует. Рэкет стал одной из основных форм отъема денег у преуспевающих людей. Если у какой-то части населения появилось больше денег, то появилась другая часть, которая эти деньги захотела отнять. Среди защитных структур были и такие, которые занимались открытым бандитизмом, вымогательством, но были и те, кто попросту защищал свой бизнес от влияния извне.

Их же в глазах общества, иными словами, формируя общественное мнение, никто не разделял.

Те из российских бизнесменов, которые были помощнее, как уже говорилось, позаботились о том, чтобы сохранить свой капитал. И тут же возник разговор о русской мафии. Вот тут-то хор распался на отдельных певцов. Специалисты по исследованию деятельности мафии утверждают, что это терминологическая путаница. Слово “мафия” придумали опять-таки российские журналисты, точно так же, как они придумали лидеров этой мафии. Американские эксперты называют это явление либо “русскоязычная организованная преступность”, либо просто “преступность”, но никогда не “мафия”. “Рашен мафия” — это название для фильма, но никак не юридический термин, определяющий явление. Российскую организованную преступность в той степени, в какой она тревожит правоохранителей, ничто не роднит со структурой мафии. Это не пирамида, это не треугольник, это не организация, четко подчиненная снизу доверху. Мафия, напомню, — это клан, управляемый одним человеком. Под ним стоят капитаны, под ними — лейтенанты, под лейтенантами стоят солдаты. Помимо этого, есть люди, связанные с мафией, но в ней не состоящие. Членство в мафии — удел далеко не многих, в мафию принимают, и это целая церемония. В России же ничего подобного нет. И все эти организации, которые пытаются создать в глазах общества правоохранители, журналисты или сами преступники, это странные конгломераты — то ли дружеское застолье, то ли общество, где все друг друга знают, друг с другом выпивают, периодически переметываются к соседям без всякой вражды, делают взаимовыгодные предложения, ведут дела друг с другом, что для мафии категорически исключено. Можно говорить, допустим, о том, что американская мафия инфильтрировалась в профсоюзное движение. Но американская мафия никогда не инфильтрировалась в государственные структуры. В этом смысле ее можно сравнить с “ворами в законе”, которые когда-то не имели права даже разговаривать с представителями власти. Американская мафия в 1940—1950-х годах подчинила себе некоторые профсоюзы, которые оказывали какое-то давление на различные контракты. В России сегодня говорят, что Дума почти полностью состоит из продажных депутатов, что чуть

ли не у каждого задержанного преступника находят удостоверение помощника депутата Думы. Это совершенно другое явление. Это не мафия, это коррупция институтов управления. И к мафии это не имеет никакого отношения.

Какими же еще причинами объясняется столь пристальное внимание американцев к русской преступности? Америка всегда была лидером международного сообщества. То, что получилось после развала Советского Союза, в американской геополитике называется “новый мировой порядок”. В этом новом мировом порядке Америка, как единственная супердержава и самое богатое государство, занимает лидирующее положение и в области борьбы с организованной преступностью. Иными словами, она хочет стать мировым жандармом во всех проявлениях, в том числе и в наведении порядка. По большому счету, это можно только приветствовать. Но... Америка борется с организованной преступностью, только опираясь на собственные силы и собственные законы. За годы борьбы в Америке уже наработаны собственные методы, которые в других странах не приемлемы ни психологически, ни юридически, ни культурно. И потому работы в унисон не получается. И Интерпол здесь тоже не помощник. По сути дела, Интерпол, как международная организация, превратился в бюро информации, своеобразное всемирное телетайпное агентство, соединяющее страны-участницы только своими сообщениями. Интерпол хорош тем, что сразу после совершения какого-то значительного преступления полицейские в других странах получают одно из семи цветовых соответствующих сообщений — красное, зеленое, синее, ну и так далее. И в зависимости от этого страны соответственно, а то и не соответственно реагируют. У Интерпола нет своей полиции, нет своих агентов, Интерпол никого сам не разыскивает. Об этом просто никто не знает, и эту тему стараются не затрагивать, но это так. Нет агентов Интерпола, есть чиновники Интерпола, которые получают деньги только за то, чтобы связываться с полициями разных стран, информировать их, объявлять розыски, рассылать фотороботы... Этого, конечно, недостаточно. Американцы же сейчас, с приходом нового директора Федерального бюро расследований (ФБР) Луиса Фри, вышли на новый виток борьбы с организованной преступностью, создав междуна-

родную ветвь борьбы с русской и восточноевропейской преступностью, которую они считают очень развитой и наиболее угрожающей мировой цивилизации. Собственно, мексиканская, в частности, латиноамериканская в целом и азиатская преступность не менее опасны. Но борьба с ними идет давно, и она, как принято считать, под контролем. Там внедрено достаточное количество спецагентов и все происходящее понятно. А то, что творится в Восточной Европе и в России, — это загадка. И вот, чтобы справиться с этой загадкой, американцы отправили во все посольства своих людей и создали даже в Европе свою академию. Иными словами, они обучают людей работать по-американски. То есть создается какое-то новое поколение правоохранителей, которые будут работать так, как это видится Америке. Одна из таких академий создана в Будапеште. В нее приезжают представители из самых разных стран Европы, в том числе и из России. Учеба в этой академии платная, за своих курсантов платят правительства тех стран, которые их делегируют. Но ректор этой академии и все инструкторы — американцы. ФБР является по уставу контрразведывательной организацией и не имеет права осуществлять свои действия за пределами США, то есть за рубежом. Поэтому на вывеске Международной академии правоохраны в Венгрии никакого упоминания о Федеральном бюро расследования США никто не найдет. Но ни для кого не является секретом, что эта академия создана и находится под патронажем именно ФБР.

Конечно, такая деятельность ФБР далеко не у всех правоведов и правозащитников вызывает восторг. Есть серьезные силы, которые стоят на страже соблюдения законов работниками спецслужб. Одной из самых заметных фигур в этом движении является в Америке бывший министр юстиции США Рэмси Кларк. Кларк занял пост министра в довольно мрачные для Америки времена — шла война во Вьетнаме, был разгул негритянских радикалов. К тому же ощущался страшный толчок псевдоправозащитного движения в самих США, который был инспирирован Кремлем с подачи Лубянки. Эта была страшная дестабилизация самой американской жизни. И в этих условиях агенты ФБР стали бороться привычными для них методами: всех подслушивали, за всеми следили, что-то вынюхивали, начались многочисленные аресты. И вот против всего этого восстал

министр юстиции Рэмси Кларк. Он восстал потому, что действия ФБР нарушали права человека и американскую конституцию. Надо сказать, что Кларку было очень нелегко, администрация президента оказывала ему не слишком большую поддержку. В итоге Кларк ушел на пенсию и занялся адвокатской деятельностью, не забывая своих “друзей” из ФБР и охотно берясь за всякое дело, если там усматривал нарушения прав человека со стороны этой могущественной американской спецслужбы. Именно в силу этих обстоятельств дело Сергея Михайлова привлекло внимание мистера Кларка, и в итоге на женевском процессе он, как известно, выступал экспертом по вопросам американского права и неправомочным действиям ФБР. Да никто лучше, чем бывший министр юстиции США, и не смог бы доказать швейцарским присяжным, в чем заключаются ошибки и просчеты спецагента ФБР Роберта Левинсона, который в процессе Михайлова являлся официальным свидетелем обвинения.

Думаю, весьма уместно здесь сказать несколько слов о самом Левинсоне. Вся его карьера на глазах. Его фамилия на русском горизонте впервые появилась в деле Япончика. Левинсон в ФБР занимался борьбой с организованной преступностью вообще и к России никакого отношения не имел. Совершенно случайно и неожиданно для самого себя Левинсон принял под свое крыло сбежавшего из России и совершенно проворовавшегося человека по фамилии Венчик. Венчик наговорил Левинсону про российский криминальный мир такого, что у того буквально волосы дыбом встали. Он, вероятно, решил, что даже если десять процентов сказанного является правдой, то и тогда это что-то невероятное, ибо, по словам Венчика, в Москве плелись страшные сети заговора против мировой демократии и мирового порядка. Разумеется, существует порядок, в соответствии с которым любая информация секретного агента должна быть перепроверена другими источниками. Но эти самые “другие” источники были такими же, как Венчик, ибо приводил их к Левинсону сам Венчик. Таким образом, эта информация становилась “проверенной”, она вводилась в компьютер и уже предъявлялась чуть ли не как обвинение. До суда, как правило, бредни такого толка не доходят, а вот к журналистам они попадают, и те раздувают из них свои криминальные страшилки. Образуется порочное кольцо.

В это кольцо попали и свидетели по делу Михайлова, Абрамович и Шранц. Первый бежал из России, второй из Австрии. Можно, конечно, сказать, что Левинсоном двигали карьерные амбиции, но я допускаю даже такую мысль, что он мог добросовестно заблуждаться. Не зная и не понимая российских реалий, Левинсон, что называется, покупался на показания тех свидетелей, которые не столько были заинтересованы в осуждении Михайлова, сколько пеклись о собственной судьбе. Перед ними маячил кусок невероятно сытного пирога в виде международной программы защиты свидетелей. Эта самая программа защиты свидетелей стала для Америки настоящим мощным оружием в борьбе американцев с итальянской мафией. Итальянская мафия была несокрушима. Действовал существующий и свято почитаемый в мафии закон молчания, никто никого не выдавал, и это была неодолимая крепость. Тогда американцы использовали старую как мир политику кнута и пряника. Кнутом стал закон Рика о наказании за организованную преступность, когда человек вместо пяти лет, которые ему дали бы раньше, мог теперь получить в Америке 700 лет тюрьмы. А пряником стала программа защиты свидетелей. То есть человек, который соглашался выступить свидетелем обвинения, защищался спецслужбами. Он мог получить новые документы, с другой фамилией, ему в случае необходимости изменяли внешность, потом отправляли жить на какие-нибудь острова или в самый отдаленный штат США, где он с новыми деньгами и с новыми документами начинал новую жизнь. Но с русскими в Америке этот вариант осуществить было чрезвычайно трудно. Назови Ваню Иванова Джоном Льюисом, измени ему внешность и отправь в Арканзас или на Аляску, он там все равно останется русским. Я когда-то в шутку предложил такой вариант: надо всем этим свидетелям менять внешность, давать другую фамилию и отправлять их обратно в Россию — пусть они там начинают новую жизнь. Для некоторых приезжающих в Америку русских программа защиты свидетелей стала просто-таки палочкой-выручалочкой. У меня был любопытный случай. Пришел в редакцию человек, который представился знакомым моих московских знакомых. Попросил помочь советом, как быстрее обустроиться. Как получить грин-карту. Я ему что-то такое втолковывал, потом должен был отлучиться и

предложил пока полистать подшивку. Когда вернулся, гость наспех со мной попрощался. Сказав, что, кажется, нашел то, что ему нужно. Через несколько недель он мне позвонил и с восторгом сообщил, что у него все о'кей. Оказывается, в газете он увидел платное объявление ФБР, призывающее русских эмигрантов поделиться со спецслужбой своими знаниями о русской преступности и о работе российских спецслужб. Этот человек отправился в ФБР и рассказал им “жуткую” историю о том, что он работал администратором в ресторане, расположенном неподалеку от посольства США в Москве. По его словам, в некоторые столики ресторана были вмонтированы микрофоны, чтобы подслушивать разговоры американских дипломатов, которые туда частенько ходили обедать. Проверка подтвердила: действительно, есть ресторан по соседству с посольством, туда действительно ходят обедать дипломаты и там на самом деле некогда работал этот человек. Стоит ли говорить, что после такой “ценной” информации у этого человека больше не возникало препятствий для получения грин-карты и были решены многие его проблемы. Понятно, что и Шранц, и Абрамович рассчитывали все на ту же программу защиты свидетелей. Не берусь утверждать, но не удивлюсь, если узнаю, что этими же соображениями руководствовался и бывший майор московского РУОПа Упоров, ставший свидетелем в надежде обеспечить себе безбедное существование в Швейцарии.

Но вернусь к Левинсону — относительно дела Михайлова. Ведь ни Абрамович, ни Шранц ему так толком ничего и не сказали. Все их версии легко разбивались адвокатами. Шранц утверждал, что знал русский язык, но потом забыл. Абрамович свидетельствовал, что с него требовали огромные деньги, и тут же предъявлялся документ о том, что он обокрал своего партнера. Одним словом, и эти свидетели, найденные Левинсоном (а может быть, это они Левинсона нашли), стали не подспорьем обвинению, а лишь еще одним доказательством невинности Михайлова.

Я вообще считаю это дело очень сырым, и мне лично непонятно, как следователь Зекшен и прокурор Кроше решились передать его в суд. Я, конечно, допускаю мысль, что дома у прокурора Кроше лежит папка, где написано, что по ночам Михась пил детскую кровь, но суду-то эта папка предъявлена не была. А то, что он все

две недели процесса многозначительно смотрел на президента суда и говорил “я про него все знаю”, это ведь для присяжных не доказательство вины и не аргумент для вынесения обвинительного приговора.

Понимая, что у обвинения нет никаких доказательств вины Михайлова, я все же допускал, что вердикт в итоге может быть обвинительным. Но не как доказательство совершенного преступления, а как завершение политической, если хотите, кампании. Кампании по уничтожению личности. В Америке, например, теперь даже термин такой существует — уничтожение репутации. Собственно, этим и занимались журналисты в отношении Сергея Михайлова. Ведь человека с уничтоженной репутацией очень легко признать виновным. А после вынесения вердикта о невиновности кое-кто из тех же журналистов стал рассуждать о торжестве демократического закона. Но я бы не стал переводить вопрос именно в такую плоскость. Торжество демократического закона — это когда есть острейший конфликт. Да, безусловно, в деле Михайлова были попораны все демократические нормы в отношении прав человека. И все же то, что происходило в Женеве, я бы назвал театром абсурдов или диалогом слепого с глухим. Одна сторона говорила одно, другая — другое. У адвокатов даже не было повода для острых конфликтов, ибо у обвинения не было доказательств вины, и даже в обвинительном акте прокуратура вынуждена была написать, что никакого “конкретного преступления не обнаружено”. Обвинение пыталось убедить присяжных даже не в том, что судят преступника, а в том, что перед ними сидит общественно опасный тип, который называется русская мафия и в документах зарегистрирован “Сергей Михайлов”. Он, так сказать, с позиций обвинения носитель общественного зла. То есть был как бы призыв к присяжным: осудив Михайлова, вы спасете общество от зла. В этой позиции, вернее, в ее глобальной, так сказать, вселенской концепции с Кроше можно даже согласиться. Спасти общество от зла — это гуманно и благородно. Но в данном конкретном случае позиция не сработала: и человек не тот, и примеров убедительных не было. Поэтому вердикт присяжных о полной невиновности Сергея Михайлова видится мне совершенно логическим завершением дела».

Документы уголовного дела № P9980\96

Республика и кантон Женева

26 мая 1998 года

Судебная власть

Уголовное дело

P\1297\1998 05.02.1998

Прилагаемые дела: P\1144\1997

Производство по делу

Документы доказательства

Основание: противодействие производству по уголовному делу

Преступная организация

Прокуратура

Прокурор: Жан Луи Кроше

Следствие: Жорж Зекшен, судебный следователь

Следствие — приостановление ознакомления с материалами дела

Женева

Дворец правосудия, 16 марта 1998 года

УД № P\1297\98

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА И ИЗЪЯТИЯ

Рассмотрев уголовное дело № P\1297\98, на основании заявлений и собранных на сегодняшний день признаков по делу, в связи с тем, что:

были приняты значительные меры для того, чтобы средствами, противоречащими праву, сорвать следственные действия, предпринятые следственным судьей по делу № P9980\96 в отношении Сергея Михайлова,

что выражается, в частности, в том, что из места содержания под стражей в Женеве господин Сергей Михайлов продолжает руководить своей организацией и вмешивается с тем, чтобы изменить доказательные признаки путем отдачи словесных приказов, а именно письменных распоряжений, адресованных членам своей организации,

что также, находясь в тюрьме Шан-Долон, господин Михайлов даже получает письменную информацию и сообщения,

что установлено, что эти передачи происходят, в частности, через господина Антона КАНДОВА, родившегося 17 июля 1951 года,

что на основе имеющейся информации последний проживает либо в отеле «Долев» по адресу 13, Рю Клеберг, Женева, либо на вилле, расположенной по адресу: 12, Шеман Де Турнио, Борекс,

что, следовательно, оправдано проведение обыска на вилле, расположенной по вышеуказанному адресу, чтобы изъять любые предметы, документы или ценности, которые могли бы послужить установлению истины,

что обыск будет распространяться на все другие места, где это будет представляться целесообразным, в частности, на чердаках, в подвалах, в подсобных помещениях, в машинах и так далее.

Жорж Зекшен, судебный следователь.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Когда в 1994 году я приехал в Вену, то почти сразу познакомился там с семьей Кандовых — братьями Борисом и Антоном, с их отцом, женами. Они все приняли самое непосредственное участие в моем устройстве в Австрии, помогали и советами и делом. Борис — крупный бизнесмен, ведет дела по всей Европе, в деловом мире его имя имеет значительный вес. Когда с Антоном случилась беда в Москве, об этом писали все австрийские газеты, правительство Австрии предпринимало попытки уладить этот конфликт на уровне межгосударственных отношений, по дипломатическим каналам. В газетах публиковались сообщения о том, что правительство будет чрезвычайно признательно любому человеку, оказавшему содействие в освобождении австрийского гражданина из чеченского плена. Но я-то взялся за решение этой проблемы не потому, что мне пообещали сладкую австрийскую коврижку, а из чисто человеческих побуждений. Мне больно было смотреть на отца и мать Антона, его жену и брата, на

детей — они просто раздавлены были обрушившимся на них горем. В свое время, когда мы занимались спортом, во время соревнований нам часто приходилось встречаться с чеченскими борцами. Там вообще все виды борьбы были развиты очень хорошо, и чеченские спортсмены часто побеждали в крупных турнирах, на чемпионатах. В Чечне издавна почитают хороших спортсменов, не случайно многие из них, закончив спортивную карьеру, заняли ключевые позиции в своей республике. С некоторыми из них меня связывала старая дружба, и я решил обратиться именно к этим людям. Они выслушали меня с вниманием, обещали помочь. Сложность заключалась в том, что долгое время не удавалось установить, где именно находится Антон. А когда я пытался узнать хоть какие-то подробности, эти мои старые друзья мне отвечали односложно: «Сергей, мы обещали тебе помочь и поможем, у нас мужчины умеют держать свое слово». И большего я от них добиться не мог. Уже позже, когда освобожденный из чеченского плена Антон был снова дома, узнал кое-какие подробности. Да и то думаю, что не все. Мне было известно, что группа людей, взявшаяся освободить Антона Кандова, готова даже была на вооруженное нападение. К счастью, этого не произошло. Их авторитета хватило на то, что Антона им отдали мирно. Предполагаю, что если бы при освобождении Кандова пришлось стрелять, то наверняка в этом впоследствии обвинили бы прежде всего меня. Но, как я уже сказал, этого не произошло. После того как Антон снова оказался в Австрии, мы с ним очень сдружились. Он видел во мне своего спасителя, а меня в нем привлекли его энергия, неизменный оптимизм, с которым он относится ко всему происходящему. Постепенно история с его чеченским пленом стала забываться. А вот дружба осталась. И когда я оказался в тюрьме Шан-Долон и узнал, что в Женеву для того, чтобы мне помочь, приехал именно Кандов, я не удивился, а, скорее, порадовался.

В Москве Антону нравилось все: широкие проспекты, его офис в гостинице «Интурист», всегда праздничная Тверская улица, а пуще всего ему нравилось, что, куда бы он ни обращался в российской столице, повсюду его, австрийского бизнесмена Кандова, неизменно встречали предупредительно вежливыми улыбками.

Как-то вечером Кандову в офис позвонил его московский партнер по бизнесу.

— Антон, приезжай, поужинаем вместе.

Кандов взглянул на часы, было около девяти.

— Да поздновато вроде, — засомневался он.

— Подумаешь, поздновато, — продолжал настаивать компаньон. — Я ужин своими собственными руками приготовил, на столе будет все, что ты любишь. Садись в машину — и через двадцать минут тебя ждет роскошный стол, пальчики оближешь.

Соблазненный не столько обильным ужином, сколько перспективой не сидеть весь вечер в гостиничном номере, Антон быстро собрал все бумаги, запер их в сейф и, усевшись в арендованный «мерседес», коротко бросил водителю:

— Проспект Мира.

Вечер прошел спокойно, в ничего не значащих разговорах. О бизнесе говорить не хотелось, болтали о всяких пустяках. Когда ужин закончился, хозяин дома проводил гостя до дверей. На лестничном пролете между вторым и первым этажами Антон увидел трех поднимающихся наверх мужчин. Он посторонился, уступая им дорогу, и тут же получил сильнейший удар в солнечное сплетение. Дыхание перехватило, Антон даже вскрикнуть не мог. Его ударили еще несколько раз, подхватив под руки, вытащили из подъезда, затолкали в стоявшую прямо возле дверей «Волгу», и машина резко сорвалась с места. Долго петляла по каким-то плохо освещенным и вовсе не освещенным улицам, так что Антон, сколько ни вглядывался, не мог определить, где они едут. Да и Москву он знал не настолько хорошо, чтобы сориентироваться. Наконец остановились. Эти трое, что напали на Кандова в подъезде, вытащили его из машины, заломили ему руки за спину так, что пришлось согнуться почти до земли, и потащили. Ступени, по которым его волокли, вели вниз, и скоро они очутились в каком-то просторном подвале. Пахло сыростью, гнилью.

Один из мучителей отошел в угол подвала, с чем-то там повозился, потом вернулся, держа наготове шприц, наполненный мутноватой жидкостью. Завернув выше локтя рукав Антоновой сорочки, умело сделал ему укол. Тогда Кандов еще не знал, что вкололи ему наркотик. В подвале его продержали три дня, охраняли и днем, и

ночью и ни о чем с пленником не говорили. Эта троица умудрялась разговаривать, не называя даже имен друг друга. Вопросов, которые Антон пытался задавать, они словно и не слышали. Все трое, насколько Кандов мог понять, были русскими, все трое были молоды и крепки — вот и вся та скудная характеристика, которую он мог бы им дать. Наркотики ему кололи ежедневно, и тогда он забывался в полусне, им овладевало полнейшее равнодушие, не хотелось ни двигаться, ни даже думать.

Через три дня его вывели из подвала, снова затолкали в машину, на сей раз эта была не «Волга», а «жигуль», снова повезли по ночной Москве. Где-то на пустыре, Кандову показалось, что уже давно выехали за город, остановились. Рядом стояло несколько громадных КамАЗов. В кабину одного из них усадили Антона. Небритый человек со гжуче-черной щетиной с явным кавказским акцентом сказал:

— Пикнешь — уьем сразу, — и для убедительности показал пистолет.

КамАЗы двинулись в путь. Проезжали города, поселки, мчались по трассам, мелькали названия населенных пунктов, но Антону они ни о чем не говорили, он даже приблизительно не мог определить направление движения.

В кабине КамАЗа кроме него были еще трое водителей, сменявшихся поочередно. Все трое, как вскоре понял Антон, из Чечни. За своего пленника они, похоже, не беспокоились, уверенные, что тот никуда не денется. Кормили тем, чем питались сами, видимо, проинструктированные, не забывали колоть ему наркотики. Несколько раз машину останавливали сотрудники ГАИ. Проверка документов занимала всего несколько минут, а в кабину никто из представителей милиции не заглянул ни разу. Через три дня пути Антон увидел огромный придорожный щит, на котором было написано «Грозный».

Кандова провели в дом, на пороге которого стояли несколько человек в камуфляжной форме, вооруженные автоматами. Посередине завешанной коврами комнаты стоял невысокого роста и плотного сложения чернобородый человек. «Доехали», — не спросил, а утвердительно произнес он. Это было единственное слово, которое

Антон услышал в тот день. Перед ним молча поставили еду, также деловито-молча сделали ему наркотический укол, без слов указали на диван, где уже лежала стопка постельного белья. Все прояснилось на следующий день, когда в комнату вошли несколько чеченцев, которых Антону еще видеть не приходилось. Без всяких предисловий и лишних слов они сообщили Антону, что отпустят его, как только за него внесут выкуп — 10 миллионов долларов. Говорили они ему об этом спокойно, так, словно речь шла о каком-то сугубо обыденном деле. Уходя, обмолвились, что завтра ему предоставят возможность позвонить в Вену, брату Борису. Из разговора Антон понял, что с братом уже разговаривали и эти условия ему сообщили.

Борис Кандов — крупный австрийский бизнесмен, успешно ведущий свои дела во многих странах мира. Захватив Антона в Москве и доставив его в Чечню, чеченцы не сомневались, что за младшего брата Борис отдаст выкуп.

По поводу захвата Антона Кандова в те дни да и впоследствии ходило множество различных версий. Поговаривали, что источником информации да и наводчиком мог стать один из компаньонов Антона по работе в Москве. Но ни одна из версий не нашла своего логического подтверждения. Скорее всего, потому, что после счастливого освобождения Антона из чеченского плена никто уже тщательными расследованиями не занимался. Власти Австрии были удовлетворены тем, что гражданин их страны оказался в итоге дома практически невредимым. Москва официального уголовного дела по факту пропажи иностранца не возбуждала, а в Чечне в 1994 году заложников брали пачками, и пленение иностранцев стало там делом совершенно обыденным.

Как Антону и обещали, ему позволили связаться по телефону с братом. Для этого его привезли в город, завели на почту, но там, хотя и стояли кабины с телефонами междугородной связи, ему дали сотовый телефон. Антон привычно быстро набрал знакомый номер и уже вскоре услышал голос Бориса.

— Где ты, где ты? — кричал в трубку Борис.

— Я в Грозном, они охраняют меня, требуют выкуп...

Едва он произнес эти слова, один из охранников вырвал из его рук телефон и прорычал:

— Эй ты, поменьше болтай.

Трубку ему вернули, еще с минуту брат расспрашивал Антона о его самочувствии, потом разговор прервался. Кандова привезли в тот же дом, но уже вскоре снова вывели на улицу и усадили в машину. Очевидно, бандиты решили, что рискованно оставлять пленника в Грозном, коли он успел все-таки сообщить брату, что находится в этом городе. Через несколько часов они оказались в горном ауле.

* * *

АНТОН КАНДОВ:

В том горном доме меня тоже охраняли с автоматами. Но эти люди по отношению ко мне были довольно доброжелательны. В них каким-то удивительным образом сочетались их обязанности охранников и кавказское гостеприимство. Готовя обед, они всегда интересовались, что бы мне хотелось попробовать, и старались баловать меня блюдами кавказской кухни. В то же время следили за мной зорко и не забывали колоть мне наркотики. Я в книгах читал, да и так слышать приходилось, как сажали людей «на иглу», превращали их в наркоманов, и этого я боялся больше всего. Но теперь-то я знаю точно, если человек сам не хочет стать наркоманом, он им не станет. Конечно, после окончания моего кавказского плена мне пришлось какое-то время провести в больнице, мне очищали кровь, но все закончилось благополучно, ни разу не испытал я потребности в наркотиках, напротив, всегда вспоминаю о них с отвращением.

Конечно, я пытался своих охранников убедить, чтобы они мне наркотиков не кололи, но в этом они были непреклонны, извиняющимся тоном говорили, что делают то, что им приказано, но ни одного укола ни разу не пропустили. Я, в свою очередь, подчеркивал всякий раз, что понимаю их и обиды не держу. Так что между нами установились вполне дружелюбные отношения. Во всяком случае, меня никто не бил, напротив, они старались подчеркнуть, что, хотя я и остаюсь пленником, они относятся ко мне, как к гостю. Ситуация была какая-то ненормальная, но что мне оставалось делать, я, как говорится, принимал эти правила чужой игры. Я очень люблю готовить и несколько раз даже сам готовил обед. Они ели, искренне хвалили, говорили, что я отличный парень, они бы хотели

иметь такого друга. Но автоматов своих даже при этих словах из рук не выпускали.

Так прошло больше месяца. Однажды меня снова посадили в машину, и мы опять приехали в Грозный. Остановились перед огромным зданием, окруженным вооруженными до зубов людьми. Здесь мне сообщили, что я свободен. Из Грозного я вылетел в Баку, оттуда в Турцию, а уже из Стамбула прилетел в Вену, где меня встретили родители, дети, брат, друзья. Почти месяц мне пришлось провести в больнице, но постоянно рядом со мной были близкие мне люди. Только вернувшись домой, я узнал, какую роль сыграли в моем освобождении мои друзья, и прежде всего Сергей Михайлов. Собственно, до этого я не был с Сергеем в близких, дружеских отношениях. Я был с ним знаком, знал, что у него с моим братом совместный бизнес. Но после чеченской истории мы подружились. Правительство Австрии выразило Сергею Михайлову свою благодарность за освобождение австрийского гражданина, ну а в нашей семье он просто стал самым дорогим человеком. И поэтому, когда у Сергея случилось несчастье и его арестовали в Женеве, я, не раздумывая, предложил свою помощь.

Прожив в Австрии более четверти века, я хорошо говорю, читаю и пишу по-немецки, могу объясниться на английском языке. И, конечно, в Женеве, где многие говорят на немецком, мне было проще сориентироваться. Довольно быстро я установил контакт с адвокатами, прежде всего с Ральфом Изенеггером. В Женеве я покупал продукты для передачи их Михайлову в тюрьму, отправлял по факсу и по почте многочисленные документы от адвокатов. Встречал, когда разрешались свидания, отца Сергея, его жену и дочерей, приезжавших в Швейцарию. Если я о чем-то и жалел, то только о том, что мало могу сделать для моего друга.

Да, я передавал адвокату Изенеггеру записки от друзей и родных Сергея. А от адвоката получал те записки, которые Сергей писал в тюрьме. Понимал ли я, что совершаю что-то противозаконное? Нет. Я никогда не считал, что нарушаю закон. Прежде всего потому, что эти записки — и в ту и в другую сторону — шли через адвоката. Кроме того, а вернее, в первую очередь, содержание записок было сугубо личным. Ни в одной из них речь не шла о делах. Я вынуж-

ден был знакомиться с содержанием того, что написано, ибо Ральф Изенеггер, хотя и говорит по-русски, читать не может. Я читал ему большинство посланий, чтобы адвокат мог быть уверенным: в записках нет ничего такого, что бы могло помешать следствию.

В марте 1998 года Антон Кандов, которого друзья в шутку частенько величали «кавказским пленником», был арестован в гостинице «Долев» и отправлен в тюрьму Шан-Долон.

В середине марта в Женеву приехала жена Михайлова Людмила, которой предоставили очередное свидание с мужем. Деньги за аренду дома в Борексе были заплачены за много месяцев вперед, поэтому Антон, встретив Людмилу в аэропорту Куантрэн, отвез ее туда. На следующий день они поехали в Шан-Долон, Антон, как и во время прежних свиданий Людмилы с мужем, остался ждать ее в машине у ворот. Потом они отправились снова в Борекс, Людмила немного отдохнула, и они, сев в машину, собирались ехать в Женеву.

— Антон, за нами следят, — произнесла Людмила, едва они тронулись.

— С чего ты взяла? — удивился Кандов.

— В конце нашей улицы стояла машина. Я сначала не обратила на нее внимания, а сейчас посмотрела назад и увидела, как из этой машины вышел мужчина. Я его узнала, это один из тех полицейских, который арестовывал Сергея в аэропорту, а потом приходил к нам в дом с обыском.

Ни слова не говоря, Антон развернул машину и поехал к дому. Навстречу им двигалась «хонда».

— Никакой ошибки быть не может, — сказала Людмила. — Я разглядела его отчетливо, он сидит рядом с водителем. Вспомнила его фамилию — это инспектор Кампиш.

Антон остановил машину возле дома, постоял возле дверей, потом снова развернулся и поехал в сторону Женевы. Когда они выезжали из Борекса, Кандов заметил, как сзади, через несколько машин от него, следует все та же «хонда». Он припарковал машину возле отеля, поинтересовался у портье, нет ли для него факсов. Портье протянул ему лист бумаги, густо испещренный рукописным текстом. Положив письмо в папку, Антон направился в ресторан.

Заказал для Людмилы ее любимый луковый суп, что-то, теперь и не помнит, что именно, и себе.

— Антон, что за письмо ты сейчас получил? — спросила Людмила, не притрагиваясь к обеду.

— Не волнуйся, ничего страшного. Письмо от Виктора, я передам его адвокату, Ральф отвезет Сергею.

— Антон, порви это письмо, я прошу тебя, порви.

— Люся, ну с какой стати я должен рвать чужое письмо, какое я имею на это право?

— В таком случае я порву это письмо. Оно адресовано моему мужу, и я имею право его порвать. Ну послушай, Антон, я прошу тебя, порви письмо, у меня предчувствие нехорошее.

Антон попытался переубедить Людмилу, но та была непреклонна. В конце концов он уступил и отдал ей только что полученный лист бумаги. Людмила тут же поднялась и направилась в сторону туалета. Через несколько минут она вернулась и, отвечая на незаданный вопрос Антона, сказала:

— Я все же порвала его.

Обед был явно испорчен, они решили заказать кофе, но в этот момент к ним подошли трое. Один из них обратился к Антону:

— Вы господин Кандов?

— Я.

— А я инспектор полиции Кампиш. Вы арестованы. Ваши руки, пожалуйста. — И инспектор достал из-за пояса брюк наручники.

— К чему это? — кивнул на наручники Кандов. — Я не собираюсь бежать. К тому же я не расплатился за стол.

— Хорошо, оплатите счет, я подожду. Но это... — И полицейский звякнул наручниками. — Необходимая мера, таков закон.

Народу в этот дневной час в ресторане было немного, и все посетители с любопытством взирали на происходящее. Не обращая внимания на явное любопытство окружающих, Кампиш деловито просмотрел содержимое лежащей на столе кожаной папки, защелкнул на руках Кандова наручники, и в сопровождении полицейских Антон проследовал к машине. Они ехали хорошо знакомой ему дорогой, эта была та самая дорога, по которой он не раз ездил вместе с адвокатом Ральфом Изенеггером. И вела эта дорога в тюрьму Шан-

Долон. Ту самую тюрьму, у ворот которой Антон не раз ждал адвоката, куда он привозил на свидания с Сергеем его жену, отца. И вот теперь ему самому впервые пришлось оказаться по другую сторону тюремных ворот. Пройдя процедуру оформления, Антон оказался в просторной светлой камере, рассчитанной на двоих заключенных. Но он в этой камере был один.

Утром следующего дня Антона Кандова отвезли во Дворец правосудия, где в одной из комнат-камер подвального этажа состоялся первый допрос. Стол следователя Зекшена был завален бумагами, и Антон тотчас понял, что это ксерокопии тех факсов, которые он отправлял из Женевы, получал сам. Сначала следователь заполнил протокол допроса, задал несколько формальных вопросов. Потом он сообщил, что допрос господина Кандова будет вестись при помощи переводчицы, знающей русский язык, спросил, согласен ли тот с такой процедурой допроса.

— Я уже больше двадцати пяти лет живу в Австрии, и мне гораздо проще говорить на немецком языке, русский я изрядно подзабыл, — возразил Кандов.

Потом следователь начал с места в карьер, грозным тоном, почти срываясь на крик:

— Господин Кандов, вы передавали письма от господина Михайлова его сообщникам, а письма сообщников передавали в тюрьму...

Антон перебил следователя:

— Если вы будете на меня кричать и разговаривать в таком тоне, я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

Зекшен умолк, встал, прошелся по кабинету, снова уселся на свое место и, улыбнувшись, как ни в чем не бывало ответил:

— Вы правы, господин Кандов. Нам лучше побеседовать спокойно. Вы разумный человек, и я уверен, что мы найдем общий язык. Итак, я обвиняю вас, что, передавая письма господина Михайлова его сообщникам по криминальной организации, вы мешали следствию. Согласны ли вы с таким обвинением?

— Нет, я категорически не согласен с таким обвинением, — заявил Антон. — Как я вам уже сказал, я знаю немецкий язык лучше русского, но русского я не забыл до такой степени, чтобы не по-

нимать, о чем шла речь в письмах господина Михайлова. Это были письма сугубо личного характера, адресованные семье, а также друзьям. Не сообщникам, а именно друзьям, — еще раз подчеркнул он. — Я вижу у вас на столе копии этих писем, значит, вы имели возможность их получить и знаете, что я не передавал их тайком, а отсылал адресатам по факсу. Те же ответы, которые я получал для господина Михайлова, я передавал его адвокату Ральфу Изенеггеру. У меня не было никакой тайной связи с господином Михайловым, я не участвовал ни в каких заговорах и поэтому не признаю обвинения в том, что я мешал следствию.

— Ну хорошо, — промолвил следователь. — Завтра вам предстоит очная ставка с господином Михайловым и господином Изенеггером, а сейчас продолжим допрос. Господин Кандов, зачем вам все это было надо?

— Что «все»?

— Вы прекрасно понимаете, о чем я вас спрашиваю. У вас в Вене семья, свой бизнес. К тому же я слышал, у вас тяжело больна жена. Вы бросаете все, едете в Женеву, ходите по магазинам и рынкам, покупаете продукты, отправляете в тюрьму передачи. Потом вы вступаете в преступный сговор и передаете из тюрьмы и в тюрьму письма — то есть вы принимаете прямое и активное участие в деятельности криминальной группировки, а может быть, это мы еще выясним, являетесь одним из руководителей преступного сообщества. Своими действиями, хотя вы это и отрицаете, вы оказываете серьезные помехи в расследовании уголовного дела. Вот я вас и спрашиваю: зачем вам все это было надо?

— Господин следователь... — Антон тщательно подбирал слова, стараясь не упустить ни одного из пунктов только что предъявленного ему обвинения. — Я читаю газеты и знаю по сообщениям прессы, что вы обвиняете господина Михайлова в том, что он является лидером преступной группировки. Я не собираюсь с вами по этому поводу спорить. Ни о какой преступной деятельности Сергея Михайлова мне не известно. Я ничего не знаю также ни о какой преступной группировке и поэтому не могу быть ни ее участником, ни тем более руководителем. Для меня Сергей Михайлов — друг, друг, который спас мне жизнь, друг, который помог мне вновь увидеть

жену и детей, родителей, братьев, сестер. Да, я оставил в Вене свой бизнес и свою семью и приехал в Женеву, чтобы помочь своему другу, так как он помог мне в свое время.

— Ваши объяснения звучат весьма романтично, но не дают ответа на поставленные мной вопросы, — возразил следователь. — Мне трудно поверить, что, руководствуясь только чувством дружбы, вы пошли на такие жертвы. И это наводит меня на мысль, что вами двигала особая заинтересованность или вы обязаны были сделать то, что вы сделали.

— Может быть, мои объяснения звучат, как вы сказали, романтично, а может быть, вам трудно понять, что такое настоящая мужская дружба. Да, вы правильно заметили, я обязан был сделать то, что я сделал. Но обязан именно по долгу дружбы, а не по какому-то другому долгу. У меня нет перед господином Михайловым материальных долгов, я вообще никому ничем не обязан, и все, что я делал в Женеве, я делал от души. Повторяю, я не считаю, что мои действия были преступными или в чем-то могли помешать следствию, которое ведется в отношении господина Михайлова.

На этом первый допрос был закончен. На следующий день следователь Жорж Зекшен сам приехал в тюрьму. Здесь, на допросе, состоялась и первая после долгой разлуки встреча Кандова с Сергеем Михайловым. Друзья крепко обнялись.

Позже Антон вспоминал:

— Ночь накануне допроса я спал плохо и чувствовал себя ужасно. Перенервничал, вот сахар и поднялся. Когда меня вели тюремными коридорами на допрос, я буквально еле ноги волочил. Но когда Сергей меня обнял, я почувствовал необыкновенный прилив сил. Я и раньше от общих друзей слышал, что у Сереги очень сильное биополе, а теперь ощутил это на себе и поразился тем переменам, которые во мне произошли.

Второй допрос от первого ничем существенно не отличался. Следователь монотонно обвинял поочередно Михайлова и Кандова в том, что они мешали следствию, в ответ и тот и другой утверждали, что письма сугубо личного характера и никакого отношения к следствию не имели. Это же утверждал и адвокат Ральф Изенеггер, которого впоследствии допрашивали вместе с Михайловым и Кандовым.

Спустя два дня из женевской тюрьмы Шан-Долон Кандова перевели в тюрьму Лозанны: следователь Зекшен и прокурор Кроше решили, что Кандов и Михайлов не должны находиться в одной тюрьме, дабы исключить между ними дальнейший сговор. В лозаннской тюрьме Антон узнал, что это заведение является самой строгой следственной тюрьмой Швейцарии. Весь день камеры были закрыты, заключенных выпускали только на прогулки да выводили на допросы. Завтраки, обеды и ужины через специальное окошко просовывали прямо в камеры. От бетонных стен камеры веяло холодом, крошечное окно под потолком почти не пропускало света.

В своей новой обители Антон недолго находился один. Вскоре в камере появился еще один заключенный. Едва поздоровавшись, он приступил к вопросам: кто, откуда, за что взяли? Услышав, что Антон родом из Средней Азии, какое-то время жил в Израиле, а потом переехал в Австрию, новый сосед чуть ли не целоваться полез.

— Я ведь тоже в прошлом израильтянин, — заявил он.

Антон тотчас перешел на иврит, который помнит довольно прилично. Сосед смотрел на него недоумевающим взглядом, явно не понимая, на каком языке говорит Кандов.

— Как же ты жил в Израиле, не зная иврита? — не скрывая иронии, спросил Антон.

— Вообще-то я родом из Румынии, — попытался оправдаться тот, — а в Израиле жил совсем недолго, поэтому и иврит уже забыл.

По делам бизнеса Антону Кандову одно время приходилось частенько бывать в Румынии. Легко усваивающий языки, он и из румынского запомнил с десяток фраз. Сейчас, заговорив по-румынски, Антон убедился, что его не в меру «любопытный» сосед о румынском имеет такое же представление, как и об иврите.

После обеда заключенных вывели на прогулку. Во дворе к Кандову подошел мужчина с иссиня-черной щетиной на подбородке и щеках.

— Говоришь по-русски? — спросил он с сильным кавказским акцентом.

Антон кивнул.

— У тебя в камере — «наседка», ну, стукач, — шепотом произнес тот, шагая рядом с Антоном. И, не дожидаясь вопросов, про-

должил: — Я сам из Грузии, сюда за наркотики попал. Наверное, скоро выгонят, такие, как я, говорят, здесь не нужны, одни расходы от нас.

— А чего ты все трясешься? — спросил Антон, заметив, что его нового знакомого сильно бьет дрожь.

— Э, брат, это же турма, кто тебе здесь наркотик даст, вот меня всего и ломает, — процедил тот сквозь зубы, коверкая русские слова.

— Ладно, я тебе помогу, — произнес Антон.

— А у тебя что, есть?! — воскликнул грузин во весь голос, разом забыв о конспирации, и глаза его заблестели.

— Да нет, откуда у меня, — рассмеялся Кандов. — Просто я знаю, как помочь, сам однажды был в такой ситуации, потом месяц в больнице лечился, так что теперь знаю, что надо делать, чтобы не ломало.

— Слушай, брат, я тебя умоляю, попроси администрацию, чтобы меня в твою камеру перевели. Меня они не послушают, я для них никто, а ты человек грамотный, европейский, языки знаешь, тебе они не откажут. Да и вообще здесь к таким просьбам нормально относятся.

Когда возвращались с прогулки, Антон передал свою просьбу администрации. Стукача он в камере не застал — видно, поняв всю бесперспективность, «наседку» убрали. А вскоре здесь появился тот самый грузин, с которым Антон познакомился на прогулке. Помня, как болезненно выходил из наркотического стресса после чеченского плена, Антон заботился о новом знакомом, помогал ему справиться с болезненным состоянием.

На допросы в Женеву его теперь доставляли поездом. Тюремная машина привозила на вокзал. Там его заводили в вагон поезда и запирали в специальную крошечную каморку, предварительно сняв наручники. Замки в каморке были крепки и надежны, тюремщики не опасались, что заключенный сбежит. А если бы и сбежал, это была бы не их головная боль. Такие каморки для перевозки заключенных оборудованы во всех женевских поездах. По закону заключенных перевозят без дополнительной охраны, так что все было по инструкции. Расстояние в семьдесят километров от Лозанны до Женевы скоростной поезд преодолевал за сорок минут. На женев-

ском вокзале в вагон заходил полицейский, открывал камеру, выводил Антона и передавал его, как говорится, с рук на руки охраннику из тюрьмы Шан-Долон, который одевал на Антона наручники и по перрону вел к ожидавшему их тюремному автомобилю. Впрочем, наручники одевали не всегда. Среди тюремщиков был один пожилой мужчина, который, увидев Антона, почему-то прицепил обратно наручники к поясному ремню. На замечание полицейского он ответил довольно грубо: не твое, мол, дело, ты заключенного передал, а дальше я его сопровождаю и сам несу за него ответственность. И, обращаясь после этой тирады к Кандову, спросил, словно желая еще раз удостовериться: «Ты ведь не сбежишь, верно?» По дороге они говорили о всяких пустяках, а однажды пожилой тюремщик даже предложил Антону остановиться у киоска: он хотел купить Кандову пачку сигарет. Приезжая в Женеву, Антон первым делом всматривался, кто за ним приехал из Шан-Долона, и радовался, увидев знакомое лицо.

На допросы его привозили несколько раз в неделю, но все эти допросы практически ничем не отличались один от другого. Порой следователь приезжал с большим опозданием, и Антону по несколько часов приходилось его ждать взаперти. Однажды Зекшен опоздал на несколько часов. Зайдя в кабинет, он еще долго перебирал какие-то бумаги, не торопясь приступить к допросу. А когда начал, Антон почувствовал, что не в состоянии отвечать на вопросы. Он так и заявил об этом Зекшену.

— Что с вами, господин Кандов? — поинтересовался следователь.

— Утром в тюрьме мне почему-то не сделали укола инсулина, — ответил Антон. — Я себя чувствую очень плохо. Отправьте меня обратно в тюрьму.

— Я не могу отправить вас в тюрьму, не допросив, — возразил Зекшен. — Допрос назначен на сегодняшнее число, и он должен состояться. Но по закону я не имею права допрашивать подследственного, который себя плохо чувствует. Мы сделаем таким образом. Сейчас я распоряджусь, чтобы из Лозанны вам привезли инъекцию, а заодно сделаю замечание тюремному врачу — он не имеет права забывать о ваших уколах.

— Но зачем посылать одну-единственную ампулу из Лозанны, это же займет кучу времени. Не проще ли купить инсулин в ближайшей аптеке?

— Нет, не проще, — возразил Зекшен. — Таков закон. Лекарства, которые необходимы больным заключенным, может выдавать только тюремный врач. И никто иной. Врач расписывается на каждом препарате и несет ответственность за ваше самочувствие.

Пришлось Кандову ждать еще почти час, пока из Лозанны привезли одноразовый шприц и ампулу инсулина. Медленно тянулись дни, складываясь сначала в недели, потом в месяцы. На одном из допросов Антон снова увидел Ральфа Изенеггера. Адвокат снова был в щегольском костюме, на белой сорочке замысловатым узлом был повязан галстук. Антон подумал, что Ральф уже освобожден, иначе откуда такой наряд и беззаботный вид. В ходе допроса Кандов понял, что не ошибся.

— А что со мной, почему вы меня не отпускаете, зачем держите в тюрьме, вы ведь ничего не доказали? — не выдержав, начал он сыпать вопросами.

— Всему свое время, господин Кандов, — остудил его Зекшен. — У нас достаточно законных оснований, чтобы держать вас в тюрьме.

Но, несмотря на эту тираду и уверенный тон следователя, Обвинительная палата приняла решение освободить гражданина Австрии Антона Кандова под залог. В тюрьме он пробыл три месяца. Вернувшись домой, Антон через несколько дней получил официальное письмо, подписанное прокурором Жаном Луи Кроше. Господин прокурор уведомлял господина Кандова, что если тот признает свою вину и подтвердит, что имел отношение к криминальной группировке, возглавляемой Сергеем Михайловым, а также тот факт, что своими действиями господин Кандов мешал следствию, то он, прокурор, гарантирует, что суд ограничится теми тремя месяцами, которые господин Кандов провел в тюрьме. Через своего адвоката Кандов ответил, что продолжает придерживаться своих показаний, данных на предварительном следствии, членом организованной преступной группировки себя не признает, как не считает, что своими действиями мешал проведению следствия.

Вскоре после суда над Сергеем Михайловым Антон Кандов получил уведомление, что уголовное дело, возбужденное против него в марте 1998 года, прекращено за отсутствием состава преступления. Внесенные в качестве залога деньги швейцарцы перечислили в австрийский банк на счет Кандова.

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

*Женева, 24 ноября 1997 года
Республика и кантон Женева
Офис Судебного следователя*

Направляю настоящее письмо господину начальнику сыскной полиции с просьбой поручить инспекторам бригады KORUS проконтролировать разговор на русском языке Сергея Михайлова со своим отцом, состоявшийся 19 ноября 1997 года и записанный на кассете № 71, которая приложена к настоящему письму.

*С благодарностью
Следователь Жорж Зекшен.*

*Женева, 5 декабря 1997 года
Рапорт инспектора полиции Ваннера, личный знак № S7312
Начальнику сыскной полиции
Материал дела № 97 711 086 15
Для господина Зекшена, следователя
Касается: Михайлова С., 07.02.58, русского*

Согласно распоряжению от 24 ноября 1997 года, представитель судебной власти, ответственный за это дело, поручил нам проверить разговор на русском языке Сергея Михайлова с его отцом, состоявшийся 19 ноября 1997 года и записанный на кассете № 71.

Мы сделали перевод вышеуказанной кассеты русским переводчиком. Содержание разговора следующее:

Сергей Михайлов говорит, что полон оптимизма и энергии. Он добавляет, что будет скоро освобожден, но есть основания немно-

го запастись терпением. В данное время он в основном читает и занимается спортом.

Несколько месяцев тюремного заключения Михайлов не имел о своей семье почти никаких сведений. Он знал, что жена и дочери вынуждены были покинуть Швейцарию и вернуться в Москву. Особенно тревожило его состояние здоровья отца. Последнее время Анатолий Павлович болел, и Сергея это очень беспокоило. Адвокатам Михайлова понадобилось несколько месяцев, чтобы добиться от следователя разрешения на свидания своего подзащитного с родственниками. Эти свидания были крайне редки, да и подготовка их требовала специальной процедуры. Из Женевы в Москву, в адрес швейцарского посольства в России, направлялся специальный документ, потом начиналось не всегда гладкое оформление визы. И только после всех этих мытарств отец Михайлова и его жена могли выехать в Женеву. Как правило, родственникам разрешалось в течение одной недели навестить Сергея дважды, каждое свидание ограничивалось двумя часами.

Однажды произошел такой случай. Приехав в Женеву, отец Сергея купил себе новые ботинки. В них и отправился на свидание к сыну. Перед входом в служебное помещение тюрьмы, где проходили свидания, каждый посетитель подвергался личному досмотру и должен был пройти через металлоискатель, подобный тому, которые стоят в аэропортах. Анатолий Павлович выложил из кармана все металлические вещи — зажигалку, ключи, даже монеты. Прошел через металлоискатель — звенит. Его заставили вернуться, тщательно осмотрели, попросили снять ремень с металлической пряжкой — снова звенит. Вернулся еще раз. Служащий проверил его специальным прибором. Прибор наличия металла не показал, но стоило Михайлову-старшему переступить порожек металлоискателя, как снова раздался звон. Его осмотрели еще раз, второй, третий — бесполезно, звон всякий раз возобновлялся.

— Где у вас металл? — всякий раз допытывался сотрудник службы безопасности, но Анатолий Павлович лишь недоуменно плечами пожимал.

Наконец кто-то из служащих обратил внимание на новые ботинки посетителя. На них были шнурки с металлическими наконечниками.

— Снимите, — потребовал служащий, и Михайлов, сняв ботинки, еще раз прошел через прибор. На этот раз звона не было. — Так это шнурки звенели, — удовлетворенно произнес швейцарец. — Можете одеваться и идти на свидание.

Вся эта процедура заняла почти час, и, когда через час Сергеем Михайлову объявили, что его свидание с отцом закончено, он удивился:

— Позвольте, почему сегодня свидание сокращено?

— Оно вовсе не сокращено, ваш отец приехал в тюрьму час назад, но слишком много времени в этот раз заняла процедура досмотра, — пояснили ему.

— Но ведь досмотр проводится по инициативе службы безопасности, а не по воле моего отца, почему же это время засчитывают как время свидания? — пытался возразить Сергей.

— Таково распоряжение следователя, — ответили ему. — Начало свидания отсчитывается с того момента, как только ваш посетитель приезжает в Шан-Долон.

Зекшен оставался верен себе, он не мог упустить случай хоть в чем-то насолить русскому.

Глава шестая

СУД РАССУДИТ

Документы уголовного дела № P9980\96

Адвокатское бюро «Дрейфус и партнер»

Господину прокурору Жану Луи Кроше

Дворец правосудия

Площадь Бург де Фур, 1

Цюрих, 30 августа 1998 года

УД против Сергея Михайлова

...Несомненным является то, что уже некоторое время мой клиент подвергается нападкам российской и зарубежной прессы. Эти репортажи носят клеветнический характер. Учитывая презумпцию невиновности, эти статьи могут рассматриваться как

покушение на личную честь и по их факту можно возбудить уголовное дело. Ответ на вопрос о наличии клеветничества или другого рода покушения на личную честь находится строго в компетенции суда и на него не повлияет преждевременное утверждение, сделанное представителем третьего ведомства.

Примите, господин прокурор, уверения в моем глубочайшем к вам уважении

Д-р Сильвен М. Дрейфус, адвокат.

Коллегия адвокатов Женевы

ул. Фердинанд-Ходлер, 15

Господину Мишелю Крибле,

председателю Обвинительной палаты

Касательно постановления о продлении срока заключения под стражей для г-на Сергея Михайлова от 1.09.98.

Обосновывая свое решение, Обвинительная палата в мотивировочной части постановления употребляет будущее время, утверждая, что срок содержания нашего клиента под стражей не является чрезмерным, а именно:

«срок содержания под стражей не является чрезмерным, учитывая важность и природу предъявленных обвинений, в том числе обвинений в подделке документов и участии в преступной организации, а также учитывая ПРЕДСТОЯЩИЙ СРОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ (выделено мной. — О.Я.), который предстоит отбыть обвиняемому, и новые факты, которые были раскрыты в результате ареста его бывшего адвоката».

Использование здесь глаголов будущего времени, которые подчеркивают уверенность в том, что событие произойдет, оставляет мало места для оценки обвинений членами жюри присяжных. Подобное заявление мне представляется противоречащим принципу презумпции невиновности.

Зная, что вы очень большое внимание уделяете вышеуказанному принципу, я прошу вас подумать еще раз о том, какое значение представляет это решение, перед тем как решать, какое ему давать продолжение и передавать его Федеральному суду.

Ожидая вашего ответа, прошу принять, господин председатель, уверения в моем глубоком к вам почтении.

Паскаль Маурер, адвокат.

*53-я СЕССИЯ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН
Сессия 1997 года*

10 марта — 18 апреля, Центр по правам человека

Представительство ООН в Женеве

Дворец наций

Женева, авеню де Ланез, 8—14

Страны участники: 185

Выступающие страны: 51

1. Президиум сессии единодушно дал разрешение на выступление Бельгии через ОГ («Международная организация демократической молодежи»).

По поводу частных случаев

Выступление № 8:

Господин Сергей Михайлов — пример несоответствия правового кодекса Швейцарии по отношению к положениям Конвенции по правам человека, которую подписала Швейцария.

** * **

Мне вспоминается весьма характерный эпизод. Это произошло в начале 1998 года во время одного из заседаний Обвинительной палаты, вернее, в перерыве, объявленном в заседании. Адвокаты охотно позировали фоторепортерам, последние, словно компенсируя часы вынужденного безделья — в зал заседаний Обвинительной палаты с фотоаппаратами не пускали, — тратили на каждого из защитников чуть ли не по целой пленке. Короче говоря, каждый коротал время, как мог. Мы с Игорем Седых обсуждали только что закончившуюся перепалку защитников и прокурора, делали свои прогнозы, склоняясь все же к мнению, что и на сей раз Крибле зачитает вписанную в решение стандартную фразу о том, что следствие на верном пути. Седых разглагольствовал о том, что следствие давно уже надеется на авось: авось кто-то что-то подкинет существенное, а пока надо потянуть время.

— Пойми, старик, — убеждал меня Игорь, — Швейцария — страна особая. Здесь даже существует закон за недоносительство. Один наш с тобой коллега даже такой эксперимент провел. Он отправился на автобусную остановку и пропустил два автобуса. В тот момент, когда подошел третий, на остановку приехала полицейская машина и у нашего коллеги проверили документы, поинтересовавшись заодно, чего это он торчит здесь, на остановке, но куда не уезжает. Представляешь, днем, когда все, по идее, должны быть на работе, кто-то наблюдал, что человек не садится в автобус, и тотчас сообщил об этом полиции... — В этот момент Игорь прервал свой рассказ и зашептал мне на ухо: — Гляди, гляди, Кроше вышел. Он же обычно во время перерывов здесь никогда не появляется. Давай рискнем, попробуем задать ему пару вопросов.

Мы устремились к прокурору, который в этот момент наполнял из автомата пластиковый стакан чаем.

— Господин Кроше, — обратился к нему Игорь. — Могли бы вы прокомментировать, в какой стадии находится дело господина Михайлова?

Прокурор даже не поинтересовался, кто мы такие и по какому праву задаем ему вопросы. Он отхлебнул из стакана и после этого размеренно произнес:

— Господа, дело не закончено, и мне бы не хотелось его комментировать. Единственное, что я могу сказать, что к апрелю мы завершим следствие, подготовим обвинительное заключение и передадим дело в суд. Суд определит виновность господина Михайлова. Я, со своей стороны, буду просить для него семь лет тюремного заключения.

С этими словами прокурор Жан Луи Кроше скрылся в одной из боковых дверей, не дав нам возможности продолжить задавать вопросы. Не могу утверждать, что прокурор Жан Луи Кроше появился среди журналистов специально. Однако за те полтора года, что к этому моменту шло следствие, он ни разу не позволил себе выйти в вестибюль Дворца правосудия во время перерыва в заседании Обвинительной палаты. Во всяком случае, он не мог не понимать, что его появление привлечет внимание журналистов и они попытаются задать ему хотя бы парочку вопросов. И подобную ситуацию вполне

можно было использовать для того, чтобы обнародовать не только свое мнение, но и непоколебимую убежденность в виновности Михайлова и предрешении приговора.

Собственно, на этом или, во всяком случае, на аналогичных предрешениях и держалось все «дело» Сергея Михайлова. За два с лишним года, которые Михайлов провел в женевской тюрьме Шан-Долон, ему было посвящено такое множество публикаций в разных газетах мира, что теперь их можно было бы издавать отдельными томами.

Что же мешало разобратся журналистам в истине? До определенной степени — стереотипы. Не может быть, просто не бывает, чтобы дым был без огня. Раз держат в тюрьме, да к тому же секретят досье, значит, в этом досье должно быть что-то такое, отчего весь мир, узнав, ахнет. Но понятно, что не только в плену стереотипов находились авторы публикаций о Сергее Михайлове. Среди тех, кто направил против него свое перо, были люди опытные и искушенные в своем журналистском ремесле, подчас — даже талантливые. Но, предпочитая всем иным жанрам журналистские расследования, они все же оставались составными частями общегосударственной системы. Той системы, которая насквозь прогнила социально, рухнула экономически, изгадила сама себя политически. И журналисты, продолжая все же оставаться внутри этой системы, стали последним островком правды, борясь уже не за выживание системы, а за те щепки надежды, за которые могли уцепиться люди, удерживаясь на плаву жизни. Но так же, как далека бывает подчас правда от истины, так же и инспирированное все той же системой дело Михайлова было далеко от всех тех подробностей, какими пестрели газетные публикации. Стоило, например, кому-либо из представителей правоохранительных органов подписать письмо, свидетельствующее о невинности Михайлова, как газеты начинали целую кампанию, обвиняя чиновников прокуратуры, МВД в коррумпированности. О московском адвокате Сергее Пограмкове писали, что он является юристом, непосредственно связанным с криминальными структурами. Так что же, все эти публикации были лживыми? Юридически и по сути — да, но даже не это главное. Куда существеннее глубинные процессы, отражением которых становились газетные статьи.

И снова вернусь к 1991 году. Уголовное дело против кооператива «Фонд» рассыпалось в прах, признанный невиновным Сергей Михайлов снова на свободе, снова занимается бизнесом, и не думая скрывать свои успехи. Быть богатым в России всегда считалось стыдным, а тут человек не то что не скрывает своего богатства, но не делает секрета даже из того, что богатство это преумножает. Михайлов становится уже не просто неугодным, а по-настоящему опасным для дельцов теневого бизнеса, превращается в слишком серьезного конкурента. Конкурента, от которого надо избавиться любой ценой. И тогда используется ущемленное самолюбие тех, кому не удалось упрятать Михайлова за решетку по делу о кооперативе «Фонд». Играя на амбиции этих людей, конкуренты Михайлова нагнетают обстановку, сжимая вокруг него кольцо подозрительности, прибегая к открытой слежке, скрытым угрозам. Но у спецслужб нет никаких формальных оснований для нового ареста Михайлова, и тогда против него начинается настоящая травля в прессе. Наверное, в этой ситуации несложно было бы попросту подкупить с десятков шелкоперов. Но задуманная кампания должна была носить все видимые атрибуты правды, и потому в исполнители годились только люди талантливые, всей стране известные. А таких за тридцать сребреников не купишь. Они — борцы за идею. И идею подкинули.

Схема была проста, а потому доступна как для изложения, так и для понимания. Милиция борется с «русской мафией», но та на корню купила власть, и потому борьба эта результатов не дает. Факты? Фактов-то сколько угодно, но до суда они не доходят все по той же причине — власть коррумпирована с преступниками. Вот материалы оперативно-разыскной работы — это, пожалуй, можно. Наиболее смелые и принципиальные работники милиции готовы поделиться с наиболее же смелыми и принципиальными журналистами, которые не побоятся разоблачительных статей. И статьи появлялись — сначала единичные, потом обрушивались мощным потоком. У газетчиков была полная иллюзия того, что при подготовке каждой конкретной статьи проведено самое настоящее журналистское расследование. Ведь кому, как не им, газетчикам, был известен закон об оперативно-разыскной деятельности и о том, под какими прочными семью замками содержатся обычно в секрете все

оперативные сведения. И когда в редакции, а чаще всего в каком-нибудь нейтральном местечке удавалось встретиться с очередным «смельчаком», не побоявшимся раскрыть секреты своей работы в интересах правды, информация этого псевдоправдолюбца принималась за чистую монету.

На первом этапе газетная травля увенчалась успехом — Михайлов вынужден был покинуть Россию и обосновался в Европе. Но дел своих не свернул, а, к негодованию конкурентов, развернулся теперь уже на международном уровне, довольно скоро став заметной фигурой среди наиболее крупных европейских бизнесменов. И тогда антимихайловская кампания, щедро финансируемая его конкурентами, вспыхнула с новой силой. Первый опыт оказался успешным — именно пресса «выдавила» Сергея Михайлова из России. Теперь этот же вариант следовало осуществить в тихой и доверчивой Европе. И европейские газеты, более российских падкие на сенсацию, страшая сами себя и население своих стран, подхватили и разнесли по своим городам и весям эту волну, наполненную мусором сплетен и откровенной лжи. Ну откуда им, западным репортерам, было знать о «преступлениях» Михайлова в России? Да все из тех же источников, которые, «рискуя» служебным положением, а порой, как говорилось, и собственными жизнями, щедро делились «оперативными данными». Разумеется, такая мощная кампания не могла пройти бесследно, она, как изначально и было рассчитано, обратила на себя внимание спецслужб в разных странах Европы и Интерпола. Соизмеримы ли были столь гигантские усилия с борьбой против одного конкретного человека? Имею основания полагать, что соизмеримы. Напомню, что в Женеве Сергей Михайлов был арестован буквально накануне того дня, когда он должен был подписать международный контракт, оборот которого только на первом этапе исчислялся сотнями миллионов долларов. И это лишь единственный пример.

Надо сказать, что созданную вокруг российского бизнесмена шумиху в прессе в некоторых странах Европы сумели использовать с весьма ощутимой для себя пользой спецслужбы. Одной из таких стран стала Австрия. В этом спокойном государстве уровень преступности за последние годы стабильно снижается. Правда, сие до-

стижение прежде всего следует отнести не за счет умелой работы правоохранительных органов, а прежде всего за счет социального устройства жизни и экономической стабильности. Именно эти два фактора и привели к тому, что на заседаниях Евросоюза при распределении бюджета возник разговор о том, что финансирование австрийского Министерства внутренних дел следует значительно сократить. Чиновники МВД Австрии были в трансе, по сути дела, многим из них в самом ближайшем и обозримом будущем грозила элементарная безработица. И тут на помощь пришли «русская мафия» и Сергей Михайлов — ее «крестный отец». Как и в России, в Австрии весьма умело и эффективно задействовали прессу. Известно, что основные преступления в этом западноевропейском государстве совершаются иностранцами, однако отнюдь не русскими. Турки, югославы, итальянцы, албанцы — вот те, кто доставлял больше всего хлопот австрийской полиции. Но сообщения о преступлениях, совершенных этими иностранцами, медленно, но верно покинули первые полосы австрийских газет, уступив место страшилкам о «русской мафии». Самые крупные чиновники МВД Австрии не стеснялись подробно комментировать даже элементарную драку, вспыхнувшую между русскими туристами. Они, эти чиновники, многозначительно утверждали, что главная угроза безопасности и спокойствия их стране грядет снова из России. Как и во всех других странах Запада, в австрийских школах изучению российской истории отводится несколько незначительных часов. Простой обыватель знает и помнит главное — русский Иван во Второй мировой войне победил всемогущего Гитлера, закидав его многотысячную армию валенками и оглушив криками «Ура!», а потому сила русского Ивана неизмерима и его на всякий случай надо опасаться. Газетные повествования о том, как «новые русские» тратят тысячи долларов на покупки в самых престижных магазинах Вены, усиливали впечатление и страх благочестивых австрийцев, испокон веку привыкших экономить каждый шиллинг.

И австрийский налогоплательщик смирился с тем, что новые дотации на содержание собственного Министерства внутренних дел — мера неизбежная. В результате МВД не только избежало сокращения служащих, но и позволило себе принять на работу не-

сколькo сотен новых полицейских. По улицам Вены, привлекая внимание прохожих, стали курсировать новые лимузины, разрывая тишину благочестивой столицы клекотом сирен. Если бы экономные венцы к тому же знали, что каждая из вновь приобретенных на деньги, отчисляемые с их налогов, машин оснащена подслушивающим и подсматривающим электронным оборудованием на десятки тысяч долларов, они бы пришли в ужас не меньший, чем страх перед «русской мафией».

Те, кто возглавил кампанию против Сергея Михайлова, могут гордиться — они сделали своеобразное открытие в области конкурентной борьбы. Конечно, в этой борьбе прессе всегда отводилось не последнее место, но в основном СМИ подключались только тогда, когда в руках конкурентов действительно оказывался какой-то компрометирующий материал. Журналисты, что называется, в этой ситуации ставили логическую точку, придавая компромату блеск сенсации. Но лишь в ситуации с Сергеем Михайловым использовались не компрометирующие материалы, поскольку их просто не было, а откровенные измышления. И жаждающие расправиться со своими более удачливыми конкурентами не преминули этим воспользоваться. Да и как было не воспользоваться таким ценным «изобретением». Не нужно было изобретать новые проекты, не нужно было запугивать или, спаси Создатель, прибегать к помощи киллера, дабы устранить конкурента. Достаточно было придумать любую небылицу, запустить ее в прессу под видом оперативной информации, а дальше все происходило по отработанной теперь схеме. Если же еще имя неугодного бизнесмена можно было хоть как-то связать с Михайловым, то результат был предreshен. Знакомство с Михайловым в этот период становилось для некоторых бизнесменов чем-то вроде «волчьего билета». Так, например, произошло с узбекским бизнесменом Гафуром Рахимовым. Однажды на страницах некоторых российских газет появилась фотография, на которой были изображены двое мужчин и женщина. Подпись гласила, что на снимке — Михайлов и Рахимов. Имя и фамилия женщины не указывались. Всяк мог домысливать по поводу дамы все что угодно, хотя на самом деле рядом с господином Рахимовым была сфотографирована его жена. Снимок этот, явно семейного происхождения,

перекочевал на телеэкраны, потом на страницы западных изданий. Каким образом эта сугубо частная фотография попала к журналистам — не ведомо. Кто дал право публиковать личную фотографию, не испросив разрешения тех, кому она принадлежала, тоже никого не волновало. Но суть даже и не в этом. Да, журналистов, кроме использования фотографии из частного архива, вроде и упрекнуть больше не в чем. Подпись на снимке самая нейтральная: Михайлов и Рахимов. Но априори предполагалось, что рядом с Сергеем Михайловым мог сфотографироваться только человек, чья принадлежность к криминалитету не вызывала сомнений. Именно в те дни появились публикации, авторы которых обвиняли или, скажем, подозревали причастность Михайлова к делам колумбийской наркомафии. Прошло несколько недель, и вот уже на страницах газет появились публикации, где прямо было сказано о связях узбекского бизнесмена Гафура Рахимова с колумбийскими наркодельцами. Мне особо хочется подчеркнуть, как в этой характерной ситуации сработала цепная реакция, вернее сказать, как безотказно действовала схема. Сначала появляется фотография без всяких комментариев. Затем публикуются измышления о причастности к торговле наркотиками Михайлова, и сразу вслед за этой публикацией — статья о причастности к незаконному обороту наркотиков человека, который был сфотографирован рядом с Сергеем. Если бы кому-то в голову пришла такая естественная мысль — поинтересоваться у самого Гафура Ахмедовича Рахимова о том, знаком ли он с Сергеем Анатольевичем Михайловым, то господин Рахимов вряд ли стал бы отрицать это знакомство. Напротив, он мог бы рассказать, что действительно встречался с Михайловым, что они обговаривали возможности совместного бизнеса. И что из этого следует?.. Логические пробелы налицо, но цепь сомкнулась в кольцо, в кольцо, которое разорвать непросто. Используя ситуацию с Михайловым, конкуренты Гафура Рахимова понимали, что на одном их знакомстве уголовного дела не состряпаешь — уж слишком безупречны биография и коммерческая деятельность Рахимова, который никогда не привлекался органами правопорядка ни к одному уголовному делу. А посему на сей раз использовали иной, не менее жестокий прием. Авторы публикаций обвинили чохом все узбекское правительство в коррупции. Расчет

был прост. Разгневанные руководители Узбекистана не захотят, чтобы их имена упоминались в связи с человеком, замешанным в торговле наркотиками, и на этом коммерческая биография Рахимова будет закончена. Отчасти схема все же сработала. Материалы прессы использовал в своем отчете Французский международный институт по контролю и борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ОГД), и этот отчет попал в Интернет. По данным ОГД, информацию о Рахимове распространил, в свою очередь, и Интерпол. Спустя некоторое время представители ОГД побывали в Узбекистане. Здесь они убедились, что использованная ими информация ложна, и без лишней шумихи свой отчет, как не соответствующий действительности, из Интернета изъяли. Но шучку-то уже выпустили в озерцо. Некоторые из крупных западных партнеров господина Рахимова хотя деловых связей с ним и не прервали, однако некоторые проекты заморозили, как говорится, до лучших времен. А это уже прямые убытки. То есть не мытьем, так катаньем конкуренты Гафура Рахимова своей цели если и не полностью, то частично добились. Теперь узбекскому бизнесмену приходится заниматься не только своими непосредственными коммерческими делами, но и доказывать свою полную непричастность к криминальному миру. В узбекских органах правопорядка только плечами пожимают, недоумевая, зачем это вдруг адвокатам господина Рахимова понадобились справки из МВД, Службы национальной безопасности и других подобных организаций о том, что господин Рахимов никогда не задерживался, не арестовывался, не занимался ничем противозаконным, не был судим и так далее.

Примеров подобной дискредитации бизнесменов, работающих или хотя бы просто знакомых с Сергеем Михайловым, можно было бы привести множество. И каждый такой эпизод становился предметом скрупулезного изучения следователем Зекшеном. Это было продолжением все той же цепи. Сначала в прессе появлялись публикации, потом Зекшен использовал их для того, чтобы выдвинуть против Михайлова очередное вздорное и ничем не подтвержденное обвинение в сотрудничестве с криминальными личностями. И так все два года, что велось следствие.

В конце концов очевидность происходящего стала ясна и в Женеве. Одна из швейцарских газет незадолго до суда над Сергеем

писала, что если судебные власти захотят все-таки вынести Михайлову обвинительный приговор, то им придется сильно постараться, чтобы найти для него хоть какое-нибудь преступление.

Да, за два с лишним года Зекшену и его помощникам не удалось найти ни одного документально подтвержденного факта вины Сергея Михайлова. Казалось бы, даже обвинительного заключения быть не должно. И все же стараниями Зекшена и Кроше оно на свет появилось. Прекратившиеся на время публикации в прессе снова возобновились. Если на Западе делались хоть какие-то попытки проанализировать завершившееся следствие, то российских журналистов волновало только одно: а вдруг суд не удовлетворит требований прокурора Жана Луи Кроше и Михайлову дадут не семь лет заключения, а меньше, что позволит ему выйти на свободу. Редкие публикации, в которых дело Михайлова пытались рассмотреть объективно, потонули в этом громкоголосом неистовом хоре, полном «праведного» негодования. Вот почему здесь я и хочу процитировать почти полностью одну публикацию, появившуюся незадолго до начала суда.

АНДРЕЙ ДЕМИН

«Дорога в ад

9 мая 1986 года в одной из московских больниц умер двадцатитрехлетний лейтенант пожарной охраны Владимир Правик. Большинство из нынешних двадцатитрехлетних наверняка лишь недоуменно пожмут плечами, подивившись, что газеты спустя тринадцать лет пишут о смерти какого-то безвестного лейтенанта. Безвестного! На рассвете 26 апреля, когда полыхнул четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, Володя Правик и бойцы пожарной охраны его взвода по лестнице, ведущей на крышу реактора, поднимались в бессмертие. Неся службу на атомной станции, они не могли не знать, чем грозит им схватка с радиоактивным огнем. Уже находясь в госпитале, Володя рассказал своему отцу, что буквально через несколько минут после того, как начали тушить пожар, у них обуглились и покорежились железные лопаты, расплавились брезентовые рукавицы. Оплавленные комья, излучавшие неизмеримую радиацию, пожарные руками сбрасывали с крыши реактора.

Буквально за несколько часов до смерти Володя гладил своими забинтованными руками ладонь матери, сидящей возле его больничной койки, и говорил ей о том, какая чудесная у них будет жизнь, когда он выздоровеет. И сокрушался лишь тому, что был раньше к маме недостаточно внимателен и за свои двадцать три года так и не успел купить ей хороший подарок. “Вот выпишусь из госпиталя и обязательно куплю тебе какой-нибудь подарок, — говорил Володя и просил, глядя ей в глаза: — Ну скажи, мама, что тебе подарить”. Он умер, так ни разу и не привинтив к своему мундиру присвоенную ему Золотую Звезду Героя Советского Союза».

Вот теперь, прочитав предыдущую фразу, новоиспеченные демократы взвоят, что это прогнившая насквозь советская система погубила в Чернобыле Правика и еще десятки сотен таких же мальчишек. Да и для новоиспеченных патриотов напоминание о Чернобыле наверняка станет еще одним поводом для шумной крикливой дискуссии. А не заткнуться бы вам всем! Я веду речь совсем о другом. Для этих мальчишек простыми, понятными, а потому святыми были понятия: мать, родина, долг, честь. Они не выясняли в теплом караульном помещении, кто виноват в том, что возник пожар на АЭС, они просто бросились тушить этот пожар. А те из ликвидаторов чернобыльской аварии, что остались живы, еще десять лет спустя ходили по инстанциям, вынужденные униженно кланчить себе пенсию. Пенсию, которая позволила бы им не то чтобы жить, а просто выжить. И те же самые чиновники, которые в свое время санкционировали преступное строительство атомной станции в густонаселенном районе устья Днепра, они, эти чиновники, морщили свои бюрократические лбы, выводя среднеарифметическую облученность тех, кому надобно все же выделить пособие на то, чтобы не сдохнуть, а кому в нем отказать категорически.

А искалеченные телом и душой солдаты и офицеры, прошедшие Афган и Чечню? Кому-то тревожно, что и по сей день снятся им кровь, разрывы снарядов и стоны их погибших товарищей? Какое там! Сегодня другое тревожит и будоражит умы власть предержащих. Как эту власть удержать, как урвать еще хоть малую (а лучше, конечно, большую) толику от сытного пирога той самой власти. Просто диву даешься, как в этой стране, разоренной чиновничьим

аппаратом и им же опрокинутой в пропасть экономического хаоса, еще и хапать кому-то удается. Хотя что ж тут удивительного? Ни в одной, пожалуй, стране мира не накоплено такого гигантского опыта доказывать ежедневно, ежечасно своему собственному народу, что он — суть ничтожество.

Разумеется, вслух никто про народ такого не скажет. Десятилетиями вдолбленные штампы железобетонны и незыблемы. Само по себе слово «народ» сочетается лишь с понятиями «великий», «трудолюбивый», «талантливый», ну и все тому же подобное. Но каждый отдельный представитель этого самого великого, трудолюбивого и талантливого народа каким-то зловещим образом вдруг предстает перед всем миром вором, бандитом, мошенником, бездельником, пьяницей, проституткой. Кто, как не сами русские придумали и пустили по всему белу свету определение «новые русские». Кто, как не сами русские постарались запугать весь мир понятием «русская мафия»? Запугать так, что весь мир в существование этой мафии поверил и ополчился на борьбу с ней. Пару дней назад израильские средства массовой информации обнародовали репортаж о том, что некая служащая Министерства внутренних дел Израиля передавала сведения российской миссионерской организации. Миссионерство имеет под собой прежде всего религиозную основу, но вывод подавляющего большинства израильских обозревателей был однозначен — очевидны следы русской мафии. И недалек, я думаю, тот день, когда эмигрант-алкаш из России, укравший где-нибудь в Америке или в Германии бутылку водки в лавке, будет причислен к русской мафии.

Скорее всего, мафия, а вернее сказать — коррупция, в том или ином виде существует в любой стране. Россия не исключение. Но если применительно к России и говорить о мафии, то следует вести речь о высшем чиновничьем сословии. Это в их руках — земля и вода, нефть, газ и редкоземельные металлы, это в их руках закон, который, как дышло... За долгие десятилетия бесправия народ приучили-таки к осознанию, что государственный сановник — иным не чета. Что ему полагаются льготы и в виде сверкающего лимузина, и в виде квартиры, занимающей два лестничных пролета, и в виде зарплаты, которая в платежной ведомости какой-нибудь ураль-

ской шахты могла бы быть воспринята скорее как итоговая цифра, нежели как ежемесячная выплата одному физическому лицу. Но все это, как уже сказано, не вызывает давно ни возмущения, ни даже удивления. Ну а, не дай Бог, узнает тот самый талантливый и трудолюбивый народ, что его чиновники льготами своими не удовлетворяются, а запустили, и давно, руку свою куда как глубже? А чтобы мысль сия крамольная никому в голову не приходила, постоянно рассказывают народу сказки-ужастики о том, как грабит и без того бедную Россию «русская мафия». Благо пугать и мозги запудривать становится с каждым днем все легче и легче. Партий-то развелось видимо-невидимо, костер противоречий разгорается все ярче.

Вот коммунисты недавно своих дровишек в этот костер подкинули. Лозунг их «Бей жидов, спасай Россию!» хоть и не нов, но, как во все времена, действует безотказно. Вовсе не в том смысле, что кто-то действительно собирается идти на евреев с погромами, это вряд ли. А в том смысле, что помогает внимание отвлечь. Журналисты, общественность, правозащитники и просто порядочные люди с ума сходят, негодуя, почему это законное правительство и Дума столь инертно отнеслись к фашистским выкрикам новокрасных. А чему ж тут удивляться и тем паче чему возмущаться? Экий подарок преподнесли властям коммунисты. Рискованно же без меры объяснять своему народу, что весь он целиком и полностью состоит из преступников. А ну-ка пусть хоть ненадолго на евреев общество отвлечется. А после передышки можно будет с новой силой за своих, за русских взяться. Благо Запад помогает и о «русской мафии» миру забыть не дает. России только и остается, что ужасаться, возмущаться, да по поводу нелепых обвинений в адрес своих соотечественников поддакивать, да у себя в собственной стране еще и подзуживать: вот, мол, докатились, сами разобраться не можем, теперь на Западе наших преступников отлавливают и судят.

Во все времена делом чести правительства любой страны считалась защита своего гражданина, попавшего в беду за рубежом. Люди старшего поколения наверняка помнят простой, незатейливый, но такой искренний фильм «ЧП — Чрезвычайное происшествие». За рубежом арестован экипаж советского судна. В высоких кабинетах день и ночь идут совещания. Советские люди с напряжением ловят

каждое сообщение о судьбе своих соотечественников. И вот счастливый финал — моряки на свободе. А нынче российскому капитану теплохода подсовывают наркотик, и почти все в России уверены — сам виноват.

Два года назад в Женеве был задержан и заключен в тюрьму российский гражданин Сергей Михайлов. Два года не прекращается истерия в российской прессе. В ход идут не только слухи, но и явная ложь, которая в уголовном праве любой страны квалифицируется как клевета. Один из российских авторов в жанре репортажа, который предусматривает непременно присутствие автора на месте событий, описывает, как Михайлов бродил вокруг Женевского озера и скупал приглянувшиеся ему виллы. В этой же статье автор делится еще одним «известным» лишь ему фактом — на Михайлова по Европе работают 12 тысяч проституток. Даже швейцарский следователь не инкриминирует Михайлову ничего подобного, зато спешат во всех существующих на земле преступлениях обвинить его российские журналисты. И лишь одно беспокоит земляков Сергея Михайлова — что российские правоохранительные органы не сумеют обеспечить своих швейцарских коллег необходимыми доказательствами вины Михайлова. Мысль простая и незатейливая — на Западе, арестовав русского, ошибаться не могут, а вдруг как российские власти опозорятся и вину его не подтвердят. И потому главный лжец, а по документам следствия — главный свидетель, бывший майор московского РУОПа Николай Упоров возвеличен чуть ли не в ранг святого от милиции. Но вот свершилось! И один — в поле воин: майор Упоров отправляется в Женеву для дачи показаний. Никого не убоявшись, свидетельствует о том, что Сергей Михайлов — преступник. Женевская пресса довольно скупое, но все же высказывает сомнение — данные российского майора не подтверждены документами, они базируются на оперативных разработках, кои, как известно, для истинного правосудия доказательствами не являются. Но российская пресса продолжает неистовствовать: Упоров пошел наперекор системе, он один не побоялся рассказать о главаре русской мафии. И нигде, ни единым словом не упомянуто о том, что Упоров, в спешном порядке уволившись из органов МВД России, сбежал в Швейцарию и попросил там политического убе-

жища. Сделка швейцарского следователя с российским лжесвидетелем налицо, но это меньше всего беспокоит ту кучку продажных журналистов, которые в угоду власти раздувают ненависть россиян к россиянам. И сейчас, когда до суда над Михайловым остается всего лишь несколько недель, они продолжают кричать, захлебываясь собственной злобой, что российские правоохранительные органы настолько плохо помогли швейцарцам, что возможен даже оправдательный приговор. О возможной демократичности швейцарской судебной системы в этих статьях речь не идет. Высказывается лишь опасение, что русского человека Сергея Михайлова на Западе могут из тюрьмы выпустить.

“Человек человеку — друг, товарищ и брат”, — увещевал нас много лет кряду моральный кодекс строителя коммунизма. Благими намерениями устлана дорога. В ад».

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

Республика и кантон Женева

Судебная власть

Обвинительная палата

...В стремлении применить ст. 260 уголовного кодекса органы преследования не смогли доказать участие виновного в конкретном преступлении...

Итак, за два года швейцарский следователь Жорж Зекшен так и не смог «доказать участие виновного в конкретном преступлении». Тем не менее он передал прокурору Жану Луи Кроше 72 (!) тома уголовного дела. 72 тома, суть которых в итоге сформулирована (прошу прощения за бесконечный повтор, но кощунственность этой фразы с первого раза осмыслить просто невозможно. — О.Я.) в обвинительном заключении всего десятью словами: «...органы преследования не смогли доказать участие виновного в конкретном преступлении...» Однако, дабы законодательно оправданным выглядел суд, Обвинительная палата сочла, что для вынесения приговора достаточно действий, «которые способствуют неблагоприятным

целям преступной организации». Да, именно так обоснована была неизбежность процесса с точки зрения следствия и прокуратуры.

Даже человеку, никогда не изучавшему юриспруденции, вполне очевидны неувязки этого сфабрикованного, как и все дело Сергея Михайлова, обвинительного заключения. Следователь и не скрывал, что процесс над Михайловым станет процессом века и Швейцария (читайте — следователь Жорж Зекшен) покажет всему миру, как нужно бороться с русской мафией. Вот в чем нельзя Зекшена упрекнуть, так это в отсутствии служебного рвения. Напомню, что он исколесил чуть ли не весь мир, по несколько раз посещая те страны, где когда-либо побывал его подследственный. И не важно, ездили туда Михайлов просто отдыхать или приезжал по делам бизнеса. Зекшен искал следы преступной деятельности. И ничего иного. Странная, замечу, позиция. В соответствии с правовыми нормами следователь обязан одинаково скрупулезно изучать все обстоятельства дела — как изобличающие вину любого подследственного, так и аргументы, свидетельствующие о его невиновности. Любого, но только не гражданина России Сергея Михайлова. Этому делу был сразу придан сугубо обвинительный характер. Чем иначе можно объяснить тот факт, что за два года ни следователь, ни прокурор, ни Обвинительная палата так и не заслушали ни единого свидетеля защиты.

И снова возвращаюсь к тексту обвинительного заключения. Чего вдруг за две недели до суда Обвинительная палата в своем постановлении позволила себе ПОДСЛЕДСТВЕННОГО Михайлова называть ВИНОВНЫМ. Разве не отчеканено международным правом на века: виновным гражданина может назвать только суд, и никто иной. И еще одно. Вчитываюсь вновь в слова: «В стремлении применить ст. 260... органы преследования не смогли доказать участие виновного в конкретном преступлении, а только в действиях, которые способствуют неблагоприятным целям криминальной организации». Но ведь, по сути дела, одной этой фразой Обвинительная палата подтверждает, что органы дознания стремились подвести Сергея Михайлова под конкретную статью швейцарского уголовного кодекса. И уж совсем ни в какие ворота не лезет формулировка «неблаговидные цели». Решая, что Михайлов должен предстать

перед судом, обвинение априори предложило присяжным направленность — столь же зловещую, сколь и расплывчато неопределенную. С каких это пор человека собираются придать суду не за конкретно совершенное и доказанное свидетелями и документами преступление, а за некие неблагоприятные цели? Есть доказательства, что Михайлов кого-то толкнул, ограбил, у кого-то что-либо украл? Нет, Обвинительная палата Женевы своим заключением признала: таких доказательств следствию добыть не удалось, хотя оно к этому и стремилось. И все же швейцарская прокуратура продолжала настаивать, что у российского бизнесмена Михайлова были «неблагоприятные цели».

За два года, что тянулось это, с позволения сказать, следствие, жизнь и деятельность Сергея Михайлова подверглась скрупулезной проверке спецслужбами многих стран — Швейцарии, Израиля, Бельгии, Греции, России, Испании, США и других. Руководители спецслужб этих стран получали воззвания высших чинов швейцарской юстиции с настоятельными просьбами найти на Михайлова какой угодно компромат. И в результате ни одна из этих стран не подтвердила, что на их территории российский гражданин Сергей Михайлов совершил хоть какое-либо правонарушение. Кстати сказать, ни о каких «неблагоприятных целях» в ответах спецслужб и руководителей правоохранительных органов не сообщается.

Швейцарцам нужно было как угодно притянуть Михайлова к деятельности российской организованной преступной группы, доказать его руководство криминальным сообществом. Но документально доказано, что с 1993 года Михайлов в России ни разу не был. Кроме того, следствие так и не сумело добыть хоть каких-то доказательств существования самой преступной группы. Лишь в апреле 1998 года, то есть задолго до того, как Михайлов был заключен в тюрьму Шан-Делон, в одном из окружных судов Москвы было возбуждено уголовное дело по факту существования «Солнцевской» преступной группы. Повторяю: возбуждено дело по факту существования. Но нет решения суда о факте существования. Нет, ну хоть ты тресни! И как бы швейцарцы ни разорялись на весь белый свет о том, что Михайлов по кличке Михась руководит «Солнцевским» преступным сообществом, существование такого сообщества

никаким судом не установлено. Так что вполне понятным становится, что «неблаговидные цели» есть та единственная соломинка, за которую цеплялась швейцарская юстиция. И не видеть этого не мог отнюдь не только слепец, но прежде всего тот, кто ни видеть, ни слышать ничего не желал.

Впрочем, в своем упорстве швейцарцы были не одиноки. Их, как уже было сказано, поддержали некоторые российские журналисты. Замечу, не юристы (они-то как раз сообщили, что уголовному преследованию в России Михайлов не подвергается), а именно журналисты. Не дожидаясь не то что суда, но даже и окончания следствия, они вынесли собственный вердикт: виновен. В одной из публикаций тех дней московские журналисты Екатерина Заподинская и Игорь Седых писали: «Чтобы хоть как-то оправдаться перед швейцарскими коллегами, Генпрокуратура России... возбудила уголовное дело “по факту уничтожения базы компьютерных данных” на солнцевского лидера. И полгода пускала швейцарцам пыль в глаза, проводя расследования по поводу несуществующей компьютерной базы». А в связи с чем, собственно, Генпрокуратура России должна была оправдываться перед швейцарскими коллегами? Быть может, в связи с тем, что в Женеве два года бездоказательно содержался в заключении российский гражданин? И почему господа Заподинская и Седых утверждали, что база компьютерных данных на Сергея Михайлова отсутствует? Им бы ознакомиться с ответом российской прокуратуры. Хотя, возможно, с ответом-то они как раз знакомы были, вот только содержание не устроило. Ведь все как раз наоборот. Полгода следственных действий были отнюдь не пусканием пыли в глаза, а нормальной, достаточно скрупулезной работой Генпрокуратуры РФ. И уголовное дело, возбужденное Генпрокуратурой, было закрыто за отсутствием не состава, а события преступления. В переводе сей фразы с юридического на общедоступный язык — прокуратура убедилась в том, что не было самого преступления, о котором дал свидетельские, вернее все же — лжесвидетельские показания Николай Упоров.

«Бельгийский защитник Михася Манье обещает обжаловать приговор в Европейском суде по правам человека. Это заявление опытного адвоката — явное свидетельство того, что приговор ис-

правительного суда Женевы оправдательным не будет», — делали в ноябре 1998 года вывод российские журналисты. Вообще-то не грех было бы им поинтересоваться у самого адвоката, какими соображениями он руководствуется. Истинными же в приведенной выше цитате являются лишь слова о том, что Манье — и впрямь адвокат чрезвычайно умелый, имеющий богатый международный опыт. И, как опытный защитник, Ксавье Манье к тому времени не собирался подавать в Европейский суд по правам человека жалобу, а уже подал ее. В независимости от того, каким был бы приговор в Женеве, мэтр Манье считал, что швейцарская юстиция грубо нарушила права гражданина Михайлова как личности.

Впрочем, российских журналистов, по крайней мере тех из них, которые поднаторели в нападках на своих же соотечественников, следует все же поздравить. Своими публикациями они добились несомненного успеха — весь мир перед судом над Михайловым снова заговорил о русской мафии. По всей Европе да и в США начались повальные аресты россиян, живущих и занимающихся бизнесом в разных странах. Никаких конкретных обвинений им не предъявлялось. Кого-то просто отпускали, кого-то депортировали, найдя формальный предлог. Но гребенку запустили густую, очевидно, полагая, что вдруг кто-то и попадет на чем-то конкретном или как минимум на «неблаговидных целях». А и вправду, чего с этими русскими церемониться, если даже российская пресса постоянно твердит о том, что русская мафия вольготно чувствует себя во всем мире. В мире происходило то, о чем за год до этого предупреждал на пресс-конференции в Москве известный американский адвокат, в недалеком прошлом генеральный прокурор США Рэмси Кларк. Он утверждал, что если Россия будет и впредь равнодушно взирать, как Запад вмешивается во внутренние дела ее граждан, то ни один российский бизнесмен уже вскоре не сможет нормально вести свои дела за рубежом, а будет озираться, ожидая любой несправедливости западных властей по отношению к себе.

Суд над Сергеем Михайловым был назначен на 30 ноября 1998 года. Именно суд должен был дать свою оценку тому беспределу следствия, прокуратуры, Обвинительной палаты, который царил все два года, тем свидетельским показаниям, которые основывались лишь на злобе, но никак не подтверждены документально.

И Сергею Михайлову, который к этому суду был готов, оставалось верить и надеяться, что настоящий суд, он ведь не только судит, он еще и рассудит.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Последние дни перед судом были наиболее напряженными, но в то же время и какими-то суматошными. Предъявленное мне обвинительное заключение я прочитал всего пару раз — большего этот пустой, без каких-то конкретных деталей документ и не требовал. Но мне хотелось еще раз просмотреть все документы дела, которое наконец-то было полностью рассекречено. Такое мое стремление у адвокатов вызывало даже некоторое раздражение. Они считали, достаточно того, что с делом знакомы они, а мне отводили роль безучастного слушателя. Но такая роль меня категорически не устраивала. Разумеется, я очень ценю профессиональную подготовку адвокатов, но я молчать не собирался, я готовился защищать себя на суде и сам.

Адвокаты же донимали меня всякими организационными проблемами. В степень невероятно сложного процесса они, например, возвели приезд и устройство в женевских гостиницах свидетелей защиты. Меня убеждали, что свидетели ни в коем случае не должны жить в одном отеле, иначе судебные власти могут обвинить их в стремлении к сговору. «Да о каком сговоре может идти речь? — переубеждал я адвокатов. — Ну о чем, скажите на милость, могут сговариваться не знакомые между собой, допустим, бизнесмен Кузнецов и президент благотворительного фонда “Участие” Зимин, служащая одной из израильских фирм и настоятельница церкви в Подмоскovie?» Все эти мелкие проблемы меня только отвлекали от дела, я стал меньше спать, и не потому, что исчез сон, а потому, что мне приходилось теперь до поздней ночи, а то и до самого утра проводить за изучением томов дела. Но накануне суда нужно было собраться с силами. Я легко поужинал и лег спать пораньше. Уснул сразу и утром проснулся бодрый, готовый, как говорится, к бою. Наверное, я разочаровал этим признанием тех, кто считает, что заключенный на-

кануне суда должен непременно волноваться и страдать бессонницей. Но я вправду не волновался. Я знал, что со мной Бог, и я не чувствовал за собой никакой вины.

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

ФАКС

3 апреля 1997 года

Адресат: Рене Ваннер

Факс 011 41 22 427 8749

Отправитель: Дэн Жакобс

ФБР — Хьюстон

телефон: (713) 803-3313

факс: (713) 803-3943

Я знаю, что вы собираетесь прилететь в Хьюстон 13 апреля 1997 года и планируете пробыть здесь до 17 апреля. Я забронировал для вас две комнаты в отеле «Мариотт». Стоимость каждой комнаты 84 доллара плюс оплата такси.

Федеральный отдел полиции

Центр международной правовой взаимопомощи

3003, Берн

г-ну Паскалю Госсену

Просьба отправлять всю корреспонденцию на личное имя судьи

Касательно: дело № P9980\96 против господина Сергея Михайлова

Уважаемый господин.

Передаю вам список вопросов для свидетелей. Вопросы составлены на французском языке согласно уголовно-процессуальному кодексу Женевы.

Инспектора полиции безопасности, которые будут меня сопровождать, обсудят все вопросы о пребывании в США со своими американскими коллегами.

С уважением

Жорж Зекшен, судебный следователь.

*Женева, 14 ноября 1997 года
Федеральный отдел полиции
Центр международной правовой помощи
3003, Берн*

*Просьба отправлять всю корреспонденцию на личное имя
судьи*

Касательно: дело № P9980\96

Международное судебное поручение

Господа.

Передаю вам три экземпляра международного судебного поручения. Я прошу вас выслать их факсом в компетентные органы иностранных государств.

Я также передаю вам перевод указанных судебных поручений. Я прошу отправить его в приложениях к каждому судебному поручению.

Заранее благодарен.

С уважением

Жорж Зекшен,

судебный следователь.

* * *

Из 72 томов уголовного дела примерно двадцать занимает подобная переписка. Зекшен не скупился на многочисленные международные факсы, телефонные звонки, поездки по всему белу свету. И прокурор Кроше его в этом полностью поддерживал. Ни в одну зарубежную поездку следователь не отправлялся один — повсюду вместе с ним находились полицейские инспектора распущенной ныне за ненадобностью группы KORUS. И когда после суда стало известно, что дело Михайлова стало самым дорогим процессом Европы в XX веке, швейцарский налогоплательщик задохнулся от негодования.

К тому моменту, когда судебному следователю Жоржу Зекшену поручили вести дело Михайлова, он проработал в этой должности всего шесть месяцев. И если швейцарские газетчики всячески превозносили «молодое дарование», то опытные юристы высказывали хоть и осторожное, но все же опасение, сомневаясь, что дело та-

кого рода может оказаться Зекшену по плечу. Не сомневался лишь прокурор Кроше. Притязания этого господина на пост генерального прокурора Швейцарии известны всем юристам этой страны. Кроше нужен был громкий процесс, и бельгийская газета «Ле суар» со статьей о «крестном отце» русской мафии Михайлове подвернулась весьма кстати. Ко двору пришелся и молодой амбициозный следователь, который попросту не хотел даже думать о том, что русский может оказаться невиновным. Русский, да к тому же еще и богатый, — для Зекшена, мечтающего о собственном богатстве, он уже был врагом.

И все же партию первой скрипки в этом процессе вела генеральный прокурор Швейцарской Конфедерации госпожа Карла дель Понте. Свой высший юридический пост она получила как политическая выдвигенка. На посту генерального прокурора Карла дель Понте прославилась тем, что в самом начале своей карьеры ей удалось конфисковать со счетов брата короля Мексики 300 миллионов долларов и пополнить этими деньгами не только государственный бюджет, но и казну Министерства юстиции. Газеты превозносили новую юридическую звезду Швейцарии, и генеральный прокурор поняла, что тронуть сердца своих прижимистых по натуре сограждан проще всего именно подобными акциями по конфискации денег. Во всем же ином прокурор дель Понте славы себе не снискала, так как уже скоро и профессионалы, и наиболее искушенные в вопросах юриспруденции журналисты поняли, что она слишком скоро на решения, которые глубиной исследований не отличаются, посему грешат множеством казусов и ошибок. К тому же и банкиры весьма скоро раскусили популистскую политику прокурора и во весь голос выражали свое возмущение тем, что ее действия, направленные на пополнение бюджета юстиции, наносят прямой вред банкам Швейцарии. Такого натиска Карла дель Понте не ожидала, кресло под ней зашаталось.

Конечно, заманчиво было подвести дело Сергея Михайлова к обвинительному приговору и конфисковать деньги богатого русского, размещенные в банках Швейцарии. Но даже не это стало главной целью генерального прокурора Карлы дель Понте. Статья 151, предусматривающая наказание за экономические преступления,

чаще всего не срабатывала из-за того, что в соответствии с этой статьей бремя доказательства лежит на самом обвиняемом, а не на следствии и прокуратуре. Именно этот постулат, как правило, легко разбивали в судах адвокаты, справедливо доказывающие, что один-единственный пункт отдельно взятой статьи не может превалировать над такими незыблемыми юридическими «китами», как презумпция невиновности, права на молчание и защиту. Федеральный прокурор могла только злиться на суды, но сломать судебную практику ей все же было не по силам. Дело Михайлова могло превратиться именно в такой прецедент, который бы коренным образом изменил отношение, вернее, подход к статье 151, и тогда уже эта статья наверняка не осталась бы одним из пунктов уголовного кодекса, а носила бы имя дель Понте. К концу следствия генпрокурор прекрасно понимала, что ее расчет построен на песке, и она пошла даже на столь недопустимую меру, как давление на суд через средства массовой информации. Буквально за несколько дней до суда генеральный прокурор в интервью заявила, что если все же суд признает господина Михайлова невиновным, то это будет прежде всего свидетельствовать о несовершенстве законов Швейцарии. Столь неприкрытая угроза могла бы подействовать на кого угодно, только не на Антуанетту Сталдер.

Нездоровый интерес к делу Михайлова не ослабевал все два года. И тому тоже есть объяснение. Именно в этот период весь мир заговорил с негодованием о деньгах и ценностях европейского еврейства, припрятанных после Второй мировой войны швейцарскими банками. Внешне безупречная репутация банкиров этой страны оборачивалась не просто неприглядной, а, по существу, преступной своей стороной. Борьба с «русской мафией» могла стать именно той акцией, которая вернула бы Швейцарии международный авторитет. Но вернула, разумеется, только в том случае, если бы была успешно завершена. Личные интересы Зекшена и Кроше совпали с не афишируемыми и тщательно скрываемыми интересами государства. Вот почему, несмотря на полное отсутствие у следствия доказательств вины Сергея Михайлова, его дело все же было передано в суд.

Глава седьмая

СЛЕПОЙ СНЕГ

Женева, площадь Бург де Фур, Дворец правосудия, 30 ноября 1998 года. Утро — день.

В Женеве творились чудеса. На двух центральных улицах — Рю де Рон и Рю де Ри, идущих параллельно друг другу, была разная погода. На Рю де Рон шел противный дождь, а на Рю де Ри сыпал веселый сухой снежок. В витринах книжных магазинов и табачных лавок были выставлены утренние газеты.

Кричащие заголовки первых полос обещали швейцарцам скорую расправу с русской мафией. Газеты не скупилась на комментарии и интервью. Обычно осторожные накануне процессов, юристы на сей раз изменили этому правилу. Даже генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте сочла возможным ответить на вопросы корреспондента «Трибюн де Женев». Отмечая в интервью, что следствие не сумело найти достаточных доказательств вины господина Михайлова, генпрокурор выражала все же уверенность в том, что приговор будет суровым, именно в этой суровости усматривала госпожа Карла дель Понте высшую справедливость. Более того, она отметила, что если суд признает господина Сергея Михайлова невиновным, то это станет лишь свидетельством несовершенства швейцарского законодательства и оно, это самое законодательство, нужно будет немедленно усовершенствовать. Надо полагать, читалось меж строк, усовершенствовать в пользу ужесточения. Подобных интервью в газетах было множество, мало кто из обозревателей или тех, кто отвечал на вопросы репортеров, выражал сомнение в том, что Михайлова ждет строгое наказание. Пролистав еще в гостинице пачку газет, я подумал: у несведущего человека может создаться впечатление, что процесс не начинается, а уже закончен.

У Дворца правосудия творилось настоящее столпотворение. Зал «ЗА», в котором должен был начаться, как его окрестили накануне швейцарские газеты, процесс века, был заполнен до предела. Даже в рядах с табличками «пресса» я не сумел найти ни одного местечка. Полицейский взглянул на мою аккредитационную карточку, оглядел

придирчиво ряды и тут же согнал какого-то самозванца. Самозванец выглядел на сто процентов бывалым репортером, для вящей убедительности держал в руках блокнот и роскошный «паркер», но место ему пришлось освободить. Собравшиеся в зале весело переговаривались, создавалось такое впечатление, что люди пришли не на судебное заседание, а на премьеру нашумевшей пьесы.

Облаченные в мантии адвокаты заняли свои места в том порядке, который потом не нарушался все две недели. Крайним слева уселся мэтр Сильвен Дрейфус, справа от него разместились бельгиец Ксавье Манье и женевацы Алек Реймон и Паскаль Маурер. За трибуной на возвышении появился прокурор Жан Луи Кроше. Шум в зале достиг своего апогея, когда все заглушающий резкий голос выкрикнул: «Даку!» («Суд») и к своему креслу быстро прошла Антуанетта Сталдер.

Антуанетта Сталдер считается в Швейцарии одним из самых опытных и бескомпромиссных судей. Всеведущие репортеры рассказывают, что она в равной степени является грозой и прокуроров, и преступников. Личностей для нее не существует. Если судья видит огрехи в обвинении, то разбивает его наголову. Но если прокурору удастся аргументированно доказать вину подсудимого, то такому подсудимому от госпожи Сталдер пощады ждать не приходится. Известно, что накануне каждого процесса с участием жюри Антуанетта Сталдер собирает присяжных на совещание, где произносит примерно такую речь: «В тот момент, когда вы соберетесь для голосования, чтобы вынести вердикт, я не имею права навязывать вам какое бы то ни было решение. Но сейчас, когда я имею право к вам обратиться, я призываю вас произнести вердикт “Виновен” только в том случае, если у вас будет стопроцентная убежденность в виновности подсудимого. Любое, даже самое малейшее колебание вы должны обратить исключительно в пользу обвиняемого». Так говорит Антуанетта Сталдер, и знающие ее люди утверждают, что еще ни разу слова госпожи судьи не разошлись с делом.

Президент суда расположилась в своем высоком кожаном кресле, и только после этого полицейские ввели в зал Сергея Михайлова. Был он в черном костюме, строгом галстуке, повязанном на светлой сорочке. В руках Сергей держал папку зеленого цвета. Он за руку

поздоровался с адвокатами, устроился на скамье, отгороженной барьером, по обе стороны от него расположились переводчики — официальная переводчица, назначенная прокурором и утвержденная судом, и Андрей Хазов, представитель адвокатов.

Появлению Хазова в зале суда предшествовала целая история. Все два с лишним года, что шло предварительное следствие, Сергей Михайлов неоднократно обращался с жалобами на плохой перевод. Накануне суда он вынужден был обратиться к прокурору с подобной жалобой еще раз, справедливо аргументируя свою просьбу тем, что на суде слишком многое зависит от точного перевода. Но прокурор был неумолим, он отклонил и это ходатайство Михайлова. Тогда адвокаты обратились непосредственно к президенту судебного заседания, и госпожа Сталдер приняла соломоново решение: она оставила в качестве официального переводчика мадам Бийо, ту, что уже была утверждена, но адвокатам позволила ввести в процесс своего переводчика, так сказать, контролера за правильностью перевода со стороны защиты. Именно этим переводчиком и стал гражданин Швейцарии Андрей Хазов, близкий друг и компаньон цюрихского адвоката Сильвена Дрейфуса.

Президент суда поднялась со своего кресла и объявила, что приступает к жеребьевке присяжных.

— Но сначала я хочу задать присяжным вопрос, — сказала судья. — Не было ли у кого-то из них за последнее время каких-либо контактов со следователем, прокурором, работниками полиции или иных спецслужб? А если были, то о чем шел разговор во время этих контактов?

Кто-то выкрикнул:

— Госпожа президент, я несколько дней назад имел встречу с полицейскими, но речь шла о дорожном происшествии, в котором я был замешан.

Весь зал оглянулся на говорившего. Это был молодой парень, в потертых джинсах, с рыжеватыми волосами, заплетенными в довольно длинную косу, и с крупной серьгой в левом ухе. Выслушав его, судья удовлетворенно кивнула, нажала какую-то кнопку на установленном за ее спиной лототроне, и в специальный желоб покатались пронумерованные шары. Госпожа Сталдер называла в

соответствии с номерами фамилии, и места сбоку от нее поочередно заняли сначала шесть человек, потом еще трое — запасные присяжные, которые участвовали бы в голосовании в случае болезни кого-то из основных присяжных или еще каких-то непредвиденных обстоятельств. В основном составе оказался и тот, с серьгой, кто недавно обратил на себя внимание зала.

— Остальные присяжные могут либо остаться в зале в качестве присутствующих, либо покинуть зал, — объявила Антуанетта Сталдер.

Однако из зала никто не вышел, и после небольшой паузы президент суда привела присяжных к присяге, а затем предоставила слово мэтру Паскалю Мауреру.

— Госпожа президент, господа присяжные, — начал свою речь адвокат, — я считаю, что в такой обстановке процесс вообще проводиться не может, и требую его отмены. Вот уже пятнадцать дней вся швейцарская пресса твердит о вине господина Михайлова, приводя в качестве аргументов высказывания полицейских чиновников и служащих прокуратуры, включая женева прокурора Кроше и генерального прокурора Швейцарии госпожу Карлу дель Понте. О каком беспристрастии присяжных можно сегодня говорить, если еще до начала суда в их сознание вдалбливают информацию о несомненной вине подсудимого. Какое право имели высшие чины нашей юстиции делиться с прессой той самой информацией, которую они держали в секрете от обвиняемого и от его адвокатов? Если каких-то сведений нет в материалах дела, то откуда они взялись у господ журналистов? Обратите к тому же внимание, что происходит в самом Дворце правосудия. Откуда такое количество вооруженной охраны, почему на лестничных пролетах и на крыше сидят автоматчики, для чего небо над Дворцом правосудия постоянно барражирует полицейский вертолет? Все это напоминает мне плохой киноеврик, когда отсутствие сюжета восполняется обилием спецэффектов. Я твердо убежден, что процесс в такой обстановке проводиться не может и не должен, — повторил Паскаль Маурер. — И я вношу протест с требованием отменить процесс.

Едва адвокат умолк, поднялся со своего места прокурор Жан Луи Кроше.

— Процесс еще даже не начался, господин адвокат не знаком с присяжными, а уже высказывает им свое недоверие, обвиняет их в предвзятости. Что же касается утечки информации в прессу, то я могу заверить, что не имею к этому никакой причастности. Конечно, журналисты не имели права предопределять решение суда, это противоречит принципам презумпции невиновности. Но, господа, я хочу подчеркнуть, что не только принципом презумпции невиновности определяются достижения демократии, существуют еще свободы слова и печати, и никто не имеет права посягать на свободу нашей прессы. К тому же и сами адвокаты, насколько мне известно, не очень-то ограничивали свои контакты с прессой и даже провели несколько пресс-конференций по поводу дела господина Михайлова.

В зале после этих слов прокурора раздался шум, из ложи прессы выскочили несколько репортеров вечерних изданий и устремились к выходу. Они торопились к телефонам. Сенсация первого дня судебного процесса была обеспечена: прокурор во всеуслышание заявил, что для него есть принципы более важные, чем принцип презумпции невиновности. А президент суда тем временем объявила перерыв для принятия решения по поводу ходатайства адвоката об отмене процесса.

Напротив женевского Дворца правосудия приютились с десяток кафе и маленьких ресторанчиков. Журналисты проследили, в каком из них облюбуют себе место адвокаты, и направились следом. Самые нетерпеливые из репортеров уже по дороге атаковали вопросами Маурера, но ответил за всех Ксавье Манье:

— Господа журналисты, вы слышали тот упрек, который бросил в наш адрес господин прокурор: он обвинил нас в утечке информации. Поэтому мы решили до конца процесса не давать никаких интервью. Не обижайтесь, господа, так будет лучше. Мы не хотим влиять на ваше мнение. Но я обещаю, что после окончания процесса мы ответим на все ваши вопросы, если к тому времени они у вас еще останутся.

Не очень-то обескураженные журналисты заняли места за своими столиками, приготовившись к долгой осаде. Каждый сделал заказ сообразно собственному вкусу. Большинство предпочли горячее вино — напиток, столь любимый швейцарцами в слякотную погоду.

Дешев, неплохо тонизирует да к тому же еще и согревает. Все активно обсуждали заявление Маурера и сошлись во мнении, что это был лишь хорошо продуманный тактический ход и после перерыва судья продолжит слушание дела. Так оно и произошло, Антуанетта Сталдер отклонила ходатайство адвоката и продолжила заседание.

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, Дворец правосудия, 30 ноября 1998 года. День — вечер.

На вечернем заседании народу явно поубавилось, и я более внимательно оглядел зал суда. Просторный, вмещающий, наверное, не менее двухсот человек. Ряды справа от входа отведены для прессы. Кроме того, журналисты занимали и находящуюся на некотором возвышении лужу.

— А там кто сидит, элита? — спросил я находившегося рядом собкора «Комсомольской правды» в Женеве Леонида Тимофеева, с которым успел познакомиться еще утром.

— Действительно элита, — подтвердил Тимофеев. — В общих рядах прессы отведены места для всех, кто аккредитовался на процессе, а в ложе сидят швейцарцы, которые в своих изданиях и на телевидении специализируются на криминальной тематике. Там же сидят художники — фотографировать-то в зале нельзя, а рисовать можно, так что смотри завтрашние газеты, увидишь «знакомые все лица».

За разговорами мы чуть не прозевали начало конфликта, который был связан непосредственно с нашим коллегой Игорем Седых, аккредитованным в Женеве корреспондентом РИА «Новости». Игорь поднялся и, отвечая на вопросы обратившейся непосредственно к нему судьи, подтвердил, что именно он является российским журналистом и что его имя Игорь Седых.

— Господин Седых, вы значитесь в списках свидетелей обвинения и вы подтвердили свою готовность выступить в этом качестве. Так ли это? — продолжала спрашивать президент суда.

— Да, я согласился выступить в суде в качестве свидетеля обвинения, — подтвердил Игорь.

— В таком случае, господин Седых, я прошу вас покинуть зал. Как свидетель, вы не имеете права присутствовать в зале до тех пор, пока не будете опрошены.

Седых вынужден был покинуть зал, а со своего места поднялся Ксавье Манье. В своей полуторачасовой речи адвокат в основном говорил о тех нарушениях прав личности, которые за время предварительного следствия были допущены в отношении его подзащитного. Заявив, что уже обратился и будет еще обращаться в Страсбургский суд по правам человека, Манье потребовал переноса судебного слушания дела. Судья объявила, что решение по этому вопросу она огласит завтра утром, и завершила на этом первый день судебного заседания.

Женева, отель «Амбасадор», 30 ноября 1998 года. Вечер.

В небольшой гостинице «Амбасадор» я остановился потому, что этот район Женевы мне уже был достаточно хорошо известен. Приезжая сюда на заседания Обвинительной палаты, я чаще всего останавливался в расположенном по соседству отеле «Долев», но сейчас все номера здесь оказались заняты, и мне пришлось переместиться метров на двести ближе к Женевскому озеру. Возвратившись в «Амбасадор» после вечернего заседания, я увидел в холле толстого отдувающегося человека, который таскал к лифту компьютеры, принтеры, толстенные кляссеры с бумагами. Признав в нем давешнего переводчика Хазова, я предложил свою помощь. Он распрямился, с видимым удовольствием прервав свою работу, и с любопытством посмотрел на незнакомого человека. Я поспешил представиться.

— Как же, как же, читал, — сказал он и протянул мне свою огромную ладонь. — Андрей Хазов. Могу вам быть чем-нибудь полезен?

— Можете, господин Хазов.

По его лицу пробежала тень неудовольствия. Замечательная писательница Виктория Токарева считает, что зануда — это человек, который на вопрос «как дела?» рассказывает, как его дела. Зануд не любит никто, даже такие добродушные толстяки, как Хазов.

— Так какой же вы ждете от меня помощи? — спросил он, все еще не торопясь возвращаться к своим такелажным обязанностям.

— Понимаете, Андрей, вы сегодня весь день находились рядом с Михайловым. А мне чрезвычайно важно знать его реакцию на все происходящее в зале суда. Я с Михайловым не знаком, а мне бы очень хотелось понять, что он за человек, как будет реагировать на выступления адвокатов, прокурора, свидетелей, замечания судьи, ну и все такое прочее.

— Ну хорошо, загляну к вам попозже, как только освобожусь немного. В каком вы номере?..

Это попозже произошло лишь часов в двенадцать вечера. Андрей удобно расположился в кресле, закурил крепкие французские сигареты «жетан», от предложенных крепких напитков отказался, зато с удовольствием потягивал томатный сок.

— Вы, видимо, не очень давно живете в Швейцарии — говорите на русском совершенно без акцента, — начал я.

— Ну если учесть, что мне уже за пятьдесят, а родился я во Франции, учился в Цюрихе и уже больше двадцати лет живу в Швейцарии, то мне очень приятно слышать комплимент про мой русский без акцента.

Заметив мое удивление, Хазов рассказал историю своей жизни. Его родители бежали из большевистской России в Париж в 1918 году. Отец был крупным инженером, специалистом по строительству мостов, и сыну чуть ли не с первого года жизни внушал мысль о том, что это единственное стоящее дело. Молодой Хазов окончил цюрихскую Технологическую школу — один из престижнейших технических вузов Европы, много ездил, языки ему давались легко, и он достаточно свободно говорит на семи языках, хотя родными почитает русский и французский.

В середине 1970-х Хазов занялся бизнесом и довольно быстро преуспел на новом поприще. Он решил попробовать завязать деловые отношения и с Советским Союзом, отправил несколько контейнеров с продуктами, а затем и сам поехал в Москву. Ровно неделю он наслаждался жизнью в советской столице, вдыхая воздух неведомой ему доселе родины предков и поражаясь дешевизной такси, ресторанов и валютных проституток, атаковавших у дверей гостиницы каждого входящего и выходящего иностранца. Через неделю его арестовали и обвинили в шпионаже. На допросах Хазов угощал

следователей КГБ американскими сигаретами, пил с ними водку и пытался логически доказать, что приехал в Москву только по делам своего бизнеса и к спецслужбам Запада никакого отношения не имеет. Освободили его так же внезапно, как и арестовали. Позже Андрей узнал, что Леонид Брежнев собирался ехать во Францию, избалованный в шпионской деятельности французский гражданин мог бы стать неплохим аргументом в переговорах с неуступчивыми французами, но просто арестованный французский гражданин, чья вина не доказана, мог тем же самым переговорам только помешать. А поскольку до начала визита убедить Хазова в том, что он шпион, не удалось, его и отправили восвояси.

С адвокатом Сильвенем Дрейфусом Андрей Хазов познакомился, переехав в Цюрих, много лет они дружны. Начав работать по делу Михайлова, Дрейфус предложил Андрею Хазову стать переводчиком-консультантом.

— Сильвен считает, что ему может пригодиться не только мое знание русского языка, но и понимание русской психологии, что весьма немаловажно при защите, — поделился Андрей. — О Михайлове столько писали в прессе, что я почти без колебаний согласился. Мне было любопытно познакомиться с этим человеком, и после первого же его посещения в тюрьме я понял, что Сергей — на самом деле человек очень незаурядный.

— А что произошло сегодня на процессе? Многие журналисты считают, что это был просто тактический ход со стороны защиты. Но если это так, то не рисковали ли адвокаты? Что, если бы судья удовлетворила протест и перенесла слушание дела?

— Я припоминаю, что днем видел тебя вместе с другими газетчиками, когда вы пробовали взять интервью у адвокатов. Они же вам сказали, что до окончания процесса — никаких интервью. Прокурор фактически обвинил защитников в том, что они организуют утечку информации в прессу. Если ему это удастся доказать, то пострадает Михайлов. Так что я не могу удовлетворить твое любопытство. Давай поговорим о чем-нибудь другом, — ответил Хазов.

— Во-первых, ты не адвокат, а всего лишь переводчик, а вторых, зачем повторять те отговорки, к которым прибегли защитники? Ну какая утечка информации, если досье теперь уже полностью

открыто? И чем это, скажи на милость, может повредить Михайлову? Можно подумать, я у тебя какую-то секретную информацию выведываю. Выпей лучше еще томатного соку и просвети меня, неразумного...

Андрей заразительно рассмеялся.

— Убедил, убедил. И то правда — адвокаты могут не отвечать на вопросы журналистов, но меня же никто в моих разговорах не ограничивал. Что касается сегодняшнего выступления Маурера и Манье, то ваша братия все правильно поняла. Это был только тактический ход. Прокурор и судья, прокурор, конечно, в первую очередь, должны были понять, что адвокаты не настроены на так называемую пассивную защиту, а готовы к настоящему бою. Так сказать, произошла демонстрация силы. Что же касается риска, то не забывай, мадам Сталдер — одна из самых опытных судей Швейцарии, ее на такой мелкий крючок не поймаешь. — И Хазов опять от всей души расхохотался.

— Ты чего смеешься? — не понял я.

— А я сказал «крючок» и вспомнил прокурора. Его фамилия Кроше переводится на русский язык как «крючок». Так вот, Сталдер прекрасно все понимает и знает, что стоит за каждым ходом адвокатов. Но есть неписанные правила — процесс должен проходить по установленной процедуре. Адвокаты не могут подойти к судье во время перерыва и заявить: мы будем поступать так-то и так-то. Это недопустимо. Они выступают с различными заявлениями, протестами, как бы оговаривая свою тактику. Вот ты обратил внимание, что сегодня во время перерыва Маурер подошел к прокурору и оба весело смеялись над анекдотом, который рассказал Маурер. Ты что же думаешь, Мауреру делать больше нечего, как анекдоты Кроше рассказывать? Но это тоже своего рода демонстрация. Маурер показал Кроше, что лично против него он ничего не имеет. А потому в процессе каждый из них должен находиться, как бы точнее сказать, в рамках своих служебных обязанностей. Ладно, старик, время позднее, пойду-ка я вздремну, завтра легкого дня ждать не приходится, начнутся допросы свидетелей обвинения. Встретимся за завтраком, если хочешь.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

От первого дня суда я ничего не ждал — ни хорошего, ни плохого, а потому не волновался. Собственно, все произошло так, как я и предполагал. Протест по поводу отмены суда отклонили, я не сомневался, что и перенести суд Антуанетта Сталдер тоже откажется.

Меня неприятно поразило, что даже на суд мне пришлось ехать в наручниках и в сопровождении большого количества охраны. Когда мы приехали из тюрьмы Шан-Долон во Дворец правосудия, я увидел, что и здесь полно полицейских и вооруженных спецназовцев. В небе я услышал характерный звук вертолета — спектакль продолжался, швейцарцы хотели еще раз показать всему миру, что в их сети попалась самая крупная «рыба» преступного мира и поэтому все меры безопасности вызваны необходимостью. Я-то ко всему этому уже привык, но, наверное, на тех людей, которые собрались во Дворце правосудия, это произвело соответствующее впечатление — уж в этом-то я не сомневался.

Во время коротких перерывов меня запирали в какую-то клетку, где нельзя было даже повернуться, а когда объявили большой перерыв, то меня на обед повезли снова в тюрьму. Вернувшись, я попросил своих адвокатов обратиться к судье с ходатайством, чтобы во время перерывов мне разрешили оставаться во Дворце правосудия. Завтра, все основное начнется завтра — думал я, засыпая в ту ночь после первого дня суда.

Упор на упорова

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия. 1 декабря 1996 года. Утро — день — вечер.

Документы уголовного дела № P9980\96

Пометка к досье

Кого: Ральф Освальд Изенеггер

Кому: господину Зекшену, судебному следователю

26 мая 1997 года

Касается: досье Михайлова, анализ заявлений, сделанных майором Упоровым (документы 2052-2074, том 3)

Пункт 1. 8 января 1997 года инспектор Кампиш указал, что его посетил полицейский из российского МВД. Он хотел скрыть фамилию полицейского. Мы знаем, что речь идет о майоре Упорове, который был допрошен 16 и 17 января. Этот полицейский будто бы передал Кампишу многочисленные сведения относительно российской организованной преступности, а особенно о деле Михайлова.

Пункт 2. Суть этих сведений должна была быть изложена в последующих отчетах: в деле, к которому мы имеем доступ, нет следа этих отчетов. (Документ № 1954 в досье том 3.)

Пункт 3. В течение допроса от 16 января 1997 года (не состоятельного) майор Упоров указал, что свидетельствует в этом деле с разрешения своего начальника, имя которого назвать он не может. В деле никакого разрешения не фигурирует, что является противоречием ст. 46 уголовного кодекса Женевы. К тому же майор Упоров не может выступать в качестве свидетеля, а только в качестве лица, заявившего о правонарушении (ст. 49 уголовного кодекса Женевы), и это должно было быть указано в протоколе (документ 2052, дело том 3).

Пункт 4. С полицейской карточки и со свидетельства о причастности служащего российской полиции к региональному управлению по борьбе с организованной преступностью г. Москвы не было снято фотокопии, а они просто были переведены переводчиком следственному судье.

Женева, 12 ноября 1997 год

Площадь Бург де Фур, 1

Господину Ральфу Освальду Изенеггеру, адвокату, Женева, площадь Филозоф, 8

Касается: УД против Сергея Михайлова

Мэтр,

я уведомляю вас о получении вашей корреспонденции от 7 числа текущего месяца и принимаю к сведению, что поданы жалобы на

господина Николая Упорова в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Министерство внутренних дел и органы ФСБ.

После изучения ситуации мне кажется, что жалобы, поданные в различные инстанции, вероятно, представляют собой давление на свидетеля Упорова.

Я считаю неприемлемым свое участие даже косвенно в этих демаршах, поскольку считаю, что это может быть использовано против Николая Упорова в России.

В то же самое время, касаясь свидетельских показаний господина Упорова в рамках указанной выше процедуры, господин Михайлов располагает полностью всеми правами, предусмотренными Женевским уголовно-процессуальным и швейцарским уголовным кодексами.

Примите, мэтр, мои пожелания всего наилучшего.

Следователь Ж. Зекшен.

Прокуратура Российской Федерации

Прокуратура г. Москвы

113184 Москва,

Новокузнецкая, дом 27

31012.97

№ 16\4-107-98

Адвокатскому бюро «Фидес» Московской областной коллегии адвокатов.

Адвокату Пограмкову С.А.

Ваше обращение о привлечении к уголовной ответственности сотрудника РУОПа по Москве при ГУОП МВД РФ Скубака С.Ю. и бывшего сотрудника РУОПа Упорова Н.Н. за предоставление в отношении Михайлова С.А. заведомо ложной информации швейцарским правоохранительным органам рассмотрено.

Проверкой установлено, что 12.12.96 года и.о. начальника 9-го отдела РУОПа Скубак направил по запросу полиции г. Женевы данные о прошлых судимостях Михайлова С.А. и его аресте в 1989 году. Им же были сообщены в рамках обмена информацией с полицией Женевы результаты оперативно-разыскных мероприятий в отно-

шении Михайлова. Вопрос о признании истинности или ложности этой информации и ее использовании по делу Михайлова относится к компетентности швейцарских судебных властей. Запрос по этому поводу в прокуратуру Москвы от них не поступал.

Упоров 30 октября 1997 года уволен из РУОПа в связи с уходом на пенсию. Начальнику РУОПа по Москве указано на превышение служебной компетенции Скубаком, который подписал информацию в полицию Швейцарии вместо руководства.

Начальник 4-го отдела управления по надзору за исполнением законов в органах внутренних дел

Щекин Г.И.

* * *

Утро началось с газет. Все швейцарские издания материалы о процессе Михайлова поместили на первых полосах, проиллюстрировав их рисунками. Сходство с оригиналами было весьма относительное, но человек, побывавший в зале суда накануне, мог узнать, кто есть кто, хотя бы по расположению персонажей. Газетные заголовки, хотя и набранные самым крупным кеглем, по сути, были сдержанны, а авторы статей в основном прогнозировали, что процесс, вероятнее всего, будет изобиловать сюрпризами, и призывали своих читателей внимательно следить за публикациями. Лишь женевская «Le temps» сразу взяла быка за рога и крупно набранным заголовком поведала: «Михайлов борется со свидетелями обвинения». Хотя допрос свидетелей обвинения должен был начаться только через час, газета уже информировала своих читателей о том, что свидетели обвинения сегодня изобличат Михайлова в совершенных им преступлениях. Пробежав глазами текст, Хазов, с которым мы завтракали за одним столом, лишь головой покачал.

— В этой газете, похоже, уже и текст приговора имеется, и они сожалеют только о том, что не могут опубликовать его сегодня же, а еще лучше — вчера. Ладно, поехали, мне надо приехать чуть раньше, могу тебя прихватить, такси я уже вызвал.

Я глянул на часы, времени, чтобы добраться от гостиницы «Амбасадор» до Дворца правосудия, было предостаточно, и я решил пройти пешком. Как и накануне, на специальных подставках, выстав-

ленных перед магазинами, пестрели заголовками газеты, во многих витринах расклеили специально изданные плакатики, извещавшие о том, что такая-то газета публикует сегодня сенсационный материал о разоблачении главы русской мафии. Похоже, газетные боссы решили использовать процесс Сергея Михайлова как мощную рекламу своим изданиям. А сам «глава русской мафии» в этот момент подъезжал к Дворцу правосудия в бронированном «мерседесе».

Ровно в 9 часов утра президент суда Антуанетта Сталдер объявила о начале второго дня заседания, и тут же в зал вошел плотного сложения, среднего роста мужчина. Старший инспектор криминальной полиции Женевы Рене Ваннер был приведен к присяге, поклялся говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды, а также быть объективным и беспристрастным.

Один из ведущих инспекторов группы KORUS, Рене Ваннер занимался делом Михайлова с первого же дня. Собственно говоря, спецгруппа KORUS была создана при женевской криминальной полиции для борьбы с русской преступностью в Швейцарии. Группа явно пробуксовывала, не раскрыв ни одного хоть сколько-нибудь серьезного преступления. Начальство поглядывало косо, отмечая на оперативных совещаниях, что ради задержания нескольких подравшихся в ресторане русских не стоило создавать специальное подразделение и оснащать его самой современной электронной аппаратурой слежения и прослушивания. Над группой KORUS уже реально нависла угроза расформирования, когда в Женеве был арестован гражданин России Сергей Михайлов. Для достижения цели все средства хороши — решили в спецгруппе и ринулись в бой. Но отправной точкой для полицейских стало не конкретное преступление, а газетные публикации. К тому моменту, когда дело передали в суд, в кабинетах высших чиновников швейцарской юстиции поняли, что полицейские опять вытянули пустышку. Без громкого скандала и излишней шумихи KORUS практически прекратил свое существование. Кое-кто из группы успел оформить пенсию по выслуге лет, кого-то попросту турнули. Работавший вместе с Ваннером инспектор Кампиш вообще уехал из Швейцарии, и поговаривали, что последний раз его видели на Филиппинах, где экс-инспектор то ли проводил затянувшийся отпуск, то ли пытался обжиться в но-

вых для себя условиях. Рене Ваннер стал чуть ли не единственным из полицейских инспекторов, кого прокурору удалось официально провести свидетелем обвинения.

Ваннер, не умолкая, говорил на суде ровно сорок минут. Речь его была размеренной и обстоятельной. Он называл десятки фамилий, в том числе и русских, потрясая всех своей памятью. Если в чем-то инспектор и преуспел, так это в том, что заучил фабулу дела, словно прилежный школьник не стихотворение, а целую поэму. Но уже через пятнадцать минут после начала его выступления в зале зашуршали газеты: те, кто здесь собрался, включая и журналистов, предпочли прочитать свежие новости, нежели слушать это явно подготовленное и зазубренное изложение. Ни единого факта, который свидетельствовал бы о совершенном Михайловым преступлении, Ваннер так и не привел в доказательство. По сути, его речь была некой устной статьей — бездоказательной, но полной пафоса и призывов покарать зло. Пожалуй, с наибольшим вниманием слушали Рене Ваннера лишь присяжные — впервые перед ними предстала фабула дела, по которому им предстояло вынести вердикт, в столь подробном изложении. Президент суда тем временем что-то читала, а прокурор Кроше за своей трибуной проявлял явные признаки нетерпения — он, видимо, не ожидал от свидетеля обвинения такого красноречия, которое грозило вызвать у судьи и присяжных откровенное подозрение. Но вот наконец Рене Ваннер умолк, стороны получили возможность приступить к вопросам. Уже через пятнадцать минут, буквально после нескольких вопросов адвокатов, стало ясно, что к «спетой песне» полицейскому добавить нечего. Вопросы самого Сергея Михайлова полностью развенчали показания этого свидетеля. Поднявшись со своего места, Михайлов обратился к Антуанетте Сталдер:

— Госпожа президент суда, я прошу вас прочитать вслух, чтобы напомнить свидетелю и довести до сведения присяжных, документ дела за номером 4112.

По рядам прокатился ропот. Под рукой у Михайлова не было никаких документов, следовательно, номер нужного ему эпизода дела он назвал по памяти. Судье подали соответствующий том дела, она, полистав его, извлекла документ № 4112 и зачитала вслух:

«Женева

28 ноября 1997 года

Доклад Ваннера (S7312)

Начальнику сыскной полиции

Документ № 97-711-086.19

Обратить внимание г-на Зекшена, судебного следователя

Касается: Михайлова Сергея, 07.02.58, русский

9 июня 1997 года представитель судебной власти, ответственный за это дело, попросил нас сообщать о всех полезных сведениях по поводу общества “Оригон ЛТД”. В дополнение к докладу от 17 апреля 1997 года инспектора Шора мы можем внести следующие элементы:

Мы получили от англичан сведения:

“Аригон ЛТД” — это общество, которое действовало с 1991-го по 1995 год... Оно стало объектом следствия, которое позволило осуществить обыск 16 мая 1995 года. В результате было изъято 250 килограммов документов, состоящих из 116 досье. За 20 месяцев 80 миллионов долларов прошли через счета этого общества.

В приложение мы передаем таблицу, показывающую часть финансовых операций между обществом “Аригон” и банковскими учреждениями нашей страны. Отметим, что имя “Михайлов” выделяется несколько раз в этих операциях».

Собственно, после прочтения этого документа показания Ваннера можно было бы причислить, мягко говоря, к искаженным. Дело в том, что Рене Ваннер только что пытался убедить суд в том, что английская фирма «Аригон» никакой коммерческой деятельности не вела и нужна была Михайлову только для использования трансфера денег. И вдруг такой удар. Наверняка Ваннер и предположить не мог, что Михайлов не просто запомнит, а попросит судью извлечь на свет его же собственный рапорт, написанный им ровно год назад. Какой пассаж! Ведь не кто иной, как сам Рене Ваннер расписался в том, что оборот фирмы за 20 месяцев составил 80 миллионов долларов, а документация фирмы, якобы не ведущей никакой деятельности, сохранилась в 116 кляссерах и потянула аж на 250 килограммов. Тем временем Сергей Михайлов продолжал методично расправляться

со свидетелем обвинения. Ровным голосом, в котором отсутствовали какие-либо эмоции, подсудимый задавал вопросы:

— Можете ли вы подтвердить, что мое молчание и нежелание отвечать на вопросы следствия объяснялись отсутствием адвокатов?

— Можете ли вы подтвердить, что все перечисленные вами здесь лица не подвергались уголовному преследованию в своих странах?

— Можете ли вы подтвердить, что в моих операциях с использованием кредитных карточек не было никаких нарушений?

— Можете ли вы подтвердить, что после множества проверок спецслужбами ни одна страна, в которой проводились проверки, не потребовала моей выдачи?

— Можете ли вы подтвердить, что, хотя закон об уголовном наказании за деятельность организованных преступных группировок существует в России с 1997 года, российская сторона не подтвердила официально существования «Солнцевской» ОПГ, так как нет решения суда, подтверждающего наличие этой группировки?

Вопросы Сергея Михайлова были сформулированы таким образом, что на них можно было отвечать либо «да», либо «нет». Ваннеру не оставалось ничего другого, как утвердительно ответить на каждый из вопросов. Только после вопроса об использовании кредитных карточек он попытался как-то свой ответ прокомментировать. Дело в том, что после ареста у Сергея Михайлова при обыске было обнаружено несколько кредитных карточек разных банков. И именно это обстоятельство полицейский инспектор пытался поставить в вину подсудимому, патетически вопрошая: «Ну зачем обычному человеку столько кредиток?» Вот и теперь, во время суда, Ваннер пытался пояснить всем, что десяток обнаруженных у Михайлова кредиток не что иное, как свидетельство его преступной деятельности. Но Михайлов так же спокойно, не меняя тона, уточнил:

— Господин Ваннер, я прошу ответить на мой вопрос. Я не прошу вас пересчитывать сейчас количество моих кредитных карточек, а только подтвердить или опровергнуть тот факт, что при их использовании с моей стороны не было допущено никаких нарушений.

— Подтверждаю, что следствие не выявило никаких нарушений при использовании кредитных карточек господином Михайловым, — вынужден был ответить Ваннер.

Начавшийся в 9 утра, этот первый допрос завершился в 11 часов 45 минут, после чего судья объявила перерыв. Первыми выскочили из зала журналисты. Они помчались к полицейским службы безопасности Дворца правосудия, чтобы забрать изъятые при входе в зал телефоны. Уже через несколько минут я услышал, как один из репортеров передает в свою редакцию:

— Первый раунд остался за Михайловым. Я вообще не понял, был ли господин инспектор полиции свидетелем обвинения или защиты. В своих показаниях он подтвердил только то, что Михайлов ни в чем не виноват. Но самое главное нас ждет через несколько минут. Будут допрашивать русского полицейского. Этот допрос решит все. Я думаю, Михайлову не вывернуться. Мы наверняка услышим немало интересного.

Незадолго до суда в прессе появились публикации о том, что Упорова-де в Женеве усиленно охраняют, ибо его жизни действительно грозит опасность. Опасность эта вызвана тем, что на суде Упоров пообещал дать показания не только по конкретному делу Михайлова, но и поведать всему миру о коррупции высших чинов правоохранительных органов и даже правительственных чиновников. Понятно, что показаний экс-майора ожидали с особым нетерпением. Прокурор Кроше обратился к суду с ходатайством, чтобы нескольким свидетелям обвинения — Упорову, Шранцу и Абрамовичу — разрешено было давать показания не в зале суда, а в закрытой комнате перед телекамерой. Адвокаты опротестовали это ходатайство. Окончательное решение оставалось за Антуанеттой Сталдер. Когда после перерыва все вернулись в зал, то там уже было установлено несколько телемониторов. Стало ясно, в чью пользу принято решение. И президент суда это подтвердила, зачитав постановление о том, что в целях обеспечения безопасности свидетелям Упорову, Абрамовичу и Шранцу разрешено давать показания из закрытой и защищенной специальной охраной комнаты. В зале же будут транслироваться их показания. При этом судья постановила, что на телеэкране, установленном перед президентом суда и присяжными, изображение каждого свидетеля будет четким, но на телемониторах перед прокурором, адвокатами и подсудимым это изображение будет сканированным, или, проще

говоря, размытым до той степени, что невозможно идентифицировать личность.

Вслед за этим объявлением началась процедура подготовки свидетеля обвинения Николая Упорова. Антуанетта Сталдер покинула зал суда и вернулась через несколько минут. Она объявила присяжным, прокурору, адвокатам и подсудимому, что лично удостоверилась в том, что в изолированной комнате находится человек по имени Николай Упоров, допущенный к суду в качестве свидетеля обвинения. Было также подтверждено, что комната, где находится свидетель Упоров, надежно охраняется и доступ туда посторонним исключен. Адвокат Алек Реймон с места бросил реплику:

— К чему все эти фокусы? Да к тому, что пьеса дрянная. В ней нет ни сюжета, ни сценария. А посему ее пытаются спасти красочными декорациями.

Госпожа председательствующая лишь улыбнулась в ответ на этот выпад и, придвинув к себе микрофон, обратилась непосредственно к Упорову:

— Господин Упоров, хотите ли вы видеть на своем экране изображение господина Михайлова, чтобы удостовериться, что именно он находится в зале в качестве подсудимого?

— Да, — раздался из динамиков хорошо слышимый голос.

В зале многие привстали со своих мест, чтобы разглядеть, что изображено на телеэкранах. Но, кроме разбитого на разноцветные мерцающие квадраты мужского силуэта, ничего больше рассмотреть не удалось.

— Подтверждаете ли вы свои прежние показания? — продолжала госпожа Сталдер, обращаясь к свидетелю.

— Подтверждаю.

— Какие вы занимали должности в России и когда вы познакомились с «Солнцевской» группировкой и Михайловым?

— В уголовном розыске я начал работать с 1981 года и был инспектором по борьбе с карманными кражами. С 1988 года я стал инспектором уголовного розыска Гагаринского района Москвы и занимался борьбой с распространением наркотиков и мошенничеством. С 1989 года я стал работать в том подразделении МВД России, ко-

торое занималось непосредственно борьбой с организованной преступностью, и с этого периода я занимался только этим. С 1993 года я работал в том отделе РУОПа, который занимался нейтрализацией лидеров преступных группировок и «воров в законе». К этому же периоду относится и начало моей конкретной деятельности по борьбе с «Солнцевской» преступной группировкой. А вообще впервые я услышал о солнцевских еще в 1987 году, они тогда занимались картежным мошенничеством, среди них было много наперсточников. Позже они стали заниматься рэкетом. Тогда же я впервые услышал о Михасе как о лидере этой группировки.

Дальше Упоров поведал о целой серии преступлений, совершенных солнцевскими. Он называл десятки фамилий, утверждая, что уже к концу 1980-х годов преступная группировка насчитывала более двухсот человек.

— Однажды я участвовал в задержании нескольких членов «Солнцевской» группировки, — продолжал рассказывать Николай Упоров. — Их дело передали в суд, но судью, молодую женщину, запугивали. Мне даже пришлось ее охранять. И все же она не решилась вынести обвинительный приговор, а под угрозой физической расправы признала подсудимых невиновными.

— Вы назвали несколько фамилий, в частности — Аверин, Люстарнов, Шаповалов, Тамм, — обратилась судья к Упорову, с трудом произнося русские фамилии. — Есть ли у вас подтверждение тому, что вышеперечисленные лица являются членами «Солнцевской» организованной преступной группировки?

В динамиках раздался явственный смех Упорова.

— Солнцевским удостоверений не выдавали, но, по оперативным данным, именно эти люди наряду с Михайловым были руководителями группировки.

— Это оперативные данные вашей группы? — уточнила судья.

— Нет, я ссылаюсь сейчас на оперативные данные московской милиции. Именно эти оперативные данные мы собирались использовать на процессе, который был возбужден в 1997 году по факту существования «Солнцевской» ОПГ.

— Но ведь в 1997 году вас уже не было в России, откуда же вам все это известно? — спросила госпожа президент суда.

— Я вынужден постоянно звонить в Россию. Так как мне и моей семье грозит физическая расправа, я должен быть постоянно в курсе того, что происходит с солнцевскими.

— Уточните, пожалуйста, все, что касается угроз в ваш адрес и в адрес вашей семьи.

— Впервые я заметил, что за мной следят, в 1989 году. Это было вскоре после того, как я участвовал в задержании членов «Солнцевской» и «Ореховской» преступных группировок. По телефону стали передавать угрозы, потом мне предложили деньги, чтобы я не мешал. Когда я ответил отказом, мне устроили дорожно-транспортное происшествие. Дело было так. Я ехал на машине, и меня неожиданно резко обогнала другая машина, создав такую ситуацию, когда я не мог затормозить. В результате я врезался в столб. Мои преследователи, вероятно, решили, что я мертв, и уехали. Преступники хотели похитить мою дочь, и только случайность предотвратила это похищение.

— Что послужило причиной вашего отъезда в Женеву? — спросила судья.

— Впервые я приехал в Женеву в начале 1997 года. После возвращения в Москву из разных источников стала поступать информация о том, что меня хотят убить, также информация о том, что хотят расправиться и с моей семьей. Об этом мне говорили мои сослуживцы.

— Какие конкретные причины побудили вас покинуть навсегда Россию и выбрать местом жительства Швейцарию? — попыталась уточнить госпожа Сталдер. — Расскажите, что произошло с вами.

— Общая обстановка была нагнетена до предела, — начал пространно отвечать Упоров. — Один из информаторов сообщил, что видел на столе у моего начальника бумагу, на которой были записаны мой домашний адрес, а также подробный распорядок моего дня, время и маршруты моих поездок на работу и с работы, места, где я чаще всего бываю. Такая бумага могла означать только одно — меня хотят устранить физически. К тому же я имел информацию, что Аверин дал указание Пограмкову, чтобы тот подключил все свои коррумпированные связи для моего увольнения из милиции. Вскоре мне передали устный разговор, который произошел между

Авериным и Таммом. Аверин сказал: «Его надо стереть в порошок». Речь шла обо мне. А буквально через несколько дней эту фразу, как сообщил другой информатор, дословно повторил один из моих начальников, который тоже сказал, что меня надо стереть в порошок. У меня не было оснований не доверять моим источникам, так как их информация всегда подтверждалась. Так, один информатор сообщил, что в обмен на мое молчание мне хотят предложить роскошную квартиру. И действительно, через несколько дней начальство предложило мне квартиру. Но я отказался. Особенное напряжение я стал ощущать с августа 1997 года. Я получил информацию о том, что солнцевские лидеры дали распоряжение своим людям сделать все, чтобы не допустить меня до показаний в суде. Это означало, что они получили разрешение на мое физическое устранение.

— Скажите, свидетель, а вы лично от кого-нибудь получали угрозы? — последовал вопрос судьи.

— У нас говорят, что солнцевские не угрожают. Они уничтожают. Я знал, что в среде нашей милиции есть люди, связанные с солнцевскими. Один из таких людей подошел ко мне и сказал напрямую, что если я не откажусь от дачи свидетельских показаний, то меня убьют. Я сменил место жительства, стал осторожнее, но вскоре опять обнаружил за собой слежку. Через несколько дней я убедился, что следящие за мной люди хорошо знают мой новый адрес. Я попросил у себя на работе обеспечить меня охраной, но мне было отказано.

— Когда вы уехали в Швейцарию?

— 14 октября 1997 года.

— Один?

— Вместе с членами семьи.

— Но кто-то из членов вашей семьи остался в Москве.

— Остались мои родители, которые по состоянию здоровья и в связи с работой не могут уехать из России.

— А они тоже подвергаются угрозам?

— К счастью, солнцевским не известны ни домашний адрес, ни места работы моих родителей. Хотя отцу уже звонил какой-то неизвестный, интересовался, где я нахожусь. Я очень за них боюсь. Но я понимаю, что здесь, на суде, я должен сказать всю правду.

— Почему вы думаете, что этот неизвестный действовал по поручению солнцевских?

— Этот номер телефона не был известен никому у меня на работе, его не знали даже мои друзья. Понадобиться он мог только тем, кто желал моего устранения.

— У меня больше нет вопросов к свидетелю, — провозгласила госпожа президент суда. — Прошу вас, господин прокурор.

— С какого момента солнцевские приобрели вес в Москве? — приступил к своим вопросам прокурор Жан Луи Кроше.

— Как рэкетеры они стали известны в 1988 году, а уже в 1991 году мы классифицировали их как устойчивую группу, а в 1992 году — как организованную преступную группировку.

— Значит, вы заметили эволюцию?

— Все заметили.

— Чем вы можете подтвердить, что вам угрожали именно солнцевские?

— В 1989 году со мной в одном отделе работал Александр Едунов. Его уволили за связь с криминалитетом, в частности, он был связан с солнцевскими. Этот Едунов выкрал из отдела кадров мою фотографию и передал ее солнцевским. Позже он предлагал мне деньги, а когда я отказался, стал мне угрожать. В остальных случаях угрозы поступали от анонимных лиц. Но чаще всего солнцевские предпочитали действовать. Так было, и когда они хотели похитить мою дочь. Солнцевские передали мой домашний адрес ореховским, и те направили в мою квартиру несколько человек. К счастью, в квартире оказалась бабушка моей жены, она подняла крик, и бандиты вынуждены были покинуть квартиру, чтобы не привлекать внимание соседей, которые могли вызвать милицию.

— Вы вели оперативно-разыскную работу против солнцевских и поэтому думаете, что угрозы исходили именно от них?

— Я убежден в этом.

— Расскажите о деле председателя кооператива «Фонд» Вадима Розенбаума.

— В кооперативе «Фонд» несколько лидеров солнцевских занимались, по сути, рэкетом. Они не работали, но получали ровно в два раза больше, чем любой сотрудник кооператива.

— Откуда это известно?

— Я читал об этом в материалах дела, возбужденного в 1989 году против Михайлова, Аверина, Люстарнова и других.

— Почему они тогда не были осуждены?

— Ну, это вопрос не ко мне, а к заместителю прокурора Москвы, который, по моему мнению, развалил дело.

— На допросе во время предварительного следствия вы сказали, что солнцевских сейчас насчитывается 500 человек. Вы подтверждаете это?

— 500 человек — только активисты, всего более 1500 человек. Есть также более двадцати независимых друг от друга бригад.

— Существует ли структура этой организации, есть ли в ней свои руководители?

— Да, есть высшие руководители, структура в виде пирамиды.

— Что сообщали ваши информаторы по поводу того, кто является руководителем этой группировки?

— Они все называли имя Сергея Михайлова по кличке Михась. Всего же в состав руководства «Солнцевской» ОПГ входят примерно двадцать человек.

— Знаком ли Михайлов с адвокатом Пограмковым?

— Да, имя Пограмкова упоминается с 1989 года в связи с защитой Михайлова по делу кооператива «Фонд». Впоследствии мы не раз замечали, что Пограмков является адвокатом «Солнцевской» группировки.

— По-вашему, Пограмков оставался независимым адвокатом или он интегрировался в «Солнцевскую» группировку?

— По мнению многих в РУОПе, Пограмков является членом этой группировки и играет в ней далеко не последнюю роль.

— Михайлов оставался лидером преступной группировки, уехав из России и живя на Западе?

— Да, мы получали постоянную информацию о том, что Михайлов ведет за границей активную криминальную деятельность и продолжает руководить «Солнцевской» преступной группировкой.

— У меня остался последний вопрос, — провозгласил прокурор. — Известно ли вам, что Аверин и Тамм стали организаторами

защиты Михайлова после его ареста, что они подкупают свидетелей и журналистов?

— Да, мне это известно, но у меня нет каких-либо документов или видео- и аудиокассет.

Перед тем как предоставить возможность допроса свидетеля защите, президент суда объявила перерыв. Журналисты попытались еще раз атаковать адвокатов, однако и эта попытка успеха не принесла. Каждый из репортерской братии трактовал услышанное на свой лад. Большинство сошлись во мнении, что и этот раунд господин Кроше проиграл. Уж если, отвечая на вопросы судьи и прокурора, свидетель не предоставил ни одного доказательства, то уж адвокаты его сейчас просто-напросто изничтожат вопросами. Обозреватель швейцарского информационного агентства Наоми Каппел, которая в своем сообщении поведала читателям, что всем свидетелям обвинения будут выданы бронежилеты, не скрывала своего раздражения:

— Я думала, у этого господинчика Кроше есть в рукаве пара сюрпризов, из тех, что вытряхивают фокусники. Он так многозначительно молчал все эти два года, что я не сомневалась, они с этим русским майором приготовили Михайлову настоящую бомбу. А вместо бомбы какое-то бормотание о секретных информаторах. И это теперь называется главный свидетель обвинения! Да адвокаты сейчас просто цирк устроят из этого Уо-поу-ро-фф, — по складам произнесла Наоми не поддающуюся произношению русскую фамилию и, отставив чашку с остывшим кофе, направилась в зал суда.

Допрос Упорова после перерыва продолжил адвокат Алек Реймон.

— Господин свидетель, у вас есть юридическое образование?

— Да.

— Вы знакомы с нормами международного права?

— Знаком.

— Объясните, почему ваша информация попала женевскому правосудию не по официальным каналам, хотя российской стороне посылались запросы, а лишь стала известна из ваших свидетельских показаний?

— Я объясняю это высоким уровнем коррупции в России.

— Вы спонтанно появились перед швейцарскими властями в качестве свидетеля?

— Нет, меня сюда направили в командировку от РУОПа Москвы для оказания практической помощи правосудию Женевы. Когда я ехал в Швейцарию, я не знал, что мне придется выступать в качестве свидетеля.

— А ваше московское начальство разрешило вам быть свидетелем по этому делу?

— Быть свидетелем — мое неотъемлемое гражданское право. Кто может мне разрешить или запретить?

— Я настаиваю, чтобы вы ответили на мой вопрос, и прошу господу президента суда призвать свидетеля отвечать на вопросы в той редакции, в какой они заданы, — упорствовал мэтр Реймон. — Итак, господин Упоров, я повторю: получили ли вы от своего начальства разрешение выступать по этому делу в качестве свидетеля?

— Мое начальство не знало, что я буду свидетелем.

— Кто командировал вас в Швейцарию, господин Упоров?

— Мое начальство.

— Пожалуйста, конкретно.

— Начальник РУОПа по Москве Николай Иванович Клишкин.

— Вы получили для поездки какие-либо документы, удостоверяющие ваши полномочия?

— У меня при себе было удостоверение личности. Это документ, подтверждающий, что я являюсь работником РУОПа.

— Я понимаю, что такое удостоверение личности, — усмехнулся адвокат Реймон. — А вот вы, господин Упоров, меня понять явно не желаете. Я спрашиваю, был ли вам вручен документ, подтверждающий ваши полномочия в Женеве?

— Я был командирован для того, чтобы оказать помощь швейцарскому правосудию. Полагаю, что эта миссия ни в каких специальных документах не нуждалась.

— Разве господин Клишкин не дал вам письма для женевских следователей? — вновь вмешалась в допрос президент суда Антуанетта Сталдер.

— Не знаю. Не помню. Мой отъезд готовил не сам начальник, а другой сотрудник.

— Но как-то вы попали к следователю Зекшену, узнали, в каком он находится здании, в каком кабинете, — продолжила судья.

— Меня в аэропорту встретил полицейский. Он сказал, что в телефонном разговоре с Москвой ему меня отрекомендовали как человека, хорошо знающего «Солнцевскую» ОПГ. Полицейский спросил, так ли это. Я подтвердил, что уже много лет занимаюсь расследованием преступлений «Солнцевской» ОПГ и готов рассказать все, что знаю, чтобы помочь швейцарскому правосудию. И тогда полицейский спросил меня, согласен ли я все это рассказать в качестве официального свидетеля. Я ответил согласием. После этого меня отвезли к следователю, который представился как Жорж Зекшен.

— Из ваших слов я поняла, что женевская полиция была осведомлена о вашем приезде. Так ли это?

— Да.

На протяжении двух лет появление майора московского РУО-Па Николая Упорова было покрыто тайной. Ни адвокаты, ни сам Сергей Михайлов не могли добиться ни от следователя, ни от прокурора внятного ответа, когда, как, по чьему заданию и в качестве кого прибыл в Женеву человек, ставший официальным свидетелем. Конечно, защита предполагала, что Упоров вступил в некий сговор со следствием, однако это были лишь предположения. И вот только теперь, на суде, отвечая на методичные вопросы, Упоров вынужден был пролить свет истины на свое загадочное появление и не менее завуалированную миссию.

— Итак, господин Упоров, — снова обратился к свидетелю адвокат Реймон, — вы приехали в Женеву, не имея никаких официальных полномочий, и только здесь приняли решение стать свидетелем обвинения — официальным свидетелем.

— Я не знаю всех тонкостей процедуры. В Женеву я приехал один, со мной не было никакого начальства, так что все решения я принимал самостоятельно, посоветоваться мне было не с кем. Я считаю, что я вправе был принимать любые решения, так как указание выехать в Швейцарию я получил от своего начальника.

— Письменно?

— Устно.

— Как же все-таки это происходило, кто финансировал поездку, кто оформлял визы в швейцарском посольстве и авиабилеты?

— Не знаю. Накануне моего отъезда мне на работе вручили билет до Женевы, виза в паспорте уже была проставлена.

— Господин Упоров, в следственном досье нет ни одного документа, подтверждающего, что вы являетесь сотрудником РУОПа. Как это могло получиться?

— Не знаю, могу лишь повторить, что у меня при себе было удостоверение личности, которое я при знакомстве с полицейскими предъявил.

— Чем вы можете объяснить, что в досье нет также ни одного документа, который мог бы подтвердить все вами рассказанное. В досье отсутствуют также какие-либо рапорты полицейских или их отчеты о «Солнцевской» группировке.

— Я помню точно, что готовил подробный рапорт о «Солнцевской» ОПГ. Этот рапорт я передал своему начальнику. Что было дальше с этим документом, мне неизвестно. Начальник мне не докладывал.

— Да, но у вас наверняка сохранилась копия этого документа. И раз вы приехали в Женеву с инициативой помочь, то почему вы не взяли этот рапорт с собой?

— Я привозил какие-то документы, но не помню точно, передал ли я их Зекшену. — Упоров после этой фразы умолк и продолжил лишь спустя несколько минут: — Да, теперь я вспомнил точно, я передавал Зекшену документы, а почему они отсутствуют в досье, я не знаю.

— Вернувшись в Россию, вы составили письменный отчет о своем пребывании в Женеве?

— А у меня его никто и не требовал.

— Вы сказали сегодня, что участвовали в задержании членов «Солнцевской» преступной группировки. Их было, по вашим словам, 30—50 человек. Они были осуждены?

— Да, были возбуждены уголовные дела, потом суды выносили обвинительные приговоры.

— Тогда тем более непонятно, почему все эти документы российские власти не передали швейцарскому правосудию.

— Я уже объяснил, что в России очень сильна коррупция.

— Коррупцирован весь правоохранительный аппарат? — изумился Реймон.

— Не весь, но многие, в том числе и руководители.

— Вы сказали, что прокурор развалил дело Михайлова по кооперативу «Фонд». Заместитель прокурора Москвы тоже коррупцирован?

— Я не уверен в этом на все сто процентов.

— Но подозреваете его в этом?

— Это мое сугубо личное мнение, я на нем не настаиваю.

— После возвращения из Женевы вы дали интервью газете «Коммерсант». Какая в этом была необходимость, ведь полицейские стараются как можно реже встречаться с прессой для сохранения тайны следствия?

— Журналисты обратились к Климкину и сказали, что у них есть копия протокола моего допроса в Женеве. Я не знаю, как попала к ним эта копия, но она была или умышленно искажена, или допущены ошибки во время перевода. Я считал своим долгом встретиться с журналистами и рассказать им всю правду.

— Вы поставили в известность об этом свое руководство? Может быть, после встречи сообщили об ее итогах, как это делается полицейскими всего мира.

— Я не считал себя обязанным докладывать о своих встречах с прессой, тем более что я всегда говорил правду.

Было уже восемь часов вечера, когда судья объявила очередной короткий перерыв. Обычно репортеры первым делом бросались к своим телефонам, потом атаковали автоматы, наливающие кофе и чай. Сейчас я обратил внимание, что у автоматов с напитками почти не было очереди — кое-кто из журналистов покинул Дворец правосудия. После перерыва в зале вообще не было ни одного представителя российской прессы. Им не нужен был свидетель, не столько обвиняющий, сколько оправдывающийся. А за дело взялся адвокат Паскаль Маурер. Невысокого роста, кудрявый и очень подвижный, он внешне никак не походит на почтенного адвоката, тем более возглавляющего коллегия адвокатов Женевы. Сидеть на одном месте для Маурера — сущая мука. Он бегает по залу, без всякого смущения

здоровается с многочисленными знакомыми, но при этом ни малейшая деталь не ускользает от его внимания. Всякий раз, когда Маурер замечает какое-либо несоответствие или несурязицу, он резко отбрасывает отороченный мехом горностая конец своей адвокатской мантии и морщится, как от острой зубной боли. Если Реймон в своем допросе свидетеля походил на танк, угрюмо продвигающийся вперед и ломающий все препятствия, то Маурер брал с наскока.

— Был ли осужден Виктор Аверин? — задал он вопрос Упорову.

— За какое преступление? — попытался уточнить свидетель.

— Я вас спрашиваю? — не поддался на уловку адвокат.

— Да, Аверин ранее был судим.

— За что?

— Не помню точно, но, по-моему, за убийство.

— Господин Упоров, вы сказали, что имеете юридическое образование. Вы знаете, что такое ложные свидетельские показания?

— Да.

— Хорошо, тогда продолжим. У вас новая семья?

— Да.

— Вы сказали, что та ваша дочь, которую хотели похитить, жила вместе с вашей прежней женой. И вы высказывали опасения, что жизни вашей прежней жены тоже угрожает опасность. А где сейчас ваша дочь и ваша первая жена?

— Они остались в Москве. Но я не хочу говорить о своих родственниках.

— Хорошо, я просто хочу узнать, приехали ли вы в Женеву со своей новой семьей и живет ли она сейчас с вами.

— Да.

— Я, господин Упоров, понятия не имею, сколько денег получает в России полицейский вашего ранга.

— Примерно шестьсот долларов в месяц.

— А на какие средства вы живете в Швейцарии с октября 1997 года?

— Я попросил политического убежища в Швейцарии, и на время рассмотрения моего прошения мне выделили социальное пособие — по 300 швейцарских франков (210 долларов США. — *О.Я.*),

а также предоставили мне временное социальное жилье, за которое не надо платить.

— Я заканчиваю свои вопросы к господину Уповову, но прошу президента суда госпожу Сталдер зачитать вслух для господина свидетеля статью 307 уголовного кодекса Швейцарии.

Мадам президент суда открыла уголовный кодекс и прочитала статью 307, в которой сказано, что лицо, принявшее присягу и давшее ложные свидетельские показания, может быть приговорено к лишению свободы на срок до 5 лет.

— Может быть, вы, господин Уповов, желаете что-либо помянуть в своих показаниях? — строго спросил Паскаль Маурер.

— Я бы хотел уточнить. Уточнить в отношении Аверина. Я не утверждал, что он был осужден за убийство, я сказал «по-моему, осужден за убийство».

— А остальные свои показания вы подтверждаете?

— Да.

— Господин Михайлов, — обратилась после этого судья к подсудимому, — у вас есть вопросы к свидетелю?

— Госпожа президент суда, — поднялся Михайлов, — у меня есть вопросы к свидетелю. Но, прежде чем их задать, я бы хотел кое-что пояснить.

Антуанетта Сталдер слишком откровенно взглянула на часы.

— Уже очень поздно, господин Михайлов. Я-то готова работать до утра, но не знаю, как к этому отнесутся другие — присяжные, адвокаты, господин прокурор. Да и вам, господин Михайлов, положено отдыхать.

Она оглядела весь состав суда, но никто не выказал ни малейшего желания прервать заседание. Всем было понятно, что от показаний главного свидетеля обвинения во многом зависит весь дальнейший ход суда. К тому же события развивались настолько захватывающе, что ни у кого не было желания покидать зал, не услышав окончания этого необычного допроса. Поэтому Сергею Михайлову предоставили возможность задавать вопросы.

— Во время участия в перекрестном допросе с господином Упововым, это было на предварительном следствии, я позволил себе шутивную реплику, — сказал Сергей. — Выслушав лживые показа-

ния тогда еще майора Упорова, я сказал, что его вскоре разжалуют, имея в виду, что лжецам не место в органах милиции. Но господин Упоров воспринял эту фразу как прямую угрозу. Но ведь не надо было быть провидцем, чтобы понимать очевидное — Упоров в нарушение законов принял решение стать свидетелем обвинения, хотя на тот момент был должностным лицом, приехавшим в Швейцарию совсем с иной миссией. А теперь я хотел бы перейти непосредственно к вопросам. Господин Упоров, вы впервые приехали в Женеву, чтобы подтвердить факс, отправленный из РУОПа следователю Зекшену 12 декабря 1996 года?

— Да, — подтвердил Упоров.

— В сообщении было написано, что в связи с большим объемом информации невозможно всю ее передать по факсу. Было также добавлено, что в распоряжение следствия предоставят конкретные материалы. Теперь я хочу узнать, где они?

— Я не могу отвечать за свое руководство. Знаю лишь, что мы готовили специальный материал для отправки в Женеву.

— Закон Российской Федерации гласит, что, если сотрудник милиции не возбуждает уголовного дела по совершенному преступлению, он сам может быть подвержен наказанию. Вы утверждаете, что мое криминальное досье украдено из архива?

— Да. По крайней мере мне так сказали.

— А первый заместитель генерального прокурора России утверждает на основании проведенного расследования, что никакого уничтожения не было. Как вы это объясните? — спросил Михайлов.

— Мне сказали в РУОПе, что все досье уничтожено. Возможно, произошло недоразумение.

— Значит, вы даете показания на основании слухов, а когда надо подтвердить изложенное официально, вы говорите «недоразумение». Не кажется ли вам, господин Упоров, что именно из-за таких вот ваших «недоразумений» я провел два года в женевской тюрьме?

— Я верил своим сотрудникам, — возразил Упоров.

— Знаете ли вы, что документ, подписанный Скубаком, признан московской прокуратурой недействительным?

— У меня нет таких сведений.

— Однако этот документ имеется в деле. Вы только что утверждали, что после ареста 1989 года по моему приказанию запугивали судью. К зданию суда подъезжало до 20 машин, набитых бритоголовыми крепкими парнями, и судья, испугавшись, признала меня не виновным. Но ведь процесса не было вообще, дело прекратила прокуратура, какого же судью я мог пугать, если не было суда? Еще один момент. Вы утверждаете, что я арестовывался по делу об убийстве Власова?

— Я утверждаю, что вы задерживались.

— Есть ли у вас доказательства, что я допрашивался по этому делу?

— Я лично видел документы, подтверждающие, что вы допрашивались по этому делу.

— А я лично утверждаю, что вы лжете. Есть сколько угодно документов, подтверждающих, что никогда я по делу Власова не допрашивался, и нет и не может быть никаких документов о моих вопросах по этому делу. — Голос Михайлова продолжал оставаться ровным, словно речь шла о вещах, ничего не значащих. Но царившая в зале напряженная тишина была как бы подтверждением того, что здесь сейчас разыгрывается настоящая схватка.

— Да, но я видел протоколы допросов на бланке.

— Сколько раз вы приезжали в Женеву?

— Два раза.

— Значит, вы возвращались в Москву и спокойно могли взять все необходимые документы, чтобы не быть голословным. Почему вы этого не сделали?

— Мой начальник мне сказал, что он опасается пропажи документов в пути. Он также боялся, что по дороге меня могут перехватить солнцевские, и тогда вся информация исчезнет. Поэтому мой отъезд происходил в обстановке тайны и о нем мало кто знал.

— Господин Михайлов, — обратилась к Сергею судья, — ваши вопросы действительно важны, но уже два часа ночи, всем надо отдохнуть. Как вы отнесетесь к тому, если мы перенесем окончание допроса свидетеля на 9 часов утра завтрашнего, нет, уже сегодняшнего дня?

— Собственно, я уже почти исчерпал свои вопросы, госпожа президент.

— Вот и прекрасно. Заседание прекращается до 9 часов утра, — провозгласила мадам председательствующая и без промедления покинула зал.

Патриархальная Женева уже погасила огни. В этом городе улицы становятся пустынными уже в девять вечера. Как шутят сами швейцарцы, женевцы расходятся по домам так рано, чтобы успеть посчитать, сколько накоплено франков на строительство домика — возжеленной мечты каждого добропорядочного горожанина. Мы с Андреем отправились в гостиницу пешком. Шли не торопясь, хотя с озера дул довольно злой ветер. Но после стольких часов, проведенных в зале, хотелось хоть немного пройтись. К тому же мне необходимо было услышать от Андрея хоть какие-нибудь закулисные подробности. Но Андрей, видно, слишком устал, чтобы активно поддерживать разговор. Я видел, что сегодня ему пришлось переводить слишком много.

— Ты же все видел, — пробурчал Хазов. — Упоров, по сути, расписался в том, что он, не имея на то никакого права, согласился быть свидетелем. Ему, видно, пообещали в Швейцарии безбедную жизнь, если он припомнит какие-нибудь подробности о том, что Михайлов возглавляет криминальную группировку. Зачем милицейскому майору Москва с ее ежедневным риском, выстрелами и маленькой зарплатой, когда появилась реальная перспектива запросто устроиться в спокойной Швейцарии. Но Сергей-то каков! — несколько оживился Хазов. — Бьет не в бровь, а в глаз, каждый вопрос — в «десятку». Думаю, завтра с Упоровым уже говорить будет не о чем.

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, 1, 2 декабря 1998 года. Утро — день.

Хазов оказался прав, как говорится, на все сто процентов. Едва началось утреннее заседание суда и Антуанетта Сталдер заинтересовалась у Сергея Михайлова, намерен ли он продолжать свои вопросы, раздался голос из телевизионных динамиков.

— Госпожа президент суда, господа присяжные, господин прокурор! Я хочу сделать заявление, — говорил Николай Упоров. — Я прошу обратить особое внимание на то, что не прибегал к формулировкам типа «я утверждаю». Напротив, чаще всего я говорил «по моему мнению», «мне так кажется», «на основании переданной мне информации». Я, конечно, допускаю мысль, что не всегда переданная мне информация была точной и правдивой. Могли произойти ошибки, недоразумения, за которые я не могу нести ответственности.

— Господин Упоров, я уже вчера сказал, что эти ваши ошибки и недоразумения привели к тому, что я два года провел в тюрьме, — возразил Михайлов. — Но сейчас я хотел бы задать вам еще буквально несколько вопросов.

Вроде ничего в зале не изменилось. Судья, присяжные, прокурор и адвокаты — все были на своих местах. Все так же мерцали экраны телемониторов, и Михайлов задавал вопросы свидетелю все таким же размеренным тоном. Но вот только свидетеля словно подменили. Даже голос его стал другим. Еще вчера Николай Упоров отвечал на вопросы уверенно, иногда позволял себе быть чуточку насмешливым, самую малость, чтобы не выглядеть развязным, но все же позволял. Сегодня в его голосе зазвучали какие-то новые интонации. Да он просто боится, подумалось мне. Боится, что предупреждение адвоката о наказании по статье за лжесвидетельство — это не простая угроза. Вариант с призывом верить на слово не прошел. Прокурор его попросту сдал, сдал без боя. Что, собственно, спросил Кроше? Уверен ли он, Упоров, в существовании «Солнцевской» группировки. Ну и толку-то в том, что ответ прозвучал утвердительно. Наоборот, только хуже получилось, потому что сначала судья, потом адвокаты, а под конец уже и сам Михайлов так вцепились в отсутствие документов, что и ребенку стало ясно: его ответы мало того, что гроша ломаного не стоят, еще и грозят тюрьмой за лжесвидетельство. И Упоров сменил тактику. Признав, по сути, что ни на одном своем предыдущем показании не настаивает, он тем самым ограждал себя от ответственности за ложные показания. Главный свидетель обвинения превратился, сам того не желая, в главного свидетеля защиты, показав всем, что никаких доказательств вины Михайлова у него нет. И когда судья объявила о том, что допрос

Упорова закончен, через скамью перегнулся бельгийский адвокат Ксавье Манье и крепко пожал руку своему подзащитному.

— Браво, мсье Михайлов, браво, — произнес он.

Тем временем в зале шла подготовка к допросу прибывшего из США свидетеля обвинения Александра Абрамовича. Президент суда, как и накануне, отправилась в комнату, где помещался свидетель. Вернувшись в зал, она объявила присяжным, прокурору, адвокатам и подсудимому, что подтверждает личность Александра Абрамовича, и тут же, не теряя времени, приступила к допросу.

По сути, допрос свидетеля Александра Абрамовича от допроса Упорова мало чем отличался. Свидетель ссылался на мнения, ощущения, но не на документы. Во время одного из таких довольно нелепых утверждений президент суда не выдержала и с нескрываемым сарказмом спросила, обращаясь к Жану Луи Кроше:

— Господин прокурор, я что-то не поняла, вы вызвали в суд свидетелей обвинения или свидетелей защиты?

Госпожа Сталдер, как и положено по процедуре, сама начала допрос. Вероятно, ей хватило нескольких минут, чтобы убедиться — и этот свидетель ничем конкретным свои показания подтвердить не может.

— Вас допрашивали во время следствия дважды. Вы подтверждаете показания, данные во время этих допросов? — спросила она.

— Подтверждаю, — раздался голос из телединамика.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с господином Михайловым?

— Я занялся частным предпринимательством, выпускал обувь. Моему бизнесу нужна была охрана, и Тимофеев привел ко мне на фирму людей, которые представились как Аверин и Михайлов. Они сказали, что если мы договоримся, то они станут моей «крышей». Это было в 1993 году. Потом я открыл совместное российско-австрийское предприятие по реализации ювелирных изделий и первый в Москве частный ювелирный магазин.

— Кому и сколько вы платили за охрану вашего бизнеса?

— Платил сначала 30 процентов от прибыли. Деньги я отдавал людям Михайлова, которые специально для этого ко мне приезжали. Через какое-то время эти люди объявили мне, что плата увеличива-

ется до сорока процентов от прибыли, а в последнее время они сказали, что я должен платить пятьдесят процентов от общего оборота фирмы. Меня еще и упрекали за то, что фирма дает недостаточно высокую прибыль. Они просто издевались надо мной и постоянно угрожали мне физической расправой, если я не увеличу сумму выплат. В конце концов я принял решение уехать, но мне следовало сделать это тайно, так как я боялся расправы. Мой компаньон Виталий Кузнецов, когда я уехал, сфальсифицировал некоторые финансовые документы и отнес их в американское консульство в Москве, пытаясь там доказать, что я преступник и меня надо вернуть обратно в Россию для наказания.

— Вы считаете, то, что с вами происходило, можно квалифицировать как рэкет? — уточнил прокурор.

— Конечно, а что же это еще, как не типичный рэкет? Меня даже били, — признался Абрамович. — Несколько раз, когда я не давал денег, ссылаясь на то, что не было прибыли, ко мне применяли физическое насилие. Это был чистейший рэкет.

— С кем вы приехали в Швейцарию? — спросил Паскаль Маурер, когда судья предоставила возможность адвокатам задавать вопросы.

— Я приехал один, — ответил Александр Абрамович.

— А кто финансировал вашу поездку?

— Никто, я сам.

— Вы обладаете юридическим иммунитетом в США?

— Нет.

— Вы были судимы в СССР за валютные операции в 1977 году?

— Я был осужден условно, — поспешно ответил Абрамович и спросил в свою очередь: — Я что-то говорю не так?

— У меня такое впечатление, что вы все говорите не так.

— Господин Михайлов, вы желаете задать свидетелю вопросы? — обратилась к Сергею судья.

— Желаю. Судя по показаниям, господин Абрамович перечислил в банки за обеспечение его безопасности сначала 400 тысяч долларов, потом еще 600 тысяч. Миллион долларов, по его утверждению, он заплатил только рэкетирам...

— Господин Михайлов, — перебила его судья, — я прошу вас конкретнее формулировать свои вопросы, а не заниматься рассуждениями. Приведенные вами цифры есть в материалах дела. Если понадобится, мы сами их уточним.

— Уважаемая госпожа президент суда, — обратился к ней Михайлов, — два года мне не давали возможности для полноценной защиты, два года никто не желал выслушать мои аргументы невиновности. Эти два года я провел в тюрьме из-за таких показаний, которые вы слышали вчера, которые выслушиваете сегодня. Два года! И теперь, когда я получил возможность задавать наконец вопросы, все сказанное для меня чрезвычайно важно. К тому же, госпожа президент суда, если вы будете меня перебивать, мы никогда не доберемся до истины.

В зале воцарилась гробовая тишина — большинство присутствующих сочли реплику Михайлова откровенной дерзостью, которая недопустима по отношению к суду и которая, несомненно, будет наказана. Но сама же Антуанетта Сталдер разрядила обстановку.

— Вы правы, господин Михайлов, — сказала она, улыбнувшись. — Мы не узнаем истины, если будем друг друга перебивать. И все же постарайтесь не быть многословным.

— Я постараюсь, госпожа президент суда, — ответил Сергей улыбкой на улыбку. — Ответьте, пожалуйста, господин Абрамович, какую сумму составила прибыль вашей фирмы за период в 1993—1995 годы?

— Не могу сказать это, трудно припомнить так сразу.

— Может быть, вы вспомните, какую сумму заплатили в виде налогов, и тогда можно будет точнее припомнить размер прибыли.

— Нет, не помню.

— Удивительное дело, господин Абрамович. Вы не помните, сколько денег заработали, зато прекрасно помните, сколько отдали. Может быть, вы могли бы назвать хотя бы банки, в которые перечисляли деньги?

— Я действительно не помню, какова была прибыль фирмы, но помню, сколько отдал за «крышу», потому что отдавать-то мне пришлось из собственного кармана. И, конечно, за давностью событий я не могу припомнить, в какие именно банки я перечислял деньги.

— Вы легко подсчитали, что отдали мне или моим людям для меня два миллиона долларов за два года. Утверждая, что вас вынуждали отдавать пятьдесят процентов от оборота фирмы, можно сделать вывод, что ваша фирма за два года провела финансовых операций на четыре миллиона долларов. Так ли это?

— Я же сказал, что не помню.

Впервые за два дня заседаний вопрос последовал от присяжных:

— Господин Абрамович, вы утверждаете, что занимались производством. Следовательно, вы не должны были иметь отношения к бухгалтерии. Откуда же вы так хорошо помните суммы, которые отдали солнцевским?

— Но я же сказал, это были мои кровные деньги. Как же я мог не знать, сколько я отдал. А в бухгалтерию фирмы я действительно не вмешивался, поэтому не могу вспомнить, какую сумму составили наши обороты за эти два года.

— Вопросов больше нет, — провозгласила Антуанетта Сталдер и объявила перерыв.

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия. 2 декабря 1998 года. Вечер.

Документы уголовного дела № P9980\96

Майами, США, 23 января 1997 года. 10 часов 20 минут

Следователь: господин Жорж Зекшен

Секретарь: господин Рене Ваннер, давший присягу

Протокол заседания

Закрытое расследование без предоставления информации

Присутствуют: г-жа Диана Фернандес, помощник прокурора, Южный Дистрикт, Флорида, США;

г-н Гарри Риццо, специальный агент ФБР, отделение Майами, Флорида, США;

г-жа Марла Санчес, переводчик с английского языка на французский, давшая присягу;

г-жа Ингрид А. Коллинз, переводчик с английского языка на немецкий, давшая присягу.

На основании судебного поручения слушаются:

г-н Майкл Шранц, 1963 г.р., проживает в ФБР, Форт Лодердейл, Флорида, США, свидетель, давший присягу.

Г-н Шранц, отвечая на вопросы г-на Зекшена:

Первый раз я увидел Михайлова и Аверина в конце 1992 года или в начале 1993 года, то есть приблизительно за шесть месяцев до их окончательного переезда в Австрию. Господин Азимов отправил меня в сопровождении Вернера Кегерле встречать этих двух людей на вокзал. Они прибывали поездом из Чехословакии. С ними был третий человек, которого я не знал и которого я больше не видел. Во время этого визита они проживали в гостинице «Мариотт» в Вене.

Тот факт, что они приехали на поезде, мне показался странным, так как обычно эти люди летают на самолете. Возможно, они приехали в Австрию нелегально. Как я узнал от господина Азимова, они приехали, чтобы найти подходящие для Аверина и Михайлова квартиры.

Переезд в Вену господина Аверина и господина Михайлова должен объясняться тем, как мне это сообщили, что они проиграли начавшуюся войну между преступными группировками в Москве и вынуждены были временно уехать из города.

Михайлов и Аверин, а также их семьи переехали в Вену летом 1993 года. Две семьи (8 человек) прилетели на самолете и привезли с собой огромное количество багажа. Понадобилось несколько машин, чтобы погрузить весь багаж. Я думаю, что я знаю, почему Михайлов и Аверин выбрали Австрию. Кажется, все преступные организации договорились не прибегать к враждебным действиям в Австрии, это было что-то вроде неприкосновенной территории.

Я подтверждаю о себе, что родился в Югославии 25 мая 1963 года.

Когда мне было три года, моя мама и я уехали из Югославии в Австрию, в Вену.

Я закончил среднюю школу в Австрии и выучился на слесаря.

С 1981-го по 1983 год я был в армии, затем я работал портвье в общественных учреждениях. В дальнейшем я был служащим или работал сам на себя. Я был агентом службы безопасности и телохранителем, чем я занимался до моего отъезда из Австрии в США 14 августа 1996 года.

В перерыве репортеры вяло обсуждали только что прошедший допрос. Все ждали настоящего боя, а боя-то, по сути, и не было. Уже второй из основных свидетелей обвинения, по сути, признался в том, что ничего фактически сообщить суду не может. Игорь Седых, вынужденный коротать время в коридорах Дворца правосудия, ожидая своего вызова в качестве свидетеля обвинения, все же счел нужным высказать свое мнение.

— Плохи дела у Михайлова, — многозначительно заметил он. — С такими деньгами, как у него, мог бы нанять адвокатов и получше.

— А чем тебе эти не угодны? — поинтересовался кто-то из сидевших за нашим столиком в кафе коллег.

— Эти? — переспросил Игорь. — Да у них же нет никакой стратегии защиты, просто отбивают удары, и все. Поверьте, во время прений они станут легкой добычей Кроше. Вы что же думаете, прокурор молчит потому, что ему нечего сказать? Да ничего подобного. Мне известно точно, Кроше бережет свои козыри для решающего боя. А адвокаты наивно проглотили этот крючок для простаков и знают дуют свое — задают многозначительные вопросы и радуются, когда свидетели не могут на них ответить. Да прокурору только этого и надо. Вот увидите, что начнется, когда прокурор выступит с основной речью. Адвокаты окажутся загнанными в угол, но выбраться из него они уже не смогут. Я совершенно твердо в этом убежден и не понимаю, как этого не видят сами защитники. Кстати, старик, — обратился Игорь ко мне, — я видел, как ты треплешься в перерывах с этим толстым переводчиком. Как его фамилия-то? Так вот, ты бы не мог посодействовать, чтобы через этого Хазова получить у адвокатов заключительную речь Михайлова?

— А с чего ты взял, что эта речь Михайловым уже написана, и почему думаешь, что она есть у Хазова?

— О святая простота! — усмехнулся Седых. — Да кто тебе сказал, что Михайлов будет писать заключительную речь? За него речь написал, насколько я знаю, Дрейфус, и речь эта рассчитана на полтора часа. Со своей стороны, могу пообещать, что моя газета напечатает эту речь без каких-либо искажений. Может быть, не полностью, но без искажений.

— А почему бы тебе самому не обратиться к Хазову, он милейший человек и тебя не слопает, ручаюсь.

— Да я с ним не знаком, мне просто неловко к нему обращаться.

— Ох, Игорь, темнишь ты. Тебе — и неловко обращаться. Скажи уж прямо, боишься, что Хазов тебе откажет. Ладно, давай я тебя ему представлю, и излагай свою просьбу сам.

— Согласен, — быстро ответил Седых и поторопил нас: — Отправляйтесь, а то опоздаете. Сейчас Шранц будет выступать. Вот это, наверное, интересно. Эх, жаль, мне нельзя.

Корреспондент РИА «Новости» Игорь Седых не ошибся. Вечернее заседание было не просто интересным, оно было настолько неожиданным, что наверняка войдет в юридические анналы. По привычной уже процедуре председательствующая суда отправилась в комнату, чтобы убедиться в личности свидетеля и удостоверить ее суду, адвокатам и подсудимому. Прошло уже минут пятнадцать, как госпожа Сталдер покинула зал, а ее все не было. Наконец она вернулась и не скрывала, что обескуражена.

— Дело в том, господа, — произнесла она, — что юридическое лицо по имени Майкл Шранц отсутствует. Есть господин, который утверждает, что он приехал из США, что раньше он назывался Майкл Шранц, однако и имя и фамилию из соображений безопасности сменил. По мотивам все той же безопасности этот человек отказался назвать мне свое новое имя.

Что творилось в зале! Всеобщий гомерический хохот вызвал адвокат Маурер. Смешно подобрав полы своей роскошной мантии, Паскаль Маурер забрался под стол и начал истошно вопить:

— Шранц! Где ты, Шранц, отзовись! Я не вижу Шранца, куда девался Шранц?

Смеялись присяжные, слезы смеха утирала судья, хохотала публика, и даже охрана улыбалась. Лишь прокурор Кроше хранил непроницаемое надменное выражение лица. Эту вакханалию прекратила судья.

— Достаточно! — воскликнула она. — Если адвокаты немедленно не приступят к допросу свидетеля, я вынуждена буду принять специальное решение.

— Госпожа судья, мы бы с удовольствием приступили к допросу, — заметил Маурер, — но мы просто не знаем, кого допрашивать. А потому не теряйте времени понапрасну, принимайте решение, — с торжеством закончил он.

Антуанетта Сталдер второй раз за короткое время покинула зал и вернулась через двадцать минут.

— Учитывая, что юридическое лицо, вызванное в суд в качестве свидетеля обвинения под именем Майкл Шранц, отсутствует, допрос свидетеля отменяется. Все расходы по проезду из США в Женеву и обратно, а также по пребыванию в Швейцарии отнести на счет гражданина, прибывшего для дачи показаний, но не пожелавшего назвать свое имя. Сегодняшнее заседание на этом считаю закрытым. Завтра заседание начнется в 9 часов.

Женева, гостиница «Амбасадор», 2 декабря 1998 года. Вечер.

Хазов явился ко мне в номер ближе к полуночи, позвонив предварительно по телефону и удостоверившись, что я еще не сплю. Был он возбужден и весел, я впервые увидел его без галстука.

— Ты, кажется, на днях грозился меня виски угостить. Сейчас бы я выпил стаканчик.

— Чего это ты такой веселый?

— Так есть с чего. Видел бы ты, как запрыгал этот бывший Шранц, когда ему прочитали решение Антуанетты отнести на его счет все расходы. Он тут же согласился назвать свое новое имя и вообще был согласен на все. Но судьяха — тетка твердая. Она ледяным голосом произнесла, что суд дважды решений не принимает, и удалилась. Крючок, который при этом присутствовал, чуть зубами не скрипел. Он этого Шранца сожрать был готов. Ты по-

нимаешь, что на этом на свидетелях обвинения можно поставить точку?

— Ну да? Завтра будет Левинсон, потом еще целая куча людей, а ты говоришь «поставить точку».

— Да ерунда все это, — отмахнулся Хазов. — Упоров и Абрамович показали свое истинное лицо, Шранц вообще сам себе свинью подложил, хотя его и без того бы разделали под орех. А уж Левинсону-то и вовсе сказать нечего, так что никто его всерьез и не воспримет.

— Слушай, Андрей, мне не нравится такое благодушие. Оно, видно, исходит от адвокатов. А процесс еще только начался, и кое-кто считает, что все происходящее — это лишь тактическая уловка прокурора, а судьи на эту уловку попались.

— Чушь собачья. Ты же сам два года этим делом занимаешься, и не ты ли меня пару дней назад убеждал, что дело это инспирировано, высосано из пальца и вообще никакое не уголовное, а чисто политическое. Чего ж ты теперь ноешь?

— Во-первых, я не ною, а делюсь услышанным. Во-вторых, я тебе уже говорил, что мое мнение о невиновности Сергея Михайлова основано на изучении документов, а не чьих-то мнениях и соображениях. И если сейчас во время суда будут представлены какие-то документы, то я так об этом и напишу. Но речь сейчас не обо мне, а об адвокатах.

— Кесарю кесарево, слесарю слесарево, — флегматично заметил Андрей и, зевнув, поднялся.

— Погоди, — остановил я его. — Мне сказали, что готова речь Михайлова, которую написал Дрейфус. Ее уже просят московские газетчики, честно говоря, и я бы взглянул. Поможешь?

— Мне рассказывали, что в любой газете есть одно сообщение — чистая правда, одно — полуправда, а все остальное — вранье. Правда — это число, полуправда — прогноз погоды, а во всем остальном тебя твои газетчики обманули. Речь Михайлову действительно написана, но ее писал не Дрейфус, а Реймон, да к тому же это не сама речь, а как бы проект, и нет никаких данных, что она Сергею понравится и он именно ее произнесет на суде. Он вообще

ведет себя как хочет, с адвокатами мало считается, и у нас, кажется, назревает конфликт.

— О чем это ты?

— Михайлову кажется, что он сам себя способен защищать, и он лезет со своими вопросами, путая карты адвокатам. У них ведь своя стратегия, хотя тебя и убеждали, что ее нет. А Сергей не понимает, что своим вмешательством сам себе и мешает.

— Я тоже не заметил, чтобы он себе сильно помешал. Наоборот, его вопросы были логичны, мне показалось, что именно он помог развенчать этих лжесвидетелей. Во всяком случае, он был очень убедителен.

— Типичное мнение дилетанта, — буркнул Андрей и, не слушая моих возражений, удалился.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Впервые за два года у меня было почти хорошее настроение. Я не позволял себе все это время выходить из берегов, держался в рамках, но подчас ровное поведение давалось мне с усилиями. А тут я не прикидывался, не играл, мне действительно хотелось улыбаться, и я даже запеть был готов что-нибудь такое-этакое. Наконец я получил возможность высказаться, задавать те вопросы, которые считал нужным. Я, конечно, сорвался, когда попросил судью меня не перебивать. Но она, видно, чуткий человек, и она меня поняла, по моему, даже не очень обиделась, хотя действительно мои слова прозвучали резковато. Я готов был к этим допросам, и поэтому все вопросы били в цель. Ни Упоров, ни Абрамович ничего не смогли ответить вразумительного. Я чувствовал себя победителем. Немного мне испортили настроение адвокаты. Они считают, что я задаю свидетелям слишком много вопросов и этим мешаю защите. Но я не согласился с их мнением. Я считаю, что я достаточно хорошо знаком с материалами дела, чтобы активно участвовать в защите самого себя. Это не бахвальство человека, который вмешивается в чужие дела, считая себя знатоком во всем. Вовсе нет.

Я отдаю должное юридическим знаниям этих людей, их опыту, видению всяких подводных процессуальных камней. Все это так, я их за это ценю, я в конце концов им за это и плачу немалые деньги. Но ни один адвокат в мире не способен влезть в шкуру своего подзащитного. Тем более что никто из этих людей не знает ничего о России, о психологии русских людей. Да они просто не в состоянии запомнить все те детали, которые хранятся в моей памяти и выплывают наружу именно тогда, когда это необходимо. Нет-нет, я считаю, что должен и дальше защищать себя сам. Разумеется, при их помощи, но обязательно сам.

Глава восьмая

СКАЗКИ-РАССКАЗКИ

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 3 декабря 1998 года. Утро — день.

Едва судья объявила о начале очередного дня заседаний, как к свидетельской трибуне, почти по-военному печатая шаг, прошел высокий широкоплечий мужчина. Он аккуратно сложил плащ, сцепил руки «замком» за спиной и не расцеплял их уже до самого окончания допроса. Этот супермен, так похожий на героев всех американских боевиков, вместе взятых, и был бывшим специальным агентом ФБР Робертом Левинсоном. Впрочем, отвечая на обычные анкетные вопросы, господин Левинсон пояснил, что в ФБР больше не служит и в Женеву прибыл как частное лицо, а посему давать показания от имени этой мощной спецслужбы не уполномочен. Такое заявление было тем более странным, что Левинсон рассказывал только о том периоде, когда служил в ФБР и занимался, по его собственному признанию, тем, что собирал в России данные об организованной преступности.

— А говорите ли вы на русском языке? — спросил Левинсона адвокат Маурер.

Левинсон извинился перед судом, что вынужден повернуться к столь уважаемым господам спиной, и, обращаясь к защитнику, отве-

тил на английском языке, что по-русски говорит совсем немного, и добавил для иллюстрации: «Шуть-шуть». Затем, снова обернувшись к суду, продолжил свой рассказ о «Солнцевской» преступной группировке. И этот бывший разведчик блистал своей памятью, называя десятки фамилий, приводя в пример множество преступлений, якобы совершенных солнцевскими. Его повествование было гладким и скорее напоминало пересказ бестселлера, нежели свидетельские показания. Лишь в самом конце своего выступления Роберт Левинсон заметил, что работал с весьма разветвленной сетью секретных информаторов, а при таком большом количестве агентов издержки, увы, неизбежны. В этом самом месте господин экс-агент позволил себе слегка улыбнуться, такой извиняющейся улыбкой, как бы призывающей суд войти в его положение. Но суд в положение не вошел. Суду уже, похоже, надоело выслушивать вместо конкретных показаний устные пересказы неумело сочиненных, да к тому еще и на одну тему, криминальных романов. Вопросов Левинсону почти не задавали: просто не было смысла, так как он в самом начале своего выступления поведал, что вся полученная им информация является строжайшей тайной ФБР и никто не вправе претендовать на разглашение этой тайны.

Документы уголовного дела № P9980\96

Судопроизводство

Перевод материалов дела

Дело: Михайлов

Дата брошюрования 15 мая 1997 года

Номер 523

Перевод статьи в журнале «Едиот ахронот» (на самом деле «Едиот ахронот» — крупнейшая ежедневная газета Израиля. — О.Я.), самом популярном журнале Израиля.

«Шеф русской мафии арестован

На днях полиция Швейцарии выступила с обращением к полиции Израиля, полиции США и стран Европы с просьбой предоставить все сведения о незаконной деятельности Сергея Михайлова, одного

из “крестных отцов” русской мафии. Недавно в Цюрихе Михайлова арестовали. Он подозревается в серьезных экономических преступлениях. Сейчас, после задержания Михайлова, власти Швейцарии собираются наложить арест на его счета в местных банках. Общая сумма, обнаруженная на указанных счетах, равна 20 миллионам долларов.

Ури Авнери».

ПОЛИЦИЯ ИЗРАИЛЯ

Центр автоматической обработки данных полиции

Кому: посольство Швейцарии,

консульский отдел, Тель-Авив.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящим свидетельствую о том, что израильская полиция не располагает криминальными данными относительно указанного ниже гражданина.

ID № 30998226

Господин Сергей Михайлов

Место и дата рождения: 07.02.58, СССР

Фотография прилагается ниже

Проверка проведена в реестре криминальных данных о преступлениях, созданном в 1981 году.

Начальник центра автоматической обработки данных полиции

Иерусалим.

Следом за Левинсоном свидетельское место занял еще один рассказчик — инспектор криминальной полиции Израиля Рувен Раскис. В свое время именно он подверг Михайлова в женеvской тюрьме Шан-Долон двенадцатичасовому изнурительному допросу, методично повторяя одни и те же вопросы, суть которых сводилась к одному: каким образом Михайлову удалось получить израильское гражданство. Но сейчас, выступая в качестве свидетеля перед судом, израильский полицейский был предельно лаконичен. Он поведал суду, что Михайлов гражданства государства Израиль лишен и против него возбуждено уголовное дело.

— Если против меня возбуждено уголовное дело, то вы, наверное, можете представить соответствующие документы, свидетельствующие об этом, — сказал Сергей Михайлов, обращаясь к свидетелю. — И еще один вопрос. Есть ли у вас утвержденное Высшим судом справедливости Израиля решение о лишении меня гражданства?

— Признаться, я полагал, что все эти документы уже имеются в деле, и потому с собой не взял никаких материалов. Впрочем, я должен проверить, — забормотал полицейский, водрузив прямо на свидетельскую трибуну свой портфель, открыл и на глазах у всех стал перетряхивать его содержимое. Потом он захлопнул портфель, беззвучно пошевелил губами, снова портфель открыл и извлек оттуда несколько скрепленных листков бумаги с текстом, напечатанным на иврите. Эти листки господин Раскис издала продемонстрировал сначала судье и присяжным, затем прокурору, после чего проворно убрал их в портфель, напыщенно заявив, что в случае надобности суд может рассчитывать на получение данного материала.

Что же произошло на самом деле? В свое время следователь Зекшен несколько раз посетил Израиль. Многократно перечитав протоколы допроса Михайлова израильским полицейским, Зекшен не приобщил к делу полной стенограммы допроса, а повыдергивал из нее лишь те страницы, которые, как ему казалось, могли впоследствии скомпрометировать Сергея Михайлова. Но все подозрения рассыпались, словно песочный домик, под напором волны, и Зекшену, в конце концов, не оставалось ничего иного, как вовсе изъять из дела израильский эпизод. Не пригодились ему в том числе и банковские документы. Дело в том, что Израиль не раз заявлял во всеуслышание, что не собирается выдавать банковские тайны тех вкладчиков, дела которых по тем или иным поводам разбираются следственными органами других стран. Однако по поводу Сергея Михайлова Израиль позволил себе необъяснимое отступление от общего правила. Из банка в адрес следователя поступила бумага, в которой не только указывались количество денег, помещенных на счет, и их прохождение, но даже и многочисленные детали, так сказать, частного порядка. Так, например, в присланном из Израиля документе содержались показания банковских служащих, которые

рассказывали, как, например, был одет господин Михайлов в тот день, когда явился в банк, какие люди его сопровождали. Но в итоге даже Жоржу Зекшену стало понятно, что появление в банке Михайлова в сопровождении переводчика, одинаково хорошо знающего как русский язык, так и иврит, еще не является криминалом.

Впрочем, Зекшену и в голову не пришло проинформировать своих израильских коллег о том, что материалы по Израилю за полной их бездоказательностью им из дела почти полностью изъяты. Так что Рувен Раскис, явившись в суд в качестве свидетеля обвинения, оказался перед председательствующей и присяжными, как говорят в Израиле, с опрокинутым лицом.

Услышав, что вопросов к нему больше нет, полицейский из Израиля поспешно удалился. А госпожа Сталдер объявила, что на сегодня допрос свидетелей закончен и она приступает к чтению документов, приобщенных к делу. Оглашение этих документов продлилось до позднего вечера, и это был единственный день процесса, когда пресса позволила себе передышку. Впрочем, на следующий день выяснилось, что отдыхали далеко не все журналисты. Ежедневная газета «Трибюн де Женев» решила и на этом безрыбье поймать щуку. С утра весь город был завален листовками с кричащим заголовком «Специальный агент ФБР разоблачает “крестного отца” русской мафии». С помещенной в центре листовки фотографии глядело строгое, не улыбочивое лицо Роберта Левинсона. Но, несмотря на призывную листовку, выпущенную, совершенно очевидно, для поднятия тиража, «Трибюн» все же не рискнула исказить суть свидетельских показаний Левинсона и ограничилась лишь броским заголовком, суть которого никак не соответствовала содержанию статьи.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

У меня действительно были планы, связанные с развитием бизнеса в Израиле, но почти с самого начала все в этой стране не заладилось. Не получились деловые контакты, да и личные отношения не сложились. Мне бы не хотелось в подробностях говорить об этом неудачном и довольно скоро-

течном браке. И вовсе не из-за нежелания ворошить грязное белье. Я вообще считаю: не по-мужски обсуждать поступки женщины. Ну, если говорить совсем коротко, то скажу лишь то, что это был роман, быстро вспыхнувший и также быстро угасший. Уже вскоре я понял, что мою избранницу не устраивает участь жены, которая верно ждет мужа, мотающегося по всему белу свету. Я не стал препятствовать ее «новому счастью», мы официально развелись, и я полагал, что на этом поставлена точка. Но когда началось следствие в Женеве, израильтяне повели себя по отношению ко мне, мягко говоря, некорректно. Будучи гражданином Израиля, я не получил никакой поддержки от консула Израиля в Швейцарии, газеты публиковали обо мне всякие небылицы. Дошло до того, что ведущая израильская газета напечатала заметку о том, что в одной из гостиниц были обнаружены трупы Михайлова и Аверина. Когда же адвокат припугнул редакцию, что обратится в суд, газета опубликовала поистине идиотское опровержение. В газете было сказано, что в Тель-Авиве были действительно обнаружены трупы Аверина и Михайлова, но оба убитых являются лишь однофамильцами Виктора Аверина и Сергея Михайлова. И хотя израильская полиция прислала официальный документ о том, что я никаких преступлений на территории этой страны не совершал, израильские банки обошлись со мной так, как они не обходятся даже с преступниками: следствию были предоставлены все данные о моих счетах, хотя всему миру известно, как израильские банки свято оберегают тайну своих вкладчиков. Мои счета не были засекречены, эта информация из Израиля ничем мне повредить не могла, но меня оскорбило само отношение.

Не менее оскорбительным был и процесс по лишению меня израильского гражданства. Материалы по этому поводу готовил чиновник Министерства внутренних дел Израйля — некий Йосеф Тов. Вскоре после того, как он отправил все материалы в суд, появились публикации о лишении меня гражданства, хотя дело еще на тот период даже и не рассматривалось. А спустя буквально неделю-две сам Йосеф Тов стал героем газетных публикаций. Его уличили в получении взяток и выдаче разрешительных удостоверений на работу в Израиле палестинцам. Разразился страшный скандал. Я читал в газетах отчет о судебном процессе, и меня поразило

то, что даже адвокат Това практически отказался его защищать. Защитник сказал, что у него нет оснований убеждать суд в невиновности своего подзащитного. Адвокат лишь просил сделать снисхождение при вынесении приговора, учитывая возраст подсудимого (Тов — весьма пожилой господин), какие-то особые семейные обстоятельства, о которых газета предпочла умолчать, и тот факт, что Йосеф Тов выразил желание добровольно сотрудничать со следствием. В результате тюремное заключение суд заменил ему крупным денежным штрафом, условным сроком наказания и принял решение запретить Йосефу Тову когда-либо работать в органах внутренних дел Израиля. Разумеется, мои адвокаты поставили под сомнение материал, подготовленный столь недобросовестным человеком. К тому же судья, ведущий мое дело, высказал мнение, что окончательное решение о моем гражданстве может быть принято только при моем непосредственном участии, когда я смогу ответить на все интересующие суд вопросы. Но, несмотря на это, многие газеты поспешили опубликовать сообщения о том, что Михайлов-де лишен израильского гражданства.

Но газеты газетами, к их лжи я уже привык. А то, что позволил себе откровенную ложь на суде сотрудник полиции, приведенный к присяге, меня немало удивило. Собственно, я вообще не предполагал, что израильтяне пришлют на суд свидетеля обвинения. О чем можно было свидетельствовать после того, как из информационного центра полиции поступил официальный документ о моей полной непричастности к какой-либо криминальной деятельности? Впрочем, как я уже убедился, ложь границ не имеет, видно, и израильтяне решили внести свой вклад в борьбу с «русской мафией».

В поисках найденного

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия. 4 декабря 1998 года. Утро — день.

В этот день вся пресса с нетерпением ожидала допроса свидетеля обвинения — аккредитованного в Женеве корреспондента российского информационного агентства «Новости» Игоря Седых. Журналист-свидетель — такое встретишь нечасто, к тому же Игорь

знаком с большинством журналистов, освещавших процесс Сергея Михайлова. Одним словом, все предвещало если не сенсацию, то по крайней мере репортажи, полные достаточно острых моментов. Сразу после того, как судья объявила о свидетельствовании Седых, с протестом обратились адвокаты. Паскаль Маурер заявил, что господин Седых все эти дни постоянно находился в здании Дворца правосудия, судя по всему, внимательно следит за ходом процесса и потому не может быть официальным свидетелем. Игорь сам дал повод адвокатам для подобного протеста. После того как в первый день суда его попросили покинуть зал, он сделал еще одну попытку — пришел на очередное заседание, уселся не в ложе прессы, а среди посетителей, но снова был замечен и снова удален. Тогда Игорь обосновался в одном из многочисленных фойе Дворца правосудия, а нужную ему информацию собирал в перерывах, настойчиво донимая вопросами коллег. Все же Антуанетта Сталдер сочла, что Седых может свидетельствовать в суде, и обратилась к нему с вопросом, какими языками свидетель владеет.

— Я говорю на французском, но мой родной язык русский, и я бы хотел говорить именно на родном языке, учитывая, что здесь необходима предельная точность формулировок, — заявил Седых. — Вскоре после одной из публикаций о Сергее Михайлове ко мне в дом пришли двое швейцарских полицейских и сообщили, что они получили из России факсовое сообщение, в котором содержится информация о моем предполагаемом убийстве, — продолжил Игорь Седых. — Незадолго до этого в моей женеvской квартире раздался телефонный звонок. Звонивший мужчина представился мне как Виктор Аверин. Подчеркиваю, я не могу утверждать, что вел по телефону разговор именно с Виктором Авериным, я лишь утверждаю, что человек назвался этим именем. Когда ко мне пришли полицейские, они поинтересовались, был ли у меня телефонный разговор и с кем. Я рассказал, что разговор с человеком, который представился Виктором Авериным, шел о моей статье, опубликованной в газете «Московские новости» 7 января 1997 года. Разговор этот был долгим, достаточно жестким и шел на повышенных тонах. Мой собеседник выражал недовольство статьей, говорил, что она содержит клевету и тем самым наносит урон не только самому Михайлову,

но и его семье, друзьям. Человек, с которым я беседовал, излагал свою версию происходящих с Михайловым событий, называл факты в подтверждение этой версии. Я ответил, что я и не собирался обвинять в чем-либо Сергея Михайлова, а лишь изложил ситуацию с точки зрения обвинения и защиты. Я повторил, что в статье нигде не сказано, что Михайлов — преступник и вообще нарушитель закона. Но человек, назвавшийся Авериным, убеждал меня в том, чтобы я написал новую статью. Я согласился встретиться с адвокатами Михайлова и взять у них интервью. Вскоре после этого разговора я встретился с адвокатом Ральфом Изенеггером и взял у него интервью. Вот, собственно, и вся история.

— В деле содержатся данные, что все было несколько иначе — не вы связались с адвокатом Изенеггером, а он с вами и предлагал встретиться.

— Нет, все было так, как я сейчас рассказал.

— Знакомы ли вы с прокурором Кроше? — спросила свидетеля судья.

— Еще до дела Михайлова я встречался с господином Кроше и вел с ним разговор о борьбе с организованной преступностью в целом.

— Что вы ответили полицейским, когда они сообщили вам об угрозе, исходящей из России? — задала еще один вопрос судья.

— Я ответил, что мне об этом ничего не известно.

— А у нас есть данные, что вы ответили иначе. Вы сказали, что хотели бы подумать, прежде чем дать официальный ответ, — резко возразил прокурор. — А теперь я хочу задать вам вопрос. Были ли в ваш адрес сделаны угрозы во время телефонного разговора с господином Авериным?

— Прямых угроз не было, — ответил Седых. — И вообще, смотря как воспринимать. Если меня спросят, было ли на меня оказано давление, я отвечу — да. Но если меня спросят, были ли угрозы, я отвечу — нет.

— Значит, вы утверждаете, что угроз в ваш адрес в телефонном разговоре не содержалось? — уточнил адвокат Реймон.

— Я утверждаю, что угроз в мой адрес не содержалось, — подтвердил Седых. — Более того, когда разговор уже подходил к концу,

мой собеседник извинился за то, что, возможно, сказал что-то не так.

— Вы утверждаете, что нити от меня и «Солнцевской» группировки тянутся к убийству Листьева и Слабынько? — спросил свидетеля Сергей Михайлов.

— Нет, я этого не утверждаю и никогда не утверждал, — ответил Седых. — Мои материалы в большей степени носили компилятивный характер, я пользовался в качестве источника информации газетными публикациями, обобщал их. Лично мне о том, кто убил Листьева и Слабынько, ничего не известно. Да, я знаю, что была такая версия, которая связывала с этим преступлением господина Михайлова, но мне также известно и то, что эта версия отпала.

— Спасибо, у меня больше нет вопросов к свидетелю, — сообщил Сергей Михайлов.

Во время перерыва Игорь был оживлен, делился с коллегами подробностями. Он рассказал, что полицейские, которые явились к нему в дом, пытались его убедить в том, что его жизни угрожает реальная опасность и если он сделает соответствующее заявление, то к нему немедленно приставят вооруженную охрану.

— Я им тоже сказал, что ни о какой угрозе мне ничего не ведомо, если что-то узнаю, то сообщу непременно. Вот что на самом деле я им сказал. А не то, что утверждает Кроше, будто я хотел подумать, прежде чем сделать официальное заявление, — рассказывал Седых.

Закончился перерыв, и все снова поспешили в зал, где должен был сейчас давать свидетельские показания бывший адвокат Сергея Михайлова, отбывший несколько месяцев тюремного заключения Ральф Освальд Изенеггер.

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

Женева

Дворец правосудия

16 марта 1998 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА И ИЗЪЯТИЯ

Рассмотрев уголовное дело № P1297\98, на основании заявлений и собранных на сегодняшний день признаков по делу, в связи с тем, что были приняты значительные меры для того, чтобы средствами, противоречащими праву, сорвать следственные действия, предпринятые судебным следователем по делу № P9980\96 в отношении господина Сергея Михайлова,

что выражается, в частности, в том, что из места содержания под стражей в Женеве господин Сергей Михайлов продолжает руководить своей организацией и вмешивается с тем, чтобы изменить доказанные признаки путем отдачи словесных приказов, а именно письменных распоряжений, адресованных членам своей организации,

что также, находясь в тюрьме Шан-Долон, господин Михайлов даже получает письменную информацию и сообщения,

что установлено, что эти передачи происходят, в частности, через господина Ральфа Освальда Изенеггера, родившегося 17 февраля 1967 года, одного из женевских адвокатов, осуществляющих защиту господина Сергея Михайлова по делу № P9980\96,

что необходимо расследовать всю информацию, не относящуюся в строгом смысле к деятельности защитника по делу № P9980\96, переданную через господина Ральфа Освальда Изенеггера, которая может быть, в частности, представлена в виде рукописных документов господина Сергея Михайлова, записок господина Ральфа Освальда Изенеггера или третьих лиц или любой другой поддержки, которая может содержать эти сведения.

Жорж Зекшен, судебный следователь.

* * *

Еще совсем недавно его история не сходила с первых страниц швейцарских да и не только швейцарских газет. Адвоката Изенеггера обвинили в том, что он, передавая письма заключенного Михайлова, стал чуть ли не участником русской преступной группировки, своими действиями активно мешал проведению следствия. Единодушные прогнозы газетчиков были безрадостными — адвоката Изенеггера, по их мнению, ждали лишение лицензии, тюремное заключение и полное забвение. Потом газеты так же дружно, как

начали эту кампанию, ее и прекратили. И дело было вовсе не в том, что исчерпали тему. Просто-напросто Ральфа Освальда Изенеггера выпустили на свободу, он, правда, предпочел уйти из адвокатского бюро «Шмидт», но открыл свой собственный офис. А это уже было никому не интересно. И вот теперь Изенеггер, в элегантном светлосером костюме, явившись в зал с портфелем, туго набитым бумагами, предстал перед судом в качестве свидетеля.

С ходу в бой на сей раз устремился прокурор Кроше, спросив для начала Изенеггера, знаком ли он с московским адвокатом Пограмковым.

— Знаком, — ответил Ральф сдержанно.

— А у вас не вызвало никаких подозрений, что господина Пограмкова не пускали в Швейцарию?

— Нет, это не вызвало у меня никаких подозрений, тем более что я был хорошо осведомлен, что господин Пограмков на протяжении всех двух лет ходатайствовал, чтобы ему разрешили встречи с его подзащитным.

— Знакомы ли вам господа Аверин и Тамм?

— Да, мне знакомы эти бизнесмены.

— У них есть счета в Швейцарии?

— Насколько я знаю, на их счетах в Швейцарии находятся деньги, заработанные ими бизнесом.

— А почему они вмешивались в дело Михайлова?

— Будучи его близкими друзьями, они переживали за его судьбу, вместе с семьей хотели помочь.

— А теперь, свидетель, ответьте мне, почему вы, адвокат, юрист, передавали письма Михайлова, будучи прекрасно осведомленным, что это нарушение закона? — резко спросил прокурор Кроше.

— Я не считаю, что нарушал закон, — возразил адвокат Изенеггер. — Когда Михайлов попросил меня передать его письмо родственникам первый раз, я ему отказал, отказал и во второй раз. А на третий раз я согласился. Он мне сказал: «Ральф, ты видишься со мной почти каждый день и ты знаешь, что я невиновен». Я считал, что он невиновен и что его изоляция слишком сурова. Михайлов находился в тюрьме на другом положении, чем другие заключенные, даже убийцы, и это было несправедливо.

— Михайлов заставил вас выносить его письма из тюрьмы под угрозой, он оказывал на вас давление?

— Нет, ничего такого не было. Я действовал так из чисто человеческих побуждений, и никаких угроз или давления не было.

Прокурор Кроше попытался подойти к этому вопросу, что называется, с другой стороны:

— А у вас не сложилось впечатления, что вы протянули Михайлову палец, а он ухватил всю руку?

— Нет, такого впечатления у меня не сложилось, — последовал ответ. — Я ведь уже сказал, что помогал господину Михайлову от души, других мотивов не было. И еще я хочу добавить, что я ничего такого не делал, что могло бы повредить следствию, и никогда бы ничего подобного себе не позволил. Все письма, которые я передавал, носили сугубо личный характер, в них не было никакой деловой информации.

— У нас есть запись разговора Аверина с Кандовым. Это очень грубый разговор...

— Я веду несколько дел, связанных с русскими бизнесменами, общаюсь с ними и поэтому хочу сказать, что русские бизнесмены — вообще довольно грубые люди...

— Разве, господин Изенеггер? — перебила Ральфа президент суда. — А господин Михайлов? О нем никто не может сказать, что он грубый.

— Вы сами, господин прокурор, вы и ваши следователи спровоцировали необходимость этих писем! — не выдержав, воскликнул со своего места адвокат Ксавье Манье. — Вы содержали Михайлова в слишком строгой изоляции, нарушая его права. Человек беспокоился о своих родных и близких.

— Я хотел бы продолжить свои вопросы, — произнес прокурор, обращаясь к судье. И, получив ее молчаливое согласие, продолжил: — Вы знакомы с журналистом Олегом Якубовым?

— Да, — ответил Ральф, и все находившиеся в зале репортеры мигом обернулись в мою сторону.

— Что вы можете сказать об этом человеке? Он единственный из журналистов всего мира, кто вот уже два года защищает Михайлова. Вы считаете, что ему за это заплатили?

— Я не очень-то симпатизирую господину Якубову, потому что он вечно пристаёт со своими вопросами. Я не знаю, заплатили ли ему за статьи. Но мне кажется, что он достаточно свободный и независимый человек, чтобы писать о том, о чем он хочет.

Едва начался очередной перерыв, как ко мне подскочил парень, представившийся репортером женевского телевидения.

— Коллега, я понимаю, что тебе не хочется давать интервью, но, может быть, я все-таки сумею тебя уговорить?

— А с чего ты взял, что мне не хочется? — переспросил я его. — Не вижу никаких серьезных причин отказывать тебе в этом пустяке.

— Правда? Но дело в том, что я бы хотел запустить тебя в прямой эфир.

— Ну и на здоровье.

Мой новый знакомый захлопотал, и уже через несколько минут на ступенях Дворца правосудия он включил микрофон, выкрикнул истошно «Эфир!» и первый заголосил:

— Вы сейчас видите рядом со мной журналиста Олега Якубова, которого только что во время допроса свидетеля обвинения прокурор Кроше, по сути, назвал криминальным журналистом и обвинил его в том, что он уже два года защищает Сергея Михайлова. Скажите, господин Якубов, а что заставило вас взять под защиту господина Михайлова?

— А с чего вы взяли, коллега, что я защищал в своих публикациях господина Михайлова? — ответил я на вопрос вопросом. — Я ведь не адвокат, а только репортер. Обвинять или защищать кого-то вовсе не моя функция. Но, являясь репортером, а не исследователем, я предпочитал собственным выводам конкретные материалы дела, которые мог добыть легитимным путем.

— Ну хорошо, оставим этот юридический спор. Господин Якубов, расскажите о вашем знакомстве с Михайловым, о том, сколько лет вы с ним дружите.

— Я не знаком с господином Михайловым вовсе и потому не могу состоять с ним в дружбе.

— Как не знакомы? — невольно вырвалось у телерепортера.

— Не знаком и знаком никогда не был, — подтвердил я. — Хотя, не скрою, очень бы хотел познакомиться, мне он интересен как, без-

условно, сильная личность. Господина Михайлова я, так же как и вы, видел только со спины в зале суда.

Репортер разом потерял ко мне всякий интерес и последние два вопроса задал, скорее, для проформы:

— Но вы знакомы с адвокатом Пограмковым?

— Я знаком с адвокатом Пограмковым и даже брал у него интервью.

— И он дал вам денег?

— Господин Пограмков не давал мне денег. Однажды в кафе он заплатил за бутерброд с красной рыбой, который я съел. Если вы считаете, что это взятка адвоката журналисту, судите нас строго.

Тележурналист воспользовался тем, что перерыв закончился, и быстренько завершил интервью, от которого ожидал, видимо, сенсации, но, не получив ее, попросту скис.

В этот день допрос свидетелей обвинения на этом был завершен. Перед судом прошли несколько десятков человек, и каждый из них прямо или косвенно свидетельствовал о невинности Михайлова. Реплику судьи Антуанетты Сталдер, обращенную к Жану Луи Кроше: «Господин прокурор, кого вы вызвали в суд — свидетелей обвинения или защиты?», многие газеты повторили по нескольку раз. А одно издание на следующий день вышло с броской «шапкой» во всю ширину первой полосы: «Нашему правосудию надо будет найти какое-то конкретное обвинение, чтобы осудить Михайлова». Прокурор проявлял чудеса изворотливости, чтобы вытянуть хоть из какого-то реального свидетеля признание в том, что Михайлов является криминальной личностью. Один из свидетелей после ряда двусмысленных, но достаточно примитивных вопросов прокурора с раздражением воскликнул:

— Послушайте, господин прокурор. Я делал с Михайловым бизнес, честный бизнес. Он ни разу меня ни в чем не подвел и не обманул. И какое мне было дело до того, русский он или не русский, где он родился, когда женился и в какой колледж ходят его дети!

* * *

РАЛЬФ ОСВАЛЬД ИЗЕНЕГГЕР:

В этот день я проснулся в ужасном настроении. Адвокат, выступающий в роли свидетеля обвинения по делу своего же подзащитного, — это юридический нонсенс.

Впрочем, последнее время эти нонсенсы меня преследовали слишком уж часто. Я даже подумал, что установил некий адвокатский рекорд по созданию необычных ситуаций. Ни в университете, когда я изучал право, ни от своих коллег я никогда не слышал, чтобы кто-то из адвокатов ранее был арестован по делу своего клиента. Но со мной произошло именно это.

Когда ко мне домой пришли с обыском, жена страшно перепугалась. Я же, наоборот, был совершенно спокоен. Я знал, что их интересовали письма и записки Сергея, которые он передавал через меня. Честно говоря, я даже не помнил, есть ли у меня дома среди документов какие-то из этих записок. И дело даже не в том, что я уверовал в собственную безопасность. Мое спокойствие объяснялось уверенностью в том, что ни в одной из записок нет ничего криминального, ничего такого, что на самом деле могло бы помешать следствию.

В самом начале, когда Сергей только попросил меня передать письмо на волю, я предупредил его, что эти письма могут и должны носить сугубо личный характер. Сергей дал мне мужское слово, что так оно и будет. Не хочу скрывать, я, очень плохо читая на русском языке, все же нашел возможность получать точный перевод писем. И всякий раз я убеждался, что мой подзащитный умеет держать слово. Порядочность Сергея, его сила воли, мужество, с которым он переносил все несправедливости следствия, тюремного заключения и вообще превратности судьбы, меня просто поражали. Я видел, что мой подзащитный — неординарный человек, и мне хотелось сделать для него как можно больше. Не думаю, что в юридической практике часто бывают случаи, когда адвокат еще во время предварительного следствия претупает профессиональную грань и устанавливает со своим клиентом неформальные, дружеские отношения. Но у меня с Михайловым получилось так. Уже через несколько месяцев следствия я был глубоко убежден — Сергей ни в чем не виновен. Поэтому я помогал ему и как адвокат, и как его новый друг.

Я видел, что эти записки, которые он писал и получал в тюрьме, были для него словно глоток свежего воздуха. Понимал ли я, что нарушаю закон? Нет. Я считал, что с моей стороны есть проступок, но нет преступления. Я знаю, что мои коллеги, когда данные о моем аресте

сте появились в прессе, устроили целую дискуссию по поводу соблюдения или несоблюдения адвокатской этики. И я знаю, что в этих спорах они никакой четкой формулы не вывели. И еще я понял твердо: нельзя пособничать преступнику, помощь же невиновному человеку совсем не нарушение и в конфликт с адвокатской этикой не вступает.

Из тюрьмы меня выпустили довольно быстро, но уголовное дело закрыто не было. Более того, Зекшен и Кроше постарались его форсировать и довести до приговора раньше, чем состоится суд над Михайловым. Им нужен был прецедент, ситуация, в которой они могли бы сделать вывод о сговоре между Михайловым, мной и Кандовым и на основании этого прийти в суд с доказательствами, что Михайлов является лидером преступной группировки. Чего только они для это не совершали! И мне, и, как я узнал впоследствии, Кандову предлагали всякие блага, если только мы дадим показания против Михайлова. Нас вербовали и свои спецслужбы, и приезжавшие специально агенты ФБР. Когда же они поняли, что все бесполезно, дело, по сути, спустили на тормозах. Да и времени возиться с нами уже не оставалось. Обвинительное заключение по делу Михайлова было готово, пора было начинать суд.

Конечно, я знал, что мне придется выступать в качестве свидетеля обвинения. Я бы мог найти тысячу и одну причину, чтобы в суд не явиться. Но по отношению к Сергею это было бы нечестно. Поэтому я пришел. Но, дав показания, в зале не остался. Мне, человеку, почти два года защищавшему Сергея, оставаться в зале среди тех, кто просто пришел из любопытства, было слишком больно. И я ушел. Я не просто ушел, я уехал из страны на те несколько дней, что шел процесс. Уехал, чтобы не поддаться искушению пойти в зал. О том, что Сергея признали невиновным, я узнал из сообщения по радио. И я заплакал.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Хотя субботнее заседание закончилось довольно рано, этот день меня вымотал. Слишком много свидетелей было допрошено. Допросы проводились по методу блица, и это

утомляло еще больше. Я видел, что судья искусственно ускоряет допросы, и это было неплохим предзнаменованием — значит, она не считала нужным тратить слишком много времени на бездоказательные вымыслы тех свидетелей, которых включили в свой список Кроше и Зекшен. И хотя за все прошедшие дни суда против меня не было сказано ничего конкретного, я понимал, что радоваться победе еще рано.

Поначалу меня удивляло, почему это так пассивен прокурор Кроше. Потом, как мне кажется, я нашел ответ на этот вопрос. Скорее всего, такова была его тактика. Свидетели обвинения не могли представить суду никаких документов, и своими вопросами прокурор мог только усугубить впечатление присяжных, что их просто обманывают. Скорее всего, решил я, прокурор как следует возьмется за свидетелей защиты, чтобы поставить под сомнение их показания. Так что главный бой еще впереди.

А был ли япончик?

Женева, 6 декабря 1998 года.

Еще накануне, субботним вечером, адвокаты разъехались, кто куда. Манье улетел к себе в Брюссель, Дрейфус отправился в Цюрих, Реймон, выходя из зала суда, во всеуслышание заявил, что намерен весь воскресный день кататься на лыжах, Маурер пробурчал, что, возможно, к нему присоединится. Не знаю, чем занимались в выходной швейцарские репортеры, а российские журналисты решили не терять воскресный день даром и ринулись в Борекс разыскивать злополучную виллу, в которой некогда проживала семья Михайлова. От нечего делать и я отправился с ними. Борекс оказался не городом, а сущей деревней. При въезде мы увидели огромный загон с пасущимися коровами, и это зрелище подчеркивало деревенский пейзаж. Деревня деревней, а нужную улицу мы не могли разыскать битый час. Потом решили спросить прохожих. Первые двое, к которым мы обратились, попросту не пожелали с нами разговаривать и, не дослушав даже вопроса, отвернулись, храня высокомерное молчание. Куда словоохотливее оказалась дама с собачкой. Она, правда, не знала, где находится нужный нам дом, но зато долго и

подробно рассказывала о том, что слышала о «бедном русском», которого сейчас судят, а однажды, несколько лет назад, даже сама видела его в Борексе. «Вполне приличный месье, истинный джентльмен, во всяком случае, именно таким он мне показался», — заявила дама, добавив, вероятно, на всякий случай, что внешний вид часто бывает обманчив. Наконец нам повезло. Пожилая дама подробно объяснила нам, что дом, где жила русская семья, находится на соседней улице, и действительно, проехав метров пятьсот, мы оказались у дома № 12. Обычное одноэтажное строение, какими в большинстве своем и застроен Борекс. Перед входом стояли пластмассовые ведра с краской, судя по всему, здесь полным ходом шел ремонт. Вышедший на шум подъехавших к дому машин мужчина поинтересовался, что нам нужно. Услышав объяснение, он заявил, что знать не знает ни о каком русском, что дом уже месяц как продан и сейчас новый хозяин делает здесь ремонт. В дом он нас пустить категорически отказался и предупредил, что если мы вздумаем фотографировать, то он немедленно вызовет полицию.

Вернувшись в Женеву, я набрал кучу газет и засел в гостинице. Отчетами о вчерашнем судебном заседании были заполнены практически все издания. Большинство из них особое внимание уделили эпизоду с аудиокассетой, на прослушивании которой настаивал прокурор. История этой кассеты имеет четырехлетнюю давность. Впервые о ней заговорили во время следствия по делу Вячеслава Иванькова — Япончика. Еще тогда спецagent ФБР Левинсон, только что начавший работать в «русском» отделе Бюро, утверждал, что на кассете службой прослушивания записан телефонный разговор Япончика и Михася. Во время следствия над Иваньковым кассета была подвергнута экспертизе, однако эксперты не взяли на себя смелость идентифицировать голоса. Когда было возбуждено уголовное дело против Михайлова в Швейцарии, Левинсон снова извлек на свет ту же кассету и, отряхнув с нее пыль времени, предложил Зекшену. После очередного броска женевского следователя за океан досье Михайлова пополнилось еще десятком страниц текста и кассетой. Эти несколько листов бумаги обошлись швейцарскому налогоплательщику как минимум в несколько тысяч франков. Михайлову кассету во время предварительного следствия, хотя и не сразу, предъявили.

Он отреагировал спокойно, заявив, что голоса не узнает, а с Вячеславом Ивановым знаком не был и никогда никаких разговоров ни лично, ни по телефону не вел. И вот теперь на суде прокурор Жан Луи Кроше решил использовать кассету в качестве козырного туза, тщательно спрятанного до поры до времени в рукаве. И жесты, и модуляции голоса, коими сопровождалась просьба Кроше о приобщении к судебному следствию кассеты, свидетельствовали о том, что прокурор явно рассчитывал на сенсацию, способную изменить мнение президента суда и присяжных о подсудимом и его причастности к криминальному миру. Но сенсации не получилось.

Адвокаты тут же заявили протест против приобщения кассеты, не прошедшей голосовой экспертизы. Кроше тут же «вернул мяч», заявив, что готов отослать запись на экспертизу и что результат будет готов недели через две.

— Вы за два года не удосужились эту экспертизу провести, а теперь хотите остановить процесс, — не скрывая раздражения, упрекнула прокурора председательствующая суда и обратилась с вопросом к Михайлову: — Господин Михайлов, вы признаете, что один из голосов, записанных при телефонном прослушивании на предъявленной нам сейчас кассете, принадлежит вам?

— Я никогда не вел подобного разговора, госпожа президент суда. И на кассете звучит не мой голос, — ответил Сергей.

— Господин прокурор, — снова обратилась Антуанетта Сталдер к Жану Луи Кроше, — я не стану бить господина Михайлова по голове, чтобы он сознался, что это его голос.

В зале раздался смех, и под этот смех госпожа президент суда удалилась. В воскресных комментариях газеты на все лады обсуждали эпизод с кассетой, отдавая в основном должное остроумию судьи, но никак не акцентируя внимания на том, что допрос свидетелей обвинения, собственно, завершён и на следующий день начинаются допросы свидетелей защиты.

Зазвонил телефон.

— Я так и знал, что ты в номере, а куда еще деваться в такую мерзкую слякоть, — загудел в трубке Андрей Хазов. — Пойдем кофейку попьём, заодно познакомлю тебя с супругой, она сегодня ко мне прикатила.

В гостиничном ресторанчике было пусто. Только Хазов занимал столик в углу зала, сидя рядом с молодой особой.

— Знакомься, это моя Ирина. Она немного говорит по-русски, так что сегодня обойдемся без переводчика.

Перед Андреем стояла чашка с кофе, а на тарелке уже была целая груда пустых оберток из-под упаковок сливочного масла. Он продолжал разворачивать брикетки с маслом, густо намазывал им французские булки и заглывал почти целиком с видимым удовольствием.

— Хазов, ты с ума сошел, прекрати лопать масло, — попытался я его урезонить.

— Пыч-му? — промычал он с набитым ртом. — Это же очень вкусно.

— Но не в таком количестве. Занимаешься чистым вредительством по отношению к самому себе.

— А жить, старик, вообще вредно, — философски заметил Андрей и с нескрываемым сожалением отодвинул от себя масло. — Ну, чего слышать в добропорядочной Женеве?

— Это я тебя хотел спросить, чего слышать. Адвокаты-то разъе-хались, но наверняка перед отъездом ты успел с ними пообщаться.

— Не со всеми, конечно, но с Дрейфусом перетолковать успел. По-прежнему вербуешь толстяка Хазова, пытаешься выудить у него, доверчивого, информацию для своих статей? Ну ладно, как говорили в Одессе, смотри здесь и слушай сюда. В принципе, адвокаты, конечно, допросом свидетелей обвинения остались довольны. Конечно, большой драки не было, да она и не понадобилась. Даже Крючок, если ты заметил, в основном помалкивает, но ему и сказать нечего. Во всяком случае, пока. Не исключено, что он какую-то бяку все же приготовил, но никто не знает, какую. Адвокаты молчат, умно улыбаются и делают вид, что им все известно наперед.

— Есть какие-то прогнозы?

— Главный прогноз, что Сергей выйдет из зала суда. За этот вариант почти сто процентов. Не исключаю, что приговора вообще не будет. Но это мое личное мнение, на него прошу не ссылаться. Сергей, конечно, дерется как лев, и это заслуживает всяческого уважения. Он человек сильный и незаурядный, но это его сознание

силы адвокатов как раз и раздражает. Когда он попросил судью его не перебивать, я думал, что наши мэтры сейчас рухнут в обморок или хотя бы спрячутся в свои великолепные мантии. Но госпожа Сталдер оказалась на высоте, она на Сергея либо не обиделась вовсе, либо предпочла сделать вид, что ничего не произошло. Мне, во всяком случае, показалось, что она действительно поняла: человек защищает себя, это его право и не надо ему мешать. Ну ладно, все тайны женевского двора я тебе выдал, пойду поработаю с бумагами, мне еще кое-что для адвокатов перевести надо. Увидимся завтра.

Глава девятая

СУД

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 7 декабря 1998 года. Утро — день.

Казалось бы, в зале суда почти ничего не изменилось — ну разве что телевизионные мониторы убрали, ибо «подпольщиков» больше не предполагалось. Все так же за спиной у Антуанетты Сталдер на специальной подставке громоздились 72 тома материалов уголовного дела, так же восседали слева от нее девять присяжных, а справа, нахохлившись за своей трибуной, — прокурор Кроше. И все же что-то в зале неуловимо изменилось, какая-то внутренняя атмосфера, что ли. В первые дни репортеры пытались проводить своеобразные социологические опросы, пытаясь выяснить, кто приходит на слушание дела Михайлова. Оказалось, что в зале очень много юристов и студентов юридического факультета Женевского университета. Это-то было понятно — такой громкий процесс не мог не вызвать их интерес. Но эта публика заполняла только половину зала. Остальные места были заняты просто горожанами, которые пришли сюда из любопытства, начитавшись всяких страстей про русского «мафиозо». Именно на них, обывателей, и были рассчитаны, как сказал в первый день суда адвокат Паскаль Маурер, спецэффекты — вооруженные до зубов многочисленные охранники, постоянно висящий в небе над Дворцом правосудия полицейский вертолет и прочая мишура. Убедившись, что Михайлов не кидает-

ся на свидетелей с ножом, не грызет прокурора зубами, с десятков ожидавших острых ощущений просто перестали приходить на процесс. Те же, кто остался, превратились, можно сказать, в горячих болельщиков. Они остро реагировали на каждую реплику, и видно было, что все происходящее в зале им далеко не безразлично. Большинство из этих людей, ранее не знакомые, в зале успело пере-знакомиться и теперь по утрам вполне дружелюбно — даже если их взгляды на происходящее были диаметрально противоположными — друг друга приветствовали, а в перерывах отправлялись вместе в ближайшее кафе или прогуливались вокруг Дворца, глаза, как готовится Женева к Рождеству. Так что к тому моменту, когда начались допросы свидетелей защиты в зал 3А приходили только те люди, которые твердо решили дождаться окончательного результата. Последними, когда уже «зрительские» ряды были заполнены, заходили в зал, как правило, адвокаты. И это тоже был своеобразный спектакль: шествие облаченных в черные мантии мэтров должны видеть все. Исключение составлял Паскаль Маурер. Вечно спешащий, но постоянно опаздывающий к началу заседания, он врвался в зал, словно тайфун, волоча за собой необъятный портфель и кучу папок с документами, которые беспрестанно ронял. Маурер на ходу здоровался со знакомыми, приветствовал коллег и уже после этого, как правило, не обращая ни малейшего внимания, что судебное заседание уже идет, вытаскивал из портфеля мантию, напяливал ее на себя, а потом еще несколько минут, ерзая и прокашливаясь, устраивался на своем месте. Непоседливый и бурно эмоциональный, он не раз своими острыми репликами вызывал смех в зале, а после эпизода с несостоявшимся допросом Шранца, когда Маурер полез искать его под столом, пресса единодушно окрестила Паскаля Маурера Рыжим. Впрочем, сами женеvцы, вероятно, хорошо наслышанные о многих громких делах, которые Маурер выиграл, относились к нему с подчеркнутым уважением, российские же журналисты, освещавшие процесс, не скрывали удивления — как этот «клоун» мог попасть на столь серьезный процесс и вообще кто ему доверил возглавлять женеvскую коллегия адвокатов.

Вот и в первый день допроса свидетелей защиты Паскаль Маурер опоздал чуть ли не на пять минут, на пороге споткнулся, наде-

лав изрядного шума, чем вызвал дружный смех. Устроив в проходе между рядами портфель, он без всякого смущения тут же, на глазах у всех, облачился в мантию, долго откашливался и только после этого обратил взор туда, где уже разворачивались весьма интересные события.

Да, перед тем, как суд приступил к допросам свидетелей защиты, в зале «3А» женеvского Дворца правосудия произошел очередной юридический «взрыв». Здесь появился ныне адвокат, а в недалеком прошлом генеральный прокурор США Рэмси Кларк. На посту заместителя, а затем и генерального прокурора Америки Кларк прославился тем, что не давал спуска агентам ФБР за любые нарушения закона. Комментируя однажды свое отношение к проблеме, Кларк сказал: «Эти молодчики из спецслужб полагают, что они стоят выше закона и их цели оправдывают любые средства. Но закон един для всех, ответственность за его нарушения в равной степени должны нести как частные лица, так и работники спецслужб и даже государственные чиновники самого высшего ранга, вплоть до президента. Когда я узнал, что показания против господина Михайлова дает один из офицеров ФБР, я согласился в качестве адвоката заниматься этим эпизодом дела». Кларк-то согласился, а вот Зекшен и Кроше вовсе не рады были заполучить в его лице столь сильного противника. Эти-то двое прекрасно знали, чего стоят в суде бездоказательные свидетельства Левинсона, и понимали, что адвокат Кларк просто, без малейших усилий разотрет эти показания в пыль. Нет-нет, для женеvских обвинителей Михайлова Кларк был слишком опасен, чтобы допускать его к процессу. Мало того, что им приходилось мириться с присутствием этого надменного Ксавье Манье, который только и делает, что страшает Европейским судом по правам личности, так еще и Кларк! Это уж слишком.

Кроше привлек для поддержки своего решения выдающихся правоведов, и они, перевернув горы теоретических материалов, сумели обосновать, что процедура женеvских судов исключает официальное участие в процессе юристов, не владеющих французским языком. Таким образом, к процессу в Женеве были допущены только франкоязычные адвокаты Сергея Михайлова. Рассказывают, что Кларк когда-то чуть ли не ногой открывал двери в кабинет Прези-

дента США, что при его появлении бледнели руководители таких мощных спецслужб, как ЦРУ и ФБР. Но, точно по одесскому анекдоту, это там, у себя в Америке он — Кларк, а здесь, в Женеве... Кларк, хотя и подал соответствующее прошение, к суду как адвокат допущен не был. Именно этим прокурор мотивировал свои возражения против выступления американца в суде. Однако господин Кларк невозмутимо заметил, что прибыл в Женеву не как адвокат и даже не как свидетель, а лишь как эксперт по вопросам американского права. Президент суда сочла этот аргумент вполне резонным, Кларку было предоставлено право высказать свои соображения. И начал он выступление с сенсационного сообщения:

— Я думаю, что свидетель Роберт Левинсон вообще никогда не был в России. Все его рассказы о том, что он был внедрен в среду российской преступности, очень сильно отдают выдумкой. Левинсон не разбирается в российской действительности, не понимает менталитета россиян и потому не может судить о том, что происходит в этой стране в целом и в ее криминальных структурах в частности. Его выводы основаны на показаниях платных агентов и на тех сведениях, которые он почерпнул из материалов, публикующихся в прессе. Показания такого свидетеля никогда бы не были приняты в американском суде.

В свое время швейцарский следователь Жорж Зекшен дважды побывал в Майами, где допросил Роберта Левинсона. Но это был допрос с участием двух юридических лиц, которые придерживались только обвинительного направления по отношению к Сергею Михайлову. Закон требует, чтобы такие допросы проводились непременно с участием третьей стороны, то есть на допросе непременно должен был присутствовать кто-либо из адвокатов Михайлова. Ну а раз это требование закона не выполнено, то и результаты подобного допроса судом рассматриваться не могут. Приехав в Женеву несколько месяцев назад, я попросил следователя предоставить мне возможность встретиться с Михайловым, однако мне было отказано.

— А для чего вам нужна была такая встреча? — перебил господин Кларка вопросом прокурор.

— Господин прокурор, за свою многолетнюю деятельность я ни разу не позволил себе обвинить или защищать человека, не пого-

ворив с ним лично. Мне необходимо видеть человека, посмотреть ему в глаза, самому услышать его аргументы. Это естественно и это справедливо. Но, как я уже сказал, мне отказали в этом естественном праве. Однако, господин прокурор, вы меня перебили, а я бы хотел вернуться к показаниям бывшего агента ФБР Роберта Левинсона. Отказываясь назвать тех людей, которые снабжали его информацией, он ссылается на соображения секретности. Да, работа спецслужб невозможна без соблюдения секретности. Но не в том случае, когда какие-либо данные рассматриваются судом как свидетельские показания. Люди, снабжающие Левинсона информацией, обязаны были прибыть в суд. Они могли давать показания анонимно для подсудимого, для защиты и обвинения, но не скрываться от членов суда. Президенту суда должна была быть предоставлена возможность убедиться, что перед ней те самые юридические лица, которые имеют право давать показания. А раз этого не произошло, то и показания Левинсона, ни на чем конкретном не основанные, судом в качестве доказательств приняты быть не могут. И еще один немаловажный аспект. Изучением криминальной жизни России Левинсон занимался не как частное лицо, а как спецагент ФБР. Вот уже несколько месяцев, как этой проблемой занимается другой офицер ФБР, Левинсон же является частным лицом и как частное лицо приехал в Женеву. Какое же он имеет право давать официальные свидетельские показания, ссылаясь на сведения, якобы полученные спецслужбой? Это грубейшее нарушение закона. Я не могу представить себе ситуацию, что такой человек, как Роберт Левинсон, предстал бы перед американским судом.

Вряд ли постоянные упоминания об американских законах пришлись по душе присяжным швейцарского суда. Но ни один здравомыслящий человек не может не признать силы аргументов Рэмси Кларка: свидетельские показания, основанные исключительно на словах и ничем не подтвержденные, не только не имеют силу доказательств, но и вообще судом рассматриваться не могут.

Ни у членов суда, ни у обвинителя и защиты вопросов к американскому эксперту не было. Единственный вопрос задал ему Михайлов:

— Скажите, пожалуйста, господин Кларк, могло ли быть возможным, чтобы офицер российской спецслужбы создал в США свою агентурную сеть, собирал негативные сведения о гражданах США, а потом с этими сведениями выступал в суде в качестве официального свидетеля обвинения?

В зале кто-то из присутствующих, не выдержав, зааплодировал, услышав вопрос Михайлова. Кларк, стоявший вполоборота, улыбнулся на эти аплодисменты и ответил, снова обращаясь к суду:

— Такая деятельность работника спецслужбы другого государства рассматривалась бы в США только как шпионская, и в суде он мог быть исключительно обвиняемым, но никак не свидетелем.

— Благодарю вас, господин Кларк.

Высокого роста, сухощавый, несмотря на преклонный возраст, очень элегантный, Кларк покинул зал заседания, как только закончил свою речь. Он уходил с удовлетворенным видом человека, полностью выполнившего свою миссию.

В перерыве, объявленном после выступления Кларка, журналистам было что обсуждать. Большинство сходились во мнении, что не следовало Кларку лезть в швейцарский монастырь со своим американским уставом и что своими бесконечными напоминаниями об американском законе он в итоге только разозлил суд, а следовательно, нанес вред Михайлову.

А после перерыва перед судом предстал свидетель защиты москвич Леонид Орлов. Тот самый Леонид Орлов, о котором свидетель обвинения Роберт Левинсон на следствии показал: у Орлова-де с Михайловым произошел конфликт и Михайлов дал распоряжение Орлова убить. Потом, однако, сменил гнев на «милость», и Орлова просто наказали: ему выкололи глаз, жестоко избили, покалечив руги-ноги, отняли у него автомобиль «вольво» и заставили переписать квартиру на имя Михайлова. Каждый нормальный человек должен был содрогнуться, услышав такие свидетельские показания. Но вот в зал вошел высокий молодой человек без всяких видимых следов физических увечий. Показания Орлова сопровождались громким смехом, причем от души смеялись и те, кто сидел в зале, и президент суда, и присяжные, которые не сумели сдержать свои

эмоции. Показания эти заслуживают того, чтобы передать их лишь с некоторыми сокращениями в виде стенограммы.

Адвокат Паскаль Маурер:

— Господин Орлов, нам рассказали, что у вас была ссора с Михайловым из-за денег.

Леонид Орлов:

— С господином Михайловым у меня никогда никаких конфликтов не было.

П.М.:

— Какими были ваши отношения с Михайловым?

Л.О.:

— Дружеские и деловые. Он был президентом фирмы, я — исполнительным директором.

П.М.:

— Нам рассказали, что Михайлов заказал ваше убийство.

Л.О.:

— Я узнал об этом из московской газеты «Коммерсант-дейли». На всякий случай газету захватил с собой. (*Показывает газету членам суда.*)

П.М.:

— Нам еще сказали, что вы были объектом наказания, а также у вас отняли «вольво» и заставили переписать собственную квартиру на имя Михайлова.

Л.О.:

— Я не подвергался никаким наказаниям. Моя машина всегда принадлежала мне, принадлежит и по сей день. У меня собственная квартира, и она также всегда принадлежала только мне, ни на чье имя я ее не переписывал.

П.М.:

— Нам сказали также, что вы потеряли глаз.

Л.О.:

— Какой глаз?

П.М.:

— Что значит «какой глаз»? Вы не понимаете, что такое «глаз»?

— Конечно, я понимаю, что такое «глаз». Но я спросил, какой глаз я потерял, потому что я хочу уточнить — левый я потерял глаз или правый? (*Громкий смех в зале.*)

Судья Антуанетта Сталдер:

— У вас настоящие глаза? (*Громкий смех в зале.*)

Л.О.:

— У меня настоящие глаза.

Президент суда показывает свидетелю три пальца и спрашивает, видит ли Орлов, сколько ему показывают пальцев.

Л.О.:

— Каким глазом я должен посмотреть?

Не скрывая смеха, госпожа Сталдер отвечает:

— Ну давайте поочередно, сначала левым, потом правым.

Леонид Орлов закрывает сначала один глаз, потом другой, отвечает, сколько пальцев показывает ему госпожа президент суда.

П.М.:

— Как вы себя чувствуете сейчас, в зале суда?

Л.О.:

— Нормально себя чувствую.

П.М.:

— Вас заставляли сюда приехать?

Л.О.:

— Я приехал сам, меня никто не заставлял.

П.М.:

— Ваша семья осталась в России, волнуетесь ли вы за нее?

Л.О.:

— Моя семья в Москве, я оставил ее с легким сердцем — моей семье ничто и никто не угрожает.

П.М.:

— Вы дали присягу, поклялись говорить только правду. Вы говорите правду?

Л.О.:

— Я говорю только правду.

П.М.:

— Некоторое время назад вы были в Обвинительной палате Женевы, как вы туда попали?

Л.О.:

— Это было год назад, я приехал в Женеву по делам своего бизнеса и, зная, что здесь будет проходить заседание Обвинительной палаты, явился туда.

П.М.:

— Вы просили вас выслушать?

Л.О.:

— Да, я просил меня выслушать, но мне отказали, сказав, что в моих показаниях не нуждаются.

На последний вопрос Леонид Орлов ответил правду по сути, но был не совсем точен по форме, вероятно, запямятовав, как именно ему отказали. Прочитав в газете, что его лишили глаза, покалечили руки и ноги, отняли машину и квартиру, Орлов обратился письменно к следователю Зекшену, который действительно не пожелал выслушать такого свидетеля. Когда же Орлов год назад оказался на одном из заседаний Обвинительной палаты, его увидел Сергей Михайлов и попросил встать.

— Это Леонид Орлов, — сказал Михайлов. — Вы же видите, что перед вами совершенно здоровый человек. Выслушайте его.

— Нам это неинтересно! — нервозно воскликнул тогда председательствующий в палате господин Мишель Крибле.

Несколько раз Обвинительная палата продлевала содержание Михайлова под стражей, аргументируя свое решение лишь тем, что Михайлов на свободе может оказаться чрезвычайно опасным для общества, и подкрепляя этот вывод эпизодом с якобы искалеченным Орловым. Когда же Орлов предстал перед членами Обвинительной палаты, он оказался им неинтересен. Как тогда, так и сейчас обвинению неинтересны были свидетельские показания в защиту Михайлова. И фраза о том, что следствие стремилось доказать конкретное преступление, столь же кощунственна, сколь и феноменальна по своей сути. В любой стране, во все времена преступника начинали разыскивать только после того, как было совершено конкретное преступление. Здесь же все произошло наоборот. Сначала арестовали человека, а потом начали искать конкретное преступление. Но и не найдя никакого преступления, обвинение продолжает упорствовать: если Михайлов ничего конкретного и не совершил, то по крайней мере имел «неблаговидные намерения».

Леонид Орлов уже покидал зал, а в зале все еще звучал смех, вызванный очевидной парадоксальностью ситуации с «выколотым»

глазом, который совсем не вдруг оказался на месте. Лишь двоим в этом зале было не до смеха. Угрюмо перебирал какие-то бумаги прокурор Кроше. Непонятно, на что он надеялся. Быть может, на то, что на ступенях Дворца правосудия Орлов споткнется и действительно переломает себе руки-ноги и потеряет глаз? Ведь господин прокурор сам видел Леонида Орлова в зале Обвинительной палаты, и уж ему доподлинно было известно, что глаза у московского свидетеля на месте.

Не смеялся и Сергей Михайлов. Да и какой мог быть смех у человека, которого нагромождение тех фантастически нереальных ситуаций, которые пытались выдать за сущую правду потерявшие всякую человеческую совесть свидетели, а вернее, лжесвидетели обвинения, уже привели к тому, что он два года провел в одиночной камере швейцарской тюрьмы Шан-Долон.

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 7 декабря 1998 года. День — вечер.

Наконец-то речь зашла о злополучном доме в поселке Борекс кантона Во. Два года назад, когда Михайлов только был арестован в Женеве, одним из основных пунктов обвинения был незаконно приобретенный дом в Швейцарии. Потом формулировку несколько изменили, вменив в вину попытку незаконного приобретения недвижимости. После чего про дом напрочь забыли, будто его и не было. И вот теперь в суде выступили партнеры по швейцарской фирме Сергея Михайлова — Оливье Деморе и Андрей Милованов. Оба рассказали, по сути, одно и то же. Михайлов обратился с прошением о предоставлении ему вида на жительство к властям Швейцарии. Подготовленные русским бизнесменом и его адвокатом документы давали все основания полагать, что ответ на прошение будет положительным. Именно тогда и решил Михайлов обзавестись в Швейцарии собственным домом. Вилла, которую он арендовал, была в тихом, спокойном месте, вокруг леса, свежий воздух, да и хозяин дома продать его был не прочь. Деморе и Милованов подтвердили, что Михайлов обратился к адвокату, чтобы поверенный подготовил

загодя все надлежащие для купли-продажи документы. Сергей исходил из простой человеческой логики — если швейцарские власти дадут ему разрешение и предоставят вид на жительство, то процесс покупки собственного жилья будет значительно ускорен. Если же откажут — ну что ж, документы останутся лежать до лучших времен. Ситуация виделась настолько же простой, насколько и безобидной. Полицейским же и Зекшену она, видимо, понадобилась не более чем формальный повод.

Вечером, когда закончилось заседание, мы вместе с Хазовым отправились пешком в гостиницу.

— Андрей, как тебе показалась сегодняшняя ситуация с Кларком, что говорят по этому поводу адвокаты? Журналисты сегодня по этому поводу заспорили, многие считают...

— Да слышал я, что они считают, — перебил меня Андрей. — Мы же с адвокатами как раз обедали в этом же кафе. А вы так орали, что и на улице было слышно ваше «просвещенное» мнение. Вот так, наверное, и статьи пишете, ориентируясь на собственные ощущения.

— Ну будет тебе, чего ты взъелся? Ответить по-человечески можешь?

— Ну если по-человечески, то Кларк сегодня наделал большого переполоху. Он, конечно, сноб, но, как говорится, может себе позволить. Мадам Сталдер слушала его чуть не с открытым ртом, да и присяжные, я обратил внимание, только поначалу морщились от менторского тона старика, а потом тоже эмоции свои поумерили. Вообще-то и так было ясно, что Левинсон, скажем мягко, свои показания доказать ничем не может. А Кларк, по сути дела, его попросту изничтожил. Несколькими фразами он четко объяснил, что Левинсон либо лжец, либо шпион. И в том и в ином случае его показаниям — грош цена. Старик, ко всему прочему, еще и блестящий тактик. Его выступление планировалось среди свидетелей защиты. Но он сам настоял на том, чтобы не выступать вместе ни со свидетелями обвинения, ни со свидетелями защиты. Выступил после свидетелей обвинения, но перед тем, как начали слушать свидетелей защиты. Это юрист, законник до мозга костей. Приехал в Женеву, никому не объявившись. Никто его не встречал, сам взял такси,

сам добрался до отеля. Выступил в суде, подхватил оставленный в службе безопасности Дворца чемоданчик и убыл в аэропорт. Сделал свое дело и растворился в туманной дымке. Наши адвокаты хотели его на ужин хотя бы пригласить, поговорить о том о сем, но он исчез. Ну что ж, у кого есть глаза, те сегодня все увидели, у кого есть уши, те сегодня все услышали. Как вы пишете в своих газетах: комментарии излишни? Сегодня как раз такой день — комментарии излишни.

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 8 декабря 1998 года. Утро — день — вечер.

И снова зал «ЗА» не мог вместить всех желающих. Накануне судья Антуанетта Сталдер объявила, что на 8 декабря назначен допрос господина Сергея Михайлова.

Но с утра был вызван на допрос и приведен, правда, не без трений, к присяге израильский адвокат Авраам Ландштейн. Против его приведения к присяге возражал прокурор Кроше. Когда в качестве свидетелей обвинения в зале суда выступали совладельцы адвокатского бюро Шмидта, где работал Ральф Изенеггер, господин прокурор не имел ничего против того, чтобы они были приведены к присяге. Но как только адвокат появился в суде как свидетель защиты, у господина Кроше тут же нашлись возражения. Впрочем, судья сочла его аргументы необоснованными, и господин Ландштейн, совершив все необходимые формальности, получил возможность высказаться.

Он заявил, что никто не имеет права утверждать, будто Сергей Михайлов лишен израильского гражданства, так как решения Высшего суда справедливости Израиля по этому поводу принято не было.

— Я также сделал официальный запрос в компьютерный центр полиции Израиля и получил документ, подтверждающий, что господин Михайлов не совершил на территории Израиля никакого правонарушения и против него в этом государстве не возбуждалось никаких уголовных дел, — сообщил израильский адвокат.

— А что, в Израиле любой человек имеет доступ к полицейской компьютерной базе? — не скрывая сарказма, поинтересовался прокурор.

— Имеет доступ тот, у кого есть на это соответствующий допуск, — пояснил Авраам Ландштейн. — У меня такой допуск есть.

— Но мы располагаем документом, который подписан консулом Израиля в Швейцарии, и в этом документе сказано, что господин Михайлов израильского гражданства лишен, — заметил прокурор.

— Прошу уточнить, кем подписан документ, — попросил Сергей Михайлов.

— Я же сказал, что документ подписан консулом, — ответил прокурор.

— Но консул не является сотрудником МВД Израиля, а от МВД этой страны все бумаги готовил сотрудник министерства Йосеф Тов. Этот господин уличен в том, что он совершал бесчестные поступки, и ему по решению суда запрещено впредь работать в Министерстве внутренних дел, — пояснил свидетель Ландштейн. — В Израиле существует процедура, когда решение о лишении гражданства может считаться вступившим в силу только после постановления Высшего суда справедливости. Такого постановления нет.

После короткого перерыва начался допрос Сергея Михайлова. Большинство наиболее важных допросов настолько исчерпывающи, что нет никакой необходимости их комментировать. Вот почему рассуждениям и собственным выводам по поводу виновности или невиновности Сергея Михайлова я предпочитаю стенограммы таких допросов.

— В чем заключалась ваша коммерческая деятельность? — задала первый вопрос подсудимому президент суда *Антуанетта Сталдер*.

Сергей Михайлов:

— Я начинал свою коммерческую деятельность как торговый агент, затем был посредником при проведении торговых сделок, в основном, это касалось поставок продуктов питания в Россию.

А.С.:

— Вы тогда жили в Москве?

С.М.:

— Да.

А.С.:

— Когда вы приняли решение уехать из России?

С.М.:

— Я стал задумываться об отъезде в 1992 году и принял окончательное решение в 1993 году.

А.С.:

— Каковы были причины отъезда?

С.М.:

— Моя коммерческая деятельность развивалась очень успешно, и у меня появились конкуренты. Но они предпочитали не конкурировать со мной в сфере бизнеса, а занялись моим очернительством, причем делали это самым грязным образом. Сначала в мой адрес стали поступать анонимные угрозы, потом появились компрометирующие меня статьи в прессе.

А.С.:

— Этих публикаций было много?

С.М.:

— Да, их было очень много. В России вообще очернительство через прессу приняло распространенную форму. Сначала этим занимались только политики, но потом система очернительства перешла и в коммерцию.

А.С.:

— Уехав из России, вы обосновались в Австрии?

С.М.:

— Да, на первое время.

А.С.:

— Вы продолжали заниматься коммерцией?

С.М.:

— Я продолжал заниматься коммерцией, много ездил. Работа была крайне напряженной, я, по существу, жил в бешеном темпе, разъезжая по разным странам, но именно поэтому бизнес шел успешно.

А.С.:

— Как вы попали в Швейцарию?

С.М.:

— В основном, из-за детей. Мне не нравились ни система обучения в Австрии, ни та школа, где учились мои дочери. И я решил найти какую-нибудь престижную частную школу, где высокий уровень преподавания. В декабре 1993 года я побывал по делам бизнеса в Швейцарии и заодно посетил несколько частных школ. На одной из них и остановил свой выбор.

А.С.:

— Суд располагает документами о том, что вам был запрещен въезд в Чехию и во Францию. Расскажите подробно, что произошло.

С.М.:

— Мой друг Виктор Аверин отмечал свой день рождения в Праге. В самый разгар вечера в ресторане появились чешские полицейские и задержали всех гостей. Я, естественно, спрашивал в полиции, в связи с чем задержан. Мне объяснили, что есть информация спецслужб, что в этом ресторане собрались наркодельцы. После обыска и проверки документов всех задержанных, и меня в том числе, отпустили. Через адвокатов я обратился с жалобой на действия чешской полиции, насколько я знаю, несколько полицейских были даже уволены, но мне закрыли въезд в Чехию. Вскоре я прилетел во Францию и был задержан в аэропорту, откуда меня доставили в полицейский участок. Меня предупредили, что не следует беспокоить адвоката, так как ситуация простая. Мне сообщили, что во Франции активизировались террористы-арабы, и сказали, что по этой причине я не могу находиться в Париже, так как есть информация о готовящемся против меня террористическом акте. Я спросил, могу ли приехать сюда через неделю или две, и мне ответили, что могу приехать без всяких проблем. Я счел эти действия неправомочными и обжаловал их в официальном порядке. Но к тому времени против меня уже была развернута настоящая травля в прессе, Интерпол разослал ориентировки, и в итоге Чехия и Франция лишили меня въезда на несколько лет.

А.С.:

— Чем вы занимались в Швейцарии?

С.М.:

— Как и везде, бизнесом. У меня появились деловые партнеры, вместе с ними был разработан очень интересный и объемный проект на основе применения швейцарских технологий в области городских коммуникаций. Когда я подал прошение о предоставлении мне вида на жительство, мне объяснили, что во многом это решение зависит от того, будет ли у меня в Швейцарии реально действующая фирма, которая станет платить налоги и способствовать созданию новых рабочих мест. Я открыл такую фирму, тем более что, как я уже сказал, мы были близки к осуществлению огромного проекта.

А.С.:

— Ваши швейцарские компаньоны поехали в Москву и были там приняты с особой помпезностью. В аэропорту их встречали на лимузинах, их поселили в лучшем отеле города. Почему? Ведь к тому времени вы уже давно не жили в России.

С.М.:

— Я не жил в России, но не порвал с ней связей, не прекратил отношений с деловыми партнерами и друзьями. Мои швейцарские компаньоны приехали с предложениями, которые сулили миллионные прибыли. Естественно, что их встретили так, чтобы произвести на них самое лучшее впечатление.

А.С.:

— Я не понимаю.

С.М.:

— Я понимаю, что вы не понимаете, и действительно, многое из российской действительности понять трудно. В одной только Москве проживают более 12 миллионов человек, а во всей Швейцарии всего 6 миллионов. Задайте, пожалуйста, мне более конкретный вопрос, и я отвечу.

А.С.:

— У меня нет больше вопросов.

И вот настал наконец звездный час прокурора Кроше. Он не мог не понимать, что свидетели защиты, на допросе которых два года настаивали и сам Михайлов, и его адвокаты, прольют воду лишь

на мельницу подсудимого. Кроше и не собирался опровергать показания свидетелей защиты, поскольку не собирался изобличать Михайлова в совершении тех преступлений, которые, несмотря на все рвение, так и не сумело обнаружить следствие. О нет, Кроше свою тактику построил совсем на ином. Он собирался нарисовать перед присяжными портрет злодея, а в этом «творчестве» он не искал себе помощника среди свидетелей обвинения, как не боялся, что ему могут помешать свидетели защиты. Кроше нужна была трибуна для сольного выступления, и вот его первый «концерт» начался.

Жан Луи Кроше — Михайлову:

— Господин Михайлов, хотя вы меня и не любите, я прошу вас ответить на несколько вопросов. Кто конкретно угрожал вам в России и кто были те конкуренты, которые занимались вашим очернительством?

С.М., копируя елейные интонации прокурора настолько удачно, что в зале вновь раздается смех:

— Господин прокурор, ну с чего вы взяли, что я вас не люблю? Я отношусь к вам с полным уважением и пониманием того, какую важную работу вы выполняете. Что же касается моих конкурентов, то я не могу назвать конкретные имена, это слишком большая ответственность. Нужно обладать неопровержимыми фактами, а не пользоваться догадками, если же у меня будут такие факты, я немедленно обращусь в прокуратуру. Приведу только один пример. В 1989 году журналист Лариса Кислинская написала статью о деле кооператива «Фонд». Факты в статье были искажены. С ней встретился Виктор Аверин, пытался ей рассказать, как было все на самом деле. Снова появилась статья — и снова с искаженными фактами. А обыватель верил всему, и так формировалось общественное мнение. Когда Кислинская обвинила меня в убийстве корреспондентов, люди поверили, что я монстр. Каждый негативный факт использовался против меня, увязывая мое имя с преступной группировкой. Уволили министра юстиции, которого записали на пленку в бане, где он развлекался с девицами, — тут же написали, что баня принадлежит «солнцевским». Расчет-то простой. Ну кто пойдет проверять, был ли вообще когда-нибудь министр в бане Солнцевского

района, а если даже был, то почему эта баня непременно должна принадлежать какой-то группировке. И ведь подобная информация не оседала в России, она распространялась по всему миру, анализировалась спецслужбами и в итоге превращалась в спецдонесения. Это как снегопад в горах — обрушивается сверху и становится все больше и опаснее.

Ж.Л.К.:

— А почему вы не возбудили уголовного дела по факту клеветы в печати?

С.М.:

— Сначала не было законов, вернее, были настолько незрелые, что возбуждение уголовного дела ни к чему бы не привело. Потом, когда я решил все же подать в суд против клеветы в газетах, вы, господин прокурор, лично не разрешили мне передать письменное заявление, заверенное нотариусом.

А клевета на меня продолжает литься со страниц газет. Самое страшное, что, учитывая низкий процент раскрываемости преступлений в России, там постоянно ощущается необходимость на кого-то свалить все беды. И вот уже этот «кто-то» найден, и все вокруг кричат: «Да вот же он, источник наших бед. Давайте мы его посадим, и все преступления прекратятся мигом, и мы будем спокойно гулять по улицам». Вот ведь как рассуждает обыватель, которому эту мысль внушают постоянно газеты.

Я приведу вам, господин прокурор, пример из жизни. Вы нервничаете, и вам хочется разрядиться. В поисках такой разрядки вы бьете по ни в чем не повинной перед вами ветке. Вот такой веткой стал я, хотя меня уже почти пять лет нет в России. Здесь, в этом зале сидит журналист Седых, написавший про меня не одну статью. И передо мной сейчас лежит газета с очередной статьей этого журналиста. Вы посмотрите на фотографию, которая напечатана вместе со статьей (*показывает газету суду и сидящим в ложе прессы журналистам*). Ну где, господин Седых, вы умудрились меня в таком виде сфотографировать? Ведь этим изображением детей можно пугать. Скажи кто-нибудь, что я каннибализмом занимаюсь, и любой, увидевший эту фотографию, поверит. Я не хочу сказать, что господин Седых — плохой человек и профессионал.

Я ему даже сочувствую — он ведь пишет только то, чего хочет от него Москва.

Прокурор свои вопросы исчерпал. Время подходило к двенадцати ночи, судья закрыла заседание.

Глава десятая

СВИДЕТЕЛИ

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 9 декабря 1998 года. Утро — день — вечер.

Московский бизнесмен Виталий Кузнецов, тот самый, с которым работал некогда бежавший в Америку Александр Абрамович, предстал перед судом утром. И показания Абрамовича опроверг полностью, причем документально подтверждая свои слова.

Кузнецов рассказал, что последние восемь лет возглавляет небольшую, каких в Москве, наверное, сотни, фирму, товарооборот которой не превышает 120 тысяч долларов в год. Именно в этой фирме Абрамович похитил почти на 47 тысяч долларов ювелирных изделий, именно под эту фирму он оформил банковский кредит на 200 тысяч долларов, а получив деньги, скрылся с ними в Америке.

— Абрамович долго убеждал меня, что ему необходимо поехать в США для подписания очень выгодного контракта, и в итоге я дал согласие на эту поездку. Но из США он не вернулся, и я понял, что не вернется, когда узнал, что он успел получить в банке те 200 тысяч, которые оформил в качестве кредита, — рассказал Кузнецов. — Я обратился с запросом в одну адвокатскую контору в США, но оттуда мне ответили, что не могут разыскать Абрамовича. Тогда я побывал в американском консульстве в Москве и рассказал о махинациях своего бывшего компаньона. Но и там я не добился никакого результата.

— Возможно ли, чтобы налоговые органы России не обратили внимания на крупные денежные переводы со счетов фирмы? — спросил свидетеля адвокат Маурер.

— Исключено, — последовал ответ.

— Вы платили деньги рэкетирам в объеме 50 процентов от вашего оборота?

— Никогда.

— У меня нет больше вопросов, — заявил Маурер.

— Я бы задал те же самые вопросы, что и адвокат, но поскольку они уже заданы и на них получены ответы, то и у меня вопросов нет, — бросил реплику прокурор.

— У меня есть вопросы к господину Кузнецову, — поднялся Сергей Михайлов. — Вы можете уточнить, какую сумму составила чистая прибыль вашей фирмы за период с 1991-го по 1995 год?

После подсчетов Кузнецов уточнил, что прибыль составила примерно 30 тысяч долларов. На вопрос Михайлова о размерах товарооборота за этот же период Виталий Кузнецов называет сумму в полмиллиона долларов.

— Подтверждено ли это документами? — уточнил Михайлов. И получил ответ:

— Безусловно.

Вопрос от присяжных заседателей:

— Возможна ли в России двойная бухгалтерия?

— В России все возможно, но мне пятьдесят лет, я никогда ранее не занимался махинациями, а сейчас уже поздно, — ответил Виталий Кузнецов.

Свидетель защиты москвич Василий Зимин привлек внимание прокурора своей внешностью. Отставной майор милиции, ныне пенсионер Зимин вот уже несколько лет работает президентом благотворительного фонда «Участие», созданного, как рассказал Зимин суду, для помощи малоимущим, больным и страждущим, а также для участия в возрождении церковных храмов.

— Откуда фонд получал деньги? — поинтересовалась судья.

— Это добровольные взносы частных лиц и организаций. За период существования фонд провел 92 благотворительные акции не только в Солнцевском районе, но и по всей Москве. Все наши деньги строго учитываются, и мы ни разу не вызвали никаких нареканий проверяющих финансовых организаций.

Вот тут-то и выступил со своей репликой прокурор.

— Да вы на него посмотрите! — воскликнул господин Кроше. — Это же настоящий бандит.

И снова в зале раздался смех всех присутствующих. Высоченного роста, широкоплечий, седовласый, с яркими голубыми глазами, добрейший по характеру человек, Зимин скорее напоминает русского былинного богатыря, но уж никак не бандита. Насмеявшись вместе со всеми, судья Сталдер прекратила допрос этого свидетеля.

Не более двух минут длился допрос свидетеля Леонида Рабиновича. Он предъявил суду контракт, который свидетельствовал, что после его осуществления фирма Рабиновича перевела Михайлову 99 тысяч долларов — строго в соответствии с условиями договора. Подлинность контракта ни у кого не вызвала ни малейших сомнений.

А вот на адвоката Владимира Кизяковского, приехавшего в Женеву из российской столицы в качестве свидетеля, вопросы сыпались градом.

— Были ли вы адвокатом Михайлова? — последовал первый вопрос судьи.

— Я обеспечивал юридическое обслуживание нескольких фирм Михайлова и участвовал в подготовке некоторых контрактов, — ответил Кизяковский. — В частности, в 1995 году мне позвонил Сергей Анатольевич и сказал, что совместно с американцами хочет открыть фирмы по поставке в Россию автомобильных запчастей и автомашин. Михайлов попросил меня, чтобы я занялся подготовкой необходимых документов. Когда документы были готовы, я зарегистрировал фирму в России. Но развить свою деятельность эта фирма так и не успела — начались проволочки с американской стороны.

Прокурор Кроше:

— Поясните, что вы знаете о гостинице ЦДТ в Москве?

— ЦДТ, Центральный дом туриста — это закрытое акционерное общество, акционерами которого являются 800 человек, в том числе и Сергей Михайлов.

— Эта гостиница принадлежит солнцевским, и она нужна вам, чтобы отмывать деньги, — выпалил прокурор.

— Гостиница принадлежит акционерам, — спокойно возразил Кизяковский.

— Против акционерного общества ЦДТ было возбуждено уголовное дело? — продолжал господин Кроше.

— Были сотни локальных проверок, которым подвергается любая организация, но не было никогда возбуждено никакого уголовного дела. Меня лично вызывали в РУОП, но не по поводу уголовного дела против ЦДТ, а с целью вербовки. В милиции хотели, чтобы я дал им компрометирующие Михайлова материалы. Это была грубая работа. Я отказался и написал жалобу на имя генерального прокурора и министра внутренних дел России. Через какое-то время я получил ответ, что моя жалоба рассмотрена, подтвержден факт неэтичного поведения начальника 5-го отдела РУОПа Морозова и ему указано на недопустимость подобных действий.

Прокурор:

— У нас в деле есть рапорт о том, что некий Володя Кизяков является юристом организованной преступной группы.

— Жаль, что этого рапорта не видел я. Непременно бы подал в суд на его автора. Я всегда был и остаюсь юристом, работающим с коммерческими фирмами.

Само по себе обвинение Михайлова в незаконной коммерческой деятельности оказалось точно таким же не состоятельным, как и все прочие. И все же прокурор цеплялся за последние соломинки. Такими «соломинками» оказались для него секретарь московской фирмы Михайлова Наталья Саранкина и его партнер по бизнесу Александр Александров. Отправляя по требованию адвоката копию одного из контрактов, Саранкина поставила оригинальную печать и расписалась вместо шефа, не видя в том ничего предосудительного — контракт был многолетней давности, уже осуществленный. Именно этот контракт обуславливал совместную деятельность Сергея Михайлова и фирмы «Аригон-компани», которую возглавлял Александров. Допрашивала его судья, причем с явным пристрастием:

— Вы знакомы с Сергеем Михайловым?

— Знаком, это мой бывший компаньон, мы осуществили несколько очень крупных проектов. Мы продавали продукты питания, лес, промышленные товары. Михайлов работал очень успешно и принес компании существенную прибыль.

— В чем конкретно заключалась его деятельность?

— Я приведу один пример. Нам удалось по довольно низкой цене купить очень большую партию обуви. Розничная реализация не могла бы принести существенной прибыли и затянулась бы надолго. Именно Михайлов нашел оптового покупателя, который купил всю партию по вполне приемлемой для нас цене.

— Какую сумму составили комиссионные Михайлова?

— По условиям нашего совместного контракта он получил 10 процентов от прибыли и его комиссионные составили два миллиона долларов.

— В ходе следствия вас просили предоставить этот контракт?

— Просили. Я его проверил, там все было в порядке. Я подготовил копию и отправил контракт адвокатам.

Судья достает из одного тома дела контракт и показывает его Александрову.

— Это тот самый контракт?

— Безусловно, тот самый. Здесь и подпись моя, и печать фирмы. Тот самый контракт.

— Вы знаете Саранкину?

— Нет.

— Есть данные, что Саранкина подделала подпись Михайлова.

— У меня нет комментариев по этому поводу. К тому же как она могла подделать подпись, если это не оригинал. Это для меня совершенно очевидно. Есть множество ситуаций, когда в разные инстанции нужно представлять копии контрактов. Специально для этого контракт был набран двумя разными шрифтами — один для оригинала, другой для копии — и хранился в компьютере. Если мне нужна была копия, я распечатывал второй вариант и заверял его оригинальной печатью.

— Но нам никак не удастся разыскать оригинал! — воскликнул прокурор.

— А где вы его, собственно, можете разыскать, — искренне изумился Александров, — если он хранится только у меня? И вообще все эти вопросы по поводу копий и оригинала мне непонятны. Контракт-то давно осуществлен, его законность множество раз проверена, ни у одной из сторон нет никаких претензий по выплатам, так что я не понимаю сути вопросов.

Последняя надежда Кроше рухнула. Он отказался от дальнейшего допроса свидетеля. Но Сергей Михайлов все же решил поставить логическую точку.

— Господин Александров, были ли с моей стороны нарушения условий контракта?

— Нет.

— Можете ли вы подтвердить, что в 1995 году в компании «Аригон» была проведена масштабная аудиторская проверка и никаких нарушений выявлено не было?

— Подтверждаю.

— Спасибо, господин Александров, у меня больше нет вопросов.

— Вернемся к допросу господина Михайлова, который, я считаю, мы не закончили в прошлый раз, — объявила госпожа президент суда. — Господин Михайлов, я считаю, что вы нарушили правила приобретения недвижимости иностранцами в Швейцарии. Что вы можете сказать по этому поводу?

— У меня и в мыслях не было нарушать закон. Тем более что я не был детально знаком с законодательством Швейцарии по поводу приобретения недвижимости иностранцами. Именно поэтому я сам и не занимался подготовкой документов, а пригласил для этого адвоката. Хочу напомнить, что я уже получил к тому времени кантональное и коммунальное разрешение на жительство и ожидал ответа от федеральных властей. Это решение должны были мне объявить 16 октября 1996 года, а 15 октября меня арестовали в аэропорту Женевы.

— Я задам вам несколько вопросов по поручению присяжных, — объявила судья. — Присяжные спрашивают: зачем вам понадобилось так много паспортов?

— У России всегда были сложные отношения с Западом. Возможно, это трудно понять европейскому человеку, но это так. Передвижения российского гражданина по миру всегда были крайне ограничены. Мой же бизнес расширялся прямо пропорционально тому, как я передвигался по миру. Я не вижу никакого криминала в том, что в нескольких странах на вполне законных основаниях получил паспорта. Паспорт Израиля я получил после того, как стал

гражданином этой страны, паспорт Коста-Рики мне вручили после того, как правительство этой страны приняло решение о назначении меня почетным консулом. Все остальное — это точно такая же выдумка, как и моя принадлежность к криминальным структурам. Мне приписывали владение паспортами Бельгии, Гаяна, каких-то других экзотических стран, но это все миф, да и в деле этих паспортов нет по той простой причине, что их не было. Кстати, я хочу еще несколько слов добавить от себя по поводу паспортов. После моего ареста у меня на вилле во время обыска нашли израильский паспорт, действие которого уже к этому времени закончилось, так как не было свободных страниц для пограничных отметок. Собственно, паспорт и искать не надо было, он находился на видном месте, и по этому паспорту легко можно было проследить за всеми моими передвижениями в течение нескольких лет. Так вот, я хочу задать вопрос. Можно ли допустить мысль, что человек, причастный к криминальному миру, держал открыто документ, который бы уличал его во всех его поездках?

— У вас на вилле нашли чемодан, в котором хранились приборы, предохраняющие телефоны от прослушивания. Зачем они вам понадобились?

— Я купил это оборудование во время своей поездки в Израиль, приобрел его в магазине открытой торговли. Я постоянно ощущал давление со стороны конкурентов, предполагал, что мои телефоны могут прослушиваться, и хотел себя обезопасить, чтобы сохранить коммерческую тайну моего бизнеса.

— Последний вопрос присяжных. Господин Михайлов, как вам удалось освободить из чеченского плена Антона Кандова?

— Семья Кандовых помогла мне обустроиться в Вене, я был им очень признателен и потому в судьбе Антона Кандова, когда его похитили, принял горячее участие. Многие бывшие спортсмены, с кем я когда-то встречался на соревнованиях или вместе участвовал в спортивных сборах, к этому времени в Чечне занимали видное положение, там вообще спортсмены, особенно борцы, пользуются большим авторитетом. Именно к этим людям я и обратился. Своих методов давления на тех, кто похитил Кандова, они мне не раскрывали, но я знаю, что эта операция прошла бескровно и без единого выстрела.

— На этом допросы закончены, — возвестила президент суда. — Заседание закрыто. Завтра в девять часов мы начнем нашу работу с выступления господина прокурора Кроше. Всем доброй ночи.

Как все последние дни, мы возвращались в гостиницу вместе с Андреем.

— Так что, завтра процесс может закончиться? — спросил я своего спутника.

— Только теоретически. Прокурор будет говорить никак не меньше трех-четырёх часов. Часа по три, не меньше, потребуется адвокатам — Манье, Мауреру и Реймону. Потом заключительное слово Михайлова. Все вместе взятое, с перерывами, займет 12—14 часов, не меньше. Конечно, если у присяжных уже созрело какое-то решение, они его могут объявить уже завтра. Но не думаю. Скорее всего, приговор будет объявлен послезавтра.

— Приговор, ты уверен?

— Ну решение, чего ты к словам цепляешься.

— А почему ты думаешь, что Кроше будет говорить так долго? Что ему, собственно, теперь говорить? По-моему, все доказано.

— Это по-твоему. Конечно, доказательств у него никаких. Но не думаешь же ты, что он встанет и попросит у Михайлова прощения. А заодно у всех, кого он вместе со следователем дурачил целых два года. Нет, старик, такие вещи нигде не прощаются. Так что завтра Кроше даст последний бой... Хотел кофейку глотнуть, но не стану, скоро час ночи, надо выспаться, завтра день будет трудным, я это предвижу.

— Погоди минуточку, ты обещал добыть заключительную речь Михайлова.

— А нет никакой речи, — отмахнулся Андрей. — Ту, что написали адвокаты, Сергей зарубил, сказал, что свое выступление подготовит сам. Так что слушай внимательно. До завтра.

Пару дней назад меня каким-то чудом, также вот среди ночи, разыскали с одного из популярных московских телеканалов и попросили освещать для них ход процесса.

— Вряд ли мои репортажи вас устроят, — честно предупредил я коллег. — У меня по отношению к основным обозревателям ортодоксальная точка «подозрения». И вообще тут прокурор меня в

процессе обозвал криминальным журналистом. Так что зачем вам, коллеги, головная боль.

— Напротив, мы хотим получить объективную оценку человека, который непосредственно следит за событиями в зале суда. Мы читали ваши репортажи в прессе, они действительно отличаются от общей подачи материалов по делу Михайлова. Это как раз то, что нам надо.

— Ну что ж, извольте.

Я продиктовал на «хрипушку» (так телевизионщики называют телефонную запись репортажей), поблагодарил за обещанный мне гонорар и договорился о времени следующего репортажа.

Едва я вошел к себе в номер, зазвонил телефон. Глянул на часы — это наверняка с телевидения. Так оно и оказалось. Уже знакомый мне по голосу редактор уточнил:

— Господин Якубов, добрый день или, вернее, ночь. Вы знаете, ваш репортаж нам всем очень понравился. Но в эфир он не пошел. Поверьте, мы пробивали его всеми силами, но указание поступило свыше, даже не от нашего прямого руководства, а еще выше. Но я от себя лично приношу вам свои извинения. Право слово, мы не думали, что все так получится.

— Не расстраивайтесь, коллега. Было бы странно, если бы получилось иначе.

— Боюсь, что вы правы. У нас тут в Москве об этом процессе такое пишут и передают, что диву даешься. Еще раз извините и всего вам доброго.

Борясь с желанием немедленно рухнуть в постель, я все же включил портативный компьютер и сел писать очередной репортаж для изданий, в которые пока еще не звонят «сверху».

* * *

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 10 декабря 1998 года. Утро — день — вечер — ночь.

С утра зал «ЗА» Дворца правосудия был переполнен, как и в первый день суда. Прения сторон — кульминация любого крупного

процесса. Все понимали, что сегодня и прокурор и адвокаты постараются проявить свое мастерство в полном блеске. Изменив привычкам, адвокаты уже в зал явились в мантиях, не слышно было обычных шуточных приветствий, даже Маурер вопреки обыкновению не совершал обычного обхода, а сразу прошел к своему месту, устроив у ног три толстенных портфеля с документами, которые он тащил с явной натугой.

Без всяких предисловий президент суда предоставила слово прокурору Кроше. Добросовестно пересказав фабулу дела, господин прокурор свои, с позволения сказать, доказательства построил на личных эмоциях. Свидетели обвинения в его речи выглядели испуганными зайчиками, которым страх застил глаза и мешал сказать всю правду. Чего стоит один лишь аргумент прокурора, касающийся свидетеля Александра Абрамовича.

— Господа присяжные, — говорил в своей речи Жан Луи Кроше. — Я никогда не видел свидетеля Абрамовича, но я во время допроса слышал его голос. Это был голос испуганного человека. Понимаете, — повторил прокурор, — испуганного! И я ему верю. Конечно, напрасно здесь не выслушали свидетеля Шранца, — упрекнул присяжных и судью прокурор. — Шранц очень хотел дать показания, и мы бы сумели узнать много важного. Ведь все остальные свидетели были напуганы. Вот господин Седых говорил здесь, что к нему в дом пришла полиция, а ведь на самом деле он сам обратился в полицию. Господин Михайлов сковал всех страхом. Мы в суде увидели его истинное лицо, я бы даже сказал, что мы увидели голого Михайлова. Во время следствия он отказывался отвечать на многие вопросы, требовал предоставить ему документы. А сейчас, в суде, у него на все нашлись ответы. Каждому известно, что такое игра в «пазл» (мозаика. — *О.Я.*). Вот и Михайлов сложил в суде свой «пазл». Я уверен, что господин Михайлов приехал в Швейцарию вместе с семьей, чтобы подготовить себе почву. Он не хотел провести в нашей прекрасной стране спокойную старость, он хотел здесь совершать преступления.

Подобными, ничем не подтвержденными и слабо аргументированными выводами была насыщена вся четырехчасовая речь Жана Луи Кроше, достаточно спокойная, размеренная. В конце прокурор

призвал присяжных отнестись к Михайлову без всякого снисхождения и потребовал для него максимального наказания по предъявленным ему в обвинении статьям уголовного кодекса — то есть до семи с половиной лет заключения.

В перерыве, объявленном после речи прокурора, журналистам обсуждать было практически нечего. Лишь Игорь Седых откровенно кипятился:

— В конце концов я давал свои показания под присягой, я отвечаю за каждое свое слово, и прокурор меня практически оклеветал. Ни в какую полицию я не обращался, они сами ко мне заявились.

После перерыва слово было предоставлено защите. Первым выступил бельгиец Ксавье Манье.

— Прошу прощения за то, что вынужден напоминать известную всем истину: для того чтобы обвинять, нужно быть уверенным в вине. И хотя никаких доказательств вины господина Михайлова в речи господина прокурора мы не увидели, я все же хочу поздравить прокурора с весьма выдающимся успехом. На мой взгляд, он сделал открытие в области математики. При сложении двух нулей у него в сумме получилось два. Да, господин прокурор очень старался. Он так старался, что о его стараниях узнал весь мир. Моя старенькая мама, провожая меня в Женеву, сказала: «Будь осторожен в этой Швейцарии, там идет какой-то страшный процесс и может случиться всякое». Господин прокурор ссылался на показания свидетелей. Но в них не было ни одного подтвержденного факта. А главный свидетель обвинения Упоров напомнил мне старую охотничью собаку, которая уже не может приносить своему хозяину дичь, а тащит лишь протухшие кости. Я смотрю на все здесь происходящее и ловлю себя на мысли, что это не суд, а модный салон. Появилась мода на «русскую мафию», и швейцарская юстиция решила от моды не отстать. Ну, а раз это салон, то и я позволю себе салонную притчу. Один рыбак поймал маленькую рыбку, но ему было в этом неудобно признаваться, однако и лгать особенно не хотелось. Тогда он рассказал своему другу, что поймал среднюю рыбку. Тот, рассказывая, сказал, что его друг поймал большую рыбу, а уже следующий рассказчик с восторгом удивлял всех, что один его знакомый поймал на удочку кита. Слушаемое сегодня дело обросло не доказательствами,

а полицейскими рапортами. И уже через год можно будет сказать про каждого из сидящих в этом зале адвокатов: «Да ведь Манье, Реймон, Дрейфус, Маурер — они же все солнцевские». Да, сказать можно все что угодно. И сегодня Михайлова можно обвинить в том, что он является лидером «Солнцевской» преступной группировки. Но в таком случае надо будет бояться не Михайлова, а швейцарскую юстицию, которая способна судить человека только на основании слов, но не на основании фактов.

Все две недели процесса женеvский адвокат Паскаль Маурер был задиристым и шумливым, скорым на острые реплики и потешные эффекты, которые зачастую веселили зал. Я уже говорил, что репортеры прозвали его Рыжим. Но в день его «тронной» речи в процессе Михайлова Маурера невозможно было узнать. Признаться, во время суда я не раз задавался вопросом: как этот, безусловно, грамотный, но больше похожий на циркового клоуна, нежели на юриста, человек мог возглавлять женеvскую коллегия адвокатов? Ответ на этот вопрос я получил во время заключительной речи Маурера. Он был сосредоточен и немногословен. Его речь длилась больше пяти часов, и все же я продолжаю утверждать, что Маурер был лаконичен. Ни одной пустой фразы. Ни одного красивого сравнения, ни одной шутки, никаких заискиваний или заигрываний с составом суда, к которым нередко прибегают адвокаты. Господин Маурер словно заново пролистал все 72 тома уголовного дела, по которому его подзащитный 785 дней находился без всяких на то оснований в тюрьме. Он дал исчерпывающую оценку каждому документу, не упустив мельчайших деталей. Во время этой многочасовой речи то и дело хлопали двери — это покидали зал самые нетерпеливые. Но и судья, прекрасно с делом знакомая, и присяжные, которые о его сути узнали только за эти две недели, Маурера слушали с неослабевающим вниманием.

Казалось, что после этого убедительнейшего доказательства невиновности Сергея Михайлова Алеку Реймону просто не о чем будет говорить, но речь Реймона была блистательной. Блистательной как по форме, так и по содержанию.

— Здесь выставлено 72 тома уголовного досье, — начал свою речь мэтр Реймон. — Что же содержится в этом досье? Я отвечу —

воздух! И на этот воздух потрачены миллионы франков. Поэтому завтра, господа присяжные заседатели, вы скажете «Не виновен». Иначе нельзя, иначе невозможно.

Сегодня утром прокурор Кроше вдруг обнаружил перед всеми синдром романиста. Все, что он сказал, относится более к художественному жанру, но никак не является доказательством для суда. Прокурор перечислил десятки фамилий, среди которых мы, наверное, в тысячный раз слышали фамилии: Пограмков, Аверин, Тамм, Кизяковский, употребляемые в одном контексте с так называемой «Солнцевской» преступной группировкой. Так, во всяком случае, следует по замыслу господина следователя Зекшена и господина прокурора Кроше. Но эти люди не скрывают и не скрывали своего знакомства и дружеских отношений с господином Михайловым. Каждый из названных выше занимается своим делом, живет в своей стране и не подвергается никакому уголовному преследованию... Как не подвергался и сам господин Михайлов. Не правда ли, странно: человек, которого наша юстиция пыталась представить криминальным, держит свои деньги на открытых банковских счетах, не пряча их и не скрывая ни от кого своего богатства. Каждый его доллар имеет законное основание. Михайлов арестован после публикации в газете. Замечу, что газета даже не швейцарская, а бельгийская. В самой же Швейцарии господин Михайлов подает прошение на право жить и работать и получает разрешение от административных властей кантона Во. Обоснованно получает. Ибо полиция Швейцарии никакими компрометирующими данными на него не располагала. Несколько дней назад один высокопоставленный чиновник нашей полиции позволил себе в интервью такое высказывание. Он сказал, что в следующий раз нельзя арестовывать человека, против которого нет достаточных фактов его вины. Значит, в следующий раз нельзя. А в этот раз можно, так, что ли?

Как много внимания в своей речи уделил прокурор свидетелю Уповору, — продолжал свою речь Реймон. — Но то, что мы услышали от самого Уповора, иначе чем бреднями не назовешь. Прошу обратить внимание на то, что во время следствия Уповор безапелляционно обвинял, а в суде мы слышали «не уверен», «не настаиваю», «мне кажется» и так далее. Хорош свидетель, нечего сказать.

Да и как вообще он оказался в зале суда в качестве официального свидетеля обвинения, объяснить трудно. Не милиционер, не житель России. К тому же подтвердил, что Россию покидал без спешки, закончив все свои рабочие дела. Приехал, попросил политического убежища и живет теперь в Швейцарии на наши налоги лишь на том основании, что у него хорошо развита фантазия.

То же самое можно сказать и о других свидетелях обвинения. Вот утром прокурор заявил, что он слышал господина Абрамовича и он ему верит, а на этом единственном основании просит поверить и суд. Я тоже слышал господина Абрамовича. И, обращаясь к вам, господа присяжные, я заявляю: я ему не верю. И вас призываю не верить. И что же, это аргумент? А аргументом является то, что господин Абрамович не смог ничем подтвердить свои показания. Вы где-нибудь встречали рэкетиров, деньги которым переводят, пропуская через бухгалтерию и отправляя их на открытые банковские счета? Да это же несусветная чушь. Мой уважаемый коллега Манье сегодня метко подметил, что единственный успех господина прокурора в этом процессе является не юридическим, а математическим. И все же ноль плюс ноль равняется нулю, но никак не двум, что пытался утром доказать нам прокурор. Да и сам господин прокурор это знает. Вместе со следователем Зекшеном прокурор Кроше все два года следствия собирали воздух, но при этом стремились к мировой огласке своей деятельности. Обратите внимание, какого характера запросы рассылались в разные страны этими господами. Зекшен и Кроше, запрашивая спецслужбы многочисленных государств, не спрашивали, имеется ли какой-либо материал на господина Михайлова. Они спрашивали, какие имеются данные на лидера «Солнцевской» преступной группировки Михайлова. Таким образом, Зекшен и Кроше, не имея никаких на то оснований, создавали криминальный образ подследственного, что является грубейшим нарушением всех демократических прав человека.

Когда Алек Реймон закончил свою речь, кто-то из немногих оставшихся в зале выкрикнул: «Браво, мэтр!» Часы показывали почти половину второго ночи. Недолго посоветовавшись с присяжными, Антуанетта Сталдер обратилась к Сергею:

— Господин Михайлов, уже очень поздно, мы все устали, да и вам пора отдохнуть. Вам предстоит произнести заключительную речь, которая в равной степени важна и для вас, и для нас. Поэтому я предлагаю перенести заседание на завтрашнее утро, и тогда мы выслушаем вас с полным вниманием, не посматривая украдкой на часы.

Глава одиннадцатая

ДЕЛО ЗАКОНЧЕНО. МОЖНО РАСХОДИТЬСЯ

Не презирайте Богов и учитесь верить
в справедливость.

Вергилий

Женева, площадь Бург де Фур, 1, Дворец правосудия, 11 октября. Утро — день — вечер.

— Слушаем господина Михайлова, — возвестила утром президент суда.

Михайлов поднялся со своего места. Если он и волновался, то внешне это было незаметно. Каждое слово выговаривал четко, делая достаточные паузы, чтобы переводчик мог донести все, им сказанное, до состава суда.

— Уважаемая госпожа президент. Уважаемые дамы и господа присяжные. Господин прокурор. Сначала я хочу поблагодарить вас за то, что вы очень внимательно отнеслись ко всем обстоятельствам данного дела, — начал свою речь Сергей Михайлов. — Во время процесса перед вами предстали свидетели обвинения и защиты, вы тщательно изучили все документы, письма, справки, относящиеся к делу. И, наконец, вы выслушали прокурора и защитников. Я не хотел бы сейчас говорить здесь о том произволе, который творился по отношению ко мне на протяжении всех двух с лишним лет, что я находился под стражей. Об этом и обо всем важном говорилось здесь защитой.

Уважаемая госпожа президент суда. Уважаемые дамы и господа присяжные. Я обращаюсь к вам с просьбой во время принятия

решения о моей виновности или невиновности руководствоваться голосом сердца, закона и принципами демократии. Я жду решения с большой надеждой и доверием к вашему справедливому решению.

Сергей поклонился и сел. Журналисты, приготовившиеся к пространной речи, разочарованно отложили блокноты. А судья провозгласила, что суд удаляется на совещание. Было 9 часов 7 минут. На улице моросил мелкий дождь, все разбрелись, кто куда, гадая, сколько времени понадобится присяжным для принятия решения. Хазов бесследно исчез вместе с адвокатами, но через час объявился в моем номере, куда я отправился коротать время.

— Значит, так, — с порога заговорил Андрей. — Лишними вопросами меня не терзай, я и сам мало что знаю. Но главное — судья сказала, что, когда присяжные закончат совещание, она оповестит об этом одного адвоката. Решили, что это будет Маурер. Так что его мобильный включен, ждем звонка. Это все.

— Но хотя бы примерное время определить можно? Сколько они заседать-то будут?

— Ну ты чудак, кто же тебе это скажет. По закону присяжных никто не имеет права ограничивать во времени. Захотят — два дня будут заседать, а захотят — две недели. Адвокаты предполагают, что решение вынесут около четырех часов дня, но это лишь предположение.

— Андрей, еще раз можешь мне подробно объяснить, по какой, ну что ли, технологии присяжные принимают решение?

— Исключительно, чтобы отцепиться от твоих бесконечно нудных вопросов, повторю тебе еще раз то, что уже десять раз рассказывал. Итак. Заседали шестеро основных и трое запасных присяжных. Из основного состава никто не выбыл, так что в совещательную комнату отправились те самые шестеро основных и судья. Трое запасных присяжных в этой комнате не присутствуют. Судья находится там лишь в качестве юридического консультанта без права навязывать решение и даже без права что-либо советовать, если, конечно, присяжные ее сами об этом не попросят. По каждому существенному эпизоду присяжные должны ответить на два вопроса: «Виновен? Не виновен?» Ответы заносятся в протокол формулировками «Да» и «Нет». Если голоса разделились поровну, ответ трактуется в поль-

зу обвиняемого. Если по всем трем пунктам обвинения присяжные скажут «Нет», тогда все ясно. Допустим, по одному из пунктов они скажут «Да», то есть признают Сергея в чем-то виновным. Тогда снова будут говорить прокурор и адвокаты, обсуждая меру наказания. Решение о наказании в итоге уже примет судья. Присяжные слово сказали, а конкретику вносит президент суда.

— А где сейчас Сергей? — спросил я Андрея.

— В тюрьму опять увезли, вот тебе лишнее доказательство того, что уж до обеда-то как минимум никакого решения не будет. Так что пойдем куда-нибудь кофейку попьем.

— Ага, и булок с маслом полопаем.

— Отомстил все же, показал свою истинную сущность. Настоящий интеллигент должен быть благородным.

— Пойдем, пойдем, потомственный интеллигент, только с одним условием — давай все же подтянемся куда-нибудь поближе к Дворцу правосудия, так как-то спокойнее будет.

Мы вышли на улицу. Небо все еще было затянуто беспросветными тучами, дул злой порывистый ветер, но дождь прекратился. К моему удивлению, все кафешки на площади Бург де Фур оказались заполненными. Лица все были знакомые. Не одни мы с Хазовым оказались такими нетерпеливыми. За каждым столом, насколько я смог разобрать, разговоры шли об одном и том же: по какому пункту признают Михайлова виновным и сколько дадут. В том, что признают виновным, и в том, что «дадут», никто, похоже, не сомневался.

— Много они понимают, — буркнул Хазов, густо намазывая очередную булку маслом и отправляя ее в рот. — Сергей сегодня будет спать дома, в худшем варианте — в гостинице. Вот увидишь.

Время тянулось томительно долго, незаметно подкрались сумерки, потом наступила и полная темнота. В зале кафе, где мы сидели, неожиданно возник какой-то шум. Все повскакивали с мест, устремились на улицу, и я подумал, что кто-то узнал, что присяжные вышли из совещательной комнаты. Но оказалось, что только что по телевидению передали сообщение, что секретный источник сообщил: присяжные закончили совещание, признали Михайлова виновным по всем пунктам. Журналисты взяли в кольцо адвокатов.

Тем деваться было некуда. Общее мнение защитников высказал Маурер:

— Вот вам, господа, еще одно доказательство того, насколько нездоровый ажиотаж царит вокруг нашего клиента. Никакого секретного источника нет и быть не может. За всю историю существования судебной системы Швейцарии сведения от присяжных ни разу не просачивались наружу. Это исключено. Телевидение блефует, а вас я призываю проявить благоразумие и не поддаваться на эти провокации. Если вы сейчас распространите эту ложь в своих изданиях, то погрешите и против правды, и против совести.

Все снова вернулись за свои столики, а я внимательно следил за Паскалем Маурером, памятуя слова Андрея о том, что именно его известит судья о возобновлении заседания. И все же телефонный звонок я, видимо, прозевал. Увидел только, что Маурер стремглав выскочил из-за стола, а за ним поспешили другие адвокаты. К тому моменту, когда мне удалось попасть в зал, судья, присяжные, адвокат и Сергей Михайлов были уже на своих местах, а адвокаты, забыв про мантии, устраивались позади подзащитного. В зал продолжали врваться толпы людей, царил невообразимый шум, и слышать в этом шуме хоть что-нибудь было почти невозможно. Судья по всему, судья обращалась к присяжным, требуя ответа на каждый из пунктов обвинения. Громко и отчетливо — дважды — прозвучало слово «нет». И только на третий вопрос присяжные ответили не сразу, они попросили дать им возможность в порядке исключения прокомментировать решение «да». Присяжные отметили, что хотя и признают господина Михайлова виновным в попытке незаконного приобретения имущества, но учитывают при этом, что он попал в эту ситуацию не осознанно, а из-за юридической ошибки, и потому присяжные считают, что это обстоятельство должно быть признано как смягчающее. Прокурор вскочил со своего места и, не дожидаясь, пока судья предоставит ему слово, горячо заговорил — он требовал вынести по данному пункту самое строгое решение, определив максимальный срок наказания.

— Да полно вам, господин прокурор, что вы такое говорите, стыдно даже слушать! — негодуяще воскликнул адвокат Алек Реймон. — О каком суровом наказании вы тут нам толкуете? Господин

Михайлов отсидел в тюрьме больше двух лет, а подобные деяния, даже если судья это и признает, караются либо штрафом, либо несколькими месяцами чаще всего условного наказания.

Судья Сталдер прервала этот спор, объявив, что удаляется для принятия решения. Она отсутствовала чуть больше двадцати минут и, вернувшись, зачитала коротенькое решение, суть которого заключалась в том, что данной ей юридической властью госпожа президент учла все обстоятельства и пришла к решению освободить господина Михайлова от наказания за попытку незаконного приобретения недвижимости, так как считает, что его вины в этом нет.

— Я поздравляю вас, господин Михайлов, — сказала судья. — Существует судебная практика предоставлять подсудимому последнее слово после оглашения приговора. Наши присяжные заседали 11 часов 46 минут. Их вердикт — «не виновен», вы свободны, господин Михайлов. Хотите ли вы что-нибудь сказать?

— Своим решением вы доказали не только Швейцарии, но и всему миру, что в этой стране есть демократия, закон и справедливость, — произнес Сергей. — Мое сердце переполнено благодарностью. Если бы мне пришлось написать каждому из вас письмо, в этом письме было бы только три строчки. И в каждой строчке я бы написал: «Я люблю вас. Я люблю вас. Я люблю вас».

Что творилось в зале — передать словами невозможно. Полиция, охранявшая Михайлова, вынуждена была потесниться. Несколько москвичей, приехавших в качестве свидетелей и оставшихся в зале, чтобы выслушать решение суда, поздравляли Сергея. Я увидел Василия Зимины, Наталью Саранкину, адвокатов, которые так и не успели обрядиться в мантии. Удалось и мне протиснуться к опустевшей теперь скамье подсудимых, поодаль от которой стоял Сергей.

— Сергей Анатольевич, не кажется ли вам, что пришла и нам пора познакомиться, — сказал я, тронув его за плечо.

В один из вечеров после суда Андрей Хазов рассказал, что Сергей попросил его показать ему, кто же такой Якубов. Хазов просьбу выполнил, и теперь Сергей узнал меня без труда. По-моему, неожиданно для обоих мы обнялись. Когда шум несколько стих, мне удалось выяснить, что вот сейчас, немедленно, хотя судья и сказал, что Михайлов свободен, Сергей выйти из зала суда не может. На сей

счет есть четкие предписания соответствующих органов. Суд отправляет подсудимого не на реальную, так сказать, свободу, а туда, откуда подсудимый прибыл, то есть обратно в тюрьму. Прокурор Кроше, походя, беспорядочно запихивая в портфель бумаги, добавил, что завтра суббота и посему господин Михайлов может быть освобожден либо сегодня ночью, либо завтра до четырнадцати часов. Если же процедура освобождения затянется, то тогда господину Михайлову придется провести в тюрьме еще какое-то время, во всяком случае, до понедельника — точно. Не слушая возмущенных возражений адвокатов, прокурор покинул зал.

— Расходитесь, господа, расходитесь, ведь все уже закончилось, — увещевали полицейские. А мне вдруг вспомнились слова: «Дело закончено. Можно расходиться». Именно этой фразой заканчивался в Древнем Риме каждый судебный процесс.

Не самая длинная ночь

Женева, полицейское управление, тюрьма Шан-Долон, полицейское управление, аэропорт Куантрэн. 11—12 декабря. Ночь — утро — день. Москва, аэропорт Шереметьево-2. Вечер.

Документы уголовного дела № Р9980\96

*Господину Зекшену,
судебному следователю*

Сегодня организация ОССО передала нам, что она получила сообщение из двух совершенно разных следственных органов России, в которых говорится о том, что в самое ближайшее время официальная просьба о выдаче Михайлова Сергея будет передана министрам Российской Федерации. Один источник информации отмечает, что после выдачи Сергей Михайлов будет убит.

Предписание-сопровождение, выданное Сергею Михайлову в жевневском аэропорту Куантрэн за несколько минут до его отправки в Москву 12 декабря 1998 года:

*«Полиция кантона Женева
Полиция безопасности
Секция IV
У. Амакер
4878103
СРОЧНО
Относительно: Сергея Михайлова*

Мы подтверждаем, что г-н Михайлов Сергей, дата рождения 07.02.58 г., должен быть выслан сегодня в Москву на борту рейса Су-272 по требованию генерального прокурора Швейцарии.

*12 декабря 1998 года
Полиция безопасности
Секция IV
У. Амакре».*

После завершения суда тележурналисты ожидали адвокатов Сергея Михайлова у входа во Дворец правосудия. Собственно, интервью были короткими. Решение присяжных говорило само за себя. На скорую руку поужинав, Паскаль Маурер оставил своих коллег допивать кофе, а сам отправился в полицейское управление. Ничего нового ему там не сообщили, лишь подтвердили тот факт, что из зала суда Михайлова снова увезли в Шан-Долон. Утром выяснились кое-какие подробности. Адвокатам, правда, неофициально, сообщили, что в деле Михайлова отсутствуют какие-либо документы, удостоверяющие его личность. Вероятнее всего, они находятся либо у Зекшена, а скорее всего — у прокурора.

— Крючок пытается вдгонку вставлять палки в колеса, — так прокомментировал эту новость Андрей Хазов. — Боюсь, что до понедельника Сергею из тюрьмы не выбраться. Правда, один полицейский шепнул Мауреру по секрету, что Михайлова, возможно, еще сегодня отправят в Москву, но это маловероятно. Во-первых, российского паспорта тоже найти не удастся, а, во-вторых, на протяжении всех двух лет следователь утверждал, что в России на Сергея готовится покушение, его там убьют, и на этом основании Зекшен предпринимал невиданные меры безопасности — потребовал себе

личную охрану, бронированный автомобиль, ну и все прочее. На это были затрачены огромные деньги, и отправить сейчас Михайлова в Россию — значит расписаться в том, что все это было блефом.

Не могу точно сказать, почему именно, но сообщение Хазова о том, что Сергея Михайлова могут отправить в Россию, заинтересовало меня больше всего. Скорее всего, просто сработала репортерская интуиция. Выяснив по телефону расписание самолетов и наскоро собрав чемодан, я отправился в аэропорт Куантрэн.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

После суда меня снова привезли в тюрьму, и я опять оказался в своей камере. Конечно, я понимал, что находиться здесь мне теперь осталось недолго. Ну что ж, решил я, потерплю еще. Меня разбудили в четыре часа утра и велели собираться. Собственно, в самой камере собирать мне было особенно нечего, разве что документы, которыми я пользовался при подготовке к суду. А все мои личные вещи по существующей в Шан-Долоне инструкции собирали надзиратели. После коротких сборов меня усадили в машину и куда-то повезли. Через полчаса я оказался в той же самой комнате аэропорта, куда меня доставили после задержания два года назад. Здесь мне заявили, что я буду отправлен в Москву. Я потребовал выдать мне паспорт, сопроводительные документы, но полицейский строго заметил, что полиция сама знает, как поступать.

Я понял, что меня хотят попросту выслать из страны без всяких документов, и подозревал, что за этим может крыться какая-то провокация. Да, конечно, о том, что процесс закончен и присяжные признали меня невиновным, наверняка уже знает весь мир, но, в конце концов, они собираются отправить меня в другую страну, и какими документами я могу подтвердить, что покинул тюрьму на законных основаниях?

«Вы ошибаетесь, господа, если думаете, что меня можно вот так запросто затолкать в самолет, — сказал я как можно тверже. — Присяжные признали меня не виновным, судья объявила, что я свободный человек, и я не намерен подчиняться вашему произволу. Пока мне не выдадут сопроводи-

тельных документов, я и шагу отсюда не сделаю, а если вы захотите применить ко мне силу, то вам придется очень постараться».

Эта тирада возымела свое действие, полицейский отправился кому-то звонить, и я услышал, что он на меня жалуется, говоря, что «меся Михайлов грозитя применить к нам физическую силу, если мы не выдадим ему сопроводительных документов». Он, правда, весьма вольно истолковал мои слова, но в целом меня все это устраивало, тем более что через пару часов прибыл какой-то посыльный из прокуратуры и привез, пусть в виде филькиной грамоты, но все же бумагу с подписью и печатью. Даже номер рейса был указан в документе, и я понял, что меня отправляют самолетом «Аэрофлота». Что ждало меня в Москве, знают ли родные и друзья о том, что я прилетаю? Я и понятия об этом не имел. Меня снова посадили в машину, и я увидел, что мы въезжаем на летное поле. Возле самолета с надписью «Аэрофлот» трапа не было, но люк оставался открытым. Приставили какую-то хлипкую лесенку, и по ней я поднялся на борт. Самолет покатился по полосе, и я прошел в салон. Первым, кого я там увидел, был журналист Олег Якубов, с ним я познакомился накануне в зале суда. В аэропорту меня встречали жена, друзья и тележурналисты, которых, как мне показалось, интересовали только два вопроса: буду ли я судиться с оклеветавшей меня прессой и чем собираюсь заниматься в ближайшее время?

Когда я приехал в Куантрэн, самолет швейцарской авиакомпании рейсом Женева—Москва уже улетел. Я позвонил в гостиницу. К счастью, Андрей оказался у себя в номере. Не могу сказать, что он пришел в восторг от моей просьбы, но обещал минут за пятнадцать все выяснить. Через назначенное время позвонил ему снова, и Андрей сказал, что на борту швейцарского самолета Михайлова не было — это выяснено точно.

— Старик, перестань блажить, ты все себе сам напридумывал, — увещевал меня Хазов. — Адвокаты уже подали протест на произвол прокуратуры, после обеда они собирают пресс-конференцию. Никто не имеет права отправлять человека без документов, а документов найти не могут. Как это ни прискорбно, но Сергею, видимо, надо

набраться терпения до понедельника. Сегодня не просто суббота, сегодня у женецев праздник, никто ничем заниматься не будет.

— Знаешь, Андрей, ты, видимо, прав на все сто. И все же я полечу в Москву «Аэрофлотом». Если Сергея в самолете не будет, вернусь этим же рейсом обратно в Женеву и буду вместе с тобой дожидаться понедельника. Но первое интервью я у него возьму сам. Ты это понимаешь?

— Я понимаю, что ты псих, — услышал я в ответ. Правда, голос его был не слишком сердитым.

Купив на всякий случай билет Женева—Москва—Женева, я отправился на посадку и в самолет вошел последним. Сергея в салоне не было, до отправления оставалось шесть минут, так что надежды я не терял. Но едва устроился в кресле, как убрали трап. У меня были все основания полагать, что моя интуиция сыграла со мной злую шутку, но в это время на взлетном поле показалось сразу несколько легковых автомашин. Из них выскочили человек десять — все, как один, в бежевых плащах, — и они рассредоточились вокруг самолета. Больше ничего рассмотреть не удавалось — обзору мешало самолетное крыло. Прошло еще минут десять, не меньше, люки были задраены, самолет уже катился на полосу, когда в салоне наконец появился Сергей Михайлов. Вот так и состоялось мое первое с ним интервью. Потом были аэропорт Шереметьево-2, встреча с родными и друзьями, пресс-конференция...

Примерно через месяц после освобождения на московский адрес Михайлова пришло постановление суда. Оно занимает более ста страниц, и на каждой из них крупно и жирно пропечатано короткое — «НЕТ» присяжных, отвергающих вину Сергея Михайлова по каждому из эпизодов. Я процитирую лишь несколько наиболее важных пунктов из этого документа.

Республика и кантон Женева

P9980\96

№ АСС\46\98

ПОСТАНОВЛЕНИЕ,

вынесенное

Судом по уголовным делам

с жюри присяжных

Пятница, 11 декабря 1998 года

По делу: Сергея Михайлова

Судья: г-жа Антуанетта Сталдер

Секретарь: г-н Жиль Андрэ Моннэ

Суд и жюри присяжных принимают решение, рассмотрев заявления генерального прокурора, рассмотрев выступления защиты и заключительное слово обвиняемого, принимая во внимание статьи уголовного и уголовно-процессуального кодекса, а также Федерального закона о приобретении недвижимости иностранцами.

Присяжные выражают удивление по поводу ареста обвиняемого, который произошел после его прилета в Женеву и, согласно рапорту об аресте, был произведен на основании «общезвестных фактов» и статьи в бельгийской газете.

Присяжные констатируют, что предварительное следствие было полностью приостановлено в течение более чем восьми месяцев, таким образом, обвиняемый не имел доступа к делу и к приобщенным к нему материалам.

Присяжные выражают удивление по поводу того, что обвиняемому не разрешено было представить документы и заслушать свидетелей до судебного процесса, что способствовало бы установлению истины.

Присяжные считают, что свидетели Упоров и Левинсон являются косвенными свидетелями, которые не в состоянии ни назвать свои источники информации, ни подтвердить их документами. Присяжные считают, что эти свидетельства недостаточно доказательны для установления виновности обвиняемого. Нет конкретных существенных доказательств причастности обвиняемого к преступной организации и того, что признаки, содержащиеся в деле и изложенные в ходе обсуждения, не являются достаточными для исключения всех разумных сомнений.

НА ОСНОВАНИИ ЭТИХ ФАКТОВ ПРИСЯЖНЫЕ СЧИТАЮТ,
что обвиняемый является виновным в нарушении статьи 4, абзац 1, пункт «Г» федерального закона о приобретении недвижимости иностранцами, однако это должно быть отнесено к правовой ошибке, так как обвиняемый обратился к адвокату и таким об-

разом мог иметь достаточные причины, чтобы быть уверенным в том, что он имеет право действовать так, как он действовал. Эта правовая ошибка позволяет судье исключить всякое наказание по статье 4 Федерального закона о приобретении недвижимости иностранцами. Учитывая совершенно особые обстоятельства дела, подобное освобождение от наказания является оправданным.

Суд и жюри присяжных

ОСВОБОЖДАЮТ ОБВИНЯЕМОГО ОТ ЛЮБОГО ДРУГОГО НАКАЗАНИЯ.

Предварительное заключение: 2 года, 1 месяц, 26 дней.

Издержки отнести на счет государства.

Председатель суда предупредила прокурора, что ему предоставляется пятидневный срок для обжалования данного решения.

Подпись — Антуанетта Сталдер, печать суда правосудия, штамп кантона Женева.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через несколько дней после окончания судебного процесса над Сергеем Михайловым женеvские газеты выдали целый залп публикаций аналитического характера. И хотя суммы, которые выложил швейцарский налогоплательщик за ведение предварительного следствия и судебного заседания, называются разные (от двух до одиннадцати миллионов долларов), обозреватели склонны считать процесс Михайлова самым дорогим судебным делом Европы за последние десятилетия.

Прокурор Жан Луи Кроше, конечно, подал положенный протест, однако ознакомившись с материалами суда, сам же свой протест отозвал...

Начальник криминальной полиции Женевы Урс Рейнштайн дал пространное интервью, в котором заявил, что у полицейских лично к господину Михайлову не было никакой неприязни и они лишь старались добросовестно выполнять свою работу. Впрочем, главный женеvский полицейский все же счел необходимым добавить, что впредь следует иметь больше оснований для того, чтобы арестовать человека.

Урс Рейнштайн не стал комментировать вопрос по поводу бригады KORUS. Да и что теперь говорить, если бригада эта, созданная в полиции практически специально для расследования дела Михайлова, осталась теперь без работы. Первым угадал бесславный конец самый энергичный полицейский этой бригады — Кампиш. Незадолго до того, как материалы уголовного дела P9980\96 были переданы в суд, Кампиш из полиции уволился и отбыл в неизвестном направлении. Поговаривают, что видели его на Филиппинах, где экс-детектив то ли пытается наладить какой-то мелкий бизнес, то ли просто проводит время в собственное удовольствие. Остальные члены бригады KORUS разбрелись кто куда. В другие отделы полиции их если и берут, то неохотно и на совершенно незначительные должности.

Близкие к юстиции репортеры поговаривают, что Жорж Зекшен пребывает в полном унынии, так как вряд ли может рассчитывать на то, что в ближайшем будущем ему доверят хоть сколько-нибудь серьезное дело. Вряд ли может рассчитывать на пост генерального прокурора и Кроше — затраченных на дело Михайлова миллионов ему налогоплательщики не простят, а это, безусловно, скажется на политической карьере господина Кроше. Что же касается Карлы дель Понте, то пресса резко переменила к ней свое отношение, и ее попытка списать решение присяжных по делу Михайлова на несовершенство швейцарских законов вызвала лишь волну гневного возмущения в печати.

Исключительную лояльность продемонстрировали Сергею Михайлову швейцарские банкиры. Не дожидаясь ни исков со стороны адвокатов, ни каких-либо специальных решений юридических властей, банки прислали сообщение господину Михайлову, уведомляя его о том, что все его счета в Швейцарии разморожены.

Сергей Михайлов живет в Москве, занимается бизнесом. Журналисты пообещали ему на страницах своих газет, что будут за ним тщательно следить. Поражений прощать никто не любит.

*Женева—Москва
1999 г.*

Часть вторая

АВТОРИТЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Глава первая

«КАКОЙ Я ГЕНИАЛЬНЫЙ»

Огромная колонна стоит сама в себе,
Но встречают чемпиона по стендовой
стрельбе!

В. Высоцкий

Михайлов появился в самолете, когда пассажиры стали проявлять явную обеспокоенность по поводу непонятной задержки рейса. Да и было, от чего тревожиться: трап уже давно отогнали, люк задраили, а самолет все не взлетал. И тут в иллюминатор я увидел, как на взлетное поле стремительно вылетели черные лимузины и, словно вкопанные, остановились возле самолета. Из лимузинов выбрались рослые мужчины, человек десять, никак не меньше, все как один в бесформенных бежевых плащах. Рассмотреть толком, что там, внизу, происходило, было невозможно — мешало широко распластавшееся крыло аэрофлотовской «тушки». Потом я увидел, как вместо трапа к уже вновь открытому люку подкатили узкую лесенку, по ней поднялись несколько человек, один из них, ступив в салон, и оказался Сергеем Михайловым, накануне поздним вечером признанный присяжными женеvского суда полностью не виновным и освобожденный президентом суда от какого-либо наказания.

Несколько предшествующих бессонных ночей, долгие и бесполезные препирательства с упертыми швейцарскими адвокатами, нервотрепка в аэропорту, куда я чуть не опоздал на рейс Женева—Москва, — все это выплеснулось в довольно странную, должно быть, глядя со стороны, эмоцию. Я вскочил и, шлепнув себя по голове, чуть ли не закричал: «Какой я гениальный!» Впрочем, саму реплику, как мне тогда показалось, Сергей пропустил мимо ушей, он высказал лишь удивление по поводу того, как я вообще оказался в этом самолете.

— Я тебя вычислил, — беспечно отозвался я и тут же стал усаживать Сергея в соседнее кресло, против чего немедленно запротестовала стюардесса.

— У этого пассажира место в последнем ряду, мне выдано специальное предписание, — заявила она.

— Но самолет уже заполнен, место рядом со мной свободно, какая вам разница, в каком ряду он будет лететь, — попытался я возразить.

Но «стройная, как Ту», стюардесса оставалась непреклонной:

— Пассажир, я же вам ясно сказала: у меня предписание.

— Да чье предписание?!

— Швейцарской полиции, — ответила она и издала показала какой-то листок.

— Послушайте, девушка, как вас, кстати, зовут? Так вот, Рита, послушайте. У вас предписание швейцарской полиции — отлично. Но самолет «Аэрофлота» является суверенной территорией России, и на борту вашего воздушного судна действуют законы Российской Федерации, но никак не Швейцарской Конфедерации. Ваша задача довести данного пассажира до Москвы, а то, что он, сидя на этом месте, а не в последнем ряду, не выпрыгнет где-нибудь над Германией или над Польшей — можете не сомневаться. И потом, в конце концов, бумажки бумажками, но должно же у вас быть чисто женское сострадание, — продолжал я увещевать неприступную Риту. — Человек за два года и так намыкался, что хотя бы домой на родном, российском самолете может лететь с комфортом.

— А кто это? — взыграло все же женское любопытство стюардессы. — Вроде лицо знакомое...

— Помилуйте, да кому же это лицо сегодня не знакомо?! Это — Сергей Михайлов, последние дни его только и показывают по телевизору в связи с судом в Женеве.

— Ой! — как-то совсем по-детски пискнула Рита и скороговоркой, но почему-то шепотом (моторы Ту-154, готового наконец к взлету, в этот момент ревели так, что она могла даже кричать без всякого риска быть услышанной хоть кем-то) затараторила: — Ну, хорошо, хорошо, пусть он остается в этом салоне. Только никому ни слова.

— Буду молчать даже перед облаками, — торжественно пообещал я и соблюдал обет молчания целых пятнадцать (!) лет.

Почти вконец обессиленный этим препирательством, я наконец плюхнулся рядом с Сергеем и, едва переведя дух, нетерпеливо затормошил его.

— Рассказывай, рассказывай, как сам ты на этом рейсе оказался и почему в самый последний момент, я уж думал, без тебя улетим...

* * *

По существующему закону кантона Женева ни один из заключенных, даже после оправдательного приговора, не освобождается из зала суда, а только из того места, где был задержан, арестован или находился под стражей. Именно поэтому поздней ночью 11 декабря 1998 года, после окончательного завершения двухнедельного судебного процесса, Сергея Михайлова вновь водворили в камеру-одиночку тюрьмы Шан-Долон. И хотя он понимал, что оставаться здесь ему уже недолго, чувство все равно было не из приятных. Не знаю, как повел бы себя в этой обстановке любой иной человек, но Михайлов есть Михайлов — он отправился спать. Его разбудили незадолго до рассвета, часов около пяти. Вероятно, даже в этом был некий расчет на психологическое воздействие. Особо собирать ему было нечего, по инструкции, существующей в Шан-Долон, все вещи заключенного собирали надзиратели. Он лишь тщательно просмотрел и сложил в папку те бумаги, что готовил к суду, положив сверху документ, который, не сомневался, ему

непрерывно понадобится. Вот, что было сказано в этом поистине уникальном донесении:

«Господину Зекшену,

Судебному следователю

Сегодня организация ОССО передала нам, что она получила сообщение из двух совершенно разных следственных органов России, в которых говорится о том, что в самое ближайшее время официальная просьба о выдаче МИХАЙЛОВА СЕРГЕЯ будет передана министерствам Российской Федерации. Один источник информации отмечает, что после выдачи Сергей Михайлов БУДЕТ УБИТ (выделено мной. — О.Я.)».

Во внутреннем дворе тюрьмы Сергея усадили в машину с наглухо зашторенными стеклами и куда-то повезли. Через полчаса он оказался в той самой камере аэропорта Куантрэн, куда был доставлен после задержания 16 октября 1996 года. С тех пор прошло два года и два месяца, точнее — 778 дней. Без лишних обвиняков Михайлову заявили, что сегодня же он будет отправлен в Москву. Уже понимая, что происходит, но сохраняя внешнюю невозмутимость, Сергей потребовал выдать ему его личные документы и сопроводительные бумаги. На что полицейский офицер в достаточно резких выражениях и с явным апломбом заметил, что никто ничего не вправе требовать у швейцарских полицейских. Полиция-де сама ведает, что ей надлежит делать. Из этой фразы Сергею стало окончательно ясно, что его попросту хотят выслать из страны без всяких документов.

К тому моменту Михайлов, конечно, не мог знать, что утром его адвокатам в порядке конфиденциальной информации и, так сказать, из чувства глубочайшего уважения и расположения именно к ним сообщили, что в деле Михайлова отсутствуют какие-либо личные документы. Скорее всего, они находятся либо в сейфе следственного судьи Зекшена, либо, что еще вероятнее, хранятся у прокурора Кроше. Ни того, ни другого разыскать не удастся. «Вы же понимаете, господа, выходные дни — для швейцарцев это святое», — лицемерно вздохнул информатор. Адвокаты тем ни ме-

нее восприняли столь тревожное для их подзащитного сообщение весьма благодушно, решив, что Кроше и Зекшен такой вот мелкой мстью сводят счеты за свое поражение и Михайлову теперь придется еще двое суток, до понедельника, пробыть в своей тюремной камере, ожидая полного освобождения. Испытывая вполне объяснимую эйфорию после ошеломляющей победы, читая и перечитывая по многу раз свои фамилии во всех печатных изданиях, мэтры швейцарской адвокатуры полагали, что ничего страшного не произошло — ну подумаешь, что такое двое суток после столь блестящего вердикта!

Не зная, повторюсь, этих нюансов, Сергей с присущей ему остротой мгновенно проанализировал ситуацию и уже не сомневался, что против него готовится некая провокация.

— Послушайте, господа, — обратился он к полицейским. — Как вы себе представляете мое появление в России или в каком-либо ином государстве? Человек два года отсидел под следствием в женевской тюрьме и теперь прилетает не то что без паспорта, а вообще — без всяких документов. Да меня тут же обвинят в побеге из тюрьмы, а также в нелегальном пересечении государственных границ. И каким образом я смогу доказать, что покинул вашу страну легитимным порядком? Присяжные признали меня не виновным. Не далее, как вчера вечером судья объявила меня свободным человеком и я не намерен подчиняться вашему произволу. Вы напрасно думаете, что вот так запросто сумеете затолкать меня в самолет. Пока мне не выдадут сопроводительных документов, я и шагу отсюда не сделаю. А если вы захотите применить ко мне силу, то вам придется очень постараться. Советую не терять времени и вызвать сюда подразделение спецназа, да пусть ребят отберут покрепче. Я прекрасно владею восточными единоборствами, так что уступать вашим парням я не намерен и за себя сумею постоять. Они смогут занести меня в самолет лишь на носилках, предварительно переломав мне все кости. Заодно продемонстрируете всему миру свою хваленую швейцарскую демократию.

Привыкшие к безропотному и бессловесному подчинению, женевские полицейские попросту оторопели — тирада, произнесенная вчерашним заключенным тюрьмы Шан-Долон, явно

возымела на них действие. Полицейский офицер стремглав бросился к телефону, сбивчиво передавая требования Михайлова, то и дело повторяя, что «месье Микайлоф» в случае невыполнения его требований грозится применить физическую силу. Трактование было, конечно, весьма вольным, но Сергея и такая интерпретация его слов вполне устраивала. Тем более, что неповоротливая чиновничья машина мгновенно пришла в движение. Уже через несколько минут оснащенные по последнему слову современных средств связи полицейские аэропорта строчили кому-то донесения и отправляли их по портативному факсу, вмонтированному в кейс, а вскоре и ответ, заверенный всеми необходимыми подписями и печатями, был по тому же факсу получен. Документ сей можно использовать в качестве эксклюзивного образца правового цинизма и кощунства, граничащих с беспределом, а место ему не иначе как в международном музее Фемиды, если таковой когда-нибудь создадут. И та самая Карла дель Понте, дни которой на посту генерального прокурора Швейцарии были уже сочтены, именно она, поправ все законы и до суда предрекая Михайлову долгое тюремное заключение, к этому кощунственному документу свою руку приложила непосредственно:

*«Полиция кантона Женева
Полиция безопасности
Секция! V*

*Относительно: СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВА
Мы подтверждаем, что господин Михайлов Сергей, дата рождения 07.02.1958 г., должен быть выслан в Москву на борту рейса Ту-272 по требованию генерального прокурора Швейцарии.
12 декабря 1998 года.
Полиция безопасности
Секция! V»*

— Все это заняло довольно много времени, и, когда мы подъехали к самолету, трапа уже не было, так что мне пришлось взбираться по какой-то шаткой лесенке, — завершил свой рассказ Сергей. —

Кстати, оба документа — и о вероятности моего убийства в Москве, и о предписании генерального прокурора Швейцарии отправить меня в Россию я бы хотел, чтобы пока находились у тебя.

— Но ведь это такие важные бумаги, они в любой момент могут тебе и самому понадобиться, — удивился я его решению.

— Именно потому, что они действительно чрезвычайно важные, я бы и хотел, чтобы с ними ничего не случилось, — возразил Сергей. — Дело в том, что я готов к любым провокациям. Впрочем, если ты боишься... Мы ведь, по сути, с тобой едва знакомы.

— Вот еще! — фыркнул я. — Чем мне, журналисту, который два года официально освещал этот процесс, могут повредить бумаги, имеющие непосредственное отношение к делу? И потом, если бы я был таким боязливым и осмотрительным, я бы не летел сломя голову в этот самолет.

— Это точно, — широко улыбнулся Михайлов. — Кстати, ты обещал рассказать, как здесь очутился. Ну, насчет твоей гениальности я уже понял, а к чему относится «я тебя вычислил»?

— Да это просто с языка сорвалась фраза из старого анекдота. Если захочешь, потом расскажу.

— Нет уж, рассказывай сразу, я люблю анекдоты.

— Ладно, анекдот такой. Рано утром по микрорайону идет мужчина, а ему навстречу — другой. Мужчина рассуждает: «Откуда может так рано утром идти такой элегантный молодой человек? Конечно, от женщины. В нашем районе три достойные женщины: Маня, Рая и моя любовница Роза. От Розы я иду сам. Маня лечится от болезни, которую в приличном обществе называть нельзя. У Раи новый любовник, которого я не видел, но знаю, что его зовут Григорий Маркович». В этот момент они поравнялись. Мужчина галантно приподнимает шляпу и приветствует: «Доброе утречко, Григорий Маркович». Тот удивлен:

— Откуда вы меня знаете?

— Я вас таки да вычислил!

Отсмеявшись, Сергей потребовал и от меня подробного, так сказать, без анекдотных хохмочек рассказа. А я и не возражал.

Утром, после того как адвокаты получили информацию о том, что документы Михайлова хранятся либо у Зекшена, либо у Кроше,

они решили, что и им не грех провести славно уик-энд. Меня же свербила какая-то неосознанная мысль, скорее интуитивная, нежели осмысленная. Со своими сомнениями я отправился к переводчику Андрею Хазову. Выслушав мои сомнения, Андрей высмеивать меня не стал, но заметил, что мне не хватает знания ментальности швейцарцев.

— В выходные дни здесь не происходит и не может произойти ничего, что помешает отдыху швейцарца, — увещевал Хазов. — Никто делами Сергея заниматься не будет, все решения примут не раньше понедельника.

— Тогда и я тебе возражу, — огрызнулся я нахально. — Ты ведь знаешь поговорку о небывалой скупости швейцарцев: «Ни один швейцарец не ляжет спать до тех пор, пока десять раз не пересчитает тот единственный франк, который в этот день заработал».

— Это ты к чему?

— Да к тому, что если решение о высылке из страны уже принято, то его осуществляют именно сегодня, в субботу, не дожидаясь начала недели. К тому же отправлять будут только рейсом «Аэрофлота», а не швейцарской авиакомпании, дабы не выкладывать собственные денежки. Ты лучше позвони в аэропорт и узнай, есть ли сегодня аэрофлотовский рейс из Женевы, а если есть, то в каком часу.

Выяснилось, что именно сегодня в Москву летит самолет «Аэрофлота» и до конца регистрации остается чуть менее часа. Я стремглав бросился в свой гостиничный номер за чемоданом, Андрей плелся за мной и уныло бубнил, что не понимает, мне-то для чего лететь именно этим самолетом.

— Эксклюзивное интервью на борту самолета с человеком, которого два года кряду обвиняли в мыслимых и немыслимых преступлениях, а затем полностью признали невиновным, — это же вершина репортерской удачи, — на ходу объяснял я Хазову, беспорядочно запихивая в чемодан вещи и упаковывая компьютер.

В аэропорт я примчался, когда регистрация только-только закончилась. И все же меня зарегистрировали — свободные места были, это в итоге и решило дело.

Закончив свой рассказ, я подозвал все ту же стюардессу Риту, сменившую теперь гнев на милость, и предложил Сергею выпить за его освобождение. Он отрицательно покачал головой и заметил, что в Москву ему лучше прилететь абсолютно трезвым, так как неизвестно, какие сюрпризы там его могут ждать.

— Ну тогда позволь мне одному выпить за твою свободу, — упрямо заартачился я.

Сергей посмотрел на меня долгим взглядом, едва заметно улыбнулся и произнес:

— В таком случае позволь тебе этого не позволить. — Он плеснул водки на доньшко рюмки, а доверху — кубики льда.

Самолет мерно гудел моторами, и хотя Михайлов постоянно думал о чем-то своем, на вопросы мои отвечал охотно. Так что задуманное эксклюзивное интервью шло как по маслу. Но потом затрещало, что называется, по швам. Дело в том, что этим же рейсом в Москву возвращались несколько свидетелей защиты, из тех, что в последний день заседания выступали в суде. Сарафанное радио, как известно, вообще самое оперативное, а уж в замкнутом пространстве самолета оно сработало безотказно — о том, что в самолете летит Сергей Михайлов, уже вскоре стало известно всем. В наш салон началось настоящее паломничество. С Натальей Саранкиной, Владимиром Кизяковским, Василием Зиминым Михайлов проработал много лет, не виделись они давно, а во время суда да и после оглашения вердикта присяжных им, понятное дело, пообщаться не удалось. Так что теперь, в самолете, торопились наговориться. Кончилось тем, что стюардесса непререкаемым тоном попросила прекратить хождение по салону и приказным тоном велела всем занять свои места, тем более, что вскоре и посадку объявили.

В международном аэропорту Шереметьево гремела музыка, довольно оживленная и многочисленная группа людей ликовала, поднимая вверх голов какие-то транспаранты и выкрикивая то и дело невнятные приветствия. Это встречали спортсменов, которые, совершив, видимо, поистине гражданский подвиг, умудрились на норвежской лыжне не отстать от каких-то африканцев. Правда, внимание телевидения, представленного вездесущим ка-

налом НТВ, было все-таки обращено к Михайлову. Надо полагать, энтэвэшники получили информацию непосредственно из Швейцарии, от тамошнего своего корреспондента, который накануне днем поторопился «присудить» Михайлову семь с половиной лет тюрьмы (наслушался, видать, доверчивый, Карлу дель Понте), а теперь вот заглаживал собственный промах. Довольно лаконично ответил на вопросы телевизионщиков, Сергей высоко над головой поднял руку с разомкнутыми указательным и средним пальцами — Виктория! И проследовал к выходу. А здесь его уже ждали не менее предусмотрительные друзья, которые, как выяснилось позже, на всякий случай прихватив теплую одежду, встречали в этот день все рейсы из Женевы.

* * *

Мы довольно долго ехали куда-то через заснеженную морозную Москву, потом оказались в уютном ресторанчике, где, как я вскоре понял, отмечали день рождения старшей дочери Сергея — Александры. Поначалу родные не хотели справлять день рождения, но кто-то настоял: а вдруг Сергей именно сегодня вернется, вот будет ему сюрприз. И сюрприз получился на славу. Было много тостов, веселья и всего того, что должно быть, когда после долгой разлуки встречаются родные, любящие друг друга люди, твердо верящие, что, несмотря на все невзгоды, они будут вместе.

Впрочем, из того вечера, калейдоскопа незнакомых лиц, шума и веселья я уже мало что помню. Запомнился лишь вот какой эпизод. Когда уже садился в машину, чтобы ехать в гостиницу, ко мне подошел московский адвокат Михайлова Сергей Пограмков — мы к тому времени уже были знакомы. Пограмков сказал, что, по словам Михайлова, у меня-де хранятся какие-то очень важные документы и будет лучше, если я передам их ему, адвокату. На что я, как мне казалось, резонно возразил: «Сергей просил, чтобы эти бумаги находились у меня, отдам их только ему лично», — и, захлопнув дверцу машины, откинулся на мягкую спинку сиденья, мгновенно провалившись в сон. Журналист устал.

Глава вторая

СНОВА — ДОМА

Через пару дней после возвращения в Москву Сергей собрал дома друзей, пригласил и меня. Ночью мне нужно было улетать, но решил, что на эту встречу пойду непременно, хоть на пару часов. Признаюсь, мне не терпелось увидеть тех пресловутых солнцевских, о злостной силе которых я за эти годы так много читал в газетах самых разных стран мира. Познакомившись сначала с Виктором Авериним и Арнольдом Спиваковским, увидев и услышав на многочисленных судебных заседаниях самого Сергея Михайлова, я уже отчетливо понимал, что «Солнцевская» ОПГ — это искусно созданный миф, которым очень удобно манипулировать спецслужбам самых разных стран мира, включая и саму Россию, где, собственно, этот миф родился и постоянно пополнялся самыми невероятными страшилками.

Два с лишним годом публикуя статьи, репортажи, интервью о женовском деле Сергея Михайлова, имея неограниченный доступ ко всем материалам, которым располагали адвокаты (на самом деле такое право предоставлялось любому журналисту, будь на то его желание, хотя желающих-то и не оказалось), я, как никто другой, понимал, что никакого дела нет. Собственно, в конце следствия, когда уже материалы готовились к передаче в суд, высокопоставленные представители швейцарской юстиции и не скрывали даже, что они готовят показательный процесс — в первую очередь политический, нежели уголовный. Вслух не озвучивалось, но по намекам и недомолвкам, которые были красноречивее любых слов, становилось ясно, что приговор Михайлову должен стать грозным предупреждением всем русским бизнесменам, у которых возникнет не только желание, но и сама мысль о своем «вторжении» на Запад, ведении здесь бизнеса. Отсутствие каких-либо доказательств вины Михайлова его сатрапов нисколько не смущало. И два года понадобились им отнюдь не для сбора доказательств. Это время было необходимо, чтобы создать образ «крестного отца русской мафии», создать так, чтобы никто даже не помыслил усомниться в

том, что перед ними злодей новой формации. Русский, что весьма важно, злодей. И, надо сказать, в этом они преуспели. Редко какое издание или телевизионный канал устояли от соблазна помусолить этот лакомый кусочек. Если где-то шла речь о незаконной торговле оружием, тут же находились «мудрые» аналитики, усматривающие в этом след Михайлова. Наркотики, проституция, отмывание денег, рэкет — ну как тут без Михайлова?! Странно, что его еще в скрытом каннибализме не обвиняли. Но, увлекшись огульными, ничем и никем не подтвержденными обвинениями, швейцарская юстиция забыла о той судебной демократической системе, которая была создана в их же стране. Присяжные желали видеть доказательства, им, видите ли, документы подавай. А не обнаружив таковых, без тени сомнений все шестеро присяжных единогласно вынесли оправдательный вердикт, заявив во всеулышание, что сказки, дескать, хороши, когда в уютном домике потрескивают дрова в камине, а суду нужны документально оформленные доказательства, а также надлежаще подкрепленные и зафиксированные свидетельские показания.

Однако верить в невиновность конкретного человека — это одно, а в непричастность ко всему услышанному целой группы людей — совсем иное. Одним словом, кое в чем я сомневался, полагая, что некая «Солнцевская» группировка, пусть и не в таком устрашающем виде, как ее обрисовали мои многочисленные коллеги в разных уголках света, все же существует. И вот теперь мне не терпелось увидеть этих людей. Стол был обильным, людей собралось много. Описывать яства не берусь — Дюма-отец, непревзойденный в этом жанре специалист, раз и навсегда отбил у всех иных писателей охоту к этому занятию. Да и интересовали меня в первую очередь люди. Я пожимал чьи-то руки, называл свое имя, выслушивая и тут же забывая их имена, — в этом калейдоскопе приветствий запомнить кого-то конкретно было просто невыносимо. Мне было любопытно все — как они одеты, как общаются друг с другом, особенности их речи, как едят, пьют. Говорили обычное, матерились в меру — рассказывая анекдот «с перчиком». На блатном жаргоне не изъяснялись вовсе. Особо пьяных я тоже не приметил, хотя рюмки поднимали регулярно, за произнесенные тосты

их опустошая либо ополовинивая, — одним словом, обычная мужская компания. Только одно я понял из разговоров — здесь действительно собрались солнцевские. То есть те, кто родился либо долго жил в Солнцевском районе Москвы и не видел ни малейшей причины скрывать место своего обитания, как не приходит и мысли в голову скрывать свою географическую принадлежность киевлянам или питерцам, москвичам с Плющихи либо с Тверской. Одним словом, никакой банды, или, как предпочитали обозначать этих людей в СМИ, «организованной преступной группировки», я не обнаружил, с чем и убыл ночью в Бангкок освещать ход проходящих там Азиатских спортивных игр.

...Много времени спустя, отвечая на вопрос одного пытливого журналиста, была ли на самом деле «Солнцевская» группировка или же это все выдумки, Сергей Михайлов ответил так:

— Смотря что понимать под словом «группировка». У нас так любят манипулировать словами, что частенько забывают про их истинный смысл. Да, действительно, была группа людей, собравшихся для совместного ведения бизнеса. Собственно, в те, еще советские времена, слово «бизнес» не в ходу было. Начиналось кооперативное движение, и мы создали свой первый кооператив. С кем прикажете начинать новое дело, как не с людьми, хорошо тебе знакомыми, с кем учился в школе, жил на соседних улицах, в ком уверен, что тебя не предадут и не продадут. Мы никогда не посягали на чужое, но всегда могли постоять за свое. Дерзкими нас стали называть именно потому, что мы сумели отстоять свой бизнес. У нас хватало и сил, и решимости ни с кем не делиться, никому не уступать. Мы выпадали из общепринятой схемы того времени, а это вызвало недовольство, пересуды и вымыслы самые невероятные.

— А у вас был свой собственный кодекс либо устав? — поинтересовался все тот же журналист.

— Существует мнение, опять-таки искаженное, что наша группа состояла вся сплошь из бывших спортсменов. Действительно, многие из нас занимались спортом. И у нас было много друзей, с которыми мы вместе тренировались, ездили на сборы, соревнования. Но к тому времени, о котором идет речь, бывшие спортсме-

ны закончили вузы, стали экономистами, инженерами, приобрели опыт управленческой и организационной работы. Знаете, я никогда не различал людей, допустим, по национальному признаку. Для меня лично существует только две национальности — порядочный человек и непорядочный человек. Так и в деловом подходе — для меня в первую очередь имеют значение деловые качества партнеров и степень их порядочности. Что же касается какого-либо кодекса или устава, то нам они были не нужны. Большинство из тех, с кем я работал и работаю по сей день — люди верующие. А для верующего человека существует только один устав — это Заповеди, которые дал Всевышний Моисею, а тот передал их людям. Никакого другого устава, кроме Заповедей, нам не надо.

* * *

В Москву я вернулся через несколько месяцев. Работа над книгой о женевском процессе Михайлова была в полном разгаре, но я понимал, что вдали от героя завершить эту работу мне не удастся. Я знал материал поверхностно, более, скажем, созерцательно, мне явно не хватало взгляда на события изнутри, о чем я Сергею напрямик в телефонном разговоре и сказал. Сергей с моими доводами согласился тотчас, и уже вечером следующего дня меня встречали в Москве. Полагая, что жить буду в гостинице, я был, не скрою, приятно удивлен, когда получил приглашение остановиться у него дома. Мои эмоции были вызваны не личными амбициями, хотя и их я не лишен, чего уж лукавить. И все же больше всего радовала возможность ежедневно находиться рядом с тем, о ком пишу. Такая удача редко выпадает писателю. Надеюсь, хоть этот вывод профессионалы пера оспаривать не станут.

...В крохотный свой офис, расположенный в Центральном доме туриста, Михайлов ездил ежедневно. За два года, что он провел в швейцарской тюрьме, все его проекты и бизнес-наработки безнадежно утратили свою актуальность. Нужно было искать новые проекты, сориентироваться в современной экономике России, ее тенденциях, особенностях и изменениях, происшедших за это стре-

нительно мчавшееся время. Он встречался с экономистами, производственниками, без устали выслушивал любые, даже самые фантастические на первый взгляд предложения. Друзья порой сетовали: «Сергея, ну что ты целый час слушал бредни этого фантазера. Его уже через пять минут вежливо спроводить надо было». Он отвечал вроде бы уклончиво и лаконично, но по сути — очень точно: «Хочу разобраться».

Как-то вместе выехали мы из дому.

— Обрати внимание, — сказал Михайлов, — сзади джип серый катит. Машина одна и та же. Каждый день. Сопровождают меня неустанно, даже не скрывают, что следят за мной.

— Но кто это и зачем они за тобой следят с такой назойливостью?

— Ну, кто это, я могу только догадываться. А зачем следят — очевидно. Дают мне понять, что каждый мой шаг у них под контролем. Ну да мне все равно. Хотят следить, пусть следят. Я даже пару раз, когда из дому выезжал, раскланивался с ними. Но они не отвечают. Может, инструкции не позволяют или просто невежливые такие.

К слову сказать, наблюдение за Михайловым, по крайней мере столь явное, сняли лишь спустя несколько месяцев. Видно, убедились в полной бесперспективности наблюдения за «объектом», а может, бюджет спецслужб трещать по швам стал, дело-то недешевое — круглосуточное наблюдение за человеком, который за день чуть не по двести километров накатывает.

А Сергей словно заново узнавал свою любимую Москву. Старался не пропускать театральные премьеры, с удовольствием ходил на концерты, игры КВН, выставки. Его высокую статную фигуру узнавали повсюду. За спиной то и дело слышался шепот: тот самый, Михась, ну солнцевский, который суд в Женеве выиграл... Знакомые и даже малознакомые люди зачастую спешили подойти поздороваться. Многие уверяли, что не верили в его виновность, а напротив, верили в торжество справедливости. Правда, частенько говорили об этом почему-то шепотом, беспрестанно озираясь и оглядываясь, будто совершали что-то чрезвычайно опасное и рискованное.

Как-то в одном модном ресторане навстречу Михайлову поспешил известный певец и композитор. Плача и слез не пряча и утирая, стал говорить, как не спал ночами, молясь за скорейшее и благополучное возвращение дорогого друга Сережи. Его тогда еще жена, тоже известная певица, навек сохранившая свой украинский «хovor», из-за стола, правда, не поднялась, но головой согласно кивала: да, дескать, ночей не спали и глаза все выплакали. На столе у них стояла почти уже опорожненная бутылка водки, и когда певец-композитор к столу возвращался, то в кресло свое вписался далеко не с первого раза. Отойдя чуть поодаль, Сергей спросил у одного из близких друзей, кивнув в сторону композитора: «Позвонил хоть раз?» — и тот, отрицательно качнув головой, скупо ответил: «Ни разу».

Время его было спрессованно до невероятной плотности, но все же он старался как можно больше бывать с семьей. То отправлялись все вместе на птичий рынок, то на выставку меда, то долгими зимними вечерами вместе гуляли по старому Арбату, и прогулки эти затягивались до глубокой ночи. Завтракать Сергей предпочитал с отцом. Стол был не по-утреннему уставлен всевозможными яствами, но сын словно спешил напоследок побаловать отца — увы, ничего утешающего или обнадеживающего врачи о ходе его онкологического заболевания не говорили.

Анатолий Павлович просыпался ранехонько. Курил в одиночку одну сигарету за другой, выжидая время, потом звонил мне по переговорному устройству и ворчал: «Писатель, ну хватит тебе прохлаждаться, давай чайку попьем». Я очень ценил утренние часы работы, но разговоры с Анатолием Павловичем, Палычем, как его называли все вокруг, были для меня еще важнее. Те пару часов, пока на кухню выходил свежий и бодрый после утреннего душа Сергей, Палыч рассказывал мне о своей молодости, о службе в армии и, конечно же, о сыне. Характера Палыч был твердого и властного, внешне несколько грубоват. Помню, поначалу Сергей даже опасения осторожные высказывал по тому поводу, найдем ли мы с его отцом общий язык. А потом всякий раз удивлялся, застав нас за мирной и покойной, обстоятельной утренней беседой. Ласкательных да уменьшительных имен не признавал,

сына называл чаще всего Серегой либо Сережкой, но такая любовь и гордость сквозили в его взгляде, что не утаить их было даже за внешней суровостью этого человека, прожившего такую нелегкую жизнь. Да и болезнь свою переносил он мужественно, порой боль терпел до тех пор, когда уже без врачей обойтись было просто невозможно.

Людмила, жена Сергея, хотя у нее и были по дому помощницы, свекру предпочитала сама и блинов испечь да на стол подать и чайку горяченького собственноручно освежить. Завтраки иногда затягивались на несколько часов, и лишь после этого возвращался я к работе над книгой, ничуть не жалея о потраченном времени.

Иногда навещали меня две очаровательные посетительницы. Первый раз они появились через несколько дней, как поселился я в доме Михайловых. Скрипнула дверь, я на скрип оглянулся и увидел в дверном проеме четыре блестящих глазика. Затем на пороге возникли две сестрички в умиляюще уютных коротких домашних валеночках. Я уже знал, что старшую зовут Шурочка, младшую Верочка. Они немножко посопели на пороге, потом Верочка спросила решительно:

— Вы писатель?

— Писатель.

— Книгу пишете, — не спросила, а утвердилась она в собственном мнении.

— А можно нам посмотреть, как писатели книгу пишут? — спросила Шурочка.

Честно говоря, я растерялся, не зная, что и ответить.

— Ну, конечно, смотрите, если вам интересно. Вот садитесь сюда и смотрите.

В этот момент в комнату вошел Сергей.

— Вы что тут мешаете? — притворно строго спросил он дочерей.

— Мы не мешаем, — чуть ли не хором обидчиво возразили сестрички. — Мы смотрим, как писатели книгу пишут.

С того дня их посещения стали регулярными, и мы сдружились. Сейчас, когда я смотрю на двух светских молодых изысканных дам,

окруженных собственными детьми, я невольно вспоминаю всякий раз тот вечер, когда они пришли выяснить, как писатели книгу пишут.

...В тот день, когда издательство «Вече» прислало мне первые пять сигнальных экземпляров книги, вышедшей с анонсом «Тайны женеvского процесса», у Сергея брали интервью представители самых крупных и популярных изданий Швейцарии. Зарубежные гости задавали ему множество самых разнообразных вопросов, фотографировали дома и на Красной площади. Один из репортеров с достаточно явным упреком заметил:

— Послушайте, господин Михайлов, вам не стыдно плохо отзываться о Швейцарии? Вас же там оправдали. Да к тому же выдали невиданную компенсацию — в полмиллиона долларов. Ведь вам же наверняка известно, что после прецедента с вами в швейцарское законодательство внесли изменения и теперь ни один иностранец не может рассчитывать на компенсацию, подобную вашей.

На что Сергей Анатольевич ответил:

— Я же не страну и ее народ ругаю, а власть предержавшую, в частности, юриспруденцию, по вине которой меня неправовым образом столько времени в тюрьме держали. Счета заморозили, поломали блестящие контракты. Да что там счета и контракты! Два года жизни украли! А чтобы вы не сомневались, какие ко мне в Швейцарии применялись методы, я вам два документа покажу.

И Михайлов продемонстрировал им подлинники пресловутых бумаг: уведомление о его предполагаемом убийстве и требование Карлы дель Понта о немедленной высылке из Швейцарии в ту страну, где Михайлову, судя по донесению, грозила смертельная опасность.

Получив из издательства сигнальные экземпляры и узнав, где сейчас находится Михайлов, я поехал на Красную площадь. Гости уже прощались с ним, собираясь ехать в аэропорт. Сергей внимательно осмотрел книгу и велел отдать швейцарцам все пять экземпляров — гостей как раз было пятеро.

— Обойдутся хотя бы четырьмя, — сварливо возразил я. — Первый экземпляр должен принадлежать тебе.

— Да отдай все, нам же еще пришлют.

— Не отдам, первый экземпляр по праву твой. Даже не мой, как автора, а именно твой, — продолжал я упрямыться.

Видно, что-то такое почувствовал он в моих интонациях, но махнул рукой, дескать, поступай, как знаешь. Уже вскоре мы узнали, что швейцарские журналисты в полном смысле слова разодрали на главы полученные ими четыре экземпляра книги и перевели ее на родной язык чуть ли не за неделю. Ни единого возражения из Швейцарской Конфедерации не последовало.

Глава третья

ОДЕЯЛО ЛЖИ ИЗ ЛОСКУТОВ ПРАВДЫ

А чужого-лишнего
На меня навешано,
Слава нехорошая
Бродит по пятам...

М. Танич

В свое время основанием для задержания Сергея Михайлова в Женеве послужила статья, опубликованная в бельгийской газете «Ле суар». Казалось бы, какое отношение рядовая бельгийская «вечерка» имеет к швейцарскому правосудию? Но, надо полагать, дело тут вовсе не в географии. Если бы подобная публикация появилась в каком-либо издании, допустим, Катманду или на Огненной Земле, то и этого было бы достаточно, чтобы инспирировать «дело», шитое белыми нитками. После вынесения оправдательного вердикта адвокаты Михайлова подали иск против бельгийского издания и спустя всего-навсего... десять (!) лет «Ле суар» вынуждена была признать, что опубликованные о Михайлове данные оказались непроверенными и, мягко говоря, недостоверными. Юристы газеты ссылались в основном на то, что использовали преимущественно те «факты», которые почерпнули из российской прессы, не удосужившись найти им хоть какое-нибудь подтверждение и не отправив в правоохранительные органы ни единого запроса. Газета выплатила Михайлову компенсацию, на своих страницах вы-

нуждена была опубликовать опровержение, правда, набранное самым мелким шрифтом и втиснутое в неприметное место. Сдается мне, что «Ле суар» совершенно напрасно проявила столь завидные строптивость и упорство, достойные лучшего применения. На мой взгляд, кроме благодарности к Михайлову, бельгийские журналисты ничего испытывать и не должны были. Ну, судите сами, кто знал в мире о существовании скромной «вечерки», издающейся в Брюсселе? А за те два с лишним года, что шло следствие, «Ле суар» не цитировал только ленивый. На нее ссылались коллеги-журналисты в разных странах мира, ее беспрестанно цитировали обвинители. Даже в суде прокурор патетически восклицал: «В “Ле суар” сказано!..» Ну надо же, какой всемирно авторитетный источник вдруг объявился в деле борьбы с международным криминалом. Одним словом, рекламу «Ле суар» Сергей Михайлов сделал поистине неоценимую.

Собственно, не только «Ле суар», но и все западные издания в те годы да и по сей день пользуются исключительно теми данными о криминальной и псевдокриминальной обстановке в России, которыми их щедро и охотно снабжают сами же российские журналисты. Во время женевского процесса были исписаны тонны бумаги, затрачены гигантские средства на проведение всевозможных экспертиз по совершенно ничтожному поводу: свидетельствует ли о криминальной принадлежности людей сделанная ими на церковном колоколе надпись «От солнцевской братвы»? В 1997 году московский журналист Лариса Кислинская в газете «Совершенно секретно» опубликовала статью «Депутат мафии» о неблагоприятных, скажем так, действиях депутата Московской городской думы Анатолия Станкова. В публикации есть фраза, что Станков сфотографировался вместе с батюшкой из деревни Федосьино, «которой, — цитирую Кислинскую, — был подарен колокол с надписью “От солнцевской братвы»⁸. В итоге было установлено, что на колоколе нет слова «братвы», а есть слово «братии». Кстати сказать, старинное доброе русское слово, означающее не что иное, как братство по вере, но, Боже ж ты мой, как многозначительны были женевские прокуроры, пытаясь придать благому делу криминальный характер. К слову сказать, на присяжных в суде этот эпизод не произвел ни малейше-

го впечатления. И не только потому, что они в переводе на французский не уловили никаких криминальных нюансов. Присяжные просто не поняли, почему жители одного из московских районов не могли на собственные деньги отлить колокол для церкви, куда сами же и ходят молиться.

...Из воспоминаний собственной юности. Одного моего приятеля в чем-то, уж не припомню, в чем именно, обвиняли, не столько перевирая произнесенные им слова, сколько интонациями искажая суть им сказанного. Он, выслушав оппонентов, с обидой произнес: «Если с такими интонациями читать Карла Маркса, то его бы следовало судить за антикоммунистическую пропаганду». Вот уж поистине — велик и могуч русский язык.

Бывший министр юстиции Валентин Ковалев в баньке попался, где и был заснят на видео пленку, если это не монтаж, чего, кстати, доказать так и не смогли. Та же Кислинская пишет: «Съемки велись в сауне ночного клуба, известного как одно из любимых мест встреч ребят из Солнцева, чей лидер Сергей Михайлов (он же Михась) сейчас томится в швейцарских “застенках”». Вот так вот, и никак иначе. Интересно, а если бы в той сауне ненароком побывали, допустим, японские туристы, то «золотое перо России» Лариса Кислинская обвинила бы экс-министра Ковалева в принадлежности к «Якудзе»?..

Именно с подачи журналистов детское, еще со школьных лет, невинное производное фамилии Сергея превратилось со временем в криминальную кличку. Не мешало бы, правда, собратьям по перу пройти правовой ликбез (уж извините за менторство). И тогда бы они узнали, что криминальной может считаться только та кличка, по которой обращаются к своему сообщнику участники общего преступления, чей злой умысел доказан в суде, а приговор по данному делу вступил в законную силу. И никак иначе.

Как-то Сергей в сердцах заметил:

— Идет обычная телепередача, ведущая Татьяна Миткова спокойненько так, упоминая меня, говорит «Михась». С какой, спрашивается, стати? Мы же с ней никогда даже знакомы не были. Откуда такая фамильярность? Представляешь, какой бы поднялся шум, если бы я ее каким-нибудь детским прозвищем назвал просто в частном

разговоре, а тут на всю страну и без всякого смущения, с полным осознанием собственной правоты.

* * *

Когда женеvский процесс был завершен, более всего его результат разочаровал российских журналистов. Ну как же так! Они столько лет создавали кроважaдный образ «крестного отца русской мафии», а все их старания оказались пустыми. Какие-то там школьный учитель, автослесарь, домохозяйка и прочие представители среднего социального сословия, составляющие жюри присяжных суда кантона Женева, проигнорировали мнение российских журналистов и не признали в Михайлове криминального лидера, а напротив — признали его полностью не виновным. Да и швейцарское государство тоже хорошо — выплатило компенсацию в полмиллиона баксов человеку, о котором русские газеты за много лет ни единого доброго слова не сказали. Позволю себе авторское бахвальство и процитирую несколько строк, завершающих книгу о женеvском процессе:

«Сергей Михайлов живет в Москве, занимается бизнесом. Журналисты пообещали ему на страницах своих газет, что будут за ним тщательно следить. Поражений прощать никто не любит».

Прошло пятнадцать лет. Свое слово пресса сдержала да и до сих пор держит. Правда, эта слежка носит весьма специфический характер. Речь вовсе не идет о глубоких журналистских расследованиях по одной простой причине — расследовать-то нечего. А если сенсации нет, то ее нужно создать. Кстати сказать, не такое уж сложное для профессионала занятие. Было бы ключевое слово, в данном случае фамилия, а сенсацию сострять несложно. При этом нужно иметь только моток белых ниток. Моток должен быть потолще, а вот сами нитки желателъно, чтобы были потоньше, дабы не так заметно выделялись на темном фоне клеветы. В свое время старая русская интеллигенция, чуравшаяся острых выражений и боявшаяся резким словом обидеть ближнего, называла клевету одеялом лжи из лоскутов правды. И даже те, кому сие выражение нынче неведомо, с успехом применяют эту формулу.

К примеру, разоблачает один известный криминальный репортер сделку «Газпрома» с американской компанией «Итера». Переполненный праведной болью за утраченные государством бюджетные средства, негодует, гневается искренне, что «Итера» «является офшорной компанией и, естественно, не осуществляет никаких налоговых платежей, несмотря на использование российской сети газопроводов». А стоят за всей этой хитроумной и явно противозаконной комбинацией, по мнению репортера, конечно же, «Солнцевская» ОПГ и ее лидер Сергей Михайлов. Ну просто не могу сдержаться, чтобы анекдот в связи с этим не рассказать.

Грузин стоит под окнами роддома и зовет жену:

— Софико, Софико!

В окно выглядывает женщина.

— Родила?

Расплывшись в улыбке, женщина кивает.

— Малчик?

Женщина отрицательно качает головой. В возмущении и непонимании происходящего грузин гневно восклицает:

— А кто?!

И действительно, ну кто еще может быть виновен в том, что Газпром, допустим даже, что это правда, умыкнул кровные российские денежки, если не Михайлов и подвластные ему пресловутые солнцевские?

В пресс-службе Сергея Михайлова тщательно следят за всеми публикациями, так или иначе связанными с его именем. Недавно на одном из интернет-сайтов появилась несуразно огромная по объему статья, вернее даже, подборка из десятка примерно статей, посвященная, если верить заголовку, депутату Государственной думы РФ Алексею Митрофанову. Сначала в пресс-службе недоумевали, в какой связи компьютерная система поиска выдала эту публикацию. И здесь не обошлось без солнцевских и Михайлова. Собственно, о самом Митрофанове всего ничего, зато одеяло лжи размеров вышло необыкновенных, кроили, видно, с таким расчетом, чтобы всех жителей Солнцевского района можно было накрыть разом.

В частности, журналисты сайта утверждают, что именно Сергей Михайлов стал причиной того, что в 1995 году между министерствами внутренних дел Австрии и России была достигнута договоренность об интенсивном обмене информации о «новых русских», переезжающих в Австрию на постоянное место жительства. Далее в публикации сказано, что «особенно полюбила Австрию самая крупная в Москве и области “Солнцевская” группировка, лидером которой является Сергей Михайлов (Михась). В центре Вены солнцевская братва приобрела несколько роскошных особняков и открыла в одном из них свою резиденцию. Кроме того, они открыли в Австрии коммерческие структуры, которые используют для отмывания похищенных на родине денег».

А теперь расслою-ка я это типичное одеяло лжи на составляющие лоскуты правды. В середине девяностых Сергей Михайлов действительно некоторое время жил в Вене — это правда. Но никаких особняков у него не было — это ложь. Он арендовал съемную квартиру. Зная его неподдельные гостеприимность и радушие, с уверенностью можно сказать, что у него бывали гости, это правда. А вот то, что в его съемной квартире была резиденция некой преступной организации, уже клевета. У Михайлов была своя коммерческая фирма, зарегистрированная в Австрии в полном соответствии с законами этой страны, сие правда. А вот то, что фирма занималась отмыванием денег, «украденных на родине», — опять-таки клевета, причем опровергнутая в процессе все того же женеvского суда.

А теперь напомним едва не ставшую трагической историю похищения австрийского бизнесмена Антона Кандова. Его похитили во время московской деловой поездки, увезли в Чечню и потребовали многомиллионный выкуп. Сергей довольно хорошо знал семью Антона, отца, старшего брата, решил помочь людям, чье горе было неизмеримым. Обратился за помощью к своим чеченским друзьям-спортсменам, с которыми знаком был много лет. Прославившие свою землю чемпионскими титулами и золотыми медалями самых престижных турниров мира, у себя на родине известные и уважаемые, эти люди освободили из плена австрийского гражданина, вернули его на родину. Кстати, за это никому не было уплачено

ни единого российского рубля, ни американского доллара или австрийского шиллинга. Так что имя Сергея Михайлова в середине девяностых действительно хорошо было известно правительству Австрии, которое выразило ему официальную признательность, — вот это истинная правда.

Сергей частенько любит повторять поговорку: «Добрая слава на печке лежит, а дурная слава по дорожке бежит». Тем и хороши народные поговорки, что истина их шлифуется веками. До правды-то докапываться надо. А это труд, порой нелегкий и чаще всего — неблагодарный. Для того же, чтобы оболгать человека, достаточно самой малой доли злого воображения, а порой и просто вульгарного желания деньжонок срубить по-легкому да листа бумаги, в современном варианте — компьютера. Вот омская газета «Новое обозрение» составила список из «160 самых смачных кличек страны» — цитирую омичей. Начинается список кличек следующим образом: «Ленин, Сталин, Киров, Молотов, Михась...» Комментарии, как говорится, излишни.

Одним из немногих в России, кто захотел все же докопаться до истины, стал главный редактор газеты «Мир новостей» Николай Кружилин. Николай Алексеевич — человек весьма самобытный. Он, доктор физико-математических наук, в начале девяностых, когда его знания в области математики стали никому не нужны, решил открыть газету. Называя себя и по сей день профессиональным читателем, Кружилин полагал и не ошибся, что он сумеет найти те темы, которые действительно интересуют читателя. Не ангажированный никакой партией или политическим движением, теперь уже не просто газета, а издательский дом, чья многомиллионная печатная продукция расходуется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья, «Мир новостей» вот уже двадцать лет придерживается одной-единственной концепции — объективности. Так вот, именно Николай Алексеевич Кружилин и стал инициатором пресс-конференции с Сергеем Михайловым вскоре после того, как тот из Женевы вернулся в Москву. Журналистской братии (или все же братвы?) собралось тогда великое множество, российские и зарубежные газеты и журналы, телеканалы и радиостанции спешили аккредитоваться на той пресс-

конференции, продолжавшейся несколько часов. Сергей без внимания не оставил ни единого вопроса, хотя порой вопросы носили явно тенденциозный, если не сказать, провокационный характер. А в завершении пресс-конференции сделал весьма неожиданное для всех сообщение:

— Вы, господа журналисты, принесли немало горя мне, моей семье и близким своими вымыслами, обливая меня грязью и сочиняя обо мне всякие гадости. Но я христианин, а Бог велел нам прощать. Так вот, за все, что вы написали обо мне лживого до сегодняшнего дня, я вас прощаю. Однако впредь буду взыскивать. — Михайлов сделал намеренную паузу, наблюдая за реакцией зала на его слова, и раздельно, по слогам произнес: — По за-ко-ну. Исключительно по закону, и никак иначе. Ни одна ваша клеветническая публикация не останется больше без судебного иска с моей стороны.

Это заявление не только не возымело на пишущую братию желаемого действия, но, напротив, словно из чувства противоречия, а возможно, дабы доказать строптивому собственную силу, на него обрушили целый шквал самых невероятных измышлений. Казалось, что кто-то неведомый конкурс объявил на самую изошренную и фантастическую ложь о Сергее Михайлове. На этот шквал адвокаты Михайлова ответили шквалом судебных исков и... выиграли все до единого! Даже самые опытные и изворотливые юристы, состоящие на службе крупнейших изданий, как они ни изошрялись, не смогли доказать, что за домыслами журналистов есть хотя бы один правдивый факт, подтвержденный документально. И тогда они спешили предложить Михайлову так называемое мировое соглашение: в обмен на отзыв искового заявления опубликовать опровержение. Нельзя сказать, что это полностью остудило пыл ретивых писак, просто они научились, что называется, обходить острые углы, применяя формулировки, формально избавляющие от судебной ответственности. Оговорки типа «так называемый», «в определенных кругах известный», «по слухам из авторитетных источников» стали для них неким щитом. И все же эти злопыхатели не могли отказаться от мысли, что фамилия Михайлова утрачивает былую криминальную сенсационность, которой они вот уже два десятиле-

тия пичкали читателей и телезрителей, повышая тем самым свой собственный имидж бесстрашных борцов с криминалом, а заодно и пополняя собственный бюджет.

Вот еще один характерный пример. Речь идет об игре КВН в Риге. «Здесь же был замечен известный сатирик Михаил Задорнов в компании Сергея Михайлова, в котором швейцарские следователи увидели некогда лидера “Солнцевской” группировки Михася, да доказательств не нашли. Но это так, кстати», — поведала «Комсомольская правда» своим читателям. А что, собственно, кстати? То, что Задорнов смотрел КВН, или то, что Михайлов любит эту игру? А может, все намного проще — автор всего лишь усомнился, имеет ли право некий Сергей Михайлов, родившийся в Солнцево, посещать КВН. Тем более что швейцарские следователи, не нашедшие за Михайловым никакой вины, надо полагать, о таком зрелище, как КВН, и слыхом не слыхивали. Это в Киеве, как известно, дядька, а в огороде — бузина. А в российских газетах — повсюду Михайлов. Стоит Сергею только появиться на людях в обществе какого-либо известного человека, это немедленно становится достоянием общественности. Да что там известного! И неизвестным перепадает от славы Михайлова.

Вскоре после того, как вышла в свет книга о женевском процессе, и мою скромную персону одарили вниманием и красочными эпитетами коллеги. В одной публикации назвали меня «певцом солнцевской братвы», в другой — «идеологом “Солнцевской” ОПГ». Знай меня коллеги получше, они бы так никогда не написали: петь я не умею вовсе — мне, как говорится, медведь на ухо наступил, а любой идеологии всю свою сознательную жизнь избегаю, как чумы. Публикация эта, впрочем, имела для меня некие, в общем-то, забавные последствия. Всегда ведь найдутся предприимчивые люди, способные деньги делать из воздуха, а уж использовать опубликованную информацию такие предприниматели просто мастера.

Вот и меня однажды вечером навестил довольно хорошо известный человек, чье мошенничество было вскоре «оценено» судом в восемь лет лишения свободы. Представлялся этот человек в зависимости от обстоятельств то высокопоставленным чиновни-

ком МВД, то полковником ФСБ, а то и вовсе «скромненько» — сотрудник по специальным поручениям аппарата президента страны. В моем конкретном случае он сказал, что по долгу службы имеет доступ к компьютерным файлам Интерпола. С явной тревогой в голосе поведал мне, что обнаружил под грифом «совершенно секретно, только для служебного пользования» материал, информирующий все спецслужбы мира о моей скрытой деятельности по совершенствованию преступных сообществ, разумеется, в первую очередь «Солнцевской» ОПГ, дружбе с криминальными лидерами, ну и прочими противозаконными деяниями. Всего тридцать две страницы.

— И для чего вы мне все это рассказываете? — проявил я неадекватное любопытство.

— Как для чего?! — Мой собеседник даже задохнулся от такой непроходимой моей тупости. Но тут же пояснил: — Во-первых, я много о вас слышал хорошего, во-вторых, мы земляки. Я тоже когда-то в Ташкенте жил. А землякам надобно помогать... — И он снисходительно улыбнулся.

— Теперь понятно, — поощрил я его отзывчивость к моей судьбе. — Ну, а чем мне, собственно, грозит этот строго засекреченный материал Интерпола?

— Крупными неприятностями, причем в самый неожиданный момент и, надо полагать, в самое ближайшее время. — На челе радетеля моей личной безопасности явно отразилась тревога. — Подобные сведения неизбежно приведут к тому, что вас где-нибудь при пересечении границы задержат.

— Но я не переползаю через границы по-пластунски и не проникаю в другие страны в бочке с селедкой, упрятавшись в трюм парохода.

Он вздохнул укоризненно, явно демонстрируя, что мой неуместный в данной ситуации юмор и легкомыслие противоестественны, так как речь идет о понятиях судьбоносных. Тогда я поинтересовался, что, на его взгляд, следует предпринять.

— Изъять! Причем изъять так, чтобы и следов никаких не осталось. Я знаю, как это можно сделать. Риск, конечно, велик, но я готов рискнуть. Правда, потребуются кое-какие расходы, так как в

одиночку я этого сделать не смогу. Мне-то самому ничего не надо, я исключительно из соображений помощи хорошему человеку, а вот людям придется отблагодарить.

На вопрос о размерах благодарности мой «добрый ангел», не задумываясь, ответил:

— Три тысячи долларов за страницу.

С математикой у меня в школе было настолько плохо, что математичка считала, что поощрения с ее стороны заслуживает только моя поистине исключительная тупость к ее любимому предмету. Но тут я сосчитал мгновенно:

— Девяносто шесть тысяч?! Да откуда у меня такие деньги?

— Я и не думал, что вы за это заплатите. А вот Сергей Анатольевич вполне бы мог, это для него не деньги.

— Извольте не судить, что для Сергея Анатольевича деньги, а что нет. К тому же с какой стати он должен за это платить?

— Ну как же, вы освещали его женевский процесс, написали о нем прекрасную книгу. Я думаю, он не откажется вас выручить. А давайте пари, — вроде как внезапно, но заметно наигранно оживился радетель моих интересов. — Вы прямо сейчас, при мне звоните Михайлову и говорите, что с ним хочет встретиться высокопоставленный сотрудник спецслужб. Охарактеризуйте меня как человека влиятельного и исключительно надежного, что, собственно, полностью соответствует истине. Одним словом, организуйте мне встречу, а уж я вопросы вашей безопасности с ним сумею решить.

— Ну вот что, — решил я прервать этот фарс. — У меня есть совершенно иное предложение. Уж коли вы такой влиятельный человек, то предложите вот какой вариант. Мне платят по тысяче долларов за страницу компьютерного текста, и я пишу о себе еще тридцать две страницы такого, что в Интерполе за головы схватятся. Получаю тридцать две тысячи долларов, половину отдаю вам. Идет?..

Незадачливый мошенник, пытавшийся прорваться на встречу с Сергеем Анатольевичем, представлял лишь сам себя, он лицо — частное. Куда как хуже, когда, прикрываясь авторитетными изданиями или телеканалами, мошенничают и блефуют журналисты.

Пару лет назад с просьбой о телеинтервью обратился к Михайлову некий Максим Гладкий, который готовил сюжет для известной и авторитетной телекомпании. Долго и обстоятельно рассказывал, какой это будет замечательный сюжет, и даже не один, а несколько, во всяком случае, не меньше трех. Особо подчеркивал, что Михайлова хочет показать человеком простым, не чванливым, а для этого как нельзя более лучше подходит домашняя обстановка. Не желая в первую очередь отказывать популярному телевизионному каналу, Михайлов дал согласие на съемку. Группа пробыла в его доме практически весь световой день. Не отказались и от ужина, отведали напитков, понятное дело — не только прохладительных. Провозглашая тосты, славил гостеприимного хозяина, о котором так много слышали и который и впрямь оказался человеком добросердечным. Уходили, нагруженные подарками, унося так понравившиеся им бутылки с домашними наливками, банки с компотами, соленьями да вареньями. Телепередача ждать себя не заставила. Куцые фрагменты из прямой синхронной речи — вот и все, что осталось от этого интервью. А вот закадровый текст Максима Гладкого был полон язвительности и сарказма. Нет-нет, никаких впрямую высказанных обвинений со стороны журналиста в адрес героя не прозвучало. Но если осмыслить все сказанное, то выходило, по мнению все того же Гладкого (так и тянет меня букву «л» пропустить) журналиста, что Михайлов-де чуть ли не экологию всей Московской области погубить намерен. Пресс-служба Михайлова свое отношение к сюжету автору высказала без обиняков. Гладкий не согласился, заявив, что в прямой речи героя ни единого слова искажено не было. А спустя совсем немного времени Максим Гладкий, как ни в чем не бывало, позвонил Сергею Анатольевичу и попросил, цитирую: «Прокомментировать факт покушения на вора в законе Аслана Усояна». Михайлов безапелляционно заявил, что никакого отношения к криминальному миру не имеет и от каких-либо комментариев отказывается. А уже на следующий день в одной из газет в обширном обзоре появились такие строки:

«Я не думаю, что причиной стали разборки в бизнесе, это чистой воды вендетта», — поделился своим мнением еще один «авторитетный предприниматель», Сергей Михайлов, известный

как Михась». Под публикацией стояла подпись: «Максим Гладкий».

Подлог. Чистейший воды подлог — вот как это называется. И Сергей решил высказать по этому поводу собственное мнение публично. Написанный им текст его пресс-служба разослала на интернет-сайты большинства российских изданий и телеканалов:

«Вскоре после того, как в СМИ было сообщено о покушении на Аслана Усояна, мне на мобильный телефон позвонил тележурналист Максим Гладкий и попросил меня прокомментировать это происшествие. Я категорически отказался это делать, аргументировав тем, что, будучи по роду своей деятельности коммерсантом, далек от каких бы то ни было криминальных событий. Господин Гладкий в телефонном разговоре продолжал настаивать на своем и даже сообщил, что собирается снимать обо мне передачу на телеканале НТВ, в связи с чем просил все же пойти ему навстречу и высказать свое мнение по поводу покушения на Аслана Усояна.

Я вновь вынужден был отказать ему в этой просьбе, заявив, что далек от криминальных событий и у меня нет представления о том, в связи с чем и по какой причине произошло покушение. Возможно, это была вендетта, возможно, что-либо еще, что мне неизвестно. В любом случае я никак не собираюсь комментировать данный инцидент. Вот это все, что я ему сказал. На этом наш телефонный разговор и завершился.

Каково же было мое удивление и возмущение, когда 22 сентября 2010 года я увидел на страницах “Комсомольской правды” публикацию, которую подписал независимый репортер Максим Гладкий. В этой публикации М. Гладкий утверждает, что я прокомментировал ему “расстрел деда Хасана”, и в моей прямой речи, взятой в кавычки, высказывает не просто версии, а якобы прозвучавшие из моих уст утверждения. В последующие несколько дней та же самая публикация была растиражирована еще в нескольких печатных и электронных изданиях России и Украины.

В связи с этим у меня возникает вопрос: кто стоит за этой, с моей точки зрения, провокацией и какую цель преследовал своей публикацией Максим Гладкий? Он хотел убедить обывателя в

том, что я в курсе всех криминальных событий, или, быть может, сформировать в глазах близких Аслана Усояна негативное мнение?

По моему убеждению, поступок Максима Гладкого является не только вопиющим нарушением журналистской этики, но и противоречит общепринятым элементарным принципам человеческой порядочности. Я намерен обратиться в суд с иском по поводу данного прецедента. Полагаю, что, готовясь к телефонному интервью, Максим Гладкий записал наш разговор, эта запись будет свидетельствовать о том, что М. Гладкий — лжец и фальсификатор.

С. Михайлов».

...Как-то заговорили с Михайловым об очередной публикации, полной намеков и недомолвок. Сергей, усмехнувшись, заметил:

— Ты обратил внимание, что последнее время к моей фамилии прочно приклеили эпитет «авторитетный»? Как это твои коллеги умудряются самым чистым словам придать характер обвинительный, ума не приложу. А может, им просто элементарной грамотешки не хватает? Я вот не поленился, заглянул в толковый словарь. Так вот... — И он по памяти, но слово в слово процитировал: — По Ожегову, «авторитет — человек, пользующийся влиянием, общим признанием, к которому относятся с уважением, с доверием». И что же тут, спрашивается, предосудительного?

Впрочем, за последние годы тенденция достаточно заметно изменилась. Все чаще и чаще обращаются к Михайлову как российские, так и зарубежные журналисты. Они искренне хотят разобраться, кем же на самом деле является человек, внимание к которому приковано в разных странах вот уже без малого три десятилетия. И если Сергей видит, что репортер примчался к нему не за очередной дутой сенсацией, а действительно хочет докопаться до истины, то времени на такие встречи не жалеет. Не избегает никаких вопросов, отвечает обстоятельно и вполне искренне, к месту пошутит, вовремя анекдот ввернет, а уж эрудицией своей подчас просто поражает. Бывает так, что журналисты, покоренные его обаянием и радушием, забывают об основной цели своего визита. Так однажды, я при том присутствовал, получилось с одной зару-

бежной телегруппой. Гости долго ходили по участку, восхищенно слушали переливы колоколов (установив во дворе звонницу, Сергей сам научился великолепно звонить в колокола), половили рыбку в пруду, восхищенно захлопав в ладоши, когда хозяин пообещал к обеду зажарить выловленную звукооператором форель. Потом отправились осматривать спортзал. Рослый, крепкого сложения оператор со знанием дела осматривал штангу, укрепленную на тренажере, поцокал удовлетворенно языком, потом спросил, демонстрируя осведомленность: «Сколько раз жмете лежа?» Впрочем, в голосе его звучало некое сомнение — мол, не демонстрация ли эта штанга, приготовленная специально для гостей. Сергей на такие вещи чуток необыкновенно. Вместо ответа он расслабил узел модного галстука, снял пиджак (после встречи с журналистами собирался на деловую встречу, оделся соответственно) и улегся на металлическую платформу тренажера. Без видимых усилий снял штангу с креплений, выжал ее раз десять, вернул на место и поднялся, ничуть не запыхавшись. Оператор, видать, решил, что ему брошен вызов, и тотчас занял на тренажере место хозяина. Он тоже легко снял штангу, опустил ее на грудь, а вот дальше дело пошло хуже. Как ни пытался здоровенный малый поднять штангу, проклятый металл не поддавался. На шее его от напряжения вздулись вены, лицо побагровело. Дама-редактор закудаhtала возле него, как наседка над цыпленком. Сергей понял, что дело плохо, забрал штангу из ослабевших рук оператора и водворил ее на место. Ни о каких дальнейших съемках и речи быть не могло — руки оператора ходуном ходили, он не то что камеру на плече удержать не мог, вилок за обедом и то с трудом овладел. К чести этой телегруппы, они блестяще вышли из ситуации. Сюжет был смонтирован. Та самая дама-редактор, что так взволновалась из-за своего оператора, в закадровом тексте пояснила, что целью съемок было показать быт и увлечения известного российского предпринимателя и мецената Сергея Михайлова. А те сплетни, что о нем распространяют по миру, сущий вздор, и она их повторять не намерена.

...В одной из своих телевизионных передач блестящий журналист Леонид Парфенов заметил, что если бы собрать всех Михайловых России на огромной Михайловской площади в Петербурге,

то вряд ли бы они там поместились. В одной только Москве и Московской области, как выяснилось, проживают тридцать тысяч Михайловых, и даже с полным совпадением инициалов С.А. их триста пять человек. Парфенов выразил явное недоумение, с какой стати вся пресса страны ополчилась против одного конкретного Михайлова. Если он виновен, считает Парфенов, предъявите ему обвинения, докажите их и судите, а нет — так оставьте человека в покое, дайте ему жить спокойно, без нападок.

Глава четвертая

ВЫБОР

В марте 1999 года в «Московском комсомольце» появилась маленькая, всего на несколько строк, заметка: «...Жириновский уже составляет партийные списки. На третье место в списке ЛДПР, как удалось узнать “МК”, претендует Сергей Михайлов — тот самый, кого еще совсем недавно швейцарский суд тщетно пытался причислить к лидерам солнцевской банды...»

Я уже было совсем забыл про эту заметку, отнеся ее к очередным газетным «уткам», когда в октябре во время телефонного разговора Сергей меня буквально огорошил: «Баллотируюсь в Госдуму по списку ЛДПР».

— Зачем тебе это? — невольно сорвалось у меня с языка.

— Это долгий разговор, одной фразой не ответишь. Когда приедешь — расскажу.

Я как раз собирался в Москву, но предварительно решил просмотреть публикации по поводу предстоящих в России парламентских выборов. Даже беглой «пробежки» по Интернету было достаточно, чтобы понять, какую бучу вызвали фамилии Михайлова, Быкова, Аверина в местных СМИ. Заголовок «Криминал рвется во власть» так попросту беззастенчиво заполнил страницы всех газет, будто на время предвыборной кампании закон об авторских правах существовать перестал. Не скрою, решение Сергея было мне непонятно, более того, в то время я считал его необдуманным — только-только утихла шумиха вокруг фамилии Михайлова,

вызванная швейцарским процессом, а тут человек снова вызывает огонь на себя.

Михайлов с первых дней нашего знакомства поражал да и по сей день поражать продолжает своей способностью читать чужие мысли. Говорю об этом без всякого эпатажа, но и без преувеличения, ибо его экстрасенсорные способности очевидны. Во время памятного после суда полета из Женевы в Москву показал Сергею фотографию своей дочери. Он сказал что-то комплиментарное и тут же добавил: «Вот только с горлышком у нее какие-то проблемы». Тогда, в самолете, я лишь недоуменно пожал плечами. А на следующий день, позвонив домой, узнал, что у дочки ангина. Поэтому я не очень-то и удивился, когда, встретившись с Сергеем в октябре девяносто девятого, он сразу же заявил:

— Вижу, вижу, о чем ты думаешь. На кой, мол, ему это все сдалось, сидел бы себе тихо, не высовываясь. Нет, тут все гораздо глубже. Ты знаешь, даже многие близкие мои друзья, узнав, что я собираюсь баллотироваться в Думу, говорят мне: «Правильно, Серега, с депутатским мандатом будешь неприкасаем». А дело-то вовсе не в этом. Понимаешь, я чувствую в себе силы и способности сделать что-то важное, нужное. Как говорят — если не я, то кто? Вот у нас считается как-то неловко говорить о своей любви к родине. И это очень плохо, что бытует такое мнение. Я вот немало пожил на Западе, знаю все достоинства и недостатки западного мира и, не скрывая и ничуть не стесняясь этого своего чувства, говорю: «Я люблю Россию». И хочу сделать для своей страны то, что, уверен, в моих силах.

— И ты полагаешь, тебя зарегистрируют кандидатом в депутаты?

— А какие есть формальные причины мне в этом отказать? Судимостей у меня нет, права избирать и быть избранным меня никто не лишал, моя финансовая декларация чиста, как слеза младенца...

То, что впоследствии произошло с тем первым, образца осени 1999 года списком партии Жириновского, вполне соответствует поговорке: «Рисовали на бумаге, да забыли про овраги. А по ним ходить». Впоследствии, анализируя происшедшее, политологи выдвигали несколько версий. В канун выборов в Государственную

думу РФ третьего созыва считалось, что личный имидж Владимира Жириновского пошатнулся, и кое-кто полагал, что список ЛДПР в российский парламент попросту не пройдет, в связи с чем Кремль попросту решил ВВЖ с политических счетов сбросить. В качестве иной версии рассматривались процессы, скажем так, внешнего проявления демократии. Цепляться к только что созданному движению «Отечество», лидером которого стал ставленник саратовского губернатора Аяцкова Вячеслав Володин, было как-то не совсем демократично. Совсем иное дело — замахнуться сразу на столь популярную ЛДПР: вот, дескать, у нас никаких политических приоритетов не существуют. При этом власти предрежающие прекрасно понимали, что, соблюдая видимость объективности, они сумеют сохранить необходимого для большой политики Жириновского, в крайнем случае «соколы» всегда успеют перерегистрироваться. И даже если это произойдет в самый последний момент, то лишь придаст остроты и интриги избирательной кампании, что в результате лишь послужит для электората дополнительным стимулом.

Существовала и еще одна версия, не лишённая, кстати, оснований. Именно в тот период Центризбирком приобрел особый статус, а возглавлявший его Александр Вешняков, человек властный и амбициозный, не упускал ни единой возможности щегольнуть своей независимостью при каждом удобном случае. Так что Центризбирком вполне мог выступить и в роли самостоятельного солиста на политической арене.

У меня же на сей счет есть и собственное мнение. Познакомившись в рамках своей журналистской деятельности с Жириновским в самом начале девяностых и встречаясь с ним в дальнейшем неоднократно, я пришел к мнению, что это в первую очередь тонкий, глубокий и весьма прагматичный политик, умеющий просчитывать партию на много ходов вперед. Его эпатажное поведение — не более чем точно также прагматично подобранная маска, которая сегодня вряд ли вводит в заблуждение даже обывателя. Формируя список из людей, коих с подачи СМИ в обществе считали фигурами одиозными, Владимир Вольфович действовал наверняка — избиратель, вне всяких сомнений, за этот список проголосовал бы охотно. Бо-

лее того, есть все основания полагать, что именно список Жириновского первого образца мог значительно повысить явку граждан на избирательные участки. Но история, как известно, сослагательного наклонения не имеет, и случилось то, что случилось. Центризбирком не стал мудрствовать лукаво, а проверил сведения о имуществе соратников Жириновского. Тут же выяснилось, что за самим лидером партии числятся старенькая «Волга» и потасканный трехсотый «мерседес». Подобные огрехи обнаружались и еще у 35 кандидатов от либерал-демократов. В результате Александр Альбертович Вешняков, огласив выводы проверки, сообщил, что всего в списке ЛДПР недостоверные в той или иной степени сведения о своем имуществе указали 52 кандидата.

Ни единой претензии не удалось предъявить Центризбиркому лишь Сергею Михайлову, указавшему в декларации о доходах за 1998 год тысячу шестьсот рублей. Увидев эту цифру, Михайлова даже и проверять в избиркоме не стали, а тут же попытались обвинить в подлоге, на что Жириновский резонно заметил: «Он же два года находился под следствием в Швейцарии, о каких же заработках речь идти может?» Михайлова оставили в покое, но список был снят, а Вешняков не отказал себе в удовольствии подчеркнуть, что отныне ЛДПР не может быть блокообразующей партией. Жириновский на этот выпад отреагировал мгновенно:

— Вам не нравится, что у нас в списке состоятельные и обеспеченные люди? Хорошо! Мы наберем взамен их тех, кто не может заработать себе на костюм: бедных, ограбленных, тупых, могущих только орать. И сделаем революцию!

ВЦИК, опять-таки по мнению и устами Вешнякова, выразил уверенность, что у сторонников Жириновского нет практически никакой возможности выдвинуть и зарегистрировать новый список. Однако политической революции все же не произошло. Не собиравшийся сдаваться без боя и искушенный в закулисных и подковерных сражениях, Владимир Вольфович авральным порядком создал взамен партийного списка «блок Жириновского» и буквально за несколько часов до истечения срока подачи представил в Центризбирком новый список. Фамилии Михайлова в этом списке не было. К чести Владимира Вольфовича, он встречи с Михайловым

избегать не стал, а встретившись, пояснил свою позицию предельно открыто:

— Я ничуть не жалею о том, что включил вас в свой первый список, ибо продолжаю считать: вы и вам подобные люди смогли бы сделать для страны намного больше, чем многие из тех болтунов, что заполняют места в Государственной думе. Но там... — и Жириновский многозначительно указал пальцем на потолок, — считают иначе. Это все политические игры! Но я хочу, чтобы вы, Сергей Анатольевич, поняли меня предельно ясно: я не мог поставить под угрозу целую партию, в которую верят и на которую рассчитывают миллионы избирателей. Поэтому я сделал выбор.

* * *

Сергей да и все его близкие полагали, что на этом история с выборами закончена, но тут на горизонте появился лидер российских консерваторов Лев Григорьевич Убожко. Вот уж если кто и был одиозен, так это Лев Григорьевич! Имея два высших образования — политическое и техническое, Убожко смолоду примкнул к так называемым диссидентам. Общаясь с Сахаровым, Солженицыным, Буковским, он открыто ратовал за создание многопартийной системы в СССР, свободу средств массовой информации, защиту частной собственности. Его правозащитная, или, как тогда квалифицировали, диссидентская деятельность была «оценена» достаточно высоко: 17 лет в тюрьмах и лагерях. Только в октябре 1991 года Лев Убожко был реабилитирован постановлением Пленума Верховного суда СССР. Создав сначала консервативное движение, а затем и партию, Убожко в 1996 году пытался баллотироваться на пост Президента России, но Центризбирком ему в регистрации отказал. Вот он-то и убедил Сергея Михайлова баллотироваться в Госдуму от партии консерваторов по Таганрогскому одномандатному избирательному округу.

Аргументы Убожко были просты и логичны. Таганрог, убеждал он, край, забытый всеми. Дороги разбиты, зарплаты едва ли не самые минимальные в России, в домах нет воды, постоянные перебои с электричеством. Местное население давно разочаровалось во власти, справедливо полагая, что никому до таганрожцев и дела нет.

Стоит только Михайлову выработать и огласить в городе программу конкретных действий, как голоса избирателей будут ему гарантированы. Забегая вперед, скажу, что в своих рассуждениях Лев Григорьевич оказался прав на все сто процентов.

В тот период я задумал написать книгу о том, как проходят парламентские выборы в России. Конкретный пример 147-го одномандатного Таганрогского избирательного округа и фигура кандидата в депутаты Сергея Михайлова казались мне для осуществления этой цели вполне подходящими. По крайней мере я мог быть уверен, что Сергей мне позволит увидеть все происходящее своими глазами, а не узнавать потом, в изрядно уже искаженном виде, от третьих лиц. Таганрог встретил нас, как и предсказывал лидер консерваторов, разбитыми дорогами и рытвинами такой глубины, что в них запросто мог увязнуть даже трактор. В единственном номере-люкс городской гостиницы мы обнаружили целое семейство полноправных жильцов — тараканы разгуливали повсюду, а на серых постельных простынях чувствовали себя вполне вольготно. Вода в кранах была только холодная, а на просьбу о замене явно несвежих полотенец нам равнодушно заметили, что других нет, а очередная смена постельного белья и полотенец предусмотрена через три дня.

До назначенной встречи в городской избирательной комиссии еще оставалось достаточно времени. Отправились обедать в кафе. Едва успели сделать официантке заказ, как в зал вошли парень с девушкой. Устроившись за столиком неподалеку от нас, они с ходу принялись целоваться. Видно, о системе Станиславского они если и знали, то имели самое отдаленное представление. Целуя «любимую», молодой человек взор свой устремил не на нее, а на нас, обнимая одной рукой, второй он лихорадочно шарил в барсетке, покуда не извлек оттуда портативную видеокамеру. Впопыхах они даже не удосужились сделать хоть какой-нибудь простенький заказ, и смущенная официантка, потоптавшись без проку у их стола, отошла, безнадежно махнув рукой.

— Может, улыбнуться? — спросил Сергей, обращаясь к этой парочке.

— Чего? — всполошился незадачливый филер.

— Я спрашиваю, может, мне улыбнуться? Вы предупредите, когда нужно будет. Скажете: «Внимание, улыбочка, снимаю», — и я улыбнусь...

Тот подхватил видеокамеру и, запихивая ее на ходу в барсетку, стремглав выбежал из зала. Девица последовала за ним. Несколько минут спустя в кафе зашли трое крепких парней. Свою принадлежность к определенной службе они и не думали маскировать, напротив — демонстрировали слишком явно. Заняли столик в углу, вроде не снимали на пленку, но взглядов от нашего стола не отводили, мне даже показалось, что от напряжения у них уши вытянулись. Но и они, как их предшественники-коллеги, в этой точке общепита даже чаю заказать не удосужились. Видно, местные спецслужбы такого расточительства не приветствовали. Вполне вероятно, что местным спецслужбам было вполне достаточно проявить перед Михайловым свою осведомленность о его прибытии в Таганрог.

А вот в городском избиркоме Сергея Анатольевича Михайлова встретили вполне радушно. Ему лишь попеняли, что он представил свои документы в самый последний момент, практически даже с небольшим опозданием, и потребовали объяснений.

— Соблюдая закон о выборах Российской Федерации, я, имея второе гражданство, отправил заявление в Министерство иностранных дел Греции, уведомляя о своем отказе от гражданства этой страны. Дождавшись официального подтверждения греческой стороны, что мое заявление получено, я на следующий же день подал свои документы в избирком.

Члены комиссии, удалившись, совещались минут пятнадцать, потом вернулись в зал, объявили, что большинством голосов Сергею Анатольевичу Михайлову вручается удостоверение кандидата в депутаты Государственной думы Российской Федерации третьего созыва, с чем его тут же и поздравили, выразив надежду, что вновь испеченный кандидат в депутаты будет вести свою избирательную кампанию в строгом соответствии с законом.

На следующий день созданный кандидатом в депутаты Михайловым штаб приступил к своей работе. Вернее сказать, попытался приступить. Первым делом нужно было изготовить листов-

ки и плакаты — фотографии кандидата, его биография, краткое изложение программы. Вот тут-то и столкнулись с первым препятствием. Отводя глаза в сторону, директора типографий как в Таганроге, так и в Ростове-на-Дону утверждали, что они так завалены заказами, что принять новый ну никак им не под силу. Лишь в одной типографии пожилой метранпаж, вытирая ветошью испачканные краской руки, напрямик заявил представителю штаба Михайлова:

— Не топчи зря ноги, парень. Никто у нас в Ростове вашему Михайлову ничего печатать не будет. Это не потому, что мы не хотим. Приказ такой, сказали, вплоть до закрытия типографии, если кто осмелится.

Не мешкая, помощники Сергея Анатольевича отмахали километров с четырехста и в одной из соседних областей напечатали необходимые для предвыборной кампании листовки и плакаты. Но тут возникло другое препятствие, куда более сложное. Областная избирательная комиссия сочла решение окружной избирательной комиссии Таганрога слишком «снисходительным», неправильным и постановила мандат кандидата у Михайлова изъять. Приехавший из Ростова в Таганрог представитель областного избиркома негодовал. Его гневная речь сводилась к тому, что Михайлов-де обманул комиссию, скрыв сведения о двойном гражданстве. Председатель же таганрогской комиссии за все время заседания не произнесла ни слова. Могу и ошибаться, но мне тогда показалось, что ей попросту было неловко и стыдно и за все, здесь происходящее, и за собственное бессилие мелкой чиновницы, на которую «вышестоящие товарищи» попросту цыкнули, приказав заткнуться.

Адвокаты Сергея Михайлова тотчас обратились в Ростовский областной суд. В суде адвокаты Михайлова предложили просмотреть видеозапись заседания областной комиссии, на что им было отвечено, что для этого нет «технических возможностей». Тогда один из адвокатов попросил сделать пятнадцатиминутный перерыв. Четверти часа хватило, чтобы зайти в ближайший магазин, приобрести простенький телевизор с видеомagneтофоном, обеспечить необходимые «технические возможности» и все-таки продемонстрировать

пресловутую пленку, свидетельствующую о явно тенденциозном отношении областного избиркома к кандидату Михайлову. Впрочем, на решение суда это явно не повлияло.

Вот, что по этому поводу сообщила своим читателям газета «Слово»:

«Намерение москвича Михайлова баллотироваться в Думу на донской земле привнесло в рутинный, в общем-то, процесс регистрации кандидатов элемент сенсационности, привлекло к Таганрогу внимание газет и телеканалов.

Ростовский областной суд признал правомерным постановление избирательной комиссии по 147-му одномандатному Таганрогскому избирательному округу об аннулировании регистрации кандидата в депутаты Государственной думы С. Михайлова, его жалоба оставлена без удовлетворения. Таким образом у... соискателя... почти не осталось шансов стартовать в политику с таганрогской площадки. После обращения в областной суд, обернувшегося пустыми хлопотами, единственная надежда снятого с выборной дистанции Михайлова — Верховный суд. К нему, скорее всего, будет апеллировать несостоявшийся кандидат. Так что вопрос о том, станет ли Таганрог колыбелью несостоявшегося политика Сергея Михайлова... остается открытым. Судя по началу, выборы на Дону обещают быть жаркими».

По закону о выборах все тяжбы, сопутствующие избирательной кампании, рассматриваются в судах всех инстанций без промедлений. Так была рассмотрена и жалоба кандидата в депутаты Сергея Михайлова. Верховный суд Российской Федерации решение Ростовского областного суда и окружной избирательной комиссии признал необоснованным, Михайлова восстановили в статусе кандидата в депутаты, мандат, естественно, вернули. До окончания избирательной кампании оставались считанные дни.

* * *

С точки зрения политтехнологии шумиха в прессе вокруг имени Михайлова сослужила Сергею, как кандидату в депутаты, только хорошую службу. О такой пиар-кампании любой политик может только мечтать. Еще бы! Без каких-либо материальных затрат, без

подключения административного ресурса пресса с утра до ночи повторяет фамилию кандидата. Да такое и за деньги, даже за большие деньги, купить проблематично. Но у каждой медали, как известно, две стороны. Да, фамилию Михайлова теперь в Таганроге знал каждый житель города. Но что мог предложить конкретного этим жителям Михайлов — это предстояло ему объяснять самому. А времени уже почти не оставалось. Две-три встречи с избирателями, которые Сергей успевал провести, вряд ли могли повлиять существенно. Выручило телевидение. Вернее, скромный, хотя и достаточно популярный в Таганроге кабельный телеканал. Его редактор Елена Каверда, будучи журналистом опытным, как никто другой, понимала, насколько укрепитесь положение ее детища, выступи в эфире столь популярный человек, как Сергей Михайлов. И она предложила Сергею Анатольевичу беспрецедентный по замыслу проект — его участие в прямом эфире... без ограничения времени! Условие было только одно — рассказав о своей программе, Михайлов будет отвечать на вопросы телезрителей до тех пор, пока вопросы не иссякнут. Пиарщики из штаба Михайлова возражали — можно нарваться на такие инспирированные конкурентами постановки, что интервью обернется против него самого. Михайлов не согласился — мне опасаться нечего, готов отвечать на любые вопросы. Тот уникальный телеэфир, прерываемый только выпусками новостей, длился четыре (!) часа.

Обращаясь к своим будущим избирателям, Сергей Михайлов был краток.

— Представляю, как раздражают вас всякого рода обещания, которые вы слышите раз в три-четыре года. Только тогда, когда начинается очередная предвыборная кампания, вам обещают молочные реки и кисельные берега, — говорил он. — Сразу после выборов очередной избранный вами депутат отбывает в Москву и напрочь забывает о тех, кто делегировал его в Думу, то есть о вас. Я не стану вас обманывать и обещать вам, что, как только вы за меня проголосуете, я сумею избавить вас от всех существующих в городе проблем. Я человек дела и человек слова. Изучив, насколько мне удалось за это время, проблемы Таганрога, я наметил определенный план действий. Сегодня я четко представляю, как и каких нужно привлечь

сюда инвесторов, какие фирмы привлечь к сотрудничеству, чтобы привести в порядок дороги, отремонтировать водопровод, который не ремонтировался со времен Петра Первого, как обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии в жилой сектор города...

А потом Сергей отвечал на вопросы, множество вопросов, которым, казалось, не будет конца.

Дальнейшие события развивались беспрецедентно стремительно. Телевизионный эфир состоялся 14 декабря 1999 года. 15 декабря было опубликовано, что в рейтинге кандидатов в депутаты Госдумы по 147-му одномандатному округу Таганрога лидирует Сергей Анатольевич Михайлов. Его отрыв от иных кандидатов был столь велик, что сомнений не оставалось — жители Таганрога свой выбор уже сделали.

Гром среди ясного неба грянул 16 декабря. Михайлова срочно вызвали в Ростовский областной суд. Адвокаты Сергея Анатольевича решили, что в суде нужно выполнить какие-либо формальности, связанные с решением Верховного суда. Но все обернулось иначе. Областной суд вновь аннулировал решение о регистрации Сергея Михайлова. По существующему законодательству решение могло вступить в законную силу только после рассмотрения в суде высшей инстанции кассационной жалобы, которая, как известно любому мало-мальски грамотному человеку, подается в течение десяти дней. Но Ростовский суд принял и здесь решение, полностью противоречащее закону: его постановление было приведено в действие немедленно. До выборов оставалось три дня.

Директор Всероссийского института законодательной и парламентской работы Юлий Нисневич так прокомментировал этот судебный произвол ростовчан:

«С юридической точки зрения у Михайлова есть неплохие возможности выиграть нынешнюю тяжбу и добиться отмены результатов выборов по 147-му одномандатному избирательному округу. Ведь по запросу МИДа выяснилось, что заявление о лишении греческого гражданства было подано до того, как он зарегистрировался кандидатом в депутаты». Далее в своей комментарии авторитетный эксперт, каким, безусловно, является Юрий Нисневич, высказался в том плане, что законодательство дает возможность отменять ре-

зультаты выборов по одномандатным округам, «если действовать строго согласно букве закона». Но исход дела Михайлова, по мнению Нисневича, будет зависеть от «сугубо политических мотивов». Опытный политолог не зря сделал эту оговорку, которая, по сути, и преопределила исход дела.

В январе 2000 года, когда результаты выборов Государственной думы третьего созыва уже были утверждены, Верховный суд Российской Федерации решение Ростовского областного суда оставил без изменений. Весьма знаменательно, что Верховный суд и в этот день заседал точно в том же составе, что был в декабре, когда регистрация Михайлова была признана совершенно законной.

* * *

В 2003 году в Сретенской церкви зазвонили новые колокола. Отлиты они были в память о зверски убитом в Пушкинском районе Подмосковья православном священнике Александре Мене. Так Сергей Михайлов решил воздать дань памяти человеку, который посвятил свою жизнь борьбе за укрепление Русской православной церкви. На открытие новой колокольни приехал и сын погибшего священника, Михаил Мень, занимавший в то время пост вице-губернатора Московской области. Познакомившись с Сергеем Анатольевичем, Михаил Александрович Мень уже вскоре предложил ему должность советника по вопросам религии. Это отнюдь не было знаком благодарности к человеку, который чтит память его отца. Сугубо прагматичный политик и опытный администратор, Михаил Мень понимал, что именно Михайлов, столь глубоко и тонко разбирающийся в вопросах теологии, оказывающий постоянную и искреннюю помощь Православной церкви, на посту советника по вопросам религии будет просто незаменим.

А через год Михаил Мень обратился к Сергею Михайлову с совершенно неожиданным предложением — баллотироваться кандидатом в депутаты Московской областной думы по 38-му одномандатному избирательному округу Сергиева Посада. Поначалу Михайлов воспринял это предложение чуть ли не в штыки.

— С меня достаточно списка Жириновского и Таганрога, — решительно заявил он. — Я же прекрасно понимаю, что отстранение меня от выборов в Госдуму было принято не на правовом и уж тем более не на избирательном уровне, а явилось чисто политическим решением. И сейчас вы хотите, чтобы я второй раз на те же самые грабли наступил. Нет уж, увольте!

— Сергей Анатольевич, вы и правы и неправы, — продолжал увещевать Михаил Александрович. — Согласен, решение тогда принималось на политическом уровне. Скажем так: власть была ошарашена, а потому не готова видеть вас в высшем законодательном органе страны. Но сейчас и обстановка в стране изменилась, да и вы уже не тот Михайлов, который без году неделя как вернулся из Швейцарии и тут же баллотируется в Думу. Сегодня ваша благотворительная деятельность хорошо известна всей стране, один только проект по освоению Северного полюса чего стоит! К тому же Сергиев Посад — город не совсем обычный. Не мне вам говорить, какое значение имеет для города Сергиева лавра. Вам, человеку, оказывающему лавре постоянную помощь, это известно лучше, чем кому бы то ни было.

Есть и еще один, но очень существенный момент, который необходимо учитывать, — продолжал Михаил Мень. — В Сергиевом Посаде сложилась весьма неоднозначная, а если говорить прямо, весьма сложная политическая ситуация. Недавно там прошли выборы местного мэра. Ставленнику администрации горожане предпочли своего кандидата, в которого верили и потому проголосовали именно за него. Но в городе недолго радовались торжеству демократии. Избранный ими мэр был администрацией области смещен. Горожане восприняли это как оскорбление и явное пренебрежение к своему мнению. И сейчас, когда представитель Сергиева Посада в Мособлдуме перешел на другую работу, в городе создается устойчивая тенденция нежелания голосовать за нового депутата, который окажется очередным карьеристом, мало интересующимся проблемами Сергиева Посада. Вы же в городе — личность хорошо известная, в вас видят человека, у которого слова не расходятся с делами. Не сомневаюсь, что ваша кандидатура не просто вызовет интерес, но и получит на выборах большинство голосов.

В одном Михаил Александрович Мень не ошибся точно. Кандидатура Сергея Михайлова, как только он заявил о своем намерении баллотироваться по 38-му избирательному округу, вызвала не только интерес жителей Сергиева Посада, но привлекла всеобщее внимание. Поначалу препоны ему пытались поставить при регистрации, сославшись на то, что новый выдвиженец внес избирательный залог на пять дней позже установленного сорокадневного срока, предусмотренного областным законом о выборах. Однако адвокаты этот аргумент опровергли без всякого труда. Дело в том, что в федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» сроков, ограничивающих внесение залога, не существует вовсе. Более того, в своих возражениях адвокаты подчеркнули, что областной закон, по сути, содержит ограничения избирательного права граждан, не предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

Итак, избирком принял во внимание необходимость соблюдения буквы закона и Михайлова кандидатом в депутаты зарегистрировал. Ну, это избирательные комиссии стараются действовать в рамках закона. А для так называемого черного пиара закон, как говорится, не писан. Тут действуют тоже особые правила игры, исключаящие всякие правила. Конкуренты вновь зарегистрированного кандидата, а их было пятеро, взволновались не на шутку. Да и было от чего. Не просто имя Сергея Михайлова было на слуху в Сергиевом Посаде, его узнавали на улице, останавливали, чтобы пожать руку, выразить свою поддержку на предстоящих выборах. О такой популярности конкуренты даже и мечтать-то не могли. И тогда двое из конкурентов пошли проторенной дорожкой — обратились в суд.

* * *

Что и говорить, история, зеркально напоминающая ту, что складывалась в свое время в Таганроге. Ну, разве что с местным, так сказать, акцентом. Уже через неделю после регистрации Московский областной суд принимает решение снять Михайлова с предвыборной гонки, основываясь на все тех же сроках внесения

избирательного залога давно устаревшего областного закона. Решение суда должно было вступить в законную силу через пять дней, к тому же Сергей Анатольевич через своих адвокатов подает кассационную жалобу в Верховный суд. Весь этот период, то бишь до рассмотрения Верховным судом кассационной жалобы, продолжать предвыборную кампанию ему не возбраняется, и борьба продолжается.

Бои без правил видел на телеэкране хотя бы раз наверняка чуть ли не каждый житель России. Так вот, эти жестокие драки с кровью и хрустом костей можно назвать джентльменскими реверансами по сравнению с тем, что устраивали в Сергиевом Посаде конкуренты Михайлова. В помещении созданного его командой штаба работать было просто невозможно — телефонные звонки с различного рода угрозами членам штаба просто не смолкали. Какие-то молодчики, поигрывая бицепсами и бейсбольными битами, постоянно крутились вокруг. По психологическому напряжению штаб скорее напоминал командный пункт на самой передовой линии какого-либо судьбоносного военного сражения, нежели мирное политологическое подразделение. И тогда было принято решение перенести штаб на колеса. Арендовали несколько микроавтобусов, которые, оборудованные как общественные приемные кандидата Михайлова, как предполагалось, будут курсировать по городу. Но автобусы на улицах Сергиева Посада так почти и не появились — каждое утро они оказывались технически неисправными. Листовки и плакаты Михайлова срывались тут же после того, как были наклеены. А вот типографской продукцией конкурентов был густо завешан весь город. В своих листовках конкуренты докатились до прямых оскорблений, не гнушались и откровенным кощунством, заявляя, что поддержка Михайловым лавры приведет в итоге к тому, что «в результате все мы вместо города получим один большой монастырь, которому все мы вынуждены будем платить церковную десятину». Единственное, что не удалось, так это отстранить Михайлова от телевизионных передач. Он, как всегда, был убедителен и немногословен. Зная о проблемах Сергиева Посада, в котором бывал да и по сей день бывает часто, говорил об этих проблемах, а главное, о том, как сам видит возможность их решения, со знанием дела. Его рейтинг, не-

смотря на все старания конкурентов, лишь рос неуклонно. Но так же неуклонно приближался и день рассмотрения кассационной жалобы в Верховном суде. Решение высшей судебной инстанции страны было, мягко говоря, обескураживающим — регистрацию Михайлова отменили. В тот день, когда Верховный суд огласил свое решение, выборы в Сергиевом Посаде закончились не только для Сергея Анатольевича Михайлова. Они закончились и для всего города. В день голосования горожане на избирательные участки в подавляющем своем большинстве попросту не явились. Они предпочли не иметь своего представителя в областной думе вовсе, нежели проголосовать в очередной раз за того, кто за словом «электорат» видит лишь бессловесную серую массу, пригодную не выбирать, а только лишь голосовать и призванную вымостить дорогу к обеспеченной, безбедной жизни политическому чиновнику одного из высших эшелонов власти.

Если ход предвыборной борьбы в Сергиевом Посаде преподносился своим читателям в СМИ как некий увлекательный политический детектив, то итоги бесславно провалившихся выборов мало кого интересовали. Лишь одна газета опубликовала довольно резкий комментарий к решению Верховного суда:

«Это решение явно противоречит тому курсу, который твердо и последовательно проводит Президент России В.В. Путин, стремясь к безусловной и главенствующей роли федеральных законов. Парадокс очевиден. Уже столица государства российского Москва привела свое законодательство в соответствии с федеральными законами, а столичная область, выходит, все еще живет по старинке. Пример, право, не такой уж безобидный. Сегодня какая-либо из областей вносит свои коррективы в закон о выборах, завтра собственным законодательством утвердит собственные же границы или свой региональный уголовный кодекс. Так и до удельных княжеств рукой подать...»

* * *

Тележурналист Дмитрий Гордон известен как автор многочисленных интервью с самыми известными людьми. Не так давно он встретился с Сергеем Михайловым. Беседа журналиста с героем,

что называется, заладилась с самого начала — интервью длилось ну никак не менее трех часов. Среди прочих задал Дмитрий Гордон и такие вопросы:

— В свое время вы баллотировались депутатом Государственной думы России и имели в своем избирательном округе самый высокий рейтинг...

— Да, но власть на тот момент меня не хотела.

— О том, что депутатом не стали, жалеете?

— О-о-о, я просто счастлив!

— Умный вы человек — сразу видно.

— Сначала я подумал: «Значит, мне это не нужно». А уже потом, по прошествии времени понял: «Господи, как хорошо, что ты меня отвел». Именно поэтому я всегда молюсь так: «Господи, сделай так, как ты хочешь, а не так, как я, и будет правильно».

— Политика нынче вас не интересует?

— Нет, абсолютно.

История с выборами Дмитрия Гордона, судя по всему, интересовала постольку-поскольку — все-таки дела давно минувших дней, а я после интервью переспросил: «А почему ты ответил, что тебе это все же было не нужно. Только, пожалуйста, не говори, что все, что делается, делается к лучшему».

— Но все же действительно — к лучшему. Понимаешь, я ведь и в Таганроге и позже, в Сергиевом Посаде, действительно уже строил конкретные планы, что можно изменить, какие привлечь средства, каких искать инвесторов. Все, что я говорил людям, были для меня не просто слова и не пустые обещания в надежде собрать как можно больше голосов. Я привык отвечать за свои слова. И вот потом, когда вся эта эпопея с выборами была закончена, я представил, как бы изменилась моя жизнь, стань я депутатом. Это попросту была бы уже совсем другая жизнь. И не думаю, что она пришлась бы мне по душе. Политика, как известно, дело достаточно грязное, и делать ее чистыми руками еще никому не удавалось. Да, в тот момент я искренне считал, что, облеченный депутатскими полномочиями, могу сделать для своей страны что-то важное, необходимое. Теперь понимаю, что можно, и будучи рядовым гражданином, родину любить не меньше. Помнишь, как замечательно, отвечая на упрек, сказал

однажды академик Лихачев Хрущеву: «Я не коммунист, но родину тоже люблю». Да и на некоторых людей я во время тех предвыборных кампаний вынужден был взглянуть иначе, вернее, своими поступками они заставили меня изменить свое мнение и отношение к ним.

— Но как же быть с твоим любимым выражением, что людей надо воспринимать такими, какие они есть, и уметь прощать?

— А я от своих слов и не отказываюсь. Ведь когда мы общаемся с каким-то человеком достаточно долго, то видим в нем его хорошие стороны. А потом, бывает, оступился человек, проявил слабость. Надо уметь прощать и думать о хорошем.

Так-то оно так, но в тот период, когда Сергей баллотировался в Государственную, а затем и в Московскую областную думу, нападки на него со стороны прессы были столь явны и злы, что кто-то из приятелей и знакомых предпочел на всякий, что называется, пожарный случай держаться от Михайлова подальше и уж близкие отношения, во всяком случае, не афишировать. Вот весьма характерный пример. С одним известнейшим певцом и композитором связывала Сергея многолетняя дружба. Они часто встречались, даже на отдых несколько раз вместе ездили. Однажды Сергей широко отмечал какую-то знаменательную семейную дату. На торжестве в ресторане выступали артисты. А тот самый певец, о котором я речь веду, приглашен был в качестве гостя. В конце вечера мэтр эстрады поднялся на сцену и исполнил несколько своих самых популярных и всеми любимых песен. Сергей предложил ему выступление оплатить, так тот обиделся чуть ли не до слез и, искренний в своем возмущении, воскликнул: «Не все деньгами оценивается!» И Сергей не менее искренне даже извинился. Во время предвыборной кампании в Сергиевом Посаде пиарщики Михайлова готовили для него видеоролик, где должны были выступить и несколько известных мастеров эстрады. Сделать «нарезку» из архивных телевизионных записей концертов не представляло никакого труда. Но каждый из участников должен был в соответствии с законом о выборах подписать соответствующей формы документ, коим удостоверял, что не возражает против использования его концертного номера в предвыборной кампании такого-то конкретного депу-

тата. Обратились и к певцу-другу. Тот долго мычал в трубку что-то нечленораздельное, а потом, набравшись, видимо, духу, заявил напрямик:

— Ну как же вы не понимаете. У меня через полгода юбилей. Готовятся мои документы к награждению орденом. Я, конечно, очень уважаю Сережу, но власти-то его не жалуют. Так что соглашаться на участие в его рекламной кампании мне, пожалуй, не стоит. Может повредить.

Кстати, а может, и некстати, но ордена сей предусмотрительный господин так и не получил, не помогла ему, видать, чрезмерная осторожность. А вот писатель Лион Измайлов отреагировал совершенно иначе.

— Правильно Сергей решил. Кому и быть депутатом от Сергиева Посада, как не ему, — заявил он.

Лион приехал в Сергиев Посад, снялся в телевизионном ролике и много искренних добрых слов сказал о Михайлове.

Сергей Михайлов теперь не часто вспоминает все перипетии того предвыборного периода. Скорее всего, он просто сделал для себя свой выбор.

Глава пятая

УЧАСТИЕ

Богат не тот, кто много имеет, а тот, кто много дает.

Эрих Фромм, писатель, психолог

О том, как живется в детских домах больным детям, о том, кому их усыновлять можно, а кому теперь и запрещается, не то что сказано много, а даже уже и законы государственные появились. Правда, положение детей от этого не меняется, даже в так называемых благополучных детдомах проблем хватает. Неповоротливая и бездушно тупая бюрократическая система финансирования предпринимает чудеса изобретательности, дабы осложнить жизнь тех детей, кого судьба уже и так обделила. Больные часто неизлечимыми болезнями

ми, в большинстве случаев брошенные родителями, они, по большому счету, никому не нужны. И только небольшая группа истинных сподвижников, из тех, кто работает в таких вот детских домах, да, если повезет, неподдельно отзывчивые спонсоры хоть как-то стараются скрасить жизнь таких детей.

...Было это то ли в конце девяносто второго, а может быть, в самом начале девяносто третьего года, за давностью событий ни Сергей, ни его близкие друзья точной даты уже и не припомнят. Но вот как впервые увидел Сергей эту группу детдомовцев, которых вывели на прогулку, это он помнит абсолютно точно. От вида столь нищего сиротства даже у него, человека, в общем-то, не сентиментального, сердце защемило. Буквально же на следующий день, узнав адрес, приехал в детский дом. Он зашел в кабинет к заведующей Надежде Михайловне Хрыкиной и чуть не с порога заявил, что приглашает детей на обед — в ресторан.

— Детей? В ресторан?! — опешила заведующая и тут же деловито уточнила: — А сколько человек?

— Ну, я не знаю, сколько у вас ребят здесь живет. Всех и приглашаю.

— Но почему именно в ресторан? — пришла в себя от изумления Надежда Михайловна.

— А что в этом плохого. Я же их днем приглашаю, на обед. Посидят в уютной обстановке, музыку послушают. Они ведь у вас, наверное, не часто в ресторане обедают, — пошутил Сергей.

— Да уж, совсем не часто, — горько улыбнулась Надежда Михайловна, все утро ломавшая голову над тем, где раздобыть денег на стаканы: у ребят с нарушением, как изъясняются медики, опорно-двигательного аппарата посуда билась нещадно, и пару дней назад Хрыкиной один молодой лощеный чиновник так и заявил, что ни один бюджет не рассчитан на то, чтобы дважды в год им посуду закупать, пусть, дескать, воспитатели следят за детьми лучше.

— Да-да, ресторанами наши детишки не избалованы, — повторила Надежда Михайловна. — Просто как-то все неожиданно. А вообще-то спасибо вам большое.

Дети сидели за столом поначалу притихшие, ничего не понимающие. Стеснялись громко говорить, смеяться. И все же Сергею удалось растормошить их. Они заговорили разом. Это было какое-то чудо, словно болезнь вдруг отступила. И чудо стало повторяться раз за разом. Сергей и его друзья были неистощимы на выдумки. То привозили в детский дом фрукты и сласти, то книжки с яркими картинками или настольные игры, то еще что-нибудь придумывали. А на Новый год привезли огромную живую ель. Сколько же радости было у ребятни, когда они украшали елку игрушками и гирляндами, наряжались в маскарадные костюмы для новогоднего карнавала, — они и не представляли, что на свете бывают такие волшебные игрушки и такие чудесные маскарадные костюмы. А с каким нетерпением ребята ждали появления Деда Мороза и Снегурочки, их волшебных слов «Елочка, зажгись!». С каким замиранием сердца заглядывали в пакеты с подарками! Не было еще тогда никакого благотворительного фонда, он появился через год. А просто была осознанная необходимость помочь тем, кто в этой помощи нуждается и кто без этой помощи просто не проживет. Помогали одеждой, посудой, лекарствами, школьными принадлежностями, деньгами, продуктами питания. А самое главное — вниманием и добротой. Той самой добротой, которая, как известно, способна спасти мир и творить чудеса. Конечно, ни Сергею Анатольевичу Михайлову, ни его друзьям подобные мысли и в голову не приходили, и если бы кто-то им сказал, что для больных детдомовцев они истинные чудотворцы, они бы, скорее всего, просто не обратили внимания на эти слова. Искренние помощь и доброта в рекламе не нуждаются. Вот и они заботились о детях, нигде этой своей заботы не афишируя. В те «перевернутые» годы слово «благотворительность» воспринималось чуть ли не как синоним подаяния. Михайлов стал помогать детям не потому, что его к этому обязывало какое-то постановление районного совета либо иной директивный документ, а просто он так был воспитан.

Еще мальчишкой он видел, как относится к людям его мама. О Вере Георгиевне Михайловой все, ее знавшие, а в районе она была человеком известным, работала в разных организациях, в том числе и в исполкоме, мнения были единодушного: она из тех, о ком гово-

рят: «Строга, но справедлива». И если Вера Георгиевна видела, что человек действительно нуждается в помощи, то помогала от души, искренне. Все мы, как говорится, родом из детства. И в семьях наших находятся истоки тех мировоззрений, из которых черпаем мы потом всю жизнь.

Вот и Сергей привык помогать тем, кто без этой помощи нуждался, а порой без нее бы просто не выжил. И как же он был счастлив, когда ребята из детского дома прислали ему в подарок свои рисунки и поделки.

Сергей, частенько бывая в детском доме, не раз видел, с каким трудом держат эти ребятки в своих изуродованных болезнью руках карандаши, как не слушаются пальцы, мнущие пластилин. И он представил себе, сколько же усилий и упорства понадобилось этим мальчишкам и девчонкам, чтобы нарисовать, вылепить, смастерить все то, что они ему прислали.

О методах лечения страшной болезни Дауна написано бесчисленное количество научных трудов, защищены тысячи кандидатских и докторских диссертаций. Но не написано еще главного исследования — как может лечить эту болезнь доброта, человеческое сочувствие.

А сам благотворительный фонд «Участие» был создан, собственно, по воле случая. В один из приездов в детский дом Михайлов обратил внимание, какая убогая здесь посуда. Выщербленные тарелки, потемневшие алюминиевые ложки и вилки, потрескавшиеся стаканы. Вот тогда Надежда Михайловна и рассказала, отвечая на вопрос Сергея, о том, что никто не учитывает при распределении средств и материальных фондов того обстоятельства, что в детском доме живут больные дети и посуда у них бьется намного чаще, чем у обычных их сверстников. Сергей уезжал на следующий день в командировку, но о разговоре с заведующей не забыл. Посуда была куплена и отвезена в детский дом. А когда Сергей вернулся, ему рассказали «смешную» историю.

По дороге в детдом, машину, нагруженную посудой, остановил гаишник. Заглянув в салон и увидев до потолка громоздящиеся коробки, поинтересовался у водителя, что он везет.

— Посуду везу, — спокойно ответил водитель.

— Свадьба, что ли?

— Да нет, в детский дом везу, — так же спокойно откликнулся водитель.

И тут началось. Откуда посуда, из какого магазина, где накладные? Водитель пыхтел, отдувался, доказывал, что приобрел все это за наличные, и в чем, собственно, грех? Но все было тщетно — гаишник пребывал в полной уверенности, что поймал вора. Пришлось выгружать все коробки на посту ГАИ, ехать домой за чеками из магазина, где была приобретена посуда, благо чеки сохранились.

Сергей выслушал весь этот не очень веселый рассказ и принял решение: надо создавать благотворительный фонд, оформить все в соответствии с законом. В те годы благотворительные фонды росли как грибы после дождя. Большинство «благотворителей» современной формации использовали эти структуры с исключительной целью избежать налогов. И как только налоговое законодательство страны изменилось, благотворители тут же потеряли к своим фондам всякий интерес, а о тех, кто действительно нуждался в их помощи, даже и не вспоминали. Собственно, Сергей и фонда-то не создавал именно потому, что не хотел и тени дурной славы. Он полагал, что истинное добро, как и искусство, суеты не терпит. Но действительность оказалась куда суровее. В отличие от сотен иных благотворительный фонд «Участие», где ныне Сергей Михайлов — председатель совета попечителей, живет и приносит людям пользу и по сей день.

— А кому принадлежит идея назвать фонд «Участие»? — спросил я однажды Сергея.

— Тебе не нравится название?

— Напротив, точнее не придумаешь. Потому и спрашиваю, кто автор.

— Да я теперь вряд ли вспомню. Был вроде у нас с друзьями разговор о том же детском доме, кто-то сказал, что этим ребятам нужно наше участие. Другой предложил, что вот как раз и фонд надо назвать «Участие». А кто конкретно, теперь уже не помню. Да и не в этом суть. А в том, что мы своему названию соответствуем. Но это только мы знаем и те, кому помогаем. А как только создали фонд, в официальных инстанциях решили и через прессу, конечно

же, оповестили все население страны: Михайлов создал фонд для каких-то неблагоприятных дел. Каких именно, не называлось. Видно, все ждут вот уже пятнадцать лет, когда же фонд «Участие» займется неблагоприятными делами. И, дабы не упустить момент, проверяют нас беспрестанно. У нас больше сотни папок, альбомов и кляссеров с благодарностями от людей и организаций, которым мы реально помогли, и не меньше — с документацией о проверках. Ни разу, правда, ничего предосудительного не обнаружили, но продолжают проверять упорно. Но мы все свои акции согласовываем с юристами, так что у нас — полный порядок как в действиях, так и в документации.

К слову сказать, ограничений по поводу оказания благотворительной помощи столько, что зачастую диву даешься, чьи это изощренные (а может, извращенные) умы напридумывали все эти преграды и ограничения, регламентирующие, кому помощь оказывать можно, а кому — ни-ни.

В связи с этим припомнилась одна история. Как-то перед Новым годом заехали мы с Сергеем в детский дом — шефство над ним все эти годы не прерывается. Идем по коридору, а навстречу, ничего вокруг не видя, пацан с гитарой несетя. Да так с разбегу на Сергея и налетел. Михайлов придержал его за плечи.

— Осторожнее, Ванюша, ты меня чуть с ног не сбил. Куда ты так торопишься?

— Ой, дядя Сережа, я, правда, вас не заметил. В зал тороплюсь, я новую песню сочинил, сегодня вам исполню, — и побежал дальше.

Если бы я не знал, что здесь живут дети с ограниченными, как их называют, возможностями, то никогда бы в жизни в это не поверил. Они пели и плясали, исполняли уморительные сценки. Представление, подготовленное ими, было к тому же и костюмированным. Надежда Михайловна с гордостью отметила, что девочки все костюмы пошили сами, целыми вечерами просиживали с иглоками и нитками — та единственная допотопная швейная машинка, что была в детском доме, как назло, перед Новым годом окончательно сломалась, и чинить ее уже не брался никто. После представления Сергей снова Ваню к себе подозвал, похвалил его за песню. Мальчик аж расцвел от удовольствия. А потом все уселись за празднично

накрытый стол — разумеется, и это был подарок от шефов. Ребята шутили, вспоминали всякие смешные истории из своего быта, Ваня за столом исполнил еще несколько песен, всякий раз подтягивая струны совсем уже ветхой гитары. А под конец этого застолья в зал вошел водитель Сергея Анатольевича и принес две коробки. В одной из них была современная, оборудованная всевозможными программами швейная машинка, а в другой — прекрасная гитара для юного автора песен Вани. Один из сотрудников фонда «Участие», здесь же присутствующий, склонился к Михайлову, произнес так, чтобы другим слышно не было:

— Надо будет чеки у водителя забрать, Сергей Анатольевич, и оформить все надлежащим образом.

— Не нужно, — отмахнулся Михайлов. — Откуда я знаю, можно ли эти покупки по линии фонда провести или нет. Так что я личные деньги отдал.

Надо сказать, общество вообще по-разному относится к благотворительности. Отдельные члены общества, понятно, те, кому помогают, считают благотворительность чуть ли не панацеей от всех бед, иные стараются найти в деятельности меценатов какой-нибудь подвох. Чему в немалой степени способствует постоянно создаваемое общественное мнение.

Как-то раз в благотворительный фонд «Участие» обратилась администрация следственного изолятора № 1, больше известного в народе, как Матросская Тишина, и попросила помочь... с солью. Именно так. На кухне СИЗО закончилась соль, а по выделяемым фондам следующая поставка соли полагалась не раньше, чем через несколько месяцев. Сотрудники фонда привезли в изолятор соль. Ох, что тут началось. Газеты так и пестрели громкими заголовками типа «Солнцевские братки помогают своим». Помнится, появился даже глубокомысленный комментарий, в котором автор делился выводами: вот если бы помощь, к примеру, понадобилась больным, то фонд «Участие» не знамо как долго изыскивал средства, а на просьбу-де эзков отреагировали мгновенно. Автору бы следовало если и не побывать у распорядителей фонда, то хотя бы по телефону поинтересоваться, каким именно организациям помогает фонд, и тогда бы он, несомненно, в этом перечне услышал

не менее десятка самых различных больниц России. Но даже не в этом дело. Напомню уставную истину: благотворительный фонд «Участие» создан с целью оказания помощи социально ослабленным слоям населения, к коим, безусловно, на соответствующий период времени относятся и лица, содержащиеся в следственных изоляторах. Кстати, вина их до суда доказанной не считается. Я уж не говорю о таком «пустяке», что приготовленная без соли еда — не что иное, как издевательство над человеком, серьезно угрожающее его здоровью.

* * *

...Сергей Бурлаков приехал в Москву из Таганрога. Его история трагична своей простотой и мелодраматична ходом развития последующих событий. Из мягкого ростовского климата попал Бурлаков во время службы в армии в суровую Читу. Вернее сказать, воинская часть, где он служил, от Читы находилась в двадцати восьми километрах. Рядовой Бурлаков вместе с водителем отправлен был в Читу за какой-то запчастью. Ревела февральская пурга, не видно было ни зги. На каком-то крутом повороте водитель не справился с управлением, и военный газик с крутого обрыва, кувыркаясь, полетел вниз. Придя в себя, водитель через разбитое переднее окно выбрался из машины. Бурлаков признаков жизни не подавал, и водитель, решив, что товарищ погиб (так, во всяком случае, он потом в части объяснил свой поступок), побрел восвояси. Когда он наконец добрался и сбивчиво объяснил, что с ними произошло, к месту происшествия была отправлена группа офицеров и солдат. Бурлакова нашли через срок восемь часов после аварии. Он был жив, но руки и ноги обморожены до такой степени, что их спешным порядком — речь шла о спасении жизни — пришлось ампутировать: у солдата уже началась гангрена всех четырех конечностей.

Домой, в родной Таганрог, комиссованный инвалид первой группы Бурлаков вернулся на деревянных примитивных протезах, сооруженных в Чите. Он не запил горькой, не бился в отчаянии головой о стену, а просто впал в прострацию. Целыми днями просиживал в своей комнате, тупо глядя в одну точку. Потом Сергей

даже вспомнить не мог, кто кормил его все это время и вообще ели он что-нибудь, говорил ли с кем-то или никого не видел. Провал в памяти, словно вычеркнутое из жизни чьей-то злой рукой время. А потом...

— Это был даже не сон, это было видение, — убеждает Бурлаков. — Явилась мне Божья Матерь и сказала, что только через спорт вернусь я к жизни. Я, конечно, никому ничего рассказывать не стал, надо мной бы просто посмеялись. Но на следующий день стал узнавать, какие секции у нас существуют для спортсменов-инвалидов.

Через год он стал мастером спорта по плаванию среди инвалидов, цепляясь культиями рук за турник, подтягивался десятки раз. На своих примитивных деревянных протезах научился не просто свободно ходить, но и бегать. На одном из турниров спортсменов-инвалидов Сергей познакомился с Мэри Бушуевой. Именно она включила Сергея в команду российских спортсменов-инвалидов для участия в марафонском забеге в Нью-Йорке. И там, в Америке, Бурлаков установил мировой рекорд, совершил, как писали американские газеты, чудо. Впервые за всемирную историю инвалидного спорта человек без всех четырех конечностей дошел до финиша марафонской дистанции, преодолев 42 километра 195 метров! Сам герой рассматривал свои фотографии, лежа в малюсеньком номере местного мотеля. Ноги, вернее, то, что от них осталось, он стер в кровь, и болели они так, что никакие болеутоляющие уколы и таблетки не в состоянии были помочь. Да к тому же протезы после марафона пришли в такое состояние, что Сергей даже не представлял, как теперь домой доберется.

На следующий день Сергея разыскал в том самом мотеле пожилой господин, тяжело опирающийся на резную трость. Представившись владельцем фирмы по производству протезов для спортивной ходьбы, он сразу приступил к делу, ради которого явился. Господин предложил Бурлакову остаться в Америке — о соответствующих документах, дающих на это право, он обещал позаботиться. А далее для рекордсмена будут изготовлены протезы, на которых он и обязуется в дальнейшем участвовать во всех марафонских забегах. Господин не скрывал, что о лучшей рекламе своей фирмы он и мечтать

не может, и полагал, что предложенные россиянину условия — не что иное, как подарок судьбы. Разговаривая, он то и дело поглядывал на валявшиеся в углу, пришедшие в полную негодность деревянные, потом, не сдержавшись и морщась от явной брезгливости, не выдержал и спросил:

— Я уж не спрашиваю о марафоне, я хочу знать, как ты вот на этом... — И он снова скривился. — Вообще ходить умудряешься?

От предложения остаться в Америке Бурлаков как-то рассеянно (его в тот момент больше всего заботила мысль, где и как починить свои протезы) отказался. А когда Сергей после долгих посулов всяческих благ, связанных с жизнью в США, все же твердо свой отказ подтвердил, господин поднялся и, приподняв шляпу, произнес:

— Я уважаю твое решение, парень. Если ты когда-нибудь еще раз приедешь в Америку, то я сделаю тебе протезы по себестоимости, не возьму с тебя ни единого лишнего цента.

С золотой медалью, грамотой рекордсмена мира и целой кипой американских газет, восславлявших его спортивный и человеческий подвиг, Бурлаков вернулся в Таганрог. Протезы ему кое-как починили, но предупредили, что ходить на них теперь надо как можно меньше, иначе культы, оставшиеся после ампутации, он загубит безвозвратно. А это — верная смерть. Понятно, что ни о каком спорте и речи быть не могло.

И тогда Сергей отправился по инстанциям. Где он только не побывал, добрался и до губернатора Ростовской области. Всюду ему отвечали, что бюджетом такие расходы не предусмотрены. Его регалии на чиновников ровным счетом никакого впечатления не произвели. Такой категории, как престиж, бюджет, понятно, дело не учитывает. И тогда Бурлаков решил поехать в Москву, к Михайлову. Об этом человеке он много читал в газетах, еще больше слышал. А однажды видел интервью с Михайловым на местном, таганрогском телевидении. Собственно, сотрудники телевидения и подсказали Сергею, как в столице разыскать Сергея Анатольевича.

Во время той первой встречи они разговаривали несколько часов. Сергею Анатольевичу было интересно все: как его тезка тре-

нируется, как преодолевает бытовые трудности, с кем общается, о чем думает, каким видит свое будущее. В конце разговора Михайлов подвел черту, заявив твердо: «Я помогу тебе». Легко было сказать, но и тут фонд наткнулся на чиновничьи преграды.

Выяснилось, что, являясь организацией сугубо федерального значения, фонд не имеет права на оказание подобной помощи за рубежом. В России же спортивных протезов попросту никто не производит, во всяком случае, в то время не производил. Но и отказываться от данного слова Михайлов не привык. Он связался по телефону с владельцем фирмы, производящей протезы. Тот подтвердил, что для господина Бурлакова готов сделать обещанное исключение и в знак уважения к его человеческому и спортивному подвигу изготовить протезы по себестоимости. За собственные средства приобретя Сергею билет и перечислив требуемую сумму на фирму по производству протезов, Михайлов отправил Бурлакова в Америку. А через три месяца в центральном парке Нью-Йорка состоялся очередной международный марафонский забег. Участие в этом популярном международном соревновании приняло несколько тысяч человек из разных стран. На новых, уже спортивных протезах Бурлаков не только повторил свой собственный рекорд, добежав до финиша, но еще и оставил позади себя триста (!) вполне полноценных спортсменов, у которых и руки и ноги были целы и здоровы. Ту самую золотую медаль, что привез и на этот раз Бурлаков, он подарил своему старшему тезке — Сергею Михайлову, в кабинете которого она хранится и по сей день.

Именно в то время познакомился Михайлов и с Мэри Бушуевой. Мэри — человек поистине удивительной судьбы и столь же удивительного оптимизма. Сама инвалид, передвигаясь на протезах, она, кажется, не знает усталости. Не занимая никаких официальных должностей, Мэри собирает вокруг себя спортсменов-инвалидов, обивает пороги официальных учреждений, пробивая организацию каких-то турниров, зарубежных поездок. Есть такие специальные трехколесные велосипеды для соревнований инвалидов. На обычный велосипед этот, инвалидный, похож так же, как космический корабль на утюг. Изготавливается сие чудо конструкторской и инженерной мысли только на уже триста лет за-

гнивающим Западе. Российские же спортсмены о таких вот велосипедах и мечтать не могли. До тех пор, пока Сергей Михайлов не познакомился с Мэри Бушуевой. Вот уже несколько лет сборная команда спортсменов-инвалидов России участвует в международных соревнованиях на таких велосипедах, которые подарил Сергей Михайлов. А когда перед поездкой на недавний турнир российской сборной отказали в приобретении заграничных билетов, Сергей Анатольевич и эту часть расходов взял на себя. Россияне тот международный турнир выиграли, на память сфотографировались, а после изготовили плакат, на котором каждый из участников поставил свой автограф. А чем еще, кроме искренних слов благодарности, могли отблагодарить они своего благодетеля? На всякий случай особо отмечу — в слово «благодетель» я вкладываю тот единственный смысл, который в него изначально был заложен в русском языке: человек, совершающий благо во имя других. Это я о Сергее Михайлове.

* * *

Кто-то из работников фонда «Участие» рассказал Сергею Анатольевичу печальную историю тринадцатилетней девочки Кати из Солнцева. В девять лет врачи обнаружили у Кати сколиоз. Подумав, решили все, обычная история. Немного гимнастики, плавание, и все наладится. Но болезнь прогрессировала столь стремительно неумолимо, что к двенадцати годам Катя могла передвигаться только в специальном ортопедическом корсете. Вы только вдумайтесь в эти страшные слова — инвалид детства. История запала Сергею в душу, он даже решил съездить в Солнцево, поговорить с родителями девочки, проведать саму Катю, а если представится возможность — помочь. Но дел было невпроворот, и он попросил родителей Кати приехать к нему в офис, отправив за ними машину.

Они приехали. Сами еще довольно молодые люди, а седина уже заметна. И взгляда было достаточно, чтобы понять — сломлены, раздавлены обрушившимся на их семью горем. О чем они говорили, знают только трое. В кабинет больше часа никого не пускали. А вечером, когда офис уже опустел, Сергей сказал одному своему другу:

— Завтра все же поеду, навещу эту девочку, не идет она у меня из головы. Может быть, все-таки можно ей помочь, вылечить. Ну не может же того быть, чтобы человек с тринадцати лет и на всю жизнь инвалидом остался. Самое страшное, что Виталий и Людмила, родители Кати, и сами уже ни во что не верят. Это я не в упрек говорю. Горе у них страшное, вот они и отчаялись.

— Я не то чтобы не верил, я даже о существовании таких людей не знал ничего, — рассказывал позже отец Кати — Виталий. — С человеком, которого я до этого никогда в жизни не видел, я разговаривал, как с самым близким, не стесняясь никаких подробностей и деталей. Прав, конечно, Сергей Анатольевич, я действительно отчаялся, не зная, что делать, куда идти за помощью. А врачи только руками разводили да бормотали что-то непонятное. Да и как мне было не отчаяться! — воскликнул он с горечью. — Я родной дочери боялся в глаза заглянуть. Лечение ничего не дало, Катюхе день ото дня становилось все хуже и хуже. Вот я и отчаялся, корил себя за то, что для родной дочери ничего не в состоянии сделать. А она же еще ребенок. И этот ребенок ждет от своих родителей чуда. Какого чуда?! Когда врачи наконец сказали, что ей может помочь операция, и назвали сумму, я понял, что мне этих денег за всю жизнь не собрать. Да я бы последнее отдал, не задумываясь, вот только отдавать нечего было. Обращались мы, конечно, в различные государственные, социальные инстанции, но как только сумму называли, тут же все разговоры и прекращались. Сочувствовали, конечно, но разводили руками, дескать, вы и сами все понимаете... На встречу с Михайловым я тоже ехал без всякой надежды, признаюсь, и ехать не хотел, считал, что только время зря потрачу. А именно он-то все и изменил. И не только тем, что пообещал с лучшими врачами договориться. Он вновь в нас надежду вселил. Я вдруг понял, что не все еще потеряно и, может быть, дочку удастся вылечить.

Уже на следующий день после встречи с Катиными родителями Сергей отправился к больной девочке. О болезни ни слова с ней не говорил. Расспрашивал, какие книжки читает, как удается от школьной программы не отставать, какую любит музыку. Кате настолько было интересно разговаривать с этим взрослым человеком, что

она даже о болезни своей на те два часа, что провел Михайлов в их доме, позабыла.

Еще несколько дней ушло у Сергея на консультации со специалистами. Он действительно разыскал самых лучших. А потом начались долгие обследования. В итоге врачи пришли к мнению, что без операции, а скорее всего, нескольких операций девочку на ноги не поставить. Да, фонд «Участие» помог в обследовании и проведении операций материально, личных средств добавил и Михайлов. Но можно ли только деньгами оценивать те продукты, цветы и подарки, которые отправлял в больницу Сергей своей маленькой подопечной? И, уж точно, никакими деньгами или иными материальными благами невозможно оценить те встречи Сергея Анатольевича с Катей, во время которых он последовательно, настойчиво внушал ей оптимизм, веру в исцеление.

А до выздоровления был еще ох какой долгий путь. После первой операции, еще лежа в больнице, Катя написала Сергею Михайлову письмо. Очень открытое и искреннее — так искренни и открыты могут быть только дети, и в то же время очень взрослое — дети, пережившие тяжелую болезнь, душой взрослеют намного быстрее своих сверстников.

«Дорогой Сергей Анатольевич, — писала Катя. — Я очень благодарна Вам! Без Вашей помощи быть бы мне горбатой и кривой. Но Вы подарили мне вторую жизнь, подарили возможность чувствовать все ее краски, радоваться и быть полноценным человеком. Я благодарна Вам за свое второе рождение».

Еще несколько лет продолжалось лечение, Катя перенесла не одну операцию, пока поправилась полностью. И все эти годы рядом с ней был ее ангел-хранитель Сергей Анатольевич Михайлов.

У этой истории совершенно дивное продолжение. Катюша поправилась, вышла замуж, сейчас учится в Германии, ее будущая специальность — литературные переводы. Недавно она несколько месяцев провела в Лондоне, куда ее отправил университет. Гуляя по Лондону, как сама призналась, думала, в основном, о том, как сложилась ее жизнь и как бы могла сложиться, не появившись в ее судьбе Сергей Михайлов. Вернувшись в студенческое общежитие после

прогулки, набрала номер телефона Михайлова, зная, что в офисе его можно застать даже глубоко за полночь.

Разговор был долгим.

— Вы — мой Бог, — сказала Катя, прощаясь.

— Я не Бог, — ответил Сергей. — Но я послан тебе Богом, чтобы исцелить тебя.

Недавно она побывала в Москве. Я случайно узнал об этом и встретился с Катей. Теперь это молодая красивая женщина, целеустремленная, веселая и в то же время очень серьезная.

— Когда-то давно Сергей показал мне ваше письмо, что вы написали ему из больницы после первой операции. Я бы хотел это письмо опубликовать, но без вашего разрешения делать этого не стану, — сказал я Кате.

— Я не против, — ответила она. — Просто тогда это были детские эмоции. А теперь, когда я повзрослела, я с каждым днем все отчетливее осознаю, что сделал для меня Сергей Анатольевич. Сегодня мне даже представить страшно, в какой кошмар превратилась бы моя жизнь, останься я инвалидом. И тот звонок из Лондона был тоже вызван моими эмоциями. Я гуляла по площади Пикадилли, повсюду шум, музыка, клоуны веселят народ, на ходулях ходят, вокруг люди смеются, танцуют, целуются, и я среди этого праздника. Вот именно на этой площади я, как никогда отчетливо и остро за все эти годы, поняла, что этим праздником я обязана одному человеку. И тогда я позвонила Сергею Анатольевичу и все это ему, как смогла, выразила...

* * *

—...Дяденька, подайте на хлебушек, — бубнил едва слышно одетый в какие-то лохмотья мальчишка.

— Подайте на хлебушек, дяденька, — вторили ему еще двое таких же малолетних оборванцев, похожих друг на друга так, что сомнений не оставалось — братья.

Этих пацанов все чаще и чаще стал замечать Сергей Михайлов возле церкви в Переделкине, куда приезжает постоянно.

Сергей попытался с пацанами заговорить — тщетно, отбегали, словно напуганные собачонки. Он не отступился и постепенно су-

мел братьев разговорить. Отца своего они не помнят, а вот «мамка, как утром проснется, так водочку пьет, куда не упадет». Мальчишек давно уже сдали в интернат, откуда они периодически сбегают и кормятся милостыней, что наклеивают у церкви. Михайлов попросил работников фонда побывать в интернате, где учились мальчишки, разыскали они и квартиру, в которой братья жили вместе с матерью. Квартира, кстати, оказалась довольно просторной, но такой запущенной, что назвать ее человеческим жильем язык не поворачивался. Понятно, что находиться в ней нормальному человеку было просто невозможно. Через фонд отправили эту женщину на лечение в наркологический диспансер, квартиру решили отремонтировать, чтобы мальчишки не сбегали из интерната и не ночевали в картонных коробках, а могли на выходные дни к себе домой прийти. Вот во время ремонта и разразился скандал. Явились представители власти, органов опеки и ремонтировать квартиру... запретили. Высказались чиновники без обиняков: знаем, мол, таких заботливых дядечек. Отремонтируете квартиру, а потом продадите и наживетесь. Немало пришлось потратить усилий юристам фонда «Участие», дабы объяснить чинушам, что озабочены они лишь судьбой детей, брошенных на произвол судьбы собственной матерью.

Как раз в те дни, когда тянулась вся эта тягомотина с ремонтом квартиры, произошла в Бесланской школе № 1 та страшная трагедия, во время которой погибли 300 человек. Многие раненые ребята были отправлены из Беслана в Москву на лечение. Сергей созвал экстренный совет попечителей. По всем московским больницам собрали сведения, выясняя количество детей, характер их ранений. Всем были отправлены подарки. А в одну из больниц Сергей и сам отправился. Перед поездкой он долго думал, что бы подарить ребятам такого, что понравится всем. В итоге купили огромный настольный футбол. Я таких размеров и не встречал прежде — ну просто с бильярдный стол! В той больнице, куда мы приехали, лечились восемь ребятшек. Шестеро мальчиков и две девочки. Сергей побывал в палате каждого. У одного из ребят, было ему тогда лет десять, задержался подольше. Парнишка, едва они познакомились, спросил:

— Вы, наверное спортом занимались?

— Борьбой, — кратко подтвердил Сергей.

— Значит, вы меня поймете. Я без футбола жить не могу. А какой может быть футбол с раненой ногой? — с явной тревогой в голосе поделился с ним паренек.

— Погоди, погоди, — урезонивал его Михайлов. — Во-первых, жизнь без футбола — это тоже жизнь, но ты, наверное, это поймешь чуть позже. А во-вторых, кто тебе сказал, что ты не сможешь играть в футбол? Я вот беседовал с твоими врачами, они считают, что ты поправишься и нога у тебя заживет, так что от ранения и следа не останется. И будешь играть в свой футбол в полное удовольствие. А вот то, что ты раскисаешь, это не дело. Ты, брат, такое перенес, а теперь хнычешь. Тебе не унывать надо, а физкультурой начни заниматься, чтобы время понапрасну не терять. Делай гимнастику, укрепляйся, закаляй себя.

На следующий день в больницу повезли подарки фонда: кому книжки, кому кассеты с мультфильмами, кому куклы, а пареньку тому, футболисту, Сергей отправил от себя эспандер и гантели. Беспланских ребят выписывали в канун Нового, 2005 года. Сергей позвонил в патриархию и попросил для них билеты на патриаршую елку в Кремле. Просьбу его уважили. Утром, после завтрака в гостинице ЦДТ, на автобусе, заказанном фондом «Участие», покатали детей по Москве, показали им столицу во всей красе, а потом и в Кремль отправились. Вот тут-то юные бесланцы и устроили сюрприз. Да еще кому, самому Патриарху всея Руси Алексию! Когда Святейший поздравил всех детей, к нему пробились несколько бесланских школьников, поблагодарили его и тут же заявили:

— А мы вам подарок приготовили.

— Интересно, какой? — спросил патриарх, склонившись и поглаживая мальчика из Беслана по голове.

— А вот какой! — воскликнул мальчишка и достал из-за пазухи щеночка.

Где и когда они его раздобыли, как сумели пронести незамеченным в Кремль, об этом история умалчивает, остается только догадываться.

Несколько лет спустя, приехав с Сергеем Михайловым на патриаршее подворье поздравить Алексея с днем рождения, мы видели

эту собачку уже подросток. Патриарх заметил наши взгляды и подтвердил:

— Та самая, что дети мне на елке подарили.

— Я обратил внимание, как много благотворительных акций проводит фонд «Участие» по отношению к детям. Это что, целенаправленная политика фонда или твоя личная позиция? — спросил Сергея.

— Знаешь, я жил в благополучной семье. В доме всегда был достаток, такой, каким его по тем временам понимали. Мама и отец работали, мы с сестрой ни в чем не нуждались — сыты и одеты, а чего еще желать-то? И сейчас, когда я вижу, как в наши дни от глупостей или преступлений взрослых страдают дети или как мучаются они от болезней, я усматриваю в этом какую-то несправедливость, что ли. Дети должны быть счастливыми — это мое убеждение. Я вот все от меня зависящее делаю, чтобы счастливы были мои собственные дети. И если я могу помочь еще каким-то детям, то делаю это, не задумываясь. Так что сам решай, политика ли это фонда или мое личное отношение. Из личного отношения и складывается политика. Я вот иногда думаю: неужели в нашей огромной стране не хватит на всех обездоленных детей башмаков, книжек, продуктов? Конечно же, хватит, отвечаю сам себе. Значит, просто равнодушие или нежелание. Но особенно долго над этим голову не ломаю. Просто сам делаю то, что в моих собственных силах. Я полагаю, если бы каждый состоятельный человек хоть что-нибудь сделал для тех, кто нуждается в помощи, то и жизнь могла бы стать иной. Это очень важно — понимать, что, если можешь помочь, помогай.

Глава шестая

УЧАСТИЕ (продолжение)

На первый взгляд Сергей Михайлов достаточно ясно выразил собственную позицию к благотворительности: можешь помогать — помогай. А у меня все равно осталось чувство какой-то недоговоренности. Вернее даже недопонимания — с моей, разумеется, сто-

роны. Человек твердого характера, перенесший столько испытаний и жизненных ударов, Сергей сентиментальностью явно не страдает. В делах так просто жесткость проявляет. Работники офиса хорошо знают его требовательность и даже нетерпимость к любого рода расхлябанности, необязательности. Когда кто-то начинает ссылаться на якобы объективные трудности при выполнении того или иного поручения, он непременно заявляет: «Меня не интересуют детали, меня интересует результат».

Он абсолютно логичен. Способность к аналитическому мышлению поистине уникальная. Вспомнить хотя бы тот же женеvский процесс. Его адвокаты работали каждый по своему направлению. Он же анализировал все, без исключения, документы и все семьдесят два тома дела знал практически наизусть. Не случайно на суде лучшим из всех адвокатов был он сам. Это не комплимент — лишь объективная данность. Именно Михайлов, а отнюдь не адвокаты, разбил в пух и прах все показания свидетелей обвинения. Да, конечно, эти показания, лживые и тенденциозно подготовленные, были шиты белыми нитками, но надо же было мгновенно уловить несоответствие сказанного с фактами, четко аргументировать возражения. Какая сила воли и собранность потребовались этому человеку, чтобы в момент столь высочайшего психологического напряжения и давления со стороны обвинителей сохранять спокойствие, невозмутимость, а они были очевидны, чтобы в этом густо и хитро сплетенном клубке углядеть едва заметный кончик истины, ухватиться за него и доказать присяжным и суду всю лживость выдвигаемых обвинений. В ту пору мне казалось, что этот человек вообще лишен каких-либо эмоций и запрограммирован лишь на достижение одной-единственной цели. Наверное, в тот момент так оно и было. И только годы спустя я увидел другого Михайлова — умеющего чувствовать чужую боль, сострадать ей.

* * *

...Поздней ночью в офисе Михайлова появилась пожилая женщина в железнодорожной форме. Узнав, что «главный начальник», несмотря на позднее время, на месте, она истово перекрестилась. «Ну, слава Богу, успела». Ждала долго, пока Сергей Анатольевич

освободился и принял ее. Разговаривать с ней было мучительно, каждое слово, склонившись к уху, кричать приходилось. История ее была проста и покуда безысходна. Многодетная мать, работает проводницей на железной дороге. Несколько лет назад перенесла тяжелейшую ангину. Болезнь дала осложнение на уши. С годами почти утратила слух. Обычный слуховой аппарат уже не помогал. Нужно было приобрести дорогостоящий, импортного производства аппарат. Своих денег не хватало — и без того еле-еле концы с концами сводила, не желая ребятишек в интернат отдавать, а социальные службы помочь ей с дорогостоящим импортным слуховым аппаратом отказывались, ссылаясь на какую-то инструкцию, в соответствии с которой они могли приобретать медоборудование только отечественного производства. Железнодорожное начальство пригрозило увольнением, причем немедленным, объяснив причину кощунственно просто: «Нам глухие проводники не нужны». И ведь не подкопаешься — действительно, как работать с пассажирами женщине, которая их и услышать не может. Помочь опытному работнику никому и в голову не пришло, куда проще взять да и уволить.

На вопрос, откуда узнала о благотворительном фонде «Участие» и о Сергее Михайлове, ответила наивно просто: «Так ведь чего узнавать-то, его все знают». Во время разговора все порывалась достать из сумки документы, подтверждающие ее диагноз, но Сергей лишь отмахнулся. Утром работники фонда съездили в специальный магазин медицинской техники, приобрели слуховой аппарат, и женщина, счастливая, рассыпаясь в благодарностях, укатила в свой Тамбов, повторяя: «Есть еще люди...»

Мне в ту пору довелось быть в Москве, во время разговора Михайлова с проводницей я присутствовал. На следующий день спросил Сергея:

— А если она обманщица? Ну, просто притворилась, что глухая...

— Ну, конечно, притворилась, — рассмеявшись, перебил меня Сергей. — А слуховой аппарат ей нужен, чтобы самогон гнать. Так, что ли, по-твоему?.. Чтобы так притворяться глухой, надо быть гениальной актрисой, а это не про нее. К тому же все копии медицин-

ских заключений у нее потом взяли, в документы фонда подшили. Сочувствие сочувствием, а бумаги должны быть в порядке. Иначе мы бы потом еще долго доказывали, что действительно приобрели слуховой аппарат, а не самогонный.

Сергей Михайлов строит православные храмы и участвует в осуществлении государственных программ, встречами и переговорами день и вечер, чаще всего до поздней ночи, забиты до предела. Но даже мельчайшую человеческую проблему, если знает о ней, не оставит без внимания. Немного напыщенной получилась фраза? Не отрицаю. Если кто сумеет, пусть скажет иначе.

* * *

С легендарным футболистом Виктором Понедельником Сергей Михайлов познакомился на турнире по футболу в честь Дня города, куда Виктор Владимирович приехал в качестве почетного гостя. После турнира организаторы пригласили гостей на импровизированный банкет. Ну, банкет, конечно, громко сказано. Так, несколько бутылок вина, бутерброды. Говорили, понятно, только о футболе. Сергей с искренним интересом болельщика расспрашивал Понедельника о том, 1-м чемпионате Европы во Франции. 10 июля 1960 года состоялся финальный матч между сборными СССР и Югославии. Основное время победителя не выявило — 1:1. А во время овертайма, за семь минут до окончания дополнительного времени, Виктор Понедельник забил «золотой» победный гол, принесший нашей команде звание чемпионов Европы. Когда вернулись в Москву, команду приветствовал сам глава советского государства Никита Сергеевич Хрущев. Подпрыгивая от возбуждения, похлопывал рослых футболистов по плечам, а подойдя к Понедельнику, от полноты чувств расцеловал его и воскликнул со своим неистребимым украинским акцентом, смягчая букву «г»: «А тебе “Волху” подарю», — подразумевая, понятное дело, не великую русскую реку, а чудо советского автопрома и признак наивысшего благополучия и отличия советского человека.

За четыре последующих года, что Хрущев еще пребывал в должности первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, у него так и не нашлось времени выполнить свое обе-

щание, данное молодому футболисту. Потом Хрущева сняли, и, как говорят бюрократы, вопрос был исчерпан сам собой.

Завершив спортивную карьеру, Виктор Владимирович Понедельник через какое-то время был назначен главным редактором популярнейшего в те годы еженедельника «Футбол». Прошли годы, легенда отечественного футбола стал обычным российским пенсионером. Никакой машины ему так никто и не подарил, купить на собственные деньги — возможности не позволяли. Так и дожил до 65 лет. Узнав про юбилей легендарного спортсмена, Сергей Анатольевич вызвался помочь, заявив, что праздничный стол в ресторане станет его подарком. Понедельник взволновался не на шутку, все признавал, сколько гостей он может пригласить. «Вы, Виктор Владимирович, сами посчитайте, а мне только цифру назовите», — беспечно разрешил его сомнения Михайлов. Помнится, собрались на этот вечер сто двадцать человек. Были люди, чьи имена вошли в золотой фонд отечественного спорта, много журналистов, спортивные функционеры самого высшего ранга. А когда уже все гости собрались, Сергей Анатольевич взял микрофон, извинился за беспокойство и попросил всех на минутку выйти на площадь перед рестораном. Тут и ждал юбиляра главный сюрприз вечера. У входа стояла, вся украшенная разноцветными шарами и лентами, сверкающая новенькая «КИА». На лобовом стекле красовались огромные цифры «65», а на месте переднего номерного знака была прикреплена табличка «Виктор Понедельник».

— Мы сегодня решили исправить забывчивость Хрущева, — сказал, обращаясь к юбиляру, Сергей Анатольевич. — И дарим вам машину. Это, правда, не «Волга», но я надеюсь, что современный автомобиль вам не меньше радости доставит.

Сказать, что Понедельник в тот момент потерял дар речи, значит, расписаться в полном неумении передавать словами эмоции другого человека.

* * *

В конце девяностых был в Москве создан фонд поддержки вдов Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы и Героев России. Возглавил фонд Герой Советского Союза Юрий Петро-

вич Филиппьев. Идея, вернее, даже необходимость создания такого фонда была очевидна. Вдовы Героев, чьи мужья отдали свои жизни на полях сражений, оказались лишенными чьего бы то ни было внимания. Как жили они, в чем нуждались — никого не интересовало. Вспоминали о них разве что в тех редких случаях, когда по тому или иному поводу нужны были какие-то архивные документы либо фотографии. И так, фонд поддержки создали, а вот на какие средства эту самую поддержку организовать, никто и понятия не имел. Официальные организации, куда поначалу пытался достучаться Юрий Петрович, к его призывам оставались глухи. «У нас нуждающихся ветеранов еще полным-полно, а вы хотите, чтобы мы еще о вдовах заботились», — отвечали ему всюду, куда он только ни обращался. И вот тогда-то, узнав о существовании и деятельности фонда «Участие», обратился Юрий Петрович к Сергею Анатольевичу Михайлову.

Помнится, было это незадолго до празднования очередной годовщины Дня Победы. Сергей отозвался мгновенно, даже не раздумывая. В ресторане Центрального дома туриста были накрыты праздничные столы, каждой из участниц торжественного вечера вручили подарки. От щедроты души организатора вечера подарки оказались столь обильными и оттого тяжелыми, что пожилым женщинам работники фонда помогали их донести до машин.

Женщины были явно взволнованы таким приемом. Но еще больше волновались организаторы вечера. Ведь в этом зале собралась живая история страны. Каких только имен здесь не звучало! На вечер приехали вдовы прославленных военачальников времен Великой Отечественной войны, вдовы космонавтов, вдовы тех, кто погиб в наши дни в «горячих» точках. Трогательным и непринужденным был тот первый праздник. Где-то примерно через час попросила микрофон легендарная летчица, Герой Советского Союза Надежда Васильевна Попова. Утром по телевизору я видел, как на Поклонной горе лихо махнула она вместе с Борисом Ельциным «фронтовые сто грамм».

— Я сегодня была на приеме в Кремле, — начала говорить Надежда Васильевна. — И скажу вам, Сергей Анатольевич, без всяких преувеличений — такого угощения, как у вас, в Кремле не

было. Дело, конечно, не в угощении, хотя нет, и в нем тоже, потому что видно, все здесь от души подготовлено, с исконно русским гостеприимством. Но я о другом хочу сказать. Вот, как и все, получила я чудесные цветы и подарок. Чего скрывать, заглянула в пакет, а там конверт лежит. Я этого конверта не открывала, а чего его открывать, я и так знаю, что там деньги. Если бы мне лет десять —пятнадцать назад кто-то сказал, что я, Герой Советского Союза, деньги возьму, я бы даже не обиделась на этого человека, просто рассмеялась бы ему в глаза. А теперь беру. Не знаю, сколько в том конверте, но беру. С благодарностью. Потому что знаю, эти деньги помогут мне дотянуть до пенсии. И вам, Сергей Анатольевич, как мать сыну, говорю «спасибо». За подарки, за этот замечательный стол, а самое главное — за то, что вы о нас вспомнили, пригласили и устроили нам такой праздник, о котором мы и забыли, что такие бывают.

Надежда Васильевна Попова — человек не просто легендарный, она уникальна! Начав летать в конце тридцатых, она в годы Великой Отечественной совершила 667 боевых вылетов, не каждый мужчина-ас таким количеством может похвастать. Таких, как она, в годы войны называли «ночными ведьмами». Забегая вперед, скажу, что, когда режиссер Леонид Быков снимал фильм «В бой идут одни “старики”», прообразом командира женской эскадрильи стала Надежда Попова. Золотую Звезду Героя прикрепил к ее гимнастерке маршал Рокоссовский. Со своим будущим мужем, Семеном Ильичом Харламовым, дважды Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации, летчиком поистине легендарным, Наденька Попова познакомилась в госпитале, где лечилась после ранения. «Увидела я тогда своего Сеню на больничной койке, худого, бледного, и сразу решила: женю я его на себе», — со смехом вспоминает Надежда Васильевна.

К Сергею она относится, как к сыну, и он отвечает ей любовью. Как-то положили Попову в военный госпиталь. Мы приехали ее проведать. Она как раз, когда мы вошли в палату, альбом с фронтовыми фотографиями рассматривала. Нахлынули воспоминания, и мы, как зачарованные, сидели и слушали, позабыв про время. Да и

от кого еще можно услышать о той страшной войне такие подробности?! Когда прощались, Надежда Васильевна сказала:

— Сергей Анатольевич, ну что вы меня так балуете? Каждую неделю продукты присылаете, сюда вот, в госпиталь, столько всего нанесли. Неловко как-то...

— Да какая ж тут неловкость, Надежда Васильевна? Я же от души.

— Знаю, что от души, потому и принимаю. И вот я что вам скажу. Есть такое слово — государственный. Вот вы, Сергей Анатольевич, и есть государственный.

— О чем это вы, Надежда Васильевна?

— А о том, что целому государству столько лет до нас, вдов Героев, никакого дела не было, а вы своей заботой целое государство нам заменяете, Помогаете, привечаете, одним словом, с душой к нам относитесь, и мы ваше внимание ценим.

Эти слова Надежда Васильевна Попова позже не раз повторяла на праздничных встречах, которые стали традиционными и регулярными. Шефство над фондом поддержки вдов Героев продолжается и по сей день. Давно ушел из жизни Юрий Петрович Филиппьев, фонд сейчас возглавляет контр-адмирал, Герой Советского Союза Лев Алексеевич Матушкин, который своих подопечных называет по-домашнему «мои бабоньки». Конечно, не только праздничными застольями ограничивается это шефство. Кому-то нужно помочь продуктами и лекарствами, кто-то нуждается в материальной поддержке, да мало ли проблем и забот у пожилых женщин, некоторым из них уже и за девяносто перевалило... Но во время празднования Дня Победы или других торжественных дат, когда собираются вместе, они еще и сплясать не прочь. Однажды Екатерина Сергеевна Катуюкова, вдова маршала бронетанковых войск Михаила Ефимовича Катуюкова, так и сказала:

— Я, когда к вам, Сергей Анатольевич, в гости прихожу, словно лет двадцать с себя сбрасываю, так у вас мне хорошо и славно.

* * *

Личное отношение к ветеранам войны у Сергея Михайлова особое. Фонд «Участие» шефствует над многими ветеранскими органи-

зациями, их более десятка по Москве наберется. Если же говорить о самих участников Отечественной, кому помог и помогает фонд, то их несколько тысяч.

— Когда призадуматься, что для нас сделали эти люди, то понимаешь, что мы им обязаны всем. Просто пафосные слова говорить не хочется, — рассуждает Сергей Анатольевич. — Слова умеют говорить многие, только до дела редко доходит. Понимаю, конечно, что экономических проблем в нашей стране множество, но это же совершенно особые люди, сама история государства Российского. Их же уже совсем немного осталось. Да и нужно им самую малость, разве что дожить по-человечески, Вот я по нашим вечерам сужу. Еще лет десять, даже пять назад, когда собирались, сидели чуть не до ночи. А теперь через пару часов прощаться начинают — силы-то уходят. Поэтому я для себя так решил: все, что в моих силах и возможностях, буду для них делать.

* * *

Сергей Анатольевич вообще любит и знает историю, в этой области без всякого преувеличения его можно назвать эрудитом. Но одно дело просто знать историю, помнить знаменательные даты и вехи, имена, события. А совсем иное — чтить историю своей страны, гордиться ею. Когда готовилось трехсотлетие военного госпиталя имени Бурденко, к Михайлову за помощью обратилось руководство этой клиники.

— Бюджетные средства нам выделили, — говорили медики. — Учли даже проведение научно-практических конференций и прием зарубежных гостей, что приедут на юбилей. Но когда мы заговорили об установке памятника Петру Великому, по указу которого был создан наш госпиталь, нас чуть ли не в разбазаривании государственных средств обвинили. Одним словом, запретили категорически. Мы поняли, что нам нужна помощь человека, который к истории своей страны относится с любовью и почтением. Судя по делам вашим, о которых мы много слышали, вы именно такой человек. Потому именно к вам, Сергей Анатольевич, и решили обратиться с этой просьбой о помощи.

Бюст Петра Первого украшает сейчас центральную аллею военного госпиталя имени Бурденко — Сергей Анатольевич Михайлов счел почетным долгом помочь в его создании. Так же, как и в создании памятника Федору Ивановичу Шаляпину, который установлен в музыкальной школе Солнцевского района, которая носит имя великого русского певца и где ежегодно проводятся конкурсы имени Шаляпина.

Глава седьмая

ТОЛЬКО ВЕРИТЬ

Из случайно услышанного разговора в приемной офиса Сергея Анатольевича Михайлова.

— Как считаешь, даст он нам денег? — вопрошал один мужчина у другого.

— Думаю, даст. А чего не дать-то, что у него, мало?

Просители были коренасты, крутоплечи, с заметно выпирающими животами. Одеты в одинаковые черные костюмы, галстуки, к которым они явно не привыкли, стягивали могучие шеи, и они, стесненные непривычной, видимо, одеждой, чувствовали себя, как говорится, не в своей тарелке. Вскоре они прошли в кабинет к Михайлову. Не сразу, после долгих, утомительных недомолвок и междометий, которые приезжим из Ижевска заменяли обычную речь, выяснилось, что начинающие бизнесмены желают торговать мясной тушенкой. Мясокомбинат тушенку им продать был готов. Дело оставалось за малым — раздобыть деньги на покупку, доставить тушенку в пункт икс — не важно даже, куда, тушенка же всюду нужна, и там ее продать.

— Стало быть, у вас есть возможность приобрести тушенку, но денег на это у вас нет, где и как вы ее будете реализовывать, вы пока еще тоже не знаете, — резюмировал Михайлов. — Ну а от меня-то вы чего ждете?

Ижевцы простенько так объяснили, что ждут они от Сергея Анатольевича денег, а к нему обратились по той простой причине, что у него, как они читали в газетах, есть «какой-то фонд» и вообще он

человек богатый и ссудить им какую-то несчастную сотню тысяч долларов такого человека явно не затруднит. Михайлов резонно и достаточно твердо возразил, что проект кажется ему сырым и непродуманным, незнакомым людям он деньги ссуживать не привык, а что касается фонда, то это организация благотворительная, призванная помогать социально ослабленным слоям населения, на коих господа начинающие бизнесмены ну никак не тянут.

— Ну, не хотите тушенку, и не надо, — легко согласился один из ижевцев. — А может, мы чего другое продавать будем, а? Мы все, что угодно, достать можем.

Получив отказ, они не обиделись и даже вроде и не огорчились особо. Махнули рукой, рассмеялись и, обращаясь к Михайлову, попросили:

— Ну, чтобы не просто так мы в Москву прокатились, давайте хоть сфотографируемся вместе.

— А это-то вам для чего? — удивился Сергей Анатольевич.

— Как для чего? Вы человек известный, Мы к себе приедем, будем всем фотографию с вами показывать, расскажем, что вы нас встретили, чаем-кофе угостили, разговаривали с нами. Нас за серьезные людей принимать будут...

Помнится, в тот вечер мы долго говорили с Сергеем о том, что такое истинная благотворительность, где та тонкая грань, что отличает ее от обычной помощи.

— Понимаешь, — делился мыслями Сергей. — Мы ведь все живем среди людей. С самого детства. Школа, институт, спорт, работа, друзья, знакомые — не случайные и вовсе случайные. И чем богаче ты становишься, тем все больше ты привлекаешь к себе внимания. У нас же в России богатство чуть ли не зазорным, по мнению многих, считается. И вот уже люди считают, что, раз ты богат, значит, ты им должен. Никто же из тех, кто так считает, не отягощает себя мыслью, что он сам к твоему состоянию никакого отношения не имеет. Ко мне, как по почте, так и на мой личный сайт в Интернете, приходят сотни писем. Мне напоминают о каких-то мимолетных встречах, которые произошли то в самолете, то где-то на отдыхе или при иных обстоятельствах. Но, как правило, все эти послания заканчиваются просьбами — дай, дай,

дай. У меня сейчас столько «одноклассников» развелось, что если им всем верить, то я одновременно учился с несколькими сотнями людей. Причем, самого разного возраста.

— Слухами земля, как известно, полнится. Известно же, что ты помогаешь многим. И не только через фонд «Участие», но и лично.

— Разумеется, у меня есть близкие друзья, просто хорошо знакомые мне люди. И если они оказались в сложной жизненной ситуации и я могу им помочь, то отчего бы это не сделать. С удовольствием!

— Но иногда люди даже и не просят тебя о помощи, ты ее предлагаешь сам, — возразил я Сергею и напомнил ему историю с его учителем Анатолием Варгановым.

...Когда Сергей учился в девятом классе, учительница математики вызвала в школу его маму. Это было накануне какого-то праздника. Вера Георгиевна работала тогда в исполкоме, занята была подготовкой праздничной ярмарки и в школу прийти не смогла. Математичка настаивала и при всем классе, отчитывая Михайлова, отозвалась о его маме пренебрежительно. Да что там — пренебрежительно! Попросту позволила себе при всем классе оскорбление. В тот момент в руках у мальчишки был циркуль, и он, оскорбленный, не раздумывая, запустил железяку. Острой иглой циркуль воткнулся в классную доску. Побледневшая от страха математичка выскочила из класса. Педсовет заседал недолго. Михайлова из школы исключили.

— Слава Богу, что я тогда промахнулся, — вспоминал много лет спустя Сергей. — Сейчас даже представить страшно, что бы было, если б попал...

Поразмыслив, Сергей решил поступить в вечернюю школу и пойти работать. Пришел он к директору «вечерки» Анатолию Аркадьевичу Варганову. Тот документы полистал и велел явиться на следующий день.

— Да, братец, дел ты натворил неважнецких, — сказал ему директор при следующей встрече. — Хотя в целом оценки у тебя неплохие. Но у нас в вечерней школе учатся на год больше, а тебе этот год, считаю, нет резона терять. В общем, я принял такое решение.

Если сдашь экзамены, зачислю тебя на класс старше. Так что готовься, все теперь от тебя зависит. И запомни — я тебе верю, так что ты меня не подведи.

Экзамены Сергей сдал без труда, устроился работать учеником автослесаря, закончил вечернюю школу и самые теплые воспоминания сохранил о Вартанове. Они не виделись много лет. Но как-то, вспоминая ту давнюю школьную историю, вспомнил Сергей и о старом своем учителе. Привыкший к действиям решительным, он уже на следующий день раздобыл адрес и отправился проведать Анатолия Аркадьевича. Сколько за долгие годы работы педагогом прошло у Анатолия Аркадьевича таких мальчишек. В высоком элегантном мужчине он, как ни силился, никак не мог вспомнить своего бывшего ученика. Сергей уже отчаялся, решив: какая разница, помнит, или не помнит. Важно, что помог, отнесся по-человечески, когда Вартанов вдруг воскликнул:

— Постой, постой! Это же ты тогда линейкой, что ли, в учительницу запустил, а потом решил перевестись в вечернюю школу?

— Циркулем, — не очень охотно уточнил Сергей. — Циркулем я в нее запустил.

— Ну вот, теперь вспомнил, — удовлетворенно заявил учитель. — Точно, ты — Сергей Михайлов. Ну, проходи, проходи, голубчик, рассказывай, что тебя ко мне привело, какие проблемы, может, помочь чем смогу.

— Да нет у меня никаких проблем, Анатолий Аркадьевич. Просто зашел вас поблагодарить за все, что вы для меня сделали, душевное «спасибо» сказать. И не вы мне, а я вам помочь хочу.

Старый учитель даже прослезился — такой неожиданной, но такой сердечной была эта встреча. Не часто навещали старого учителя бывшие его ученики. Да что там нечасто, можно сказать, вообще забыли. Он не роптал, понимал, что в жизни у каждого свои проблемы. Но вот неожиданно пришел человек, которому он когда-то протянул руку, пошел навстречу. И так приятно стало на душе.

С тех пор они виделись довольно часто. И в нелегкой жизни учителя-пенсионера Вартанова самое теплое участие принимал

бывший его ученик Михайлов. До последних дней жизни Анатолия Аркадьевича, светлая ему память...

— Неудачный пример, — поморщился Сергей, когда я напомнил ему о Вартанове. — Да, конечно, он ничего у меня не просил. Но кто знает, как повернулась бы моя жизнь, прояви он ко мне равнодушие. Чувство личного долга, благодарности и благотворительность — есть суть понятий разных.

— Но ведь, помогая своему бывшему учителю, жизнь которого к тому времени была нелегкой, ты делал благо, то бишь совершил благотворительность.

— Ох, эта вечная твоя манера цепляться к словам, — попрекнул меня Сергей, усмехнувшись. — Да пойми же ты наконец. Истинная благотворительность — это только движение души, то, без чего ты уже сам не можешь. А иначе никакое это не благое дело, а лишь холодный расчет. А вообще я не любитель распространяться на эту тему. Это же как вера — она в душе, а не на словах.

Да, точнее и не скажешь. Когда-то в одной из школ Солнцевского района был в подвале оборудован скромный спортзал. Именно там и занимался юный Сережа борьбой. Надо сказать, из этого подвального спортзала не один чемпион по борьбе вышел. Но суть не в этом. Школа отмечала какой-то свой юбилей. Обратились за помощью в благотворительный фонд «Участие». К знаменательной дате помогли школе сделать ремонт, оборудовали компьютерный класс. На торжественное собрание приехали выпускники, которые вместе со своими бывшими учителями уселись за празднично накрытые столы. Выступала директор школы, от всей души благодарила Сергея Анатольевича Михайлова и руководимый им фонд. Потом сказала:

— Все вы знаете, что нашу школу закончил и еще один выдающийся человек, это нынешний премьер-министр российского правительства Касьянов. Михаил Михайлович тоже не забыл родной школы. В этот знаменательный для всех нас день он прислал нам поздравительную телеграмму...

К чему я об этом? Да все к тому же — движению души. Либо есть, либо — нет.

* * *

Сергею частенько задают вопрос, искренне ли он верит в Бога. Можно подумать, что вера бывает неискренней! Чуть ли не каждый журналист, беседуя с Михайловым, непременно интересуется, что именно, какое конкретное событие или случай привели его к вере. Не знаю, что испытывает при этом сам Сергей, а у меня всегда в этот момент возникает чувство неловкости. Словно человека на людях обнажаться принуждают.

...Сергея крестили в детстве. Как многие в те годы, его родители, особо не афишируя, пошли в церковь, покрестили сына. Потом, как мать с отцом сами вспоминали, уселись на лужайке, кулек с младенцем рядом на травке уложили. Выпили по такому случаю, вот и все крещение. Собственное отношение к Богу Сергея волновало с юных лет. Он довольно рано начал читать священные книги, хотя доставать их в те «гуманные» годы было нелегко и далеко небезопасно. Так что к вере он шел, судя по всему, осознанно. Наверняка в его жизни были какие-то события, которые в этом чувстве его укрепили, но об этом, кроме самого Михайлова, говорить либо судить никто, кроме него самого, не вправе. По крайней мере я так считаю. Но об одном, для Сергея сокровенном, все же скажу.

Уже с первых своих заработков стал Сергей помогать Русской православной церкви, а фонд «Участие» помогает Православной церкви так, как ни одна благотворительная организация России. И это не просто голословное утверждение, а лишь констатация факта. Десятки церквей, монастырей по всей Руси великой да и далеко за пределами России построены и отреставрированы за счет средств, перечисленных фондом «Участие». А сколько было открыто воскресных православных школ, сколько колоколов было отлито для храмов!

* * *

Мне посчастливилось присутствовать при первой встрече Сергея Михайлова с патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Святейший во время той встречи не счел нужным скрывать, как вы-

соко ценит он помощь Сергея Анатольевича Православной церкви. Они потом встречались нередко, и каждый раз беседы эти, с глазу на глаз, длились подолгу. У Сергея Михайлова более тридцати орденов Православной церкви, и не только Русской, но превыше всех он ценит те награды, которые Алексей II вручал ему лично.

Несколько лет назад московским чиновникам пришлось в голову построить в Переделкине цементный комбинат. Что и говорить, только лишенные элементарных человеческих чувств стяжатели могли придумать такое: построить вредоносное производство в одном из самых экологически чистых районов Москвы. Жители Переделкина обращались в Правительство Москвы, городскую Думу, писали письма во всевозможные инстанции — все тщетно. Им объяснили, что решение принято и никто его менять не собирается. И тогда они обратились за помощью к Сергею Анатольевичу Михайлову. Он посоветовал им собрать подписи всех, кто считает строительство цементного производства вредным, губительным. Подписей собрали свыше ста пятидесяти тысяч. Подготовили соответствующую справку, с которой Михайлов и отправился на прием к Святейшему, попросив его о встрече. Алексей II выслушал Михайлова очень внимательно. А буквально через несколько дней жители района узнали, что строительства завода не будет. Радости их не было предела. Произошло же следующее. Алексей II встречался с президентом страны и во время встречи рассказал Владимиру Владимировичу Путину о кощунственном решении, принятом городскими властями. Президенту много времени не понадобилось, чтобы вникнуть, разобраться в ситуации и изменить ее.

...Когда к годовщине смерти Святейшего готовилась к изданию книга «Путем Христовым», Сергей Анатольевич не только помог в издании этого фолианта, но и написал одну из глав, где есть такие слова:

«Святейший Патриарх Алексей II — величайшая фигура в истории современной Православной церкви. Он не просто выдержал переломный момент в истории страны, но и смог поднять Церковь практически из праха. Семьдесят лет атеистического воспитания наложили глубокий отпечаток на сознание людей.

Огромная заслуга Патриарха Алексия II в том, что на сегодняшний день все больше и больше людей стараются прийти к вере, найти утешение в Боге.

Строятся церкви, возводятся монастыри, восстанавливаются святыни, идет грамотная пропаганда Православия, большой популярностью пользуется церковная литература. Он достойно вел православный церковный корабль, и, что важно, вел его в многоконфессиональном государстве.

Святейший Патриарх был поразительно прозорливым и душевным человеком. Не удивительно, что он смог сделать так много для укрепления православной веры.

Господь даровал мне несколько встреч со Святейшим. В основном мы разговаривали о благотворительности. Я обращался к нему в качестве руководителя благотворительного фонда «Участие». Обсуждали много вопросов, связанных со строительством церквей и церковных школ, с благотворительностью в целом. Говорили о проблеме экологии. Например, Патриарх активно поддержал акцию за сохранение экологии в районах Солнцево и Переделкино. Он часто благословлял нас на поступки во благо людей.

Церковь делает человека зрелым, ответственным, патриотичным членом общества, а именно такие граждане и являются опорой любого государства. Чем больше людей верует в Бога, тем могущественнее Россия. Поэтому помогать восстанавливать былое величие русской Церкви — это обязанность каждого из нас.

Жизненный путь Патриарха Алексия II — это воплощение христианских заповедей добра, милосердия, справедливости. Он нес свет христианской любви людям и нашей России.

Святейший поражал не только своей мудростью, но и необыкновенным достоинством, с которым нес своей Крест.

Апостол Павел призывал нас стоять в вере Христовой, мужаться и укрепляться молитвой в трудностях и испытаниях, проявлять любовь Христову друг к другу. Каждый из нас, наверное, испытал в своей жизни, как бывает трудно, если в болезни, при потере близких, в иных обстоятельствах не найдется человека, который бы под-

держал нас, разделил с нами нашу скорбь. Помогая ближним, поддерживая их, мы исполняем завет Апостола “все у вас да будет с любовью”, то есть любовь будет сопутствовать нам во всей нашей жизни.

Вся жизнь Святейшего Патриарха Алексия II будет для нас примером любви и веры Христовой».

...Несколько месяцев назад в самом центре Солнцева заблестели золоченые купола нового красавца храма. Храм во имя Преподобного Сергия Радонежского строит благотворительный фонд «Участие». А мне вспоминается тот погожий весенний день, когда закладывался и освящался, с благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, первый камень будущего храма, с каким радостным волнением и гордостью говорил тогда Сергей Михайлов о том дне, когда откроются двери и придут сюда верующие. И этот день уже близок.

— Апостол Иоанн говорил, что Бог есть любовь. И кто не познал любви, не познал Бога, — рассуждает Сергей Михайлов. — Написав свои знаменитые строки «Умом Россию не понять... в Россию можно только верить», поэт Тютчев отождествлял Россию с Богом, как высшее проявление любви и патриотизма. Для меня любовь к Богу — это и есть любовь к ближним, любовь к своей Отчизне.

Глава восьмая

ИСПЫТАНИЕ ПОЛЮСОМ

— Как ты относишься к путешествию на Северный полюс? — спросил меня Сергей.

— Так же, как Аркадий Бухов относился к путешествию с парусом.

— Писатель Бухов? — уточнил Михайлов. — Знаю, читал, хороший писатель. Но при чем тут Бухов?

— В рассказе «Парус» героя Бухова спросили, как он относится к путешествию с парусом, на что герой ответил, что это его самое любимое занятие. Особенно он любит такие путешествия,

когда сам едет в мягком купе поезда, а парус в соседнем, багажном вагоне.

Сергей шутку не мою, но Аркадия Бухова оценил и спросил напрямую: «На Северный полюс со мной полетишь?» Я среагировал мгновенно: «Только по приговору суда». И стал собираться.

О полярной «болезни» Михайлова я уже к тому времени был наслышан.

К началу двухтысячных годов ситуация в Арктике сложилась для России критической. Последняя советская полярная экспедиция прекратила свою работу в 1991 году. Потом уже было не до полюса, о нем попросту никто и не вспоминал: дел и на материке было выше горла. Кто-то строил новое государство, кто-то с короткими перерывами на сон и еду «пилит бабки», приватизировал отдельные предприятия и целые отрасли промышленности. Одним словом, все были заняты. О том, что в Центральной Арктике сосредоточено до семидесяти процентов всех мировых запасов нефти и газа, множество других полезных ископаемых, что обороноспособность северных рубежей необходимо поддерживать — об этом просто почти никто не вспоминал. Говорю «почти» потому, что все же оставалась небольшая группа сподвижников, одержимых людей, однажды и навсегда покоренных полюсом. Но к 2002 году России достаточно о более чем двенадцатилетнем отсутствии России в Арктике убедительно напомнили иностранные специалисты — американцы, канадцы, норвежцы и даже японцы. Если их научные и дипломатически обтекаемые формулировки перевести на общедоступный бытовой язык, то заявление могло бы прозвучать примерно так: не хотите осваивать сами, не мешайте нам. К тому времени государство практически полностью прекратило финансировать освоение и развитие северных полярных территорий. Прекращение научных работ в районе Северного полюса означало и полное прекращение политического присутствия России в этом регионе, утрату стратегических и оборонных приоритетов страны, разрушение инфраструктуры по всей главной северной магистрали — Севморпути. Само собой, это повлекло бы и потерю для России огромных месторождений полезных ископаемых, газа и нефти в том числе.

Несколько лет спустя полярник Владислав Пигузов написал такое простенькое, безыскусное четверостишие:

Зимовок мертвые глазницы
По берегам, нам дорогим.
И мягко стелет заграда:
Не можешь сам — отдай другим!

К тому времени у полярников появился «свой человек» в Государственной думе. И не простой депутат, а вице-спикер нижней палаты — известный в прошлом полярник, Герой Советского Союза Артур Чилингаров. Но даже ему оказалось не под силу доказать в высших эшелонах власти необходимость срочного создания российской дрейфующей станции. Вернее, даже не так. Необходимости дальнейшего освоения Северного полюса никто не отрицал, но и денег не давали. Даже поддержка Госгидромета своего действия не возымела. Тем более что главное научное подразделение по изучению северных широт — Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики — хранило гробовое молчание. Да и к чему вмешиваться, когда все и так замечательно. Регулярно выплачивается зарплата, защищаются диссертации — и никаких хлопот. Но полярники, во всяком случае в большинстве своем, — люди бесстрашные и неугомонные. Они и придумали невиданную доселе авантюру государственного масштаба и значения. Прошу прощения за менторство, но считаю своим долгом именно в данном контексте напомнить, что истинное значение слова «авантюризм» изначально подразумевало приключение или дело, опасное по своей природе, сопровождаемое риском неожиданных событий, но при любых обстоятельствах — передовое.

Вот один из таких авантюристов, бывший штурман полярной авиации Александр Орлов и обратился к другу своей юности Сергею Михайлову. Он часами доказывал Сергею всю важность и необходимость немедленного создания первой российской дрейфующей станции, показывал любительские фильмы, фотографии, приводил научные выкладки, а потом, исчерпав все аргументы, заявил напрям-

мую: «Это нужно не только нам, полярникам. В первую очередь это нужно России. И кто-то же должен стать первым».

Людам, заставшим докосмическую эру, не нужно напоминать, какой заслуженной славой и авторитетом пользовались в Советском Союзе полярники. Не случайно Золотую звезду Героя Советского Союза за номером 1 вручили когда-то полярному летчику Анатолию Ляпидиевскому. И возвращавшихся после экспедиции полярников страна в те годы чествовала ничуть ни с меньшими почестями, чем впоследствии космонавтов. Это сейчас на вопрос, кто такой Папанин, некий московский десятиклассник усмехнулся и снисходительно поправил: «Не Папанин, а Папанов. Кто же не знает — волк из “Ну, погоди!”». И хотя мальчишки поколения Михайлова в детстве мечтали стать не полярниками, а космонавтами, серьезные аргументы Орлова и Чилингарова Сергей Анатольевич воспринял с должным пониманием. Прекрасно он осознал и ту ответственность, которую добровольно взваливает на себя, возглавив организацию этого и впрямь государственного масштаба проекта.

* * *

Уже первое совещание, проведенное в Санкт-Петербурге, в Институте Арктики и Антарктики, показало, что подготовка потребует не только огромных материальных вложений, но и займет много времени. Опыт создания экспедиций был, по сути, утрачен. За те двенадцать с лишним лет, что прошло с момента работы последней советской дрейфующей станции, в освоении и исследовании Арктики произошли поистине глобальные изменения. Иными стали научный подход, система изысканий и исследований, появились совершенно иная, нового поколения техника, полярное оборудование. Не умеющий и не любящий ничего делать вполсилы, Михайлов всерьез занялся изучением проблемы. Если на первом совещании в Институте Арктики он все больше молчал и слушал, то уже ко второму заседанию, месяца через полтора, у него накопилось столько профессиональных вопросов, что у специалистов даже сомнений не возникало в том, что с ними обсуждает проблему человек, полностью разбирающийся в глубинной сути вопроса.

Потом начался длительный период подготовки материальной базы для будущей экспедиции. Закупалась техника, домики полярников, оборудование для проведения научно-исследовательских работ метеорологов. Параллельно шел чрезвычайно сложный процесс выбора льдины в Северном Ледовитом океане. Это лишь несведущему человеку может показаться, что океан полностью покрыт недвижимым панцирем льда. На самом деле льдина — это живой подвижный организм, который находится в постоянном, не видимом простому человеческому взору движении. И только точные расчеты могут дать ответ на вопрос, как и сколько времени будет дрейфовать льдина, в каком месте и когда она должна расколоться. Впоследствии выяснилось, что привыкшие более к теоретическим выводам ученые практические расчеты произвели, мягко говоря, не совсем верно, но это лишь осложнило работу тех поистине самоотверженных людей, которые остались один на один со стихией, подвергая себя осознанному риску.

С легкой руки великолепного писателя Джека Лондона фраза «белое безмолвие» стала нарицательной. Я слышал это «безмолвие», когда наползающие друг на друга льдины грохочут так, что за сотню километров раздается это свирепое рычание, в сравнении с которым даже пушечная канонада может показаться детским шепотом. К тому же первый блин, как и положено, лег комом — у Ан-74, доставившего первую часть техники в Арктику, при посадке на одном из шасси отлетело колесо. Запасное сумели доставить через неделю, еще несколько дней ушло на ремонт, и только тогда самолет сумел вернуться на Большую землю.

Формально заседания штаба по подготовке полярной экспедиции, который возглавил Сергей Анатольевич Михайлов, проводились раз в неделю. Фактически ему ежедневно приходилось заниматься полярными проблемами. И вот день открытия первой российской дрейфующей станции наступил. 25 апреля 2003 года флаг России был поднят на Северном полюсе. Незадолго до этого вместе с подготовительной экспедицией в Арктику прилетел настоятель храма Спаса Преображения архимандрит Владимир и станцию освятил.

Делегация, прилетевшая на полюс двумя Ан-74, была весьма представительной — депутаты Госдумы, федеральные министры, члены Московского правительства, не забывшие прихватить флаг Москвы и водрузившие его рядом с российским. Каждому хотелось прикоснуться к историческому событию. Порядковый номер дрейфующей станции решили не менять. В советские времена на Северном полюсе проработала тридцать одна экспедиция. Поэтому первая российская была поименована как СП-32. После поднятия флага Артур Николаевич Чилингаров извлек ракетницу, и в сияющее синее небо взвилась красная ракета. В этот день полярного лета погодка была как на заказ — столбик термометра опустился до отметки 44 градуса, но ветра не было и мороз переносился достаточно легко. Начальнику дрейфующей станции Владимиру Кошелеву от волнующего момента так даже жарко стало, и он расстегнул прямо на тельняшку надетую кожаную куртку на меху. Почетный полярник СССР Владимир Семенович Кошелев из двенадцати полярников СП-32 был самым опытным — пять экспедиций в советское еще время остались за плечами, шестую он теперь возглавил. Полярники отдельной группой стояли вместе с Сергеем Михайловым чуть поодаль от почетных гостей. VIP-персоны, осознавая, что участвуют в процессе поистине историческом, этой своей ролью были поглощены столь всецело, что им попросту не до полярников было в столь знаменательный момент. Тем более что Чилингарову удалось по спутниковому телефону дозвониться до президента страны, и он докладывал Владимиру Владимировичу Путину о том, что вот прямо сейчас на Северном полюсе водружен флаг России. Понимая, что вырвать телефон, дабы обозначить свое верноподданническое участие, у крепкого и закаленного в политических битвах Чилингарова не удастся, остальные чиновники знаками напоминали о себе, и по артикуляции было понятно, что они призывают Артура Николаевича передавать от них приветы президенту. Наконец вся суэта, связанная с торжественностью момента, поутихла, гости разбрелись осматривать окрестности, полярники отправились в штабной домик, где хряпнули граммов по несколько неразбавленного спирта, в первый и предпоследний раз (но об этом чуть позже) нарушив сухой закон, незыблемый для

всех полярных экспедиций. В штабной домик проشمыгнули незамеченными и два нештатных члена экспедиции — овчарки, привезенные с острова Свобода архипелага Северная Земля. Вывозя собак, полярники предполагали, что парочка вскоре обзаведется потомством и они порадуются щенкам. Но на поверку выяснилось, что оба пса одного, мужского пола. На что их экспедиционный шеф Владимир Кошелев флегматично заметил: «Ну, женщин на дрейфующие станции брать не принято, так что все правильно, — и тут же добавил: — Рыжего так и назовем Рыжий, черного — Черныш».

Потом все гости долго фотографировались на фоне флага и вырубленного на ледовом склоне названия СП-32. Наконец заняли свои места в самолетах. Высокое начальство выражало недовольство по поводу неизвестно отчего затянувшегося отлета. То обстоятельство, что Михайлов, Чилингаров и Орлов обсуждали с полярниками, которым предстояло целый год оставаться на дрейфующей льдине, чрезвычайно важные рабочие вопросы, представлялось им причиной несерьезной. Наконец Ан-74 побежал по специально оборудованной взлетной полосе, но оторвался ото льда с таким трудом, что лично у меня, хотя признаваться в этом стыдно, душа ушла даже не в пятки, а невесть куда. Впрочем, когда я глянул на своих попутчиков, то увидел не менее напряженные лица. Внешне безучастно спокойным оставался лишь один пассажир того рейса — Сергей Михайлов. Он в момент взлета думал совсем о другом. 25 апреля — день рождения его мамы, Веры Георгиевны, и сын думал о матери да еще о тех жизненных совпадениях, что предписаны судьбой.

Через несколько часов мы приземлились на острове Лангиер архипелага Шпицберген. И хотя мороз здесь был не слабым, а от снега резало глаза, это была твердая почва, и выражение «Большая земля» на острове приобретало смысл особый.

Лангиер — место совершенно особое, можно даже сказать, уникальное. Географически находящийся на территории Норвегии, этот остров считается нейтральной территорией. Здесь даже нет пограничного пункта. Остров живет своей жизнью. В любом магазине, кафе или баре есть специальные помещения, где можно оставить

оружие. А без ружей здесь не ходит никто, поскольку никто и не гарантирован от встречи с самыми свирепыми местными обитателями — белыми медведями. Кстати, перед отлетом всем участникам того памятного путешествия раздали памятки, инструктирующие, как вести себя при внезапной встрече с белым медведем. Предписывалось ни в коем случае не убегать, так как белый медведь от резких движений может рассвирепеть еще больше. Следовало немедленно достать из кармана два металлических предмета и бряцать ими друг о друга: металлический звук — то единственное, что может напугать мишку, и тогда он ретируется сам. Здесь же, на Лангиере, рассказали нам целую кучу устрашающих историй, повествующих о встречах с медведями, которые, как правило, заканчивались трагически.

Выслушав эти истории и еще раз прочитав памятку, Сергей спросил, усмехаясь:

— У тебя найдется в карманах два металлических предмета? У меня тоже нет. Ладно, давай попробуем как-то добраться до русской фактории, посмотрим, как земляки живут.

— А здесь есть русская фактория? И кто там живет?

— В основном охотники-промысловики.

В этот момент мимо нас проходила группа летчиков. Услышав русскую речь, мы спросили, как добраться до фактории. Один из пилотов поинтересовался:

— Вам надолго туда?

— Да нет, только посмотреть и обратно.

— Ну тогда ладно, — отреагировал летчик. — Мы только часа через четыре вернемся. Вон видите, грузовая «мицубишка» стоит. Ключи в зажигании, садитесь и по той дороге, — он махнул рукой в стороны утрамбованной снегом широкой тропы, — никуда не сворачивая, ежайте. Через двенадцать километров как раз возле фактории и окажетесь. Машину потом на то же место поставьте.

На фактории никого из обитателей не оказалось. И хотя двери всех домиков были не заперты, заходить внутрь без хозяев мы не стали. Пора было возвращаться.

Москва встретила нас обычным городским шумом и суетой, основное внимание в новостных программах уделялось природ-

ным аномалиям и дерзкому ограблению инкассаторов. Прервав собственные воспоминания и работу над этой главой, я открыл Интернет. Всезнающая сеть выдала мне информацию о самых заметных событиях 25 апреля 2003 года. Госдума в этот день приняла в третьем чтении новую редакцию Таможенного кодекса Российской Федерации, Министерство финансов выплатило Международному валютному фонду около 123 миллионов долларов, чемпион России по бодибилдингу Александр Балдин заявил о своем решении покинуть большой спорт... Об открытии 25 апреля 2003 года первой российской дрейфующей станции в Интернете тоже было сообщение. Ровно четыре строки. Описание заслуг выдающегося культуриста заняло куда как больше места.

* * *

Через несколько дней после возвращения каждому участнику торжественного открытия СП-32 на бланке Президента Российской Федерации вручили письмо:

«Участникам первой российской дрейфующей станции “Северный полюс — 32”.

Искренне рад приветствовать участников первой российской научно-исследовательской дрейфующей станции “Северный полюс-32”.

Арктика — самая северная точка Земного Шара. Природа создала здесь уникальные условия для проведения широкомасштабных научных экспериментов и исследований. Очень важно, что после двенадцатилетнего перерыва российские ученые вернулись на Северный полюс, продолжая замечательные традиции, заложенные несколькими поколениями легендарных полярников.

Убежден, что Ваша работа будет иметь огромное значение для развития отечественной науки и решения целого ряда актуальных практических задач.

Успехов Вам, удачи и всего самого доброго.

В. Путин.

25 апреля 2003 года».

И потянулись рабочие будни. Ежедневная радио- и телефонная связь полярников с Большой землей была налажена бесперебойно. Дрейф в малоизученном районе Арктики позволил российским полярникам провести поистине уникальные научные исследования. Ежедневно во Всемирный метеорологический центр в Женеве передавались подробнейшие сведения о погоде, проводилось зондирование океанских глубин самыми современными исследовательскими приборами. Полярники скрупулезно добывали и обрабатывали на месте весь комплекс параметров течений Северного Ледовитого океана. Именно их работа позволила возобновить планомерное изучение взаимодействия океана и атмосферы в Центральной Арктике. Конечно, для того, чтобы осуществить весь этот комплекс, потребовались затраты гораздо более внушительные, чем даже можно было предположить сначала. Но к тому времени Сергей Михайлов уже настолько четко представлял, какую важную программу осуществляют полярники, чтобы не сокращать финансирование даже на йоту. Во время сеансов телефонной связи он искренне, с подлинным интересом расспрашивал зимовщиков не только о ходе работ, но и об их самочувствии, обязательно рассказывал, как обстоят дела в их семьях, — работники фонда «Участие» регулярно навещали семьи полярников, помогали им чем только можно.

Конечно, те легендарные полярники, что первыми дрейфовали в Арктике в начале тридцатых да и позже, даже мечтать не могли о тех условиях, что создал Сергей Михайлов своим отважным подопечным. Вертолетами на Северный полюс регулярно доставлялись не только техника и научное оборудование, но и продукты, в том числе свежие овощи и фрукты. Однажды, беседа с Кошелевым по радиотелефону, Сергей Анатольевич поинтересовался привычно:

— Володя, может быть, ребятам чего-то из продуктов особого хочется? Ты говори, не стесняйся.

— Вообще-то нам всего хватает, Сергей Анатольевич, спасибо вам за заботу. Питаемся отлично, только пива и не хватает, — пошутил в заключение Кошелев и уже серьезно добавил, — но у нас сухой закон, так что потерпим.

Но Сергей шутку подхватил и, когда связь была окончена, сказал Орлову:

— А что, Саша, давай действительно ребятам пивка отправим. У нас когда очередной вертолет летит?

— Да вертолет-то через неделю будет им груз сбрасывать. Но вот насчет пива я как-то сомневаюсь. Все же в экспедиции действительно «сухой» закон действует и его еще никто и никогда не нарушал.

— Да ладно, — возразил Сергей. — Понемногу пива, тем более что разок, ничего дурного в этом не вижу.

Владимир Семенович Кошелев и забыл уже про ту фразу по поводу пива, так что был немало удивлен, когда среди груза, сброшенного на льдину с вертолета, обнаружил бочонок янтарной «Балтики-7». Полярный дрейф СП-32 длился одиннадцать месяцев. Все это время о полярниках, кроме самих организаторов станции, никто и не вспоминал. У страны было много иных забот. Вспомнили в марте 2004-го, когда льдина раскололась. Какими гневными, преисполненными пафосом публикациями запестрели страницы чуть не всех газет. Невесть кого обвинили в том, что была выбрана хлипкая льдина, что разбазарены и безвозвратно ушли под лед техника и оборудование, а вместе с ними миллионные государственные средства. Несли полную ахинею, забыв о том, что станция была подготовлена и ее работа осуществлена на средства одного-единственного человека — Сергея Анатольевича Михайлова. В пылу яростного гнева никто даже не высказывал озабоченности о здоровье и безопасности самих полярников, все убытки подсчитывали.

Что же произошло на самом деле? Льдина была выбрана правильно. Лучшее тому подтверждение — это то, что на нее неоднократно садились грузовые самолеты, а общий вес оборудования, научных приборов и иной техники, доставленных ледоколом и десантированных вертолетов, превышал сотни тонн. И говорить о том, что льдина раскололась, — не совсем верно. Продрейфовав тысячи километров, одна льдина сошлась с другой. Они вздыбились, круша друг друга и все вокруг. Собственно, для изучения в том числе и подобных явлений отправляются в эти опасные экспедиции по-

лярные исследователи. Зато некоторое время спустя мы вместе с Сергеем Михайловым смотрели видеопленку, отснятую участниками СП-32, и имели возможность воочию убедиться, как тверды они были в своем незаметном молчаливом подвиге, который потом кощунственно пытались извратить злопыхатели. Полярники не бросились спасать собственные шкуры, они старались спасти как можно больше оборудования, оттащить его в сторону от эпицентра разбушевавшейся стихии. И сигнал SOS они подали не тогда, когда услышали первый треск льда, а только тогда, когда убедились, что сумели спасти самое важное. А вот как спасать самих полярников — об этом ломали головы в Москве. Российский ледокол «Ямал» в то время находился в семи сутках хода от места катастрофы. Оставшиеся без крова полярники просто не смогли бы продержаться так долго. Наиболее реальным представлялся только один вариант — эвакуировать полярников вертолетом. Что и говорить, способ не простой, рискованный, но иного выхода, чтобы спасти людей, похоже, уже не существовало. Так по телефону Кошелеву и сообщили.

— А как с собаками-то быть? — неожиданно спросил Владимир Семенович. — Бросать жалко, погибнут.

Орлов с Михайловым лишь переглянулись. Да, самообладания начальнику СП-32 не занимать. Решили, что уж для двух собак люди как-нибудь в вертолете место найдут. А на следующий день поступил неожиданный запрос из российского МИДа. Туда с категорическим требованием спасти собак обратился фонд защиты животных французской актрисы Брижитт Бардо. Как узнали во Франции о происходящем на дрейфующей льдине и о присутствии там собак — только гадать остается. Кстати сказать, в запросе фонда известной французской кинодивы по поводу людских судеб никакого беспокойства проявлено не было.

Спасательная экспедиция прошла, без всяких преувеличений, блестяще. Вертолет принял на борт всех полярников. И двух собак. А океан на прощание преподнес подарок — вернул совершенно не пострадавшие иконы, причем все, до единой, и любимый всеми цехонький баян.

Москва встретила героев равнодушно. Как только они оказались на Большой земле, интерес к ним сразу иссяк — нет сенсации, нет повода злословить. А раз не о чем злословить, так нечего попусту газетные полосы тратить. Не гремели литавры, в аэропорту никто не выстилал красной ковровой дорожки. Встреча президента с полярниками первой дрейфующей российской станции состоялась только через полгода. Да там еще протокол что-то напутал, поначалу решили, что на приеме будут космонавты, потом выяснилось — полярники. На встречу с президентом страны отправились двенадцать полярников и вице-спикер Госдумы Артур Чилингаров. Главного организатора, Сергея Анатольевича Михайлова, профинансировавшего всю программу дрейфующей станции, в том числе и завершающую, кульминационную ее стадию — спасательную экспедицию, на ту встречу не пригласили. Список на прием к президенту утверждал один из высших чиновников администрации главы государства. Представитель ассоциации полярников России, присутствующий при этом, рассказывал, что когда высокопоставленный чиновник увидел фамилию Михайлова, то, вычеркивая ее из списка, нажал перьевой ручкой настолько сильно, что аж чернила брызнули. Полярники пытались что-то доказать, объяснить, что, не будь Михайлова, не состоялась бы и СП-32, но слушать их не пожелали. В списке награжденных орденами его фамилия тоже отсутствовала. В знак протеста отказался от ордена начальник станции Владимир Кошелев. Он написал несколько писем, в том числе и на имя руководителя Администрации президента, но его обращения попросту проигнорировали. Что же касается вручения ордена самому Кошелеву, то в наградном отделе чиновники лишь пожали плечами — экий чудак, ну не хочешь, и не надо. Кошелев — уроженец Белоруссии, долгие годы жил там. Два года спустя после окончания работы СП-32 белорусский президент Александр Лукашенко во время встречи с российским коллегой попрекнул Путина — что ж вы, дескать, белоруса зажимаете. После этого разговора документы Кошелева были мгновенно извлечены из архива и Владимиру Семеновичу вручили орден Мужества. Правда, строптивца и в этой ситуации умудрились, что называется, поставить на место. Сначала предполагалось, что ор-

ден ему будут вручать в Кремле, но в итоге, не объясняя повода, пригласили в Госгидромет, и там один из заместителей ведомства достал из ящика стола коробочку, где и хранилась награда, предназначенная начальнику первой российской дрейфующей полярной станции.

А у Сергея Анатольевича Михайлова на память о той, теперь уже ясно, что исторической, экспедиции остались знак «Почетный полярника Российской Федерации» да ярко-оранжевая куртка с вышитым на ней именем: «Сергей Михайлов». Да еще, чего уж лукавить, горький осадок.

* * *

Со льдины все двенадцать полярников вернулись абсолютно здоровыми. За одиннадцать месяцев дрейфа в Северном Ледовитом океане никто из них, что называется, не чихнул ни разу. Дома вдруг хворать начали. Так, пустяки — насморк, легкая простуда, но все же...

— Городской климат на вас так действует, что ли? — спросил Сергей Анатольевич у Кошелева.

— Климат тут ни при чем, — возразил Владимир Семенович. — Эта болезнь называется синдромом полярника. Конечно, за год дрейфа каждый из нас по семье соскучился, по родным, друзьям. А вот вернулись на Большую землю, и, как магнитом, тянет снова на полюс.

Кошелев не красуется, не бравирует. Такие, как он, и впрямь без полюса своей жизни не представляют. Возглавив общественную организацию «Полюс», Владимир Семенович разработал проект «Продвижение православия в полярные районы планеты». Из ценных пород дерева были изготовлены несколько часовен, которые уже установили и освятили в Антарктиде. Финансировал этот проект почетный полярник России Сергей Анатольевич Михайлов, к которому снова за помощью обратился бывший начальник СП-32.

Перед недавним очередным отъездом Кошелева в Антарктиду мы с ним, встретившись в офисе Михайлова, разговорились.

— То, что сделал для возвращения России на Северный полюс Сергей Анатольевич, переоценить невозможно, — убежденно говорил Кошелев. — Понять это могут только те, кто непосредственно связан с полюсом. Был период, когда все мы уже просто отчаялись, решили, что наши позиции в Арктике утрачены безвозвратно. Не проводи мы экспедицию СП-32, и помахали бы нам иностранцы ручкой с превеликим удовольствием. И тут находится человек, который, не афишируя себя, осуществляет полностью этот гигантский государственный проект. И этому человеку умудрились в итоге даже «спасибо» не сказать. Но это чиновники поступили так отвратительно. А историю не изменишь. Имя Сергея Михайлова теперь неразрывно связано с освоением Северного полюса, и кто бы что ни говорил, а это ему Россия обязана своим возвращением в Арктику.

В тот день Кошелев подарил мне свою книгу, скорее даже, альбом — фотографии участников СП-32, стихи полярников, которые они написали во время долгого, одиннадцатимесячного дрейфа. И пусть не совершенны их строки с точки зрения стихосложения, но они — искренни. Эту книгу Кошелев посвятил «Сергею Анатольевичу Михайлову, человеку — патриоту России, обеспечившему своей поддержкой открытие после двенадцатилетнего перерыва Первой Российской дрейфующей станции “Северный полюс — 32”». Есть там такие строки, проникнутые искренним чувством человека, уцелевшего в катастрофе:

Лагерь наш людьми покинут.
Стелется над ним седой туман.
Слышишь, в темноте ломает льдину
Океан...

...Роман Абрамович купил английский футбольный клуб «Челси», Виктор Вексельберг приобрел коллекцию изделий Фаберже. Сергей Михайлов создал первую для России полярную арктическую станцию в Арктике. Но не будем сравнивать. Или все-таки будем?

Глава девятая

ЧАСЫ С СЕКРЕТОМ

...они будут ратовать против тебя, но не одолеют тебя, ибо Я с тобою, чтобы спасти и избавлять тебя, говорит Господь. Что могут сделать тебе люди, если Я с тобой?

Книга пророка Иеремии, стих 19

Ранним утром 24 июня 2002 года в дом к Сергею Михайлову нагрянули непрошенные «гости». Люди в камуфляже с надписью «Милиция» на спине и с черными масками, закрывающими их лица, не стали проверять, закрыты ли ворота, они набросили крюки на кирпичный забор и, лихо взобравшись по веревкам, перемахнули во двор, демонстрируя безупречную выучку и ловкость, которым бы позавидовал любой грабитель. В дом они ворвались с шумом и грохотом, традиционным грозным окриком: «Всем лечь на пол, руки за спину!» Вышедшего из спальни и не понимающего спросонья, что, собственно, происходит, хозяина дома один из лихих собровцев ударил рукояткой пистолета по голове. Все детали этого штурма, а камеры домашнего видеонаблюдения зафиксировали даже мельчайшие детали, по своей незаконности и методам скорее напоминали бандитский налет, нежели проведение «оперативного мероприятия», каким действия СОБРа было зафиксировано в протоколе. Через час к дому Михайлова в поселке Ново-Глаголево приехали адвокаты Сергея Анатольевича, вскоре подоспел автобус с логотипом «НТВ». Тележурналисты, невзев как проведавшие о происшествии в Ново-Глаголеве, выдвинули лестницу-кран и попытались сверху заснять, что происходит во дворе. Но тут вышел из дому некий господин и, не представившись, потребовал съемку прекратить.

— Вы запрещаете нам выполнять наши профессиональные действия? — ершисто спросил молодой репортер.

— Просто рекомендую прекратить съемки и не мешать нашей работе, — последовал категоричный ответ.

— Тогда хотя бы представьтесь. Вы здесь старший? — продолжал настаивать репортер.

— Не комментирую. — И мужчина повернулся к нему спиной.

— Может быть, нам объясните, что происходит в доме нашего доверителя? — обратился к неизвестному один из адвокатов Сергея Анатольевича, предъявляя свое удостоверение и доверенность, подписанную Михайловым. — Если у вас есть соответствующее постановление на производство оперативных действий и обыск, то мы, адвокаты, имеем полное право присутствовать.

Ничего не ответив, мужчина вернулся в дом, но минут через пятнадцать отворилась дверь и некто в черной маске заявил, что один из адвокатов, но только один, может зайти внутрь.

В двенадцатичасовом выпуске новостей НТВ сообщило своим зрителям, что в эти самые минуты в доме известного предпринимателя Сергея Михайлова проводится обыск, пообещав в последующих выпусках сообщить подробности. Тем временем дом, что называется, перевернули вверх дном. Почему-то особое внимание собровцы уделили наручным часам. Сергей часы любит, у него их достаточное количество. Доставая из ящика секретера в кабинете Михайлова очередные часы, обыскивающий требовал предъявить и паспорт к ним. Паспорта отдельной стопкой лежали здесь же. Не обнаружилось документа только к швейцарским золотым часам «Zenitt».

— Ваши? — спросили Михайлова. — А где документы?

— Не знаю, — спокойно ответил Сергей. — Возможно, мои, а возможно, что моему отцу кто-то подарил, я не помню...

Только часам к четверем дня Сергей вышел из дома. Его тут же окружили тележурналисты.

— Кто эти люди и что они ищут в вашем доме? — задали ему первый вопрос.

— Насколько я понял, это подразделение «Рысь» ГУВД Московской области, и обыск в моем доме проводится на предмет установления моей причастности к недавнему похищению бизнесмена Нуреева. Дом Нуреева рядом с моим, знаком я с ним шапочно, встречаясь случайно в поселке, здоровались по-соседски, не более того. С чего они взяли, что я могу иметь какое-то отно-

шение к исчезновению или похищению Нуреева — ума не приложу.

— Откуда у вас кровь на голове?

— Меня ударили рукояткой пистолета по голове. Когда я вышел из спальни на втором этаже и стал спускаться по лестнице, кто-то из них закричал «Лечь!». Понятно, что выполнить этот приказ на лестнице я не мог, замешкался, и тогда меня ударили по голове. Не знаю, была ли это личная инициатива собровца или он получил такой приказ — в любом случае это беззаконие.

После этого, сославшись на недомогание, Сергей прошел в гараж, сел в машину и по настоянию адвокатов направился в травматологический пункт Наро-Фоминска. Когда «мерседес» выехал за ворота, бойцы СОБРа сначала оторопели, потом, опомнившись, лихорадочно забегали, двое даже пытались руками остановить машину Михайлова. Выглядело это нелепо, а оттого — уморительно. Врач-травматолог определил сотрясение мозга, настаивал на немедленной госпитализации, и Сергей поехал в больницу, где диагноз подтвердился. Состояние Михайлова было таково, что медики категорично заявили: сорок дней безукоснительного больничного режима — это минимум. Деятельная натура Сергея требовала движения, действий, но врачи оставались неумолимы.

Примерно через неделю скандально известный журналист Олег Утицын напросился к Сергею Анатольевичу на интервью. Врач-травматолог нехотя дал согласие. Утицын приехал не один. Его сопровождал средних лет коренастый крепкий мужчина, которого журналист коротко, не называя ни имени, ни фамилии, отрекомендовал как фотографа. В палате он попросил Сергея Анатольевича встать у окна и извлек из кармана пластмассовый фотоаппарат, из тех, что называют «мыльницами», приобрести которые можно даже в магазине детских игрушек рублей за двести. Его неумелые действия вызвали у Михайлова лишь усмешку. Понятно, что, фотографируя человека у окна, куда бил яркий солнечный свет, можно было получить в итоге лишь черное пятно, но никак не изображение. Потом Сергей глянул на руки «фотографа», оценил «набитые» долгими годами тренировок костяшки пальцев и вполне серьезно, но, явно пряча улыбку, поинтересовался:

— Еще служите или уже в отставке?

— За штатом, — хмуро уточнил разоблаченный пришелец.

— И в каком звании уволились?

— Майор, — также хмуро ответил тот, но потом махнул рукой и заговорил решительно: — Сергей Анатольевич, скажу напрямую — милицееское руководство очень сожалеет о том инциденте, который произошел в вашем доме. Я говорю про удар по голове, из-за которого вы оказались в больнице. Этот дурак действовал по собственной инициативе, никто ему такого приказа не давал, так что его начальство не хочет нести за него никакой ответственности. Я готов прямо сейчас назвать вам фамилию этого сотрудника.

— А зачем мне его фамилия? — равнодушно поинтересовался Михайлов.

— Да делайте с ним все что хотите, нам этого дурака не жалко, поделом ему будет, раз мозгов нет, — вроде бы беспечно отозвался бывший майор.

— Послушайте, — внушительно произнес Сергей Анатольевич. — Если бы я захотел, то уже знал бы фамилию этого человека, причем узнал бы ее на законных основаниях. И если бы я хотел, чтобы он был наказан, то и в этом случае действовал бы исключительно в рамках закона. Но! Я — христианин и чту заповеди Господни. А Господь велел прощать. Передайте вашему начальству или кому вы там еще сочтете нужным, что я простил этого неразумного и никаких действий против него предпринимать не стану.

— Но фамилию все же запишите, вдруг да пригодится, — попытался настаивать назойливый посетитель, но Сергей решительно прервал разговор, и тому пришлось удалиться. Огорченный провалом своей миссии, он даже оставил на столе ставшую ненужной «мыльницу», и его пришлось догонять, чтобы вернуть забытую вещь.

— Провокаторы, — раздраженно проворчал Сергей, когда незваные гости покинули палату. — Да к тому же еще и неумные. На что они, интересно, рассчитывали? Что я сейчас побегу сводить сче-ты с этим неразумным собровцем? Глупо...

Пока Сергей Анатольевич проходил курс лечения в больнице, его адвокаты обратились в Наро-Фоминскую прокуратуру с жало-

бой на неправомерные действия сотрудников милиции. Оснований для такого обращения у них было предостаточно. В постановлении на обыск был неправильно указан адрес Михайлова. По существующему закону, в протоколе обыска должны были фигурировать все участвующие в этом сотрудники милиции, фигурировал же лишь один. Были и другие огрехи, в результате чего прокуратура признала обыск незаконным. На этом, казалось, все могло быть и исчерпанным. Но тут «выплыли» те самые пресловутые часы швейцарской фирмы «Zenitt», что были обнаружены в доме Сергея во время обыска. Паспорт на часы нашелся в доме похищенного Анатолия Нуреева. И номер в паспорте точно соответствовал тому номеру, что значился на задней крышке часов, найденных... у Михайлова.

— Сергей Анатольевич, надо обязательно вспомнить, откуда у вас эти часы, — увещевал адвокат Михайлова.

— Да я понятия не имею! Я вообще таких часов не ношу, они не в моем вкусе, и сам себе я бы их никогда не купил. И среди своих подарков я их не помню. Потому и предположил, что, может быть, кто-то отцу подарил, а я и не знал об этом. Теперь только одно остается предположить, что эти часы мне подкинули.

— Подкинули?! Но зачем, с какой целью? — изумился адвокат, которому такой вариант просто и в голову не пришел.

— Ну, это как раз очень просто, — заявил Сергей Анатольевич. — Давай разбираться вместе. Нуреев был директором фирмы «Гарин-Лада», так? Фирма находится в Солнцево. Кто-то похищает Нуреева и его охранника, как только они выехали из Ново-Глаголева, где и он жил и я живу. Для нас теперь совершенно очевидно, что обыск у меня в доме был произведен, чтобы найти улики, свидетельствующие о моей причастности к исчезновению, а вернее — похищению Нуреева и его охранника-водителя Панова. С Нуреевым я почти и знаком-то не был. Какие улики, даже косвенные, могли они у меня обнаружить? Прекрасно понимали, что никаких. Вот и подбросили часы, паспорт которых сейчас «обнаружился» в доме пропавшего, а может, кто знает, уже и убитого директора «Гагарин-Лада». Умной, конечно, эту комбинацию тоже не назовешь. Они что же, собираются доказать, что я имел к престу-

плению непосредственное отношение, снял с руки Нуреева часы, принес их в свой собственный дом и положил в ящик? Но, с другой стороны, провокации для того и совершаются, чтобы, несмотря на всю их нелепость, очернить человека.

* * *

Автотехцентр «Гагарин-Лада» некогда был крупнейшим московским филиалом АвтоВАЗА. Здесь и продавали «жигули», и осуществляли их сервисное обслуживание, производили ремонт. Одним словом, дела шли блестяще. До того дня, когда пропал директор центра. Пропал бесследно. Утром вышел из дома, но до работы так и не добрался. И ни один человек не видел, куда он подевался.

У нового директора «Гагарин-Лада» Виталия Корейши дела не заладились чуть ли ни с первого дня. Сначала невесть куда подевались двести пятьдесят новеньких «жигулей», поступивших с головного предприятия. Затем резко упали продажи автомобилей. Корейша не нашел ничего лучшего, чем продажа акций фирмы. Основным фактическим обладателем акций стал теперь Анатолий Нуреев, хотя юридически акции принадлежали его жене. Вскоре Нуреев сам возглавил фирму.

Когда на АвтоВАЗе в начале двухтысячных начался передел собственности, а по сути — битва за гигант отечественного автопрома, владельцы концерна с удивлением обнаружили, что московский филиал им уже, по сути, не принадлежит. Акции владели, как уже было сказано, Анатолий Нуреев и его новый компаньон, бывший сотрудник одной из российских спецслужб Юрий Мезенцев. К моменту описываемых событий у Нуреева возникли весьма серьезные проблемы. С одной стороны, он испытывал давление собственников АвтоВАЗа, которые вознамерились любой ценой вернуть такой лакомый кусок, которым некогда был прибыльный столичный филиал, с другой стороны, его подстерегала еще одна «подводная мина» — жена Анатолия и его компаньон Мезенцев решили объединиться и выдавить Нуреева из «Гагарин-Лада». Нуреев обновил персонал автотехцентра, в первую очередь сменил охрану и личного водителя.

21 июня 2002 года за руль его джипа впервые сел новый водитель Виктор Панов. Он заехал в техцентр, взял «девятку», на ней отправился в Ново-Глаголево, где пересел за руль машины нового шефа, с которым отправился в Москву. Еще одним пассажиром в машине была подруга Нуреева Татьяна. В машине они включили радио. Передавали новости, сообщили и о том, что в области задействована милицейская операция «перехват». Поэтому Панов спокойно остановился, когда у обочины его жезлом тормознул человек, одетый в милицейскую форму. Рядом стояла и машина с поперечной синей полосой и надписью «милиция». Люди в форме заставили Нуреева и Панова пересест в их машину и уехали. Татьяна одна осталась в джипе. Ее не тронули и даже слова не сказали. С того дня ни Анатолия Нуреева, ни Виктора Панова никто больше не видел. Поначалу поиск вели интенсивно, даже привлекли воинское подразделение — двести солдат несколько суток прочесывали лес, но так никого и не нашли.

А через месяц в доме предпринимателя Сергея Михайлова во время обыска обнаружили часы «Zenitt», паспорт к которым находился в доме Нуреева. Что и говорить, улика серьезнейшая. Во всяком случае, таковой она должна была стать. И наверняка бы стала, если бы во время опознания часов вызванная в прокуратуру Наро-Фоминска Татьяна, та самая женщина, что была с Нуреевым во время его похищения, спокойно не заявила:

— Да, похожие часы у Анатолия были. Но когда мы вместе отдыхали на Кипре, с часами что-то произошло, то ли спешить стали, то ли отставать, и Толя отнес их в ремонтную мастерскую. Мы вместе туда ходили. Ему дали квитанцию, а через пару дней мы уехали, решив, что часы Толя заберет во время следующей поездки на Кипр — он ездил туда довольно часто.

Прокуратура незамедлительно отправила запрос в полицию Кипра, вскоре оттуда прислали и часы «Zenitt», действительно принадлежавшие Анатолию Нурееву, и подлинный паспорт к ним. Понятно, что все, пусть даже и мнимые, подозрения с Сергея Михайлова были сняты.

Когда Сергею сообщили о том, что произошло с часами, он произнес одну-единственную фразу:

— Что могут сделать мне люди, когда со мной Господь?

— А как ты сам думаешь, почему именно тебя они выбрали объектом для этой провокации? Ведь подумать страшно, что могло бы произойти, не сдай тогда Нуреев эти часы в ремонт в присутствии Татьяны. До меня даже доходили слухи, что тебе уже заранее была приготовлена какая-то специальная камера в СИЗО...

— Да, я тоже об этом слышал. Что же касается причин этой провокации, то точного ответа у меня, понятно, нет. Могу лишь предполагать. Незадолго до этого у меня несколько раз брали интервью, в том числе и на телевидении, где я говорил, что демократия в нашей стране еще только совершенствуется и правоохранительная система, мягко говоря, еще очень далека от совершенства. Так что не исключаю, что со мной попросту захотели свести счеты, дабы неповадно было вслух, да еще и на многомиллионную аудиторию, говорить то, о чем другие предпочитают помалкивать или шептаться на собственных кухнях. А тут и случай представился. Фирма «Гагарин-Лада» находится в Солнцево, Нуреева похитили в Ново-Глаголево, ну как тут было не воспользоваться такими совпадениями... Помню, в день, когда в Женевском Дворце юстиции должны были огласить вердикт присяжных, я утром произнес про себя: «Что могут сделать мне люди, когда со мной Господь?» В трудные моменты жизни я часто повторяю это высказывание из Библии. И вот на этот раз вновь Господь отвел от меня беду и ничего не смогли сделать люди, замышлявшие против меня неправоное дело.

Глава десятая

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ

Во время следствия в Женеве судебный следователь Жорж Зекшен предложил Михайлову сотрудничество. Сугубо юридический термин «сотрудничество» предусматривал в данном случае добровольное согласие Сергея Михайлова признать один из предъявляемых ему пунктов обвинения — не важно даже, какой именно. По-

сле этого приговор суда определил бы тот срок наказания, который позволял бы подследственному с учетом нахождения в предварительном заключении выйти на свободу. В тот момент даже адвокаты, понимая, что дело принимает затяжной оборот, склонны были рекомендовать своему подзащитному согласиться на предложение о сотрудничестве. Но Сергей решительно и даже с негодованием отверг этот вариант.

— Я ни в чем не виновен и никаких обвинений признавать не намерен, — заявил Михайлов следователю Зекшену. — С какой стати я должен брать на себя вину за то, чего никогда не совершал?

Отчетливее всех Михайлов понимал, что основной целью швейцарской юстиции является обвинительный приговор суда, но собственноручно способствовать достижению этой грязной цели он не собирался. Конечно, согласись тогда Сергей на сотрудничество со следствием и оговори себя, на свободу бы он вышел намного раньше. Но он предпочел еще долгие месяцы тюремной неволи, дабы сохранить честное имя. Итог известен всему миру — жюри присяжных Михайлова оправдало. Бригада швейцарской полиции KORUS, специально созданная как подразделение по борьбе с русским криминалом, была расформирована сразу после суда. Кампиш и Ваннер остались без работы, полностью дискредитировал себя как следователь Зекшен, генеральный прокурор Швейцарской Конфедерации Карла дель Понте вынуждена была сложить свои полномочия и отправиться сначала в Югославию, потом в Аргентину, а позже и в Сирию. После этого многолетнего пути своей малопочтенной ссылки, ее, как крупную юридическую фигуру в самой Швейцарии уже больше не рассматривали. Швейцарские налогоплательщики не забыли, в какую непомерно огромную сумму (по заявлению прокурора Кроше, около тридцати миллионов долларов) обошелся им процесс Михайлова, справедливо обвиняя в этом Карлу дель Понте. И совсем уж грустная участь постигла главного свидетеля обвинения, американского офицера ФБР Роберта Левинсона. Его громкие заявления в женевском суде о создании им в России собственной разведывательной сети, сослужили ему плохую службу. Начальство не простило Левинсону столь неадекватных высказываний. После ухода из ФБР Левинсон остал-

ся не у дел, затем попытался заняться нефтяным бизнесом, что и привело его в Ирак. Там его взяли в заложники местные боевики, потребовали крупную сумму выкупа и даже продемонстрировали в Интернете видеозапись, во время которой плененный, связанный Левинсон стоял на коленях и слезно умолял американское правительство о спасении. То ли запись не дошла до адресатов, то ли они не пожелали участвовать в судьбе опального офицера ФБР — неизвестно. Некоторые информационные источники впоследствии сообщали, что Левинсона в Ираке все-таки казнили. Во всяком случае, из иракского плена Левинсон так и не вернулся, а его жена недавно подала в суд, обвиняя американские власти в равнодушии к судьбе своего мужа.

А ведь признай тогда, в Женеве, Сергей Михайлов хоть самое малое нарушение закона, из тех, что ему навязывались, судьба всех этих людей, возможно, сложилась бы совсем иначе. Наверняка, выполнив политический заказ и осудив Михайлова, они бы сохранили свои должности, продолжая творить зло и коверкать судьбы десятков ни в чем не повинных людей. Для них, службистов, в сути своей беспринципных, не признающих ничего святого, тогда было настоящим шоком, что Михайлов отказался от предложенного ему сотрудничества и не воспользовался возможностью как можно быстрее выйти на свободу. Знай они Михайлова хоть чуточку лучше, просто не стали бы предлагать ему подобное. Вот ему-то как раз твердости и убежденности в отстаивании принципов не занимать.

Зная Сергея Михайлова уже без малого пятнадцать лет, я до сих пор не могу сказать, что понимаю этого человека. Чаще всего — не понимаю или, во всяком случае, не сразу. Лично для себя я выбрал такую формулировку: «Если бы Михайлов всегда действовал с мерок и норм общепринятых, он бы не стал тем, кто он есть». Но тем он и интересен. Как известно, харизма — это особое свойство личности, признаваемое необычным, благодаря которому человека оценивают как одаренного особыми качествами и способного оказывать эффективное влияние на других. Если принимать такое определение, то Сергей Михайлов — человек абсолютно харизматичный. Всегда оставаясь самим собой, он легко адаптируется в любой компании, без труда может поддержать беседу с каким угодно

человеком. Это вовсе не проявление привычки или стремления приспособливаться к обстоятельствам и окружающим людям. Скорее — редкий дар всегда оставаться самим собой, умея слушать и слышать собеседника, кем бы он ни был. И люди чувствуют это мгновенно, безошибочно понимая, что с этим человеком можно не таиться, а быть искренним.

Его самообладание — поистине удивительно. И уж если Сергей не хочет, чтобы кто прочел что-либо в его взгляде, то и пытаться бесполезно. Сам о себе Сергей говорит, что он человек не сентиментальный, и добавляет, что многие жизненные перипетии отнюдь не способствовали развитию этого свойства характера. Однако сентиментальность и доброта — понятия все же разные. Повышенная готовность помочь в нем очевидна. Обожает делать друзьям и близким подарки.

Поражала меня всегда и интуиция Сергея. Он ей доверяет полностью. И именно поэтому, приняв какое-то важное решение, никогда уже не колеблется. Умение мгновенно оценивать даже самую сложную ситуацию отличает его от многих. Приняв решение, Сергей уже мало интересуется мнением окружающих. И вовсе не от того, что считает себя непогрешимым. Просто он уверен в своей правоте так, как уверен бывает опытный полководец, когда в минуты наивысшего напряжения и опасности твердо знает, куда послать войска.

Память у Сергея поистине феноменальная. Круг его знакомых настолько широк, что просто диву даешься, как он умудряется запоминать и никогда не путать, у кого какие проблемы, где учатся дети, как здоровье родителей и много все иного, что любой другой человек забывает на следующее же после знакомства утро. Надеяться, что Михайлов по прошествии времени, пусть даже длительного, забудет какую-нибудь мелочь, значит вовсе его не знать. Он может дать поручение, незначительное на первый взгляд. Пройдет много времени, но спросит об исполнении обязательно. Это отнюдь не мелочность и не придирчивость по пустякам. Это та самая последовательность, без которой невозможно осуществить ни одно серьезное дело.

Вывести Михайлова из себя чрезвычайно сложно — нервы у него стальные. Но это не значит, что он вовсе лишен каких-либо

эмоций, как думают те, кто мало его знает. Помню, когда впервые увидел, как он, проиграв сет, тут же на теннисном корте сломал дорожную ракетку. Впрочем, уже через несколько секунд снова смеялся и восстановил душевное равновесие без видимых усилий.

Теннисом увлекается уже много лет, играет три-четыре раза в неделю, игре отдается полностью. И даже создал собственный теннисный клуб — явление само по себе нередкое, но, как и все, что он делает, по-своему неповторимое. Турниры клуба проводятся регулярно, даже зарубежные. После игры клуб обычно продолжает общение в каком-либо ресторане. Сюда приезжают не только любители тенниса, но и многочисленные гости. Радужный и гостеприимный хозяин, Михайлов может огорчиться, только когда за столом не так много людей. Впрочем, такого почти не бывает. Актеры и политики, известные спортсмены и личные друзья — все с большой охотой принимают приглашения на «Михайловские вечера», где обычно царит веселая, непринужденная обстановка. Здесь можно услышать удивительные истории из уст непосредственных участников важнейших событий, услышать песни, которые появятся в радиоэфире или на телевизионном экране только через несколько месяцев, узнать много важного и полезного. Кстати сказать, самые новые анекдоты, до которых Сергей большой любитель и непревзойденный мастер их рассказывать, можно услышать именно здесь.

После возвращения из Женевы Сергей Анатольевич всерьез занялся не только налаживанием собственного бизнеса, но и изучением экономики. Всерьез изучая процессы и проблемы зарубежных инвестиций, он даже защитил на эту тему кандидатскую диссертацию. Но на этом не остановился. Справедливо полагая, что современному предпринимателю необходимы глубокие знания в области юриспруденции, он защитил диссертацию и стал доктором юридических наук, осуществив глубокое исследование малоизученной в России проблемы банкротства. Полагая, что Россия сумеет все же выйти на передовые экономические позиции в мире, он рассуждает так:

— У нас действительно еще очень много проблем, включая, безусловно, и самую наболевшую — коррупцию. На самом деле Запад

как боялся Россию, так опасается ее и сейчас. Именно этим вызвано то, что атмосфера вокруг нашей страны за рубежом постоянно нагнетается. Тот самый классический случай, когда в нашем глазу, как в известном библейском высказывании, замечают любую соринку, в своем и бревна не желая видеть. Но президент Путин, как я понимаю и вижу, имея за плечами большой опыт государственной деятельности, в области экономики, в том числе и внешнеэкономического развития, действует очень конструктивно. Эти действия тем более ощутимы, что Владимир Владимирович понимает не только суть существующих проблем, но и знает, как избежать ошибок, совершенных ранее всеми реформаторами, что кидали суденышко нашей экономики из стороны в сторону. Сейчас же курс осознанный, более четкий и уверенный.

Постоянное изучение тенденций экономического развития помогают Сергею Анатольевичу и в его собственной предпринимательской деятельности. Сегодня на первом плане у него находится гостиничный бизнес. Председатель совета директоров отеля «Аструс» — Центральный дом туриста, он осуществляет не общее, а конкретное и предметное руководство, предпочитая не со слов, а лично знать, что делается в каждом подразделении этой сложнейшей инфраструктуры, какой является такой крупный гостиничный комплекс.

Однажды один из помощников Михайлова высказал ему свое мнение по поводу приема многочисленных посетителей. Суть сводилась к тому, что негоже руководителю такого крупного масштаба лично принимать всех многочисленных посетителей — на это есть референты, помощники и консультанты. Сергей Анатольевич выслушал его внимательно и... продолжал принимать всех, кто записывался на прием. А через какое-то время сам вернулся к этому разговору.

— Когда проблема требует специфической оценки или специализации, то свое мнение высказывают и юристы, и экономисты, и специалисты разного профиля. А суть дела, с которым приходят ко мне люди, я предпочитаю знать сам.

Тот, кто скажет, что это неправильный и несовременный подход к организации дела, наверное, будет прав. Но Михайлов есть Ми-

хайлов, и этим все сказано. У него на все своя, личная точка зрения, а отстаивать свое мнение он умеет.

* * *

Проводя большую часть времени на людях — участь любого общественного человека, он именно поэтому так ценит домашний уют. А для отдыха и комфорта здесь есть все. Теннисный корт и тренажерный зал, бассейн и пруд с рыбами, финская и русская бани, есть с недавних пор даже ферма, где для семьи производятся все основные продукты питания. Сергей очень любит животных, собак — особенно. Проведывая своих питомцев, может задержаться с ними надолго. Кормит, разговаривает, гуляет по лесу. Даже самые свирепые среднеазиатские овчарки лапятся у его ног, чувствуя и признавая не только властного хозяина, но и ощущая его любовь.

Кто-то из друзей несколько лет назад подарил Сергею черного американского стаффордшир-терьера. Названный Максом, щенок с первых же дней стал любимцем всей семьи. Коренастый и ширококостный, довольно устрашающий внешне, но забавный и ласковый, Макс поначалу беспрестанно болел. То ресницы у него выросли внутрь глаза, то еще какие-то собачьи болезни приключались. Одним словом, подарок оказался весьма дорогостоящим — пришлось собаке сделать несколько операций, чтобы окончательно избавить от всех хворей. Любимой забавой Макса стала игра с теннисным мячом. Держа мяч в своих мощных челюстях, он подбегал к хозяину, задирая морду кверху и ожидая, когда мячик вырвут из его пасти, забросят в дальний угол двора, чтобы стремглав мчаться за любимой игрушкой и вновь возвращаться к хозяину. Узнав о любви к собакам, приехала к Сергею Михайлову представительница журнала «Мир собак». Молоденькая девушка-репортер, увидев Макса, вольно разгуливающего по двору с ярко желтым теннисным мячиком в зубах, оторопела и очень непосредственно воскликнула:

— Ой, Сергей Анатольевич! Это же американский стаффорд, вы не боитесь его выпускать?

— Макс — премилое создание, — благодушно откликнулся Сергей. — Не стоит его бояться.

— Ну что вы! — проявила девушка эрудицию, сделавшую бы честь настоящему кинологу. — Американские стаффорды — ближайшие родственники английских стаффордшир-бультерьеров. Отличаются особой свирепостью. То и дело пишут об их нападениях на людей. Вот недавно в Бельгии рассвирепевший американский стаффорд загрыз своего хозяина и двух полицейских...

— Ерунда, — уже строго возразил Сергей. — Собака, как и человек, на любовь и ласку отвечает только любовью и лаской. Макс у нас, по сути, даже не знает, что такое вольер, он всегда во дворе, и еще не было случая, чтобы он на кого-то накинулся.

Они долго ходили вдоль вольеров, и уже в конце беседы корреспондент спросила:

— Так что же, Сергей Анатольевич, собака — друг человека?

— Друг, — ответил Сергей серьезно. — Еще какой друг, верный, надежный, понимающий. И вообще... — Он широко улыбнулся. — Собака бывает кусачей только от жизни собачьей. А при хорошей жизни и отношении хорошо — никогда.

* * *

Сергей — человек сдержанный, и сдержанность эта идет от его силы — прежде всего внутренней, духовной. Вспышки, подобные тем, что наблюдал я на теннисном корте, скорее некая разрядка, нежели привычка. В делах серьезных он предпочитает сохранять холодную голову и эмоциям воли не дает. Хотя поводов для этого жизнь ему преподносит немало. За те полтора десятка лет, что прошли после знаменитого женевского процесса, Михайлову удалось всего лишь несколько раз побывать в странах Европы. Швейцария и США, те объявили сразу — для нас Михайлов персона нон-грата. Франция до сих пор манипулирует — то снимут все ограничения по въезду, то возобновят их по неведомой и необъяснимой причине.

Подписанная еще 24 апреля 1963 года в Вене международная Конвенция «О консульских сношениях» предоставила право дипломатическим миссиям не объяснять причину отказа в получении визы в ту или иную страну. Более того, даже получение визы в соответствии все с той же венской Конвенцией не является оконча-

тельным разрешением для пересечения границы иностранного государства. Иными словами, уже на границе даже при наличии визы человека могут в страну не пустить. Такие пустяки, как длительный перелет, сборы и расходы, понятно, во внимание не принимаются. В свое время Уинстон Черчилль глубокомысленно заметил: «Демократия — самая плохая форма правления, если не считать все остальные».

Первой продемонстрировала Сергею Михайлову все издержки демократии сама Швейцария. Я говорю в данном случае даже не о ходе следствия, а о последующем периоде. Суд присяжных, как высшее проявление швейцарской демократии, признал Михайлова невиновным, освободив его от какого бы то ни было вида наказания. И эта страна, поправ собственную же демократию, запрещает невиновному человеку пересекать свою границу, ограничивая тем самым свободу его передвижения. Ну не парадокс ли?

Систему въезда в страны Шенгенского договора тоже демократической назвать можно лишь с большой натяжкой. Собственно, разговоры о том, что договор несовершенен и его надо решительно менять, идут в самих шенгенских странах уже как минимум лет десять. Но ничего не меняется. Стоит только одной стране объявить о своем «табу» по поводу любого человека, как это «табу» распространяется на все иные страны, часто даже на те, которые весьма далеки от шенгенского пространства как политически, так и географически. И уж кто-кто, а Сергей Анатольевич прочувствовал все эти «прелести» на себе. Человек, судебный процесс над которым, не скрывая, назвали процессом XX века, признанный, повторюсь в сотый раз, невиновным, не может ни узнать, ни понять, по какой причине ему периодически отказывают в получении шенгенской визы.

Несколько лет назад Сергей Анатольевич побывал в Латвии. Мне до сих пор помнится трогательная встреча в доме поэта-песенника Михаила Танича. Михаил Исаевич убеждал Сергея, что лучшего места, чем здешние сосновые леса, море и воздух, которым не надышишься, для творчества и отдыха и придумать невозможно. Сергею и впрямь понравились места на берегу Балтийского моря под

Ригой. Но стоило ему сказать об этом вслух, как он немедленно попал в так называемый черный список, предусматривающий запрет въезда в Латвию целого ряда российских граждан. Когда Михайлов в очередной раз запросил визу в одну из европейских стран, ему в порядке исключения дали пояснения, что препятствием являются ограничения, внесенные в список Латвией. Он направил письмо в адрес Министерства внутренних дел Латвийской республики. Заявление рассматривалось несколько лет. И вот совсем недавно за подписью министра внутренних дел Латвии Р. Козловскиса пришел ответ. В пространном этом документе говорилось, что в свое время решение по Михайлову было принято на основании представления Полиции безопасности. МВД сделало очередной запрос, и на этот раз Полиция безопасности ответила, что «больше нет необходимости в поддержании сообщения о Сергее Михайлове в Шенгенской информационной системе». Министр также сообщил, что на основании изложенного принято решение «погасить сообщение в Шенгенской информационной системе о гражданине Российской Федерации Сергее Михайлове».

Ура, победа?! Ничего подобного. Очередное обращение в посольство одной из европейских стран повлекло за собой отказной штамп в загранпаспорте. Кто или что на сей раз явилось причиной отказа — снова неясно. Информационное вето, предусмотренное Венской Конвенцией, опять служит непробиваемой броней для чиновников дипломатических миссий и спецслужб. А уж без последних, точно, не обходится, тут и провидцем быть не надо.

Просто заколдованный круг какой-то: в центре единственный человек, которому никто вроде и претензий никаких не предъявляет и не обвиняет ни в чем. Если в чем и «виноват» Сергей Михайлов, так это лишь в том, что имя его известно всему миру. Ну, так вы же сами, господа нехорошие, два с лишним года прилагали немыслимые и не адекватные по затратам усилия, чтобы раздуть этот ажиотаж вокруг имени Михайлова, а теперь не желаете признавать собственное поражение. Так, что ли?

Собственно, российские чиновники от своих зарубежных коллег тоже недалеко ушли... 17 мая 2006 года постановлением премьер-министра Республики Армения А. Маркаряна гражданин Россий-

ской Федерации Сергей Анатольевич Михайлов за оказание активной помощи этой закавказской республике и ее Православной церкви был награжден, цитирую постановление, «именным оружием — пистолетом марки “ZAUER”, модель 38, № 0036, калибра 7,65 миллиметра, производство Германии». Вручение наградного оружия было для самого Михайлова неожиданным, принял он его с благодарностью, тем более что помощь, оказанная им Армении, была существенной и своевременной. Понятно, Михайлову и в голову не пришло интересоваться, почему именно пистолет, а не, скажем, часы или иной ценный предмет, был преподнесен ему в дар. Зато эта мысль не давала покоя многим другим. Впрочем, обо всем по порядку.

Вместе с «зауэром» и постановлением премьер-министра вручили Михайлову и памятку, в коей было сказано, что копия постановления передается в разрешительную систему УВД—МВД по месту жительства для получения разрешения на право хранения и ношения оружия. Прилетев в Москву, Михайлов, как того и требовал закон, оставил пистолет на складе таможи аэропорта Внуково и обратился в МВД с просьбой оформить все надлежащие документы. Его промурыжили год, и только после письменного заявления с требованием ответить на причины столь неправомерной задержки заместитель начальника Департамента охраны общественного порядка МВД России Л.В. Веденов ответил: «Задержка в выдаче разрешения на ввоз в Российскую Федерацию оружия, которым Вы награждены, вызвана поиском правового решения...

В настоящее время на территории Российской Федерации отсутствуют аккредитованные федеральные органы по сертификации оружия, получаемого в качестве награды от иностранных государств. В связи с чем возникает проблема его сертификации.

После определения упомянутым агентством соответствующего органа по сертификации такого оружия МВД России сможет принять правовое решение по ввозу оружия, которым Вы награждены главой Правительства Республики Армения».

Спустя два месяца Департамент охраны общественного порядка сослался на то, что в России существует перечень видов оружия, которым могут награждаться граждане Российской Фе-

дерации. Но, как было сказано в ответе Михайлову, «Вы решением Правительства Республики Армения награждены пистолетом “зауэр”, модель 38, который не включен в указанный перечень». Короче говоря, ясно дали понять, что Москве виднее, каким оружием граждане России могут награждаться главами иностранных правительств, а каким и не могут. На что адвокат Сергея Анатольевича резонно возразил, что «зауэр» был разработан в Германии еще в 1938 году и хорошо знаком российским криминалистами. Адвокат Михайлова обратился в Замоскворецкий суд, однако судья в удовлетворении жалобы отказала. В том числе ссылаясь и на то, что Департамент общественного порядка Михайлову формально во ввозе наградного оружия не отказал, а лишь отметил, что считает это нецелесообразным ввиду имеющихся противоречий в законе. Тем временем мирно лежащий на таможенном складе «зауэр» уже «выстрелил» по карману предпринимателя. Таможенный инспектор аэропорта Внуково привлек Сергея Анатольевича Михайлова к административной ответственности за нарушение максимального срока хранения товара. И как ни пытались адвокаты объяснить инспектору, что «товар» до сих пор хранится на складе не по вине владельца, а по причине административных неурядиц, пришлось-таки платить штраф. Затем в удовлетворении жалоб в надзорных инстанциях Михайлову отказали как Московский городской, так и Верховный суд России. Хотя доподлинно известно, что оружие такого типа в качестве наградного в Россию из-за рубежа уже благополучно ввозилось, причем не единожды, но ввозилось оно другими, достаточно известными в России людьми, для которых — так получается — другие законы писаны. Что же касается Сергея Михайлова, то для него право вновь показало свой избирательный характер.

В итоге адвокат Михайлова обратился в посольство Республики Армения с просьбой вывезти наградное оружие из России. Последним документом в этой невеселой истории об очередном правовом беспределе в отношении одного конкретного гражданина страны стала расписка:

«Я, сотрудник полиции Республики Армения майор А.Г. Петросян, получил от представителя Михайлова С.А. (по доверенности)

наградной пистолет “зауэр” и постановление премьер-министра Республики Армения».

Мне ни разу в жизни не приходилось возвращать подарков даже близким друзьям. О главах правительств иностранных государств я уж не говорю. А что при этом испытал Сергей, я, дабы не беречь душу, спросить постеснялся — оберегая чувства и эмоции друга.

Но однажды я все-таки спросил Сергея напрямик:

— Мешает тебе жить вся эта возня вокруг тебя?

— Жить — не мешает. Я многого добился, и жизнь у меня полноценная. А то, что ты назвал возней вокруг моего имени, всего лишь раздражает. Не могу сказать, что я ночами из-за этого не сплю, вовсе нет. Думаю часто, не скрою. И мне неприятно, что я, человек, чистый перед законом, постоянно сталкиваюсь с какими-то бюрократическими препонами, причем, что самое обидное, глупыми и вымышленными. Но я продолжаю бороться и отстаивать свое честное имя. Мне иногда говорят: «Плюнь ты на все, далась тебе эта Европа, на свете есть немало мест, где можно хорошо отдохнуть увидеть много интересного». Но дело-то вовсе не в том, что мне действительно необходимо поехать в Европу. Нет! Я прежде всего хочу отстоять и защитить свое честное имя. Это для меня важнее всего.

Возразить против такого аргумента нечего. И я знаю, что Сергей не сложит рук. К борьбе ему не привыкать. Потому что он такой, Сергей Михайлов. Собственной персоной.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Замыслив книгу о Сергее Михайлове, мне очень хотелось в первую очередь рассказать о том, какой это необычный человек. Как жизнь и непростое наше время закаляли его характер, какие жизненные невзгоды пришлось ему преодолевать. А вместо этого я сбился на описание различных эпизодов, случаев, происшедших с моим героем, на рассказ о том, как он действовал и поступал в различных непростых ситуациях. Может быть, кому-то покажется это недостаточным, чтобы в полной мере оценить столь значимую личность, какой, безусловно, является Сергей Михайлов. Но, перечитывая уже готовую к изданию рукопись, я оставил все без изменения. В конце концов, это мое авторское право. Но не в этом даже дело. Не могу не признать, что, общаясь долгие годы с Сергеем Михайловым, я вольно или невольно попал в орбиту его харизмы. Часто слыша от Сергея, что судить о человеке надо по его поступкам, а не по словам, я и предпочел рассказать прежде всего о делах своего героя. А уж об остальном пусть судит читатель.

*Москва
2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ТАЙНЫ ЖЕНЕВСКОГО ПРОЦЕССА	5
Глава первая	
АРЕСТ	5
Глава вторая	
ШИТО БЕЛЫМИ НИТКАМИ	29
Глава третья	
«ВЫ НЕ УБИВАЛИ ЛИСТЬЕВА?»	87
Глава четвертая	
АДВОКАТЫ	114
Глава пятая	
ГДЕ ДЕНЬГИ, САНЬ?	138
Глава шестая	
СУД РАССУДИТ	187
Глава седьмая	
СЛЕПОЙ СНЕГ	213
Глава восьмая	
СКАЗКИ-РАССКАЗКИ	259
Глава девятая	
СУД	280
Глава десятая	
СВИДЕТЕЛИ	298

Глава одиннадцатая ДЕЛО ЗАКОНЧЕНО. МОЖНО РАСХОДИТЬСЯ	312
ПОСЛЕСЛОВИЕ	323
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
АВТОРИТЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	325
Глава первая «КАКОЙ Я ГЕНИАЛЬНЫЙ»	325
Глава вторая СНОВА — ДОМА.....	335
Глава третья ОДЕЯЛО ЛЖИ ИЗ ЛОСКУТОВ ПРАВДЫ	343
Глава четвертая ВЫБОР	358
Глава пятая УЧАСТИЕ	376
Глава шестая УЧАСТИЕ (продолжение).....	393
Глава седьмая ТОЛЬКО ВЕРИТЬ	402
Глава восьмая ИСПЫТАНИЕ ПОЛЮСОМ.....	410
Глава девятая ЧАСЫ С СЕКРЕТОМ	425
Глава десятая СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ.....	432
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	445

Литературно-художественное издание

Якубов Олег Александрович

МИХАЙЛОВ ИЛИ МИХАСЬ?

Корректор *С.В. Цыганова*

Верстка *И.В. Хренов*

Оформление и подготовка обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.07.2013. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 28. Тираж 5000 экз. Заказ .